

Курсом к победе

Почему я взялся за перо

Мне не пришлось менять профессии в поисках дела, которое оказывалось бы больше по душе. Вся моя жизнь связана с Советским Военно-Морским Флотом. Я сделал выбор однажды, в совсем юные годы, и никогда не жалел об этом.

Пятнадцати лет — в те годы еще продолжалась гражданская война — пошел на флот добровольцем. С тех пор минули десятилетия. Я был свидетелем того, как в двадцатых годах наш флот, потерявший в гражданскую войну большинство кораблей и многих опытных специалистов, переживал напряженный период становления. По существу, нам пришлось начинать с азов морской службы. На моих глазах советский флот рос, набирался сил, мужал. Росли и мужали наши замечательные флотские кадры — командиры, инженеры, матросы. Со многими я бок о бок прошел службу на боевых кораблях. Делил с ними все: и радость и невзгоды. Ведь служба на корабле — это нелегкий труд. За годы морской службы мне довелось встретить немало интереснейших людей. Одни занимали совсем скромные посты, другие командовали соединениями и флотами, а некоторые вершили государственные дела. Обо всех этих людях, обо всем, что пережито, хотелось бы рассказать.

Есть события, не стирающиеся в памяти. И сейчас, четверть века спустя, я отчетливо помню трагический вечер и ночь на 22 июня 1941 года. Уже за два дня перед тем наши морские силы были приведены в повышенную боевую готовность. Мы сделали это, не получив официального предупреждения о возможности войны и разрешения применять оружие. Указания последовали лишь около полуночи, когда до начала боев оставалось несколько часов. К счастью, флоты находились уже наготове,

и в ту роковую ночь мы не потеряли ни одного боевого корабля. [4]

Человек, посвятивший себя службе в Вооруженных Силах, естественно, думает о войне постоянно. В мирную пору, пока военная гроза далека и тучи международных осложнений не закрывают горизонта, эти думы носят довольно отвлеченный, я бы сказал, теоретический характер. Но они воплощаются в конкретных решениях и поступках, когда угроза войны становится реальной и близкой.

Многое зависит от места и положения, которое занимает человек. Когда я начинал службу краснофлотцем на Северо-Двинской флотилии, от меня, в сущности, требовалось только быть готовым выполнить приказ командира, не больше. Другими стали мои заботы, когда, окончив училище, сам стал командиром артиллерийского plutonga, затем — помощником командира корабля. Но мысли о будущей войне и в то время носили еще очень общий характер. После окончания Военно-морской академии начал командовать крупным кораблем. Тут уж было недостаточно держать свое оружие в порядке и уметь метко стрелять, если прикажут. Надо было разбираться в обстановке на всем морском театре и отчетливо представлять себе возможные боевые операции в масштабах целого флота.

Жизнь сложилась так, что круг моей ответственности и моих забот стал возрастать как раз в самые беспокойные, предвоенный годы. Я участвовал в гражданской войне в Испании — был там советским военно-морским атташе и главным морским советником. В пору хасанских боев командовал Тихоокеанским флотом. В 1939 году получил назначение на работу в Москву, и на меня легло руководство Наркоматом Военно-Морского Флота, А как известно, обстановка была такова, что уже тогда требовалось считаться с опасностью прямого военного нападения фашистской Германии на нашу страну.

Когда вспоминаешь то время, неизбежно возникают вопросы. Почему нападение гитлеровской Германии оказалось для нас внезапным, застигло наши Вооруженные Силы врасплох, хотя правительство уделяло огромное внимание обороноспособности страны, повышению ее могущества и укреплению границ? Почему И.В. Сталин вопреки многочисленным фактам до последнего часа не хотел верить в возможность скорой войны? Почему не обращалось должного внимания на то, что Гитлер сосредоточивает все новые дивизии на [5] наших границах? Почему не принимались решительные ответные меры?

На это не ответишь несколькими словами. Тут надо многое сопоставить, взвесить, на многое требуется взглянуть сквозь призму прошедших лет. Думается, эти вопросы интересны не одним историкам. Не берусь дать исчерпывающий анализ событий тех трудных и сложных лет. Хочу только поделиться некоторыми своими мыслями.

Опытom минувшего освещается настоящее и будущее. Великие научные открытия, сделанные за последние десятилетия, — атомная энергия, электроника, ракетная техника и многие другие, — которые могли бы принести огромную пользу человечеству, к сожалению, направляются для целей возможной будущей войны. Новая война, если ее развяжут, будет протекать совсем не так, как прошлые. Новое оружие — оружие массового уничтожения и моментального действия — определит и характер грядущих сражений. Они станут несравненно скоротечнее и сокрушительнее, охватят сразу большие пространства земного шара не только по фронту, но и в глубину. Военные теоретики, размышляя о будущей войне, придают огромное значение не только ее первым дням, но даже часам и минутам. Поэтому уроки неудачного для нас начального периода минувшей войны сегодня особенно важны.

Своим героизмом и самоотверженностью, ценой неимоверного

напряжения сил и величайших жертв советский народ под руководством Коммунистической партии добился победы в Великой Отечественной войне и тем самым спас человечество от угрозы фашистского порабощения.

В книге воспоминаний "Накануне" я рассказывал о довоенном периоде и довел повествование до 22 июня 1941 года. В последующей книге "На флотах боевая тревога" я начал рассказ о Великой Отечественной войне. Воспоминания о войне я разделил на две книги, произвольно оборвав рассказ на событиях начала 1943 года. Причина была простая: завершающая часть записок еще не была готова. Когда я стал просматривать законченную рукопись, то убедился: нельзя было разрывать повествование, так же как и не стоит заключительную часть воспоминаний печатать отдельной книгой... После некоторых раздумий я решил материал о событиях войны объединить в одну книгу и назвать ее так, как собирался озаглавить заключительную часть воспоминаний — "Курсом к победе". Думаю, что такое [6] заглавие будет вполне соответствовать содержанию. Ведь даже в самую тяжкую пору наши Вооруженные Силы твердо шли курсом к победе, ибо каждое сражение — оборонительное или наступательное — в конечном счете приближало разгром врага.

В таком виде я и представляю на читательский суд свою новую книгу. Сразу предупреждаю: и в ней найдет освещение далеко не все, что происходило на флотах в годы войны. Это просто не по плечу одному автору и тем более мемуаристу, который пишет, главным образом, о том, с чем он сам имел дело, что ему больше всего запомнилось. О подвигах советских военных моряков написано немало книг. И я стремился по возможности не повторять то, о чем уже рассказано другими.

Свою задачу я видел в том, чтобы осветить прежде всего самые важные,

с моей точки зрения, события на флотах, поделиться с читателем своими наблюдениями и размышлениями. И если они побудят читателя глубже осмыслить события тех лет, я буду считать, что труд мой не пропал даром.

Автор

1974 г.

Самые последние дни

На июнь было запланировано учение на Черном море. Но международная обстановка так накалилась, что у меня возникло сомнение: не лучше ли отказаться от учения? Поскольку проводить его предполагалось совместно с войсками Одесского военного округа, мы запросили мнение Генерального штаба. Оттуда не сообщили ничего, что дало бы основание изменить наш план. В целях предосторожности мы дали флоту указание держать оружие в полной готовности. Руководить учением выехал начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков. Перед отъездом мы с ним договорились, что я немедленно поставлю его в известность, если обстановка примет чрезвычайный характер. Он на месте должен был дать указание командующему применять в случае необходимости оружие.

Выехала на Черное море и группа работников Главного управления политпропаганды во главе с бригадным комиссаром И. И. Азаровым. Он получил инструкцию говорить политработникам прямо: на случай нападения Германии приводится в готовность оружие.

Впоследствии И. И. Азаров рассказывал мне, в каком сложном положении он оказался. Выступая перед личным составом крейсера "Красный Кавказ", он говорил о возможности конфликта с гитлеровской Германией и призывал людей быть бдительными. А через два дня на корабле приняли сообщение ТАСС от 14 июня, категорически отвергавшее слухи о

возможности войны, объявлявшее их провокационными. К Азарову обратился командир "Красного Кавказа" А. М. Гущин с просьбой снова выступить перед людьми и разъяснить, чему же верить.

Азаров решил от своей позиции не отступать. Он ответил командирам и матросам, что сообщение ТАСС носит дипломатический характер и направлено к тому, чтобы оттянуть столкновение, выиграть время для подготовки. А наше дело — военных людей — быть всегда начеку. Команда корабля отнеслась к его заявлению понимающе и сочувственно. Это сообщение ТАСС от 14 июня звучит особенно нелогично теперь, когда мы знаем, как отреагировал на него Гитлер. 17 июня, то есть буквально через три дня, он отдал приказ начать осуществление плана "Барбаросса" на рассвете 22 июня 1941 года. Просматривая сводки с флотов, можно убедиться в повышенной активности немцев на море именно с этого рокового числа — 17 июня. Все мосты были уже сожжены. Непринятие чрезвычайных мер (возможно, вплоть до полной мобилизации) в эти последние тревожные дни было уже недопустимо. Но случилось именно так.

Что ни день, приходили новости, вызывавшие все большую настороженность. Ход событий, как всегда перед развязкой, решительно ускорился. В Главном морском штабе мы вели график, по которому ясно было видно, что немецкие суда все реже заходят в наши порты. Кривая, круто падавшая к нулю, наводила на мысль о плане, составленном заранее и осуществляемом с типично немецкой пунктуальностью. Даже в Таллиннском порту, где еще совсем недавно было полно немецких "купцов", грузившихся очень нужным Германии сланцем, оставалось их всего два или три. Как нам стало известно, немецкий военно-морской атташе фон Баумбах обратился к своему начальству за разрешением выехать в командировку на родину. Все это нельзя было считать

случайным стечением обстоятельств.

Я пригласил к себе контр-адмирала В. А. Алафузова — он замещал уехавшего на Черное море адмирала И. С. Исакова. Не прервать ли учение в районе Одессы? Но одно соображение удержало нас: флот, находящийся в море в полной фактической готовности, не будет застигнут событиями врасплох. Это было 16 или 17 июня. Уже ползли слухи о том, якобы Черчилль и Рузвельт прислали Сталину телеграммы, предупреждая его о готовящемся нападении немцев.

Я видел И. В. Сталина 13 или 14 июня, это была наша последняя встреча перед войной. Доложил ему свежие разведывательные данные, полученные с флотов, сказал о большом учении на Черном море, о том, что немцы фактически прекратили поставки для крейсера "Лютцов". Никаких вопросов о готовности флотов с его стороны не последовало. Очень хотелось доложить еще о том, что немецкие транспорты покидают наши порты, выяснить, не следует ли ограничить движение советских торговых судов в водах Германии, но мне показалось, что мое дальнейшее присутствие явно нежелательно.

Для меня бесспорно одно: И. В. Сталин не только не исключал возможности войны с гитлеровской Германией, напротив, он такую войну считал весьма вероятной и даже, рано или поздно, неизбежной. Договор 1939 года он рассматривал лишь как отсрочку, но отсрочка оказалась значительно короче, чем он ожидал.

У него, конечно, было вполне достаточно оснований считать, что Англия и Америка стремятся столкнуть нас с Германией лбами. Такая политика западных держав не являлась секретом, и на этой почве у Сталина росло недоверие и неприязнь к ним. Все сведения о действиях Гитлера, исходившие от англичан и американцев, он брал под сомнение или даже просто отбрасывал. Так относился он не только к сообщениям из

случайных источников, но и к донесениям наших официальных представителей, находившихся в этих странах, к заявлениям государственных деятелей Англии и Америки.

"Если англичане заинтересованы в том, чтобы мы воевали с Германией, значит, все, что говорится о возможности близкой войны, сфабриковано ими", — таким приблизительно представляется мне ход рассуждений И.В.Сталина.

Он, конечно, понимал, что отрезвить агрессора можно только готовностью дать ему достойный ответ — ударом на удар. Агрессор поднимает кулак, значит, надо показать ему такой же кулак.

Кулаком Гитлера были дивизии, сосредоточенные на нашей границе. Значит, нашим кулаком могли стать советские дивизии. Но совершенно недостаточно только иметь дивизии, танки, самолеты, корабли. Необходима их высокая боевая готовность, полная готовность всего военного организма, всего народа, всей страны.

Убедившись в том, что его расчеты на более позднюю войну оказались ошибочными, что наши Вооруженные Силы и страна в целом к войне в ближайшие месяцы подготовлены недостаточно, И. В. Сталин старался сделать все возможное, что, по его мнению, могло оттянуть конфликт, и вести дело так, чтобы не дать Гитлеру никакого повода к нападению, чтобы не спровоцировать войну.

В те напряженные дни ко мне зашел заместитель начальника Генерального штаба Н. Ф. Ватутин. Он сказал, что внимательно читает наши оперативные сводки и докладывает их своему начальству. Ватутин обещал немедленно известить нас, если положение станет критическим.

Мы решили, однако, больше не ждать указаний, начали действовать сами. Балтийский флот 19 июня был переведен на оперативную готовность № 2. Это в какой-то мере оберегало его от всяких

неожиданностей. На Северном флоте было спокойнее, чем на Балтике, но и его мы перевели на ту же готовность.

18 июня из района учений в Севастополь вернулся Черноморский флот и получил приказ остаться в готовности № 2. Большая часть матросов и командиров кораблей так и не сошла на берег. Многие из них потом еще долгие месяцы не видели своих близких.

За последний предвоенный год мы не раз в учебных целях переводили отдельные соединения или целые флоты на повышенную готовность. Теперь повышение готовности носило иной характер — оно было вызвано фактической обстановкой, и люди на флотах это поняли.

Ночь на 22 июня

Субботний день 21 июня прошел почти так же, как и предыдущие, полный тревожных сигналов с флотов. Перед выходным мы обычно прекращали работу раньше, но в тот вечер на душе было беспокойно, и я позвонил домой:

— Меня не ждите, задержусь.

Вера Николаевна, моя жена, не удивилась: я часто задерживался на работе. Она спросила только, останусь ли я ночевать в своем кабинете. Я поспешил ответить:

— Потом расскажу.

Не хотелось говорить на эту тему по телефону. В Москве был жаркий и душный вечер. На небе собирались темные тучи, деревья на улице стояли, не шелохнув листком, в комнате, несмотря на открытые окна, не чувствовалось ни малейшего движения воздуха. [11]

Затишье царило и в столичных учреждениях. В обычные дни после 18 часов наступала обеденная пора: руководители разъезжались по домам — часа на три, чтобы потом сидеть на работе до глубокой ночи. Но в

субботу многие уезжали за город. Деловая страда спадала.

В тот вечер было как-то особенно тихо. Телефон совсем не звонил, будто его выключили. Даже такие "беспокойные" наркомы, как В. А. Малышев и И.И.Носенко, с которыми я был особенно тесно связан, не напоминали о себе вопросом, ставшим уже привычным в последнее время: "Как дела?"

Я сидел в своем кабинете, куда с улицы доносился привычный городской шум — гул машин, иногда громкий и беспечный молодой смех.

Рассеянно перебирал бумаги. Мысли не могли сосредоточиться на них. Совсем незадолго перед тем мне попался на глаза обзор иностранной печати и сводки ТАСС. Самые разные газеты писали о близкой войне между русскими и немцами. Не могли же все они сговориться!

Вспомнилось, как начинались войны в прошлом, особенно русско-японская в 1904 году. О ней нам часто напоминали в училище и Военно-морской академии,— может быть, потому, что ее первый акт разыгрался на море. Началась она неожиданным торпедным ударом, который японские миноносцы нанесли по русской эскадре, стоявшей на внешнем рейде Порт-Артура.

Преподаватель тактики в военно-морском училище Галль, человек веселый и остроумный, умел как-то очень просто, порой в шутливой форме, раскрыть довольно сложные понятия. Рассказ о своем предмете он начинал примерно так:

— Вот у вас есть знакомые девушки — Таня, Оля и Маня. Вам представился случай пойти в театр, а времени уже мало. Вы быстро решаете — кого пригласить? "Зайду к Тане, — рассуждаете вы,— если ее нет дома, то дальше, по пути, — к Оле, ну а в крайнем случае — к Мане, которая живет около театра". Вот это и есть тактика.

Мы смеялись. Пример был, конечно, упрощенным, но наглядным и доходчивым. Через минуту Галль уже серьезно и глубоко анализировал

известные из истории военные операции на море. Говоря о Порт-Артуре, подчеркивал: не следует удивляться тому, что враг напал без объявления войны,— на то он и враг.

Наивно было бы сетовать на его вероломство. Удивляться надо, скорее, нашему командованию, беспечно подставившему флот под удар.

Воспоминания юности потянули за собой пережитое в Картахене, где, случалось, бомбы начинали рваться раньше, чем раздавался сигнал воздушной тревоги.

Вспоминалось напряжение, владевшее нами в дни хасанских событий, когда мы ждали удара японской авиации по Владивостоку...

Мои размышления прервал заместитель начальника Главного морского штаба В. А. Алафузов. Как всегда, он пришел с вечерним докладом. Обстановка как будто не изменилась: по-прежнему была очень беспокойной на Балтике, на Черном море — спокойнее; на Севере не происходило ничего особенного...

Снова оставшись один, я позвонил Наркому обороны, — Нарком выехал, — сказали мне.

Начальника Генерального штаба тоже не оказалось на месте. Решил связаться с флотами. Поговорил сначала с командующим Балтийским флотом В. Ф. Трибуцем, затем с начальником штаба Черноморского флота И. Д. Елисеевым, с командующим на Севере А. Г. Головкин. Все были на местах, все как будто в порядке. Командные пункты развернуты, флоты уже в течение двух дней поддерживают оперативную готовность № 2. На берег отпущено лишь ограниченное число краснофлотцев и командиров. В Севастополе, в Доме флота, идет концерт, но в штабах и на командных пунктах работа не ослабевает. Бдительно следят за обстановкой, докладывают обо всем замеченном наблюдатели. Так, дежурный по штабу Черноморского флота подметил, что немецкие транспорты,

которые обычно в эти часы находились в море, вдруг исчезли, укрылись в болгарских и румынских портах.

С некоторым облегчением я подумал: раз командующие на местах, они сумеют, если понадобится, быстро сориентироваться. Но почему нет никакой информации сверху? Нарком обороны и Генеральный штаб из наших оперсводок знают, что флоты приведены в повышенную готовность. Генеральный штаб по своей линии таких мер не принимает, и нам не говорят ни слова.

В 20.00 пришел М. А. Воронцов, только что прибывший из Берлина. [13]

В тот вечер Михаил Александрович минут пятьдесят рассказывал мне о том, что делается в Германии. Повторил: нападения надо ждать с часу на час.

— Так что же все это означает? — спросил я его в упор.

— Это война! — ответил он без колебаний. Едва ушел Воронцов, явился адмирал Л. М. Галлер. Он тоже не уехал домой.

Уже около года Л. М. Галлер занимался судостроением. Он завел разговор о каком-то документе, касавшемся приема кораблей. Дело было неспешное и не бог весть какое крупное. Я понимал, что Льва Михайловича привело не это. Заговорил о напряженной обстановке, о готовности флотов.

— "Октябрьская революция" все еще в Таллинне и на открытом рейде, — осторожно напомнил он. За этим стоял невысказанный вопрос: все ли сделано, чтобы обеспечить безопасность линкора?

Мы поговорили о положении на Балтике, особенно в Либаве — она беспокоила меня более других баз.

Около десяти вечера Лев Михайлович ушел из моего кабинета. Еще не стемнело, как вдруг поднялся ветер, закрутил воронками пыль на улице, стал трепать гардины на открытых окнах. Разразилась гроза, хлынул

короткий, но сильный дождь, разгоняя веселую толпу гуляющих.

Я успел выслушать еще один, внеочередной доклад В. А. Алафузова. С флотов поступали все новые донесения о неизвестных кораблях, появляющихся вблизи наших берегов, о нарушениях воздушного пространства.

Около 11 часов вечера зазвонил телефон. Я услышал голос маршала С. К. Тимошенко:

— Есть очень важные сведения. Зайдите ко мне. Быстро сложил в папку последние данные о положении на флотах и, позвав Алафузова, пошел вместе с ним. Владимир Антонович захватил с собой карты. Мы рассчитывали доложить обстановку на морях. Я видел, что Алафузов оглядывает свой белый китель, должно быть, считал неудобным в таком виде идти к Наркому обороны.

— Надо бы надеть поновее,— пошутил он. Но времени на переодевание не оставалось.

Наши наркоматы были расположены по соседству. Мы вышли на улицу. Дождь кончился, по тротуару [14] снова прогуливались парочки, где-то совсем близко танцевали, и звуки патефона вырывались из открытого окна. Через несколько минут мы уже поднимались на второй этаж небольшого особняка, где временно находился кабинет С. К. Тимошенко. Маршал, шагая по комнате, диктовал. Было все еще жарко.

Генерал армии Г. К. Жуков сидел за столом и что-то писал. Перед ним лежало несколько заполненных листов большого блокнота для радиোগрамм. Видно, Нарком обороны и начальник Генерального штаба работали довольно долго.

Семен Константинович заметил нас, остановился. Коротко, не называя источников, сказал, что считается возможным нападение Германии на нашу страну.

Жуков встал и показал нам телеграмму, которую он заготовил для пограничных округов. Помнится, она была пространной — на трех листах. В ней подробно излагалось, что следует предпринять войскам в случае нападения гитлеровской Германии.

Непосредственно флотов эта телеграмма не касалась. Пробежав текст телеграммы, я спросил:

— Разрешено ли в случае нападения применять оружие?

— Разрешено.

Поворачиваюсь к контр-адмиралу Алафузову:

— Бегите! Бегите в штаб и дайте немедленно указание флотам о полной фактической готовности, то есть о готовности номер один.

Тут уж некогда было рассуждать, удобно ли адмиралу бегать по улице. Владимир Антонович побежал, сам я задержался еще на минуту, уточнил, правильно ли понял, что нападения можно ждать в эту ночь. Да, правильно, в ночь на 22 июня. А она уже наступила!..

Позднее я узнал, что Нарком обороны и начальник Генштаба были вызваны 21 июня около 17 часов к И. В. Сталину. Следовательно, уже в то время под тяжестью неопровержимых доказательств было принято решение: привести войска в полную боевую готовность и в случае нападения отражать его. Значит, все это произошло примерно за одиннадцать часов до фактического вторжения врага на нашу землю.

Не так давно мне довелось слышать от генерала армии И. В. Тюленева — в то время он командовал Московским военным округом,— что 21 июня около 2 [15] часов дня ему позвонил И. В. Сталин и потребовал повысить боевую готовность ПВО.

Это еще раз подтверждает: во второй половине дня 21 июня И. В. Сталин признал столкновение с Германией если не неизбежным, то весьма и весьма вероятным. Это подтверждает и то, что в тот вечер к И. В.

Сталину были вызваны московские руководители А. С. Щербаков и В. П. Пронин. По словам Василия Прохоровича Пронина, Сталин приказал в эту субботу задержать секретарей райкомов на своих местах и запретить им выезжать за город. "Возможно нападение немцев",— предупредил он. Очень жаль, что оставшиеся часы не были использованы с максимальной эффективностью...

В наркомате мне доложили: экстренный приказ уже передан. Он совсем короткий — сигнал, по которому на местах знают, что делать. Все же для прохождения телеграммы нужно какое-то время, а оно дорого. Берусь за телефонную трубку. Первый звонок на Балтику — В. Ф. Трибуцу:

— Не дожидаясь получения телеграммы, которая вам уже послана, переводите флот на оперативную готовность номер один — боевую. Повторяю еще раз — боевую.

Он, видно, ждал моего звонка. Только задал вопрос:

— Разрешается ли открывать огонь в случае явного нападения на корабли или базы?

Сколько раз моряков одергивали за "излишнюю ретивость", и вот оно: можно ли стрелять по врагу? Можно и нужно!

Командующего Северным флотом А. Г. Головки тоже застаю на месте. Его ближайший сосед — Финляндия. Что она будет делать, если Германия нападет на нас? Есть немало оснований считать, что присоединится к фашистам. Но сказать что-либо наверняка было еще нельзя.

— Как вести себя с финнами? — спрашивает Арсений Григорьевич.— От них летают немецкие самолеты к Полярному.

— По нарушителям нашего воздушного пространства открывайте огонь.

— Разрешите отдать приказание?

— Добро.

В Севастополе на проводе начальник штаба И. Д. Елисеев. [16]

— Вы еще не получили телеграммы о приведении флота в боевую готовность?

— Нет,— отвечает Иван Дмитриевич.

Повторяю ему то, что приказал Трибуцу и Головко:

— Действуйте без промедления! Доложите командующему.

Ни он, ни я еще не знали в ту минуту, что от первого столкновения с врагом Севастополь отделяло менее трех часов.

После разговора с флотами сложилась уверенность, что машина завертелась. Снова заглянул Л. М. Галлер. "Что нового?" — читаю на его лице. Рассказываю об указаниях, полученных от Наркома обороны. Меня больше всего тревожило положение на Балтике, а Лев Михайлович — старый балтиец. Обсуждаем с ним, в каком состоянии там наши силы, смотрим карту...

В те минуты, как теперь известно, на вражеских аэродромах возле границы уже подвешивали бомбы к самолетам, пришли в движение фашистские танки и корабли, чтобы нанести первый удар. А мы еще думали: "Неужели война?" Где-то внутри продолжала теплиться слабая надежда: может быть, обойдется? Не обошлось. Очень скоро нам предстояло в том убедиться. Но пока для меня наступило время томительного ожидания. На флотах знали, что следует предпринять. Меры на чрезвычайный случай были точно определены и отработаны.

Я мысленно представлял себе, как приказ о фактической готовности № 1 уже передан на флоты и флотилии, дальше — в базы, соединения, и сейчас люди трудятся молчаливо и напряженно, отдавая себе отчет в цене каждой минуты. Я удерживал себя от того, чтобы снова снять трубку. Пожалуй, генерал Мольтке был прав, говоря, что, отдав приказ о мобилизации, можно идти спать. Теперь машина работала уже сама. Лишние приказы могут только помешать.

Как развивались события в ту ночь на флотах, я узнал позднее. Мой телефонный разговор с В. Ф. Трибуцем закончился в 23 часа 35 минут. В журнале боевых действий Балтийского флота записано: "23 часа 37 минут. Объявлена оперативная готовность № 1".

Люди были на месте: флот находился в повышенной готовности с 19 июня.. Понадобилось лишь две минуты, чтобы началась фактическая подготовка к отражению удара врага.

Северный флот принял телеграмму-приказ в 0 часов 56 минут 22 июня. Через несколько часов мы получили донесение командующего А. Г. Головки: "Северный флот 04 часа 25 минут перешел на оперативную готовность № 1".

Значит, за это время приказ не только дошел до баз, аэродромов, кораблей и береговых батарей — они уже успели подготовиться к отражению удара.

Хорошо, что еще рано вечером — около 18 часов — я заставил командующих принять дополнительные меры. Они связались с подчиненными, предупредили, что надо быть начеку. В Таллинне, Либаве и на полуострове Ханко, в Севастополе и Одессе, Измаиле и Пинске, в Полярном и на полуострове Рыбачий командиры баз, гарнизонов, кораблей и частей в тот субботний вечер забыли об отдыхе в кругу семьи, об охоте и рыбной ловле. Все были в, своих гарнизонах и командах. Потому и смогли приступить к действию немедленно.

Прошло лишь двадцать минут после моего разговора с вице-адмиралом Трибуцем — телеграмма еще не дошла до Таллинна,— а оперативная готовность № 1 была объявлена уже на Ханко, в Прибалтийской базе и в других местах. Об этом опять же свидетельствуют записи в журналах боевых действий: "Частям сектора береговой обороны Либавской и Виндавской военно-морских баз объявлена готовность № 1".

В 02 часа 40 минут все корабли и части флота уже были фактически в полной боевой готовности. Никто не оказался застигнутым врасплох.

Позади были недели и месяцы напряженной, кропотливой, иногда надоедливой работы, тренировок, подсчетов и проверок. Позади были бессонные ночи, неприятные разговоры, быть может, взыскания, наложенные за медлительность, когда людей поднимали по тревоге. Много было позади, но все труды, потраченное время и нервы — все было оправдано сторицей в минуты, когда флоты уверенно, слаженно и без проволочек изготовились к встрече врага.

Первым принял удар на себя Севастополь. Пускай другие вступили в бой лишь на час-другой позднее, но они уже знали: враг напал на нашу Родину, война началась! Севастополь встретил нападение подготовленным. Командованию флота пришлось самому принять решение об открытии огня. Стоит еще раз напомнить о том, что лишь за неделю до этого всех нас заверяли: война не предвидится, разговоры о ней — провокация, чтобы понять, как драматична была обстановка в ту ночь и какое внутреннее торможение, колебание, неуверенность должны были преодолеть в себе люди, прежде чем твердо и мужественно отдать такой приказ.

Впоследствии мне рассказывали, что в ту субботу, как и в предыдущие дни, корабли стояли в Севастопольской бухте рассредоточено, с оружием, готовым к действию. Они были затемнены, и с берега нельзя было различить их силуэты на черной воде. Но город вечером 21 июня еще сверкал огнями. Бульвары и сады переполнила праздничная нарядная публика. "Казалось, ничто не предвещало трагических событий" — так написал об этом вечере Н. Т. Рыбалко, бывший в те часы оперативным дежурным по штабу Черноморского флота.

Около 23 часов в комнату оперативного дежурного заглянул начальник

штаба флота контр-адмирал И. Д. Елисеев.

— На несколько минут отлучусь домой, — сказал он.

Н. Т. Рыбалко вновь увидел контр-адмирала меньше чем через два часа, когда тот быстро вошел в комнату дежурного, держа в руках телеграмму.

"Я ее помню дословно, — пишет Н. Т. Рыбалко, — только не ручаюсь за то, в каком порядке были перечислены флоты". Вот эта телеграмма: "СФ, КБФ, ЧФ, ПВФ, ДВФ. Оперативная готовность № 1 немедленно. Кузнецов".

Сразу же главной базе был дан сигнал "Большой сбор". И город огласился ревом сирен, сигнальными выстрелами батарей. Заговорили рупоры городской радиотрансляционной сети, передавая сигналы тревоги. На улицах появились моряки, они бежали к своим кораблям.

А вот что пишет в своих воспоминаниях адмирал И. Д. Елисеев: "Учитывая тревожную обстановку, мы договорились, чтобы в штабе флота ночью обязательно присутствовал кто-нибудь из старших начальников, облеченный правом в случае необходимости принимать ответственные решения.

В ночь на 22 июня на такое дежурство заступил я, начальник штаба. Такова уж традиция на флоте: самым ответственным считается дежурство с субботы на воскресенье.

В 01.03 поступила телеграмма из Москвы. Через две минуты она уже лежала у меня на столе. Вскоре телеграмма была вручена прибывшему командующему флотом. Это был приказ Наркома ВМФ о переводе флота на оперативную готовность № 1. Немедленно привели в действие заранее отработанную систему оповещения. Предусматривалось два способа вызова личного состава: через оповестителей (скрытно) и по тревоге. Сначала я приказал использовать первый способ. Но в штаб стали поступать сообщения, что переход на повышенную готовность

осуществляется недостаточно быстро. Тогда я приказал сыграть базовую тревогу.

Оперативная готовность № 1 была объявлена по флоту в 01.15 22 июня 1941 года.

Постепенно начали гаснуть огни на бульварах и в окнах домов. Городские власти и некоторые командиры звонили в штаб, с недоумением спрашивали:

— Зачем потребовалось так спешно затемнять город? Ведь флот только что вернулся с учения. Дали бы людям немного отдохнуть.

— Надо затемниться немедленно,— отвечали из штаба.

Последовало распоряжение выключить рубильники электростанции. Город мгновенно погрузился в такую густую тьму, какая бывает только на юге. Лишь один маяк продолжал бросать на море снопы света, в наступившей мгле особенно яркие. Связь с маяком оказалась нарушенной, может быть, это сделал диверсант. Посыльный на мотоцикле помчался к маяку через темный город.

В штабе флота вскрывали пакеты, лежавшие неприкосновенными до этого рокового часа. На аэродромах раздавались пулеметные очереди — истребители опробовали боевые патроны. Зенитчики снимали предохранительные чеки со своих пушек. В темноте двигались по бухте катера и баржи. Корабли принимали снаряды, торпеды и все необходимое для боя. На береговых батареях поднимали свои тяжелые тела огромные орудия, готовясь прикрыть огнем развертывание флота.

В штабе торопливо записывали донесения о переходе на боевую готовность с Дунайской военной флотилии, с военно-морских баз и соединений кораблей.

"Примерно к 02 часам 00 минутам 22 июня весь флот находился в готовности",— записано у Н. Т. Рыбалко.

Около 3 часов дежурному сообщили, что посты СНИС и ВНОС слышат шум авиационных моторов. Рыбалко докладывает об этом И. Д. Елисееву.

— Открывать ли огонь по неизвестным самолетам? — звонит начальник ПВО полковник Жилин.

— Доложите командующему,— отвечает начальник штаба.

Рыбалко докладывает комфлоту. И тут у них происходит разговор, который воспроизвожу по записи дежурного.

Ф. С. Октябрьский. Есть ли наши самолеты в воздухе?

Н. Т. Рыбалко. Наших самолетов нет.

Ф. С. Октябрьский. Имейте в виду, если в воздухе есть хоть один наш самолет, вы завтра будете расстреляны.

Н. Т. Рыбалко. Товарищ командующий, как быть с открытием огня?

Ф. С. Октябрьский. Действуйте по инструкции.

Я дословно привожу записи Н. Т. Рыбалко не для того только, чтобы дать характеристику людям. Хочется пояснить, как было трудно принимать первые решения, означавшие переход от мирного времени к войне. Ведь дело касалось Севастополя — главной военно-морской базы Черноморского флота. Отдать здесь приказ об открытии огня всей системой ПВО по неизвестным еще в те минуты самолетам далеко не равнозначно открытию огня на какой-либо пограничной заставе, привыкшей ко всяким инцидентам. На командовании лежала большая ответственность: с одной стороны, не пропустить безнаказанно врага, а с другой — не вызвать нежелательного осложнения. Несколько позже, когда все флоты получили прямое разъяснение, что война началась, сомнения и колебания отпали.

Естественно, такой ответ не мог удовлетворить дежурного Н. Т. Рыбалко, и он обратился к стоявшему рядом с ним начальнику штаба флота И. Д. Елисееву:

— Что ответить полковнику Жилину?

— Передайте приказание открыть огонь,— решительно сказал И. Д. Елисеев.

— Открыть огонь! — скомандовал Н. Т. Рыбалко начальнику ПВО. Но и полковник Жилин хорошо понимал весь риск, связанный с этим.

— Имейте в виду, вы несете полную ответственность за это приказание. Я записываю его в журнал боевых [21] действий, — ответил он, вместо того чтобы произнести короткое флотское "Есть!".

— Записывайте куда хотите, но открывайте огонь по самолетам! — уже почти кричит, начиная нервничать, Рыбалко.

3 часа 07 минут. Немецкие самолеты подходили к Севастополю крадучись, на небольшой высоте. Вдруг сразу вспыхнули прожектора, яркие лучи стали шарить по небу. Заговорили зенитные орудия береговых батарей и кораблей. Несколько самолетов загорелись и начали падать. Другие торопились сбросить свой груз. У них была задача заблокировать корабли в бухтах Севастополя, не дать им возможности выйти в море. Противнику это не удалось. Мины упали не на фарватер, а на берег. Часть попала в город и взорвалась там, разрушая дома, вызывая пожары и убивая людей.

Мины спускались на парашютах, и многие жители думали, что это выбрасывается воздушный десант. В темноте принять мины за солдат было немудрено. Невооруженные севастопольцы, женщины и даже дети бросились к месту приземления, чтобы схватить фашистов. Но мины взрывались, и число жертв росло. Однако налет был отбит, и рассвет 22 июня Севастополь встретил во всеоружии, ошетинившись орудиями, которые смотрели в небо и в море.

В Москве рассвет наступил несколько раньше. В 3 часа было уже все видно. Я прилег на диван, пытаясь представить себе, что происходит на

флотах. Глуховатый звонок телефона поднял меня на ноги.

— Докладывает командующий Черноморским флотом.

По необычайно взволнованному голосу вице-адмирала Ф. С. Октябрьского уже понимаю — случилось что-то из ряда вон выходящее.

— На Севастополь совершен воздушный налет. Зенитная артиллерия отражает нападение самолетов. Несколько бомб упало на город...

Смотрю на часы. 3 часа 15 минут. Вот когда началось... У меня уже нет сомнений — война!

Сразу снимаю трубку, набираю номер кабинета И. В. Сталина. Отвечает дежурный:

— Товарища Сталина нет, и где он, мне неизвестно.

— У меня сообщение исключительной важности, которое я обязан немедленно передать лично товарищу Сталину, — пытаюсь убедить дежурного.

— Не могу ничем помочь,— спокойно отвечает он и вешает трубку.

А я не выпускаю трубку из рук. Звоню маршалу С. К. Тимошенко. Повторяю слово в слово то, что доложил вице-адмирал Октябрьский.

— Вы меня слышите?

— Да, слышу.

В голосе Семена Константиновича не звучит и тени сомнения, он не переспрашивает меня. Возможно, не я первый сообщил ему эту новость. Он мог получить подобные сведения и от командования округов.

Говорить Наркому обороны о положении на флотах, об их готовности сейчас не время. У него хватает своих дел.

Еще несколько минут не отхожу от телефона, снова по разным номерам звоню И. В. Сталину, пытаюсь добиться личного разговора с ним. Ничего не выходит. Опять звоню дежурному:

— Прошу передать товарищу Сталину, что немецкие самолеты бомбят

Севастополь. Это же война!

— Доложу кому следует,— отвечает дежурный.

Через несколько минут слышу звонок. В трубке звучит недовольный, какой-то раздраженный голос:

— Вы понимаете, что докладываете? — Это Г. М. Маленков.

— Понимаю и докладываю со всей ответственностью: началась война.

Казалось, что тут тратить время на разговоры! Надо действовать немедленно: война уже началась!

Г. М. Маленков вешает трубку. Он, видимо, не поверил мне.

Кто-то из Кремля звонил в Севастополь, перепроверял мое сообщение.

Разговор с Маленковым показал, что надежда избежать войны жила еще и тогда, когда нападение уже совершилось и на огромных пространствах нашей Родины лилась кровь. Видимо, и указания, данные Наркому обороны, передавались поэтому на места без особой спешки, и округа не успели их получить до нападения гитлеровцев.

После звонка Маленкова я все-таки надеялся, что вот-вот последуют указания правительства о первых действиях в условиях начавшейся войны. Никаких указаний не поступало.

Я на свою ответственность приказал передать флотам официальное извещение о начале войны и об [23] отражении ударов противника всеми средствами, на основании этого Военный совет Балтийского флота, например, уже в 5 часов 17 минут 22 июня объявил по флоту:

"Германия начала нападение на наши базы и порты. Силой оружия отражать всякую попытку нападения противника".

В тот момент, конечно, следовало уже не только "отражать попытки нападения", а наносить ответные удары по врагу. Но флот не мог этого делать один, нужны были согласованные планы, единое руководство в масштабе всех Вооруженных Сил.

Главный морской штаб передал еще один приказ флотам: "Немедленно начать постановку минных заграждений по плану прикрытия". Помнится, балтийцы просили это еще раньше, когда перешли на готовность № 2, то есть 19 июня. Но я не мог такого позволить — это выходило за рамки моих прав. Поэтому на Балтике этот приказ получили в 6 часов 30 минут 22 июня. Балтийский морской театр беспокоил нас больше других, и мы хотели наверстать упущенное время. Затем было дано дополнительное приказание: "Ставить мины круглосуточно, использовать все что можно: эсминцы и другие корабли". Помнится, Л. М. Галлер лично звонил в Таллинн и просил ускорить эту операцию: ведь нужно было выставить несколько тысяч мин. Командующий эскадрой контр-адмирал Д. Д. Вдовиченко вышел с отрядом прикрывать операцию. С каким риском, выдержкой и сознанием своего долга выполнялась эта опасная операция, писал мне потом командир минзага "Ока" Н. И. Мещерский.

Страна вступает в бой

Первые часы войны, несмотря на моральную подготовку к ней, вызвали известное замешательство. Нужно было сделать резкий поворот во всей работе, решительно перестроиться на новый военный лад. В эти часы в московском кабинете, вдали от флотов, еще не чувствовалось дыхания войны, хотя было уже известно, что на переднем рубеже полыхает пламя ожесточенного столкновения. Все нужные первые приказания отданы. Донесения с флотов поступают в Главный морской штаб и наносятся там на карту, анализируются. Хотелось что-то предпринимать, но ясности — что же именно следует делать немедленно, какие отдать приказания — пока не было.

Бумаги, горой лежавшие на столе со вчерашнего, мирного дня, потеряли свое значение. Они относились к боевой подготовке и строительству

флота. Большинство вопросов теперь будет решаться по-иному, в соответствии с требованиями начавшейся войны.

Я решил спокойно посидеть, собраться с мыслями. Вспомнилось, как старый марсофлот Э. С. Панцержанский говорил мне, когда я был еще командиром крейсера: "Когда обстановка на корабле становится сомнительной и вы не уверены в своих действиях, поставьте машины на "стоп", осмотритесь, прикажите штурману проверить свое место и, уточнив обстановку, двигайтесь дальше". Хороший совет! Но он пригоден лишь для мирного времени: попал в туман, не уверен в своем месте — остановись и проверь, чтобы не выскочить на мель. В военное время подчас нет времени осмотреться. Замешкаешься — и события неумолимо захлестнут тебя. Теперь надо на все реагировать быстро и точно. За промедление, как и за ошибки, ныне придется расплачиваться кровью. От военачальников всех степеней потребуется и хладнокровие, и мгновенный расчет. Командир корабля уже не может воспользоваться разумным для мирного времени советом и отдать якорь, чтобы разобраться в обстановке. Новая техника неизмеримо ускорила темпы войны. Мастерство, собранность и четкость приобрели особое значение. Таково веление времени.

Рука невольно тянется к телефону. Связываюсь с флотами, с управлениями наркомата. Короткие разговоры сводятся к одному: больше оперативности, следить за каждым шагом противника, действовать решительно, не дожидаясь указки сверху. Утром контр-адмирал В. А. Алафузов сделал мне обстоятельный доклад о положении на флотах, всех распоряжениях, отданных им от имени наркома, и своих предположениях на будущее. Больше всего нас тревожили две опасности: высадка десанта и мощные налеты с воздуха на военно-морские базы.

Наркомат работал напряженно. Связь с флотами действовала бесперебойно. От Либавы до Кронштадта шла война на воде, под водой и в воздухе. С кем бы ни [25] приходилось говорить, первые дни войны все вспоминали с удивительными подробностями по часам и даже минутам. Да, такое не забывается!

Нетрудно представить себе состояние И. В. Сталина перед лицом грозных событий, которые, по его расчетам, должны были произойти гораздо позже, возможность которых теперь, в 1941 году, он упорно отрицал вплоть до самых последних дней.

Его состояние передалось тем, кто его окружал, и они не смогли взять в свои руки рычаги управления. Эти люди не умели самостоятельно действовать, а умели лишь выполнять волю Сталина, стоявшего над ними. Такова трагедия тех часов.

Около 10 часов утра 22 июня я поехал в Кремль. Решил лично доложить обстановку. Москва безмятежно отдыхала. Как всегда в выходные дни, в центре было малоллюдно, редкие прохожие выглядели празднично. Лишь одиночные машины, пронесившиеся на повышенной скорости, пугали пешеходов тревожными гудками.

Столица еще не знала, что на границах уже полыхает пожар войны и передовые части ведут тяжкие бои, пытаясь задержать врага.

В Кремле все выглядело как в обычный выходной день. Часовой у Боровицких ворот, подтянутый и щеголеватый, взял под козырек и, как всегда, заглянул в машину. Немного сбавив скорость, мы въехали в Кремль. Я внимательно смотрел по сторонам — ничто не говорило о тревоге. Встречная машина, поравнявшись с нашей, как было принято, остановилась, уступая дорогу. Кругом было тихо и пустынно.

"Наверное, руководство собралось где-то в другом месте,— решил я.— Но почему до сих пор официально не объявлено о войне?"

Не застав никого в Кремле, вернулся в наркомат.

— Кто-нибудь звонил? — был мой первый вопрос.

— Нет, никто не звонил.

22 июня в 12 часов дня Советское правительство обратилось к народу с заявлением о вероломном нападении фашистской Германии. О начавшейся войне узнала вся страна.

Партия призывала советских людей встать на защиту Родины. Слова заявления звучали сурово и в то же время оптимистически. Наше дело правое, мы победим!

Огромная страна поднималась на бой. Тяжелый и кровавый. [26]

Не помню, по своей инициативе или по поручению Сталина вечером связался с В. М. Молотовым. Он курировал наш наркомат, решая текущие вопросы. Разговор касался обстановки на флотах. Я в тот час не имел оснований особенно тревожиться. В Севастополе после ночного налета было спокойно. На Балтике жестоким атакам уже подверглась Либава, но данных о значительном продвижении немцев на сухопутном фронте еще не поступало.

Приказываю заместителю начальника Главного морского штаба В. А. Алафузову чаще информировать Генеральный штаб о том, что происходит на флотах. Сам, в свою очередь, старался получить самые последние данные о положении на сухопутных фронтах.

В кабинет быстрым, энергичным шагом вошел приехавший из Севастополя мой заместитель адмирал И. С. Исаков. Вместо обычного доклада о своей поездке и проведенном под его руководством учении Черноморского флота он попросил дать ему время разобраться в обстановке и только после этого доложить свои соображения.

— Добро,— согласился я.

В вечерней сводке, уже доложенной лично адмиралом Исаковым,

отмечалось значительное продвижение противника на Либаву. К этому он и старался больше всего привлечь мое внимание. В остальном все шло по плану. Полным ходом ставились минные заграждения, проводилась мобилизация, и пока нам ничего не оставалось, как ожидать полного развертывания флотов и готовить их для проведения первых боевых операций. Такие операции были предусмотрены еще в мирное время. Однако осуществление их и все дальнейшие наши действия зависели от положения дел на сухопутных фронтах в целом. Мы впервые на деле почувствовали подчиненную роль Военно-Морского Флота общим стратегическим планам Генерального штаба.

Главный морской штаб получил последние данные о боевых действиях с флотов. Севастополь уточнил, что сброшены не бомбы, а мины, которыми гитлеровцы рассчитывали закрыть фарватер и от которых в итоге пострадали женщины и дети. Мины были новые — электромагнитные. Немного позднее поступили сведения из Измаила, где находился штаб Дунайской военной флотилии. Там война началась бешеным шквалом огня с румынского берега Дуная. Корабли находились в [27] готовности и сразу ответили не менее сильным огнем. Потерь они не имели. К вечеру мы узнали, что немцы несколько раз бомбили Либаву. Налеты отражались зенитным огнем и истребительной авиацией. На Севере авиация противника с норвежских аэродромов атаковала корабли, аэродромы и другие военные объекты в Кольском заливе.

Мне позвонил адмирал А. Г. Головкин:

— Разрешите бомбить авиацию противника на его аэродромах?

— Разрешаю бомбить аэродромы на норвежской территории,— последовал ответ.

Прямых военных действий со стороны Финляндии еще не велось. Мы понимали, что назвать ее нейтральной страной трудно, симпатии ее

правительства были явно на стороне немецких фашистов. Однако открывать военные действия против финнов мы не могли и не хотели.

К исходу 22 июня поступили новые сведения о том, что немцы рвутся к Либаве. Нападать на базу с моря противник не решался, а с суши, как я надеялся, он получит отпор от сухопутных частей Прибалтийского военного округа, чьей задачей было оборонять город и базу.

Было важно, что противник в первый день войны не потопил ни одного нашего корабля.

Правда, в дальнейшем мне предстояло увидеть воочию и свои упущения, убедиться, что во многом противник все же упредил нас. Раньше всего это обнаружилось на Балтийском море. К началу войны немцы успели поставить минные заграждения у наших берегов. Их подводные лодки заранее заняли позиции на вероятных путях передвижения наших кораблей.

Очевидно, к началу войны нам следовало не только привести флоты в высокую готовность, но и осуществить хотя бы частичную мобилизацию и развертывание боевых сил. Захватчика останавливает и отрезвляет не пассивность другой стороны, а ее решимость и готовность к отпору.

Перед нападением немцев штаб Балтийского флота имел сведения о "подозрительных силуэтах" в море. Мы ограничились тем, что докладывали о них. А что означали эти силуэты, мы узнали в первые дни войны. Крейсер "Максим Горький" подорвался на заранее поставленных немцами минах. Только отличная выучка и [28] самоотверженность личного состава и умелые действия командира крейсера капитана первого ранга А. Н. Петрова спасли корабль, и он смог вскоре вернуться в строй. Все могло кончиться более трагично.

В ту пору у нас обнаружилось немало и других ошибок, так что не станем списывать все за счет "неправильной оценки положения Сталиным". Ему

— свое, нам — свое.

Как бы там ни было, война грянула, и надо было сражаться с врагом, напрягая все силы, всю волю, не щадя жизни.

Поздно вечером 23 июня я был приглашен к Сталину. Это был первый вызов с начала войны. Машина подошла к подъезду в тупике, где всегда было тихо и безлюдно. Только узкому кругу лиц было известно, как подняться на второй этаж и по ковровой дорожке пройти в приемную Сталина.

Оставив фуражку в гардеробе первого этажа, я вошел в лифт и поднялся наверх. В приемной никого не было. Значит, все уже в кабинете, решил я, и поспешил справиться у А. Н. Поскребышева, можно ли пройти. Как всегда, над его столом висела фотография Сталина в буденновском шлеме времен обороны Царицына. Внешне все оставалось по-старому.

Я мысленно готовился доложить о нормальном развертывании флотов, наступлении немцев на Либаву и подготовке Черноморского флота к операции по обстрелу Констанцы.

В кабинете Сталина кроме членов политбюро находился Нарком обороны. На столе развернуты карты. Как я понял, речь шла о строительстве оборонительных рубежей в районе Вязьмы.

Завидев меня, Сталин попросил доложить о положении на флотах. Выслушав, удовлетворенно кивнул: хорошо.

В это время донесли о приближении вражеских самолетов. Все встали и вопросительно посмотрели на Сталина.

— Что ж, придется прервать работу,— сказал он.

Все уселись в машины и направились в еще не совсем готовое помещение на станции метро "Кировская". При мне Сталину передавались донесения с командного пункта ПВО. Командующий противовоздушной обороной Москвы генерал-майор М. С. Громадин пережил [29] тяжелые минуты. Он

докладывал о всех принятых с его стороны мерах, а самолеты приближались...

Вскоре оказалось, что самолеты — наши. Тревога была ложной.

В газетах на следующий день об этой тревоге писалось как об учебной. Работники ПВО Москвы, как мне известно, тяжело переживали ошибку, но по указанию Сталина никто не был привлечен к серьезной ответственности.

Ложная тревога принесла свою пользу. Была усилена противовоздушная оборона столицы. 9 июля Государственный Комитет Оборона принял специальное постановление по этому вопросу, на основе которого Ставка более чем втрое увеличила число истребительных авиаполков в 6-м авиакорпусе, прикрывавшем Москву. Значительно был пополнен 1-й корпус ПВО. Почти в три раза увеличилось количество аэростатов заграждения. Поэтому когда немцы 22 июля предприняли массированный (свыше 250 самолетов) налет на советскую столицу, то получили организованный отпор. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии было уничтожено 22 фашистских бомбардировщика. К Москве прорвались лишь немногие самолеты, не причинившие существенного ущерба городу.

За все время войны к Москве прорвалось около 500 самолетов. Как правило, силы ПВО встречали их еще на подходах к городу, и они, беспорядочно сбрасывая бомбы, несли большие потери.

Мне приятно вспомнить, что несколько флотских зенитных батарей участвовали в обороне нашей столицы и получили высокую оценку своей боевой работы.

23 июня стало известно, что премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил о поддержке Советского Союза в войне. 24 июня Рузвельт выразил готовность Соединенных Штатов Америки предоставить

Советскому Союзу " всю возможную помощь". Это означало, что мы не одиноки в борьбе против фашизма и что Германии придется воевать на два фронта, хотя главный ее удар явно будет направлен на Восток.

Речь, произнесенная И. В. Сталиным утром 3 июля, произвела большое впечатление своей искренностью и ясностью указаний, как бороться с врагом. Сталин призвал народ к беспощадной священной войне, не обещая скорой и легкой победы. [30] Необычно низкий голос, тяжелое дыхание говорили о его волнении. Все, кто оказался в это время у приемников или громкоговорителей, с замиранием сердца ловили каждое слово.

Призыв к развертыванию партизанской войны, к созданию народного ополчения и, наконец, определение войны Советского Союза против фашистской Германии и ее сателлитов как войны отечественной, всенародной — все это наполняло сердца уверенностью, что, несмотря на первые неудачи, мы в конце концов победим. И вместе с тем росло чувство тревоги за судьбу Родины: попытка взять в первые дни войны инициативу в свои руки нам не удалась, противник быстро продвигался, немецкая авиация прокладывала путь своим моторизованным частям на севере к Ленинграду, в центре — к Москве и на юге — к Киеву.

Обсуждая обстановку в Главном морском штабе, мы считались с возможностью высадки морских и воздушных десантов на флангах нашей армии или в районах военно-морских баз. Больше всего опасались активных действий крупных сил немецкого флота на Балтике, высадки десанта на Севере, где-нибудь на Кольском полуострове, а в случае успешного продвижения гитлеровцев на юге — крупного воздушного десанта и в Крыму.

В первые дни мы понесли некоторые потери в кораблях и в людях. Так, в ночь на 23 июня на Балтике, подорвавшись на mine, серьезные

повреждения получил крейсер "Максим Горький". Немного раньше подорвался и погиб эсминец "Гневный".

Активнее всего против наших баз и кораблей гитлеровцы действовали с воздуха. Однако их налеты большого вреда не причинили. В ответ на ожесточенные воздушные атаки Либавы авиация Балтийского флота в первый же день ударила по Мемелю (Клайпеда). Судя по аэрофотоснимкам, повреждения были нанесены крупные.

Успешно действовала наша авиация и на Черном море, нанося удар по Плоешти. Корабли Черноморского флота готовились ударить по Констанце.

Колокола громкого боя, загремевшие на кораблях, подняли моряков на борьбу со смертельным врагом.

Действия немецкого флота против нашего Балтийского фактически начались за несколько дней до [31] войны. Фашистские подводные лодки были высланы на позиции к нашим берегам по меньшей мере за два дня. Уже 21 июня немецкие и финские корабли начали ставить мины на вероятных путях движения советских кораблей в устье Финского залива. (...)

Отдав распоряжение о повышении готовности, Военный совет флота стал анализировать обстановку, прикидывая, откуда и в каком направлении следует ожидать нападения. Как в Таллинне, так и в Москве самым опасным участком побережья представлялся район Либавы. Там наши сухопутные и морские границы примыкали непосредственно к Германии. И действительно, война для Балтийского флота началась на суше, на участке Либавы.

В предвоенные дни, думая о грядущих событиях, мы, моряки стремились разгадать планы гитлеровского морского командования. Сводки, поступавшие из Генштаба, говорили о сосредоточении крупных сил

немцев по всей западной границе; здесь, очевидно, предполагались основные сражения сухопутных сил. Роль Балтийского флота становилась в этой связи весьма ответственной. Его главной задачей являлось обеспечение флангов стратегического развертывания наших Вооруженных Сил, а потом — и действия их. Было очевидно, что будущий фронт с первых дней войны упрется флангами на севере в Баренцево море, южнее — в Балтику.

Как и многие мои товарищи, я, не допуская мысли о глубоком вторжении неприятеля на территорию нашей страны, все же считал возможной его попытку с ходу захватить Либаву. Вот почему, посетив эту базу перед войной, я вместе с командованием Прибалтийского военного округа занимался вопросами обороны Либавы с суши. Ведь точно так же, как флот обязан с моря прикрыть развертывание армии, задача армейских частей — прикрыть мобилизацию военно-морских баз. Если сухопутные войска не прикроют развертывание флота, он не сможет успешно решать боевые задачи. Это полностью подтвердилось в те дни, когда противник быстро продвигался к Риге и Таллинну. Повышенная готовность флота к моменту нападения, минные заграждения, мощь батарей — все оказалось в конечном счете недостаточно эффективным, корабли вынуждены были оставлять свои базы и отходить на восток.

Ход событий в Либаве вкратце был таков.

Командир базы М. С. Клевенский 19 июня получил приказ о переводе частей базы на готовность номер два. Об этом он известил своего оперативного начальника — командующего Прибалтийским военным округом и командира 67-й стрелковой дивизии генерала Н. А. Дедаева, с которым ему предстояло взаимодействовать. Около 23 часов 40 минут 21 июня приказом комфлота была объявлена готовность номер один с разрешением применять оружие в случае нападения и с

предупреждением, что нападение возможно в ближайшую ночь. Командир базы немедленно оповестил об этом командира дивизии.

В 4 часа 22 июня гитлеровцы перешли в наступление в районе Палангена (Паланга), и одновременно их авиация начала бомбить аэродром в Либаве. 291-я пехотная дивизия врага форсированным маршем по прибрежной дороге двигалась на город. Части еще не развернутой по военному времени 67-й стрелковой дивизии и военно-морской базы оказали противнику героическое сопротивление. С утра 22 июня наши корабли начали ставить мины у входа в базу; на позиции были высланы подводные лодки, а часть кораблей направлена в Виндаву (Вентспилс) и Усть-Двинск (Даугагрива).

Хотя противнику не удалось захватить с ходу Либаву и бойцы 67-й стрелковой дивизии, поддержанные береговыми батареями, отразили первый натиск, гитлеровцы к исходу 25 июня все же прорвались к судостроительному заводу "Тосмаре". Командир эсминца "Ленин" капитан-лейтенант Ю.Афанасьев, как старший в группе ремонтирующихся кораблей, приказал взорвать те из них, которые были не способны выйти в море. Это ответственное решение являлось правильным. Тогда же были взорваны склады боеприпасов и топлива. В течение 25 и 26 июня продолжалась борьба за город и базу. Вечером 26 июня командир дивизии и командир базы получили приказ отходить. Осуществить его удалось только частично: дороги на Виндаву были уже заняты противником. Сопротивление в различных точках Либавы продолжалось еще пять дней, и только на шестой смолкли последние выстрелы.

Первому сильному натиску врага на Либаву оказывали сопротивление помимо 67-й стрелковой дивизии и батарей береговой обороны флотские подразделения: училище ПВО, дислоцированное в Либаве, эскадрилья

[33] МБР-2 и некоторые другие части. Следует отметить участие в боях и моряков-пограничников.

Командир Либавской военно-морской базы смелый и энергичный капитан 1 ранга М. С. Клевенский позднее рассказывал, как тяжело было управлять обороной базы при подавляющем превосходстве противника на земле и в воздухе.

Благодаря героизму защитников Либавы, молниеносной атаки у немцев не получилось, они понесли большие потери. Мы обязаны отдать должное командирам, политработникам и бойцам 67-й стрелковой дивизии, личному составу береговых батарей и кораблей Либавской базы — они сделали все, что могли, в той трудной обстановке. Изучая кратковременную оборону Либавы в самые первые дни войны, можно найти много поучительного в вопросах подготовки флотских частей базы и прикрывавшей ее дивизии, а также в области взаимодействия военного округа и флота.

Либавка едва ли могла устоять при наличии тех преимуществ, которые имели тогда немцы в численности войск, уровне техники (самолеты, танки) и боевом опыте. Однако город мог продержаться дольше. Он не был застигнут врасплох, на что иногда ссылаются при описании боев передовых частей. Как уже говорилось, командир базы, а от него и командир 67-й стрелковой дивизии еще вечером 21 июня знали о возможном нападении врага в ближайшую ночь и могли привести части в готовность. Первые выстрелы на границе и налет фашистской авиации на рассвете 22 июня не были для них неожиданными. Это очень важные факты для анализа недостаточной прочности обороны Либавы и выяснения истинных причин этого явления.

Там, где оборону ведут вместе армия и флот, вопросы взаимодействия имеют исключительное значение. Стрелковой дивизии, оборонявшей

Либаву, могли оказать огромную помощь береговые батареи, артиллерия кораблей и подразделения моряков. Все эти силы, сведенные в одно целое и умело направленные, способны были сделать многое. Но они не были объединены, и вину за это нельзя перекладывать на командира стрелковой дивизии или командира военно-морской базы. Вопрос о том, кому оборонять Либаву, острова Эзель (Сааремаа), Даго (Хийумаа) и полуостров Ханко, кто должен стоять во главе обороны, кому подчинять ответственных за оборону лиц — округу или флоту, [34] обсуждался до войны в наркоматах обороны и ВоенноМорского Флота. Что касается Либавы, то здесь напрашивалось одно решение: назначить ответственным за ее оборону командира базы, придать ему некоторые стрелковые части и, подчинив все эти силы командующему Балтийским флотом, готовить их к обороне как с моря, так и с суши. Но в Генеральном штабе тогда одержало верх другое мнение{6}. Хотя впоследствии командиру Одесской военно-морской базы контр-адмиралу Г. В. Жукову подчинили для обороны Одессы целую армию, командующему Балтийским флотом в Таллинне — корпус, в отношении Либавы перед войной вопрос был решен иначе. 67-ю стрелковую дивизию включили в состав 8-й армии, а Либавская военно-морская база вошла в оперативное подчинение командующего Прибалтийским военным округом.

Надо признать, что обороне Либавы с суши не придавалось должного значения. Меня это беспокоило. В 1940 году, будучи в Риге, мы с В. Ф. Трибуцем побывали у командующего военным округом Ф. И. Кузнецова. Речь зашла о сухопутной обороне Либавы и Риги. Командующий округом не разделял наших тревог, он и мысли не допускал, что в случае войны наши войска могут отойти так далеко.

Теперь мы расплачивались за недооценку сухопутной обороны баз. Хотя

в Либаве было достаточно сил — стрелковая дивизия, береговая артиллерия, корабли, авиация,— мы не сумели использовать их с должной эффективностью. Дивизия оказалась растянутой на 200-километровом фронте. О своей ответственности за определенные направления и за строительство укреплений вокруг города командир дивизии и командир базы договорились только перед самым вражеским нападением. Лишь в самый последний момент были составлены таблицы артиллерийского огня для поддержки войск, а командир дивизии вступил в командование всеми силами, оборонявшими базу. С таким же опозданием началось формирование частей из моряков и гражданского населения. Вот почему, несмотря на героизм защитников города, в том числе и самого Н.А.Дедаева, отдавшего жизнь в этих боях, оборона Либавы длилась так недолго.

Считаю своим долгом повторить, что ответственность за это нельзя возлагать на местное командование. Организация сухопутной обороны баз зависела прежде всего от Генерального штаба. Не могу снять вины и с себя: в свое время надо было проявить больше настойчивости в решении этого вопроса.

События разворачивались так стремительно, что все предварительные оперативные наметки оказались нереальными. Балтийцам пришлось выполнять совсем другие задачи применительно к обстановке, которая складывалась пока далеко не в нашу пользу.

Быстрое продвижение немцев к Риге и далее к Пскову и Таллинну, естественно, вынуждало их широко использовать морские пути. Уже в первой половине июля были обнаружены отдельные транспорты и небольшие конвои противника, шедшие вдоль побережья через Ирбенский пролив на Ригу. Самым подходящим средством для удара по транспортам была, конечно, минно-торпедная авиация. Она годами

готовилась именно для этого. Но ввиду чрезвычайных обстоятельств основная масса авиации флота была нацелена на танковые колонны врага, двигавшиеся на Ленинград. Кроме того, она прикрывала дравшуюся в Эстонии 8-ю армию и бомбила немецкие части, наступавшие на главную базу флота — Таллинн.

Обстановка на Балтике в первые недели войны была нервной. Приказания командующему ВВС флота генералу М. И. Самохину давались нередко "напрямую", без ведома командования КБФ. Чисто флотские задачи авиации КБФ в такой обстановке отходили на второй план. Командующий флотом адмирал В. Ф. Трибуц резонно докладывал о ненормальном или просто тяжелом положении, а мы отвечали ему стереотипными для тех дней указаниями: "Таллинн, Ханко и острова Эзель и Даго удерживать до последней возможности".

Иных указаний мы дать тогда не могли. Перед нами был враг сильный, опытный, тщательно, до мелочей, подготовившийся к нападению. Героизм наших людей был безграничен, они не жалели сил, чтобы остановить врага. Но еще не хватало боевого опыта. Чтобы приобрести его, требовалось время. А время, в свою очередь, требовало усилий и немалых жертв. Эти усилия и жертвы не были напрасны. Без упорной борьбы в Либаве, а затем на территории Эстонии, возможно, не выдержал бы месячной осады и Таллинн, а без борьбы за Таллинн, за острова Эзель и Даго, за полуостров Ханко, в свою очередь, труднее было бы отстоять [36] Ленинград в критические сентябрьские — октябрьские дни 1941 года.

То, что авиацию КБФ пришлось нацелить на сухопутные объекты, а не на вражеские конвои, было в создавшейся обстановке неизбежно. В данном случае не следует подходить к делу только с академической меркой и рассуждать, кому и как полагается действовать в соответствии с

параграфами боевых уставов и наставлений. Необычная обстановка тех дней часто требовала и необычных решений.

Я уже говорил, какое значение мы придавали в мирные дни сосредоточенным ударам авиации, подводных лодок и надводных кораблей различных классов, ударам одновременно всеми силами и в выгодном для нас месте. Но чтобы наносить сосредоточенные удары, надо было держать инициативу в своих руках, своевременно знать о движении неприятельских кораблей и располагать временем для организации таких ударов. Однако и при этих условиях, как мы убеждались еще до войны, "сосредоточенные удары" получались, как правило, лишь тогда, когда руководители учений ограничивали "противника" в его движении определенными курсами. Теперь же, когда мы обнаруживали конвой немцев часто уже при входе в Рижский залив, нам ничего не оставалось, как наносить удары лишь теми силами, которыми мы в тот момент располагали.

Еще советско-финская война зимой 1939/40 года подтвердила старую истину, что учиться воевать следует в условиях, как можно более приближенных к боевым, но в первые месяцы после нападения на нас фашистской Германии мы снова убедились, что в этом направлении нами было сделано далеко не все.

Что было, то было. Сейчас полезно сказать об этом откровенно и подчеркнуть, насколько важно постоянно помнить о возможности войны и готовиться к ней, не допуская, где можно, условностей. Не случайно на памятнике С. О. Макарову в Кронштадте были высечены слова: "Помни войну".

Несмотря на наши промахи, роль, которую сыграл Военно-Морской Флот в обеспечении флангов армии, была исключительно важной. Нельзя считать случайностью или просчетом немецкого командования, что

Красная Армия не только в начале войны, но и позже не имела у себя в тылу ни одного десанта, высаженного с моря{7} [37]

Важным фактом являлась стойкая оборона наших военно-морских баз, когда они оказывались на флангах сухопутных частей. В этих случаях фашистские войска встречали упорное и длительное сопротивление на суше, зачастую сказывавшееся на темпах продвижения всего фронта. Понимая это, Гитлер не случайно требовал от Антонеску в августе — сентябре 1941 года как можно быстрее захватить Одессу. А город-герой, сопротивляясь, оказывал влияние на ход сражений всей южной группы немецких армий. Если говорить о Балтике июля — августа 1941 года, то немецкий флот в то время не проявил ожидаемой активности. Только в самом конце сентября в Або-Аландские шхеры пришла эскадра в составе самого крупного немецкого линкора "Тирпиц", тяжелого крейсера и нескольких легких крейсеров, да почти в то же время соединение крейсеров сосредоточилось в Либаве. А между тем мы вполне резонно полагали, что германская армия и флот будут тесно взаимодействовать именно здесь, на ленинградском направлении, опасались высадки морских десантов, ожидали, что крупные корабли противника будут серьезно препятствовать нашей эвакуации морем из Таллинна.

Почему немецкий флот был так пассивен в то время?

В западногерманской мемуарной литературе послевоенных лет я не нашел прямого ответа на этот вопрос, но его касается в своей книге "Война на море 1939— 1945" Фридрих Руге, один из гитлеровских адмиралов, а затем командующий военно-морским флотом ФРГ. Он пишет, что, составляя план "Барбаросса", Гитлер и его генералы рассчитывали на успех блицкрига и без активного участия флота. Время показало несостоятельность чисто сухопутных или морских концепций ведения войны.

Немецкое командование все равно вынуждено было использовать свой флот, когда операции на суше пошли совсем не по плану "Барбаросса".

Находясь на сугубо субъективистских позициях самостоятельной, точнее, самодовлеющей морской стратегии, Руге и сейчас, судя по его книге, не понимает, что в войне Советского Союза и Германии, несмотря на то что центр тяжести борьбы в силу чисто географических причин был на суше, флоты обязательно должны были действовать совместно с сухопутными войсками. Это отчетливо представлял себе наш Генеральный штаб, сумевший по указанию Ставки [38] оперативно исправить в ходе войны промахи мирного времени. Это понимали и мы, моряки, когда готовились к поддержке сухопутных войск, призванных решать главную задачу.

Подтверждая, что при составлении планов нападения на Советский Союз Гитлер и его окружение явно игнорировали возможности флота, Руге считает, что советский флот выполнял несвойственные ему задачи, принимая участие в боевых действиях совместно с сухопутными войсками. По мнению Руге, в этом сказалась... слабость нашего флота, якобы неспособного выполнять свои прямые задачи. На деле же в этом была сила нашего флота. В Одессе и Севастополе, в Таллинне и на Ханко моряки действовали, сообразуясь с общей стратегией{8}: сражаться с врагом, где бы ни довелось — на море, в воздухе или на суше. Именно поэтому наша флотская авиация часто видела главную задачу в подавлении сухопутных объектов, оставляя в стороне чисто флотские объекты. Когда потребовалось, флоты дали сотни тысяч человек, сформировав части морской пехоты, дравшейся — и как дравшейся! — почти на всех фронтах. Такая "пассивность" нанесла гитлеровцам немалый урон.

А Руге да и другие западногерманские мемуаристы и историки игнорируют роль наших моряков на первом этапе войны, их помощь

сухопутным войскам.

Анализируя причины пассивности немецкого флота, я склонен на первый план поставить боязнь немцев понести большие потери от нашей минно-торпедной авиации, подводных лодок и мин. 20 подводных лодок Краснознаменного Балтийского флота в первые же дни войны были развернуты в море. Нелишне добавить и то, что Гитлер очень болезненно реагировал на потерю крупных кораблей.

Колоссальная стоимость каждого крупного корабля и невозможность возместить его потерю в ходе войны давали себя знать и в нашем флоте. Помнится, с каким беспокойством смотрели мы на линкоры, стоявшие на открытом рейде Таллинна, как стремились быстрее перебазировать их в более безопасное место — Кронштадт. Так было и на Черном море. Но, если требовала обстановка, наши крупные корабли, не в пример немецким, смело вводились в бой. Линкор "Севастополь" мы использовали для обстрела [39] позиций противника у осажденного Севастополя и в других местах. Балтийские линкоры "Марат" и "Октябрьская революция" со своей мощной артиллерией активно участвовали в обороне Ленинграда, сначала маневрируя на ограниченном пространстве вблизи Кронштадта, а затем стоя у стенки.

Тяжелые месяцы пережили балтийцы в 1941 году, когда флот вынужден был отходить от Либавы до Кронштадта. Немало трудностей было и позже, хотя даже трудная зима 1941/42 года была, по-моему, менее тяжелой, чем первые месяцы войны. Именно в эти месяцы подверглись жестокой проверке, суровым испытаниям наши люди. И они героически выдержали эти испытания.

Балтийский флот годами готовился к войне на море: к действиям на коммуникациях, к бою на минно-артиллерийской позиции в устье Финского залива, к обороне своих баз с моря, к защите от вражеских

десантов побережья. В начале войны флоту пришлось повернуть пушки, так сказать, на сто восемьдесят градусов и действовать "на обратной директрисе", как шутливо выражались иногда на своем языке артиллеристы.

Сложившаяся обстановка вынудила отказаться от планов, разработанных в мирное время, и сосредоточить все внимание на опасности, грозившей с суши.

Конечно, если бы войска фашистской Германии были остановлены на наших границах, немецкому флоту пришлось бы действовать активнее. Тогдагодились бы все варианты наших довоенных оперативных планов.

Недостаточная подготовленность к началу войны театра военных действий, неожиданное направление вражеских ударов подчас приводили нас к ряду ошибок в борьбе за свои районы и базы, а иногда ставили в исключительно тяжелое положение. Так, в конце июня, когда была захвачена Рига, кораблям отряда легких сил пришлось базироваться на не приспособленные для этого бухты, а затем отходить мелководным фарватером через Моонзунд. И все же командование Балтийского флота сумело под носом у противника углубить моонзундский фарватер и вывести через него крейсер "Киров", а также многие другие корабли и суда. На поверку вышло, что гитлеровцы раньше времени прокричали о том, что им удалось "запереть большие силы красных в Рижском заливе".

Дни второй половины июля вспоминаются как весьма тревожные для Балтийского флота.

В то тяжелое время, когда, несмотря на героизм наших людей, приходилось оставлять базу за базой, мы особенно явственно ощутили все недоделки в подготовке флотов. Больше всего они сказались в

отработке взаимодействия флота с армией, в обеспечении флота некоторыми типами кораблей и боевых средств, а зачастую и в уровне боевой подготовки.

Как далеко подчас бывает от планов на бумаге до их осуществления! Будучи командиром крейсера, я, казалось, не сомневался, что на учениях корабль выполнит все, как расписано в плане. Но стоило начать действовать — и обнаруживалось немало недоработок. Уже тогда я научился понимать, что никакой план нельзя считать реальным, пока он не проверен на деле. Позже, когда я командовал Тихоокеанским флотом, во время хасанских событий, возникла реальная опасность атаки с воздуха нашей главной базы — Владивостока. Тогда мы обнаружили, что хранившиеся в сейфах планы — это еще далеко не полная гарантия действительной боеготовности флота. Пришлось в течение нескольких месяцев проводить различные учения, чтобы проверить наши планы на практике и срочно откорректировать их.

А когда началась Великая Отечественная война, я снова убедился: она вносит самые непредвиденные поправки в планы, несмотря на то что они не раз уже проверены на учениях.

Говоря о боях за Либаву, я упоминал, что не сразу было достигнуто единое понимание взаимодействия между армией и флотом на этом конкретном участке. Нечто похожее повторилось в Таллинне. Вопреки планам мирного времени ответственность за оборону Таллинна с суши сразу была возложена на Военный совет Балтфлота, но сухопутные войска были подчинены флотскому командованию с большим опозданием.

Теперь о кораблях и боевых средствах. Давно известно, что наибольший эффект в войне дает только правильно "сбалансированный" флот, то есть флот, имеющий достаточно надводных и подводных кораблей всех

нужных классов и типов. Обеспечить это соотношение кораблей еще в предвоенные годы было прямой обязанностью наркома ВМФ и Главного морского штаба. Здесь нельзя ссылаться ни на высшие органы, ни на [41] промахи на местах.

Очень болезненно, особенно на Балтийском флоте, сказалась нехватка тральщиков и тральных средств. Все мы, руководители флота, понимали, что в условиях балтийского мелководья мины явятся большой опасностью, что без тральщиков немыслим ни один выход кораблей. Если бы спросить любого из нас, что требуется в первую очередь для Балтийского морского театра, мы бы не задумываясь ответили: строить тральщики, создавать тралы, дать современные мины для борьбы с противником. На деле же получилось иначе. Это нужно признать.

Уделяя внимание крупным кораблям, мы медленно строили новые быстроходные тральщики (БТЩ), к тому же строили их мало. Также непростительно, что после начала войны в Европе, когда возросла опасность нападения фашистской Германии на Советский Союз, мы не пополнили флот кораблями торгового флота, способными действовать в качестве тральщиков. В результате на КБФ к началу войны было всего 20 БТЩ, а по самым скромным подсчетам их требовалось не менее 100. Такое положение с тральщиками снизило эффективность использования боевых кораблей и вызвало лишние потери при прорыве флота из Таллинна в Кронштадт. Подводя итоги первого месяца войны, Военный совет флота оценил минную опасность как главную, Острота вопроса вынудила его распорядиться "подобрать в Ленинграде все, что может оказаться пригодным", а если не будет этой возможности, то "подобрать 15—20 морских или речных буксиров, вплоть до колесных". Так велика была нужда в тральщиках.

Это, очевидно, знали и немцы. Недаром, не рискуя крупными кораблями,

Гитлер по плану "Барбаросса" уже в феврале 1941 года решил с началом войны широко использовать на Балтийском море все минные заградители, торпедные катера и часть своих легких сил. Теоретически мы ожидали этого, а практически к борьбе с вражескими минами не подготовились. Нам надо было во все колокола бить тревогу уже после первых сведений о появлении новых немецких электромагнитных мин и о больших потерях, которые несли от них англичане в 1939—1941 годах.

Кроме тральщиков, не хватало и кораблей противолодочной обороны (НЛО) и специальных сторожевых кораблей (СКР). С огорчением перечитываешь сейчас строки старого документа:

"БТЩ "Крамбол" занял место в дозоре". Не от хорошей жизни приходилось посылать вместо сторожевиков тральщики.

Испытал на себе Балтийский флот и все последствия слабости наших корабельных средств ПВО. Прикрывать корабли истребителями удавалось не всегда, а зенитные пушки Лендера к тому времени уже устарели.

Боевая подготовка проходила в неблагоприятных условиях.

Почти до самой Великой Отечественной войны наш Балтийский флот располагал единственной базой в Кронштадте, замерзающей на четыре-пять месяцев в году. Уже в ноябре корабли обычно стояли у стенок или на судоремонтном заводе в скованном льдами Кронштадте. Выходы в море прекращались, командный и рядовой состав занимался учебой на берегу. Осенью проходили демобилизация и призыв. К этому же времени приурочивались отпуска и перемещения командиров.

Командование стремилось как можно больше сделать зимой, а весной пораньше вывести флот в море, но на корабле, стоящем во льду или у заводского причала, многого не сделаешь. Первые шаги флота весной были робкими, он напоминал больного, долго пролежавшего в постели. Только в начале мая корабли вытягивались на Кронштадтский рейд,

занимались одиночной подготовкой, изредка выходили в море, которое, прямо скажем, переставало за зиму быть "домом" балтийцев. Еще с тех времен, когда я был курсантом, мне хорошо запомнились первые сборы флота на Кронштадтском рейде. Переход в Лужскую губу в июне оказывался событием. А когда соединения приступали к сложным учениям и совместному плаванию, была уже середина лета. В спешке, с неизбежными при этом авариями, флот готовился к осенним маневрам, завершавшим учебный год. Следующей весной почти все начиналось сначала.

Когда в ноябре 1933 года я стал командиром крейсера на Черном море, то увидел, что балтийские порядки распространены и здесь, хотя Черное море не замерзает. В октябре можно еще плавать да плавать, а у нас, как и на Балтике, проводили итоговое учение, большая часть кораблей становилась к стенке морского завода и, как тогда шутили, "в командование флотом вступал директор". [43]

"Почему мы так мало плаваем зимой?"— нередко говорили между собой моряки, но все понимали, что решить этот вопрос можно только в верхах. Как, допустим, плавать в ноябре и декабре, если те, кто подлежал демобилизации, сразу ушли с кораблей, а многие командиры и сверхсрочники уехали в отпуск? Порядки, заведенные на Балтике, где не было незамерзающих баз, и ставшие традицией — всем плавать летом и всем ремонтироваться с осени,— цепко держали нас в плену.

Положение на всех наших флотах изменилось только в 1940 году. На опыте финской войны мы еще раз убедились, что нужно плавать круглый год и к борьбе на морс готовиться в условиях, близких к боевым. Балтийский флот, базируясь теперь на Таллинн, Либаву, Ханко, уже не был зимой скован льдами, и его корабли могли бороздить воды Балтики круглый год. Но до начала войны времени оставалось мало, и

кардинально изменить положение оказалось уже невозможным. Опыт приобретается и накапливается годами, особенно опыт в подготовке людей. Вырастить и воспитать умелых командиров и матросов сложнее, чем построить корабли.

На южном фланге

После налета немецкой авиации на Севастополь, на рассвете 22 июня. Черноморский флот в сравнительно спокойной обстановке развертывал силы и ставил минные заграждения.

После войны было высказано немало критических замечаний по этому поводу: мол, мы без особой нужды ставили мины у своих баз. Особенно большие сомнения вызвали минные постановки на Черном море. Вице-адмирал И. Д. Елисеев писал мне: "Когда выяснилось, что нашим врагом на Черном море будут румыны и немцы, следовало воздержаться от постановки мин, поскольку большой угрозы с моря не было, а постановка их принесла нам много горя. Основными потребителями моря были мы сами".

Мнение это небезосновательно, но полностью согласиться с ним я не могу. Отсутствие минных полей около Севастополя позволило бы даже слабому противнику подходить к порту ночью и ставить мины.

Весь район моря возле Севастополя пришлось бы считать опасным и постоянно проводить контрольное траление. В то же время любой неприятельский эсминец ночью или в тумане мог подойти к этой важной базе нашего флота и обстрелять ее. И трудно сказать, что доставило бы нам больше беспокойства: свои мины, расположение которых мы отлично знали, или опасения, что враг может войти в не защищенные нашими минами воды.

Бесспорно одно: минировать нужно продуманно. Следует помнить, что

мины — угроза не только противнику, но и своим кораблям, что рано или поздно их придется тралить, что штормы срывают их, и тогда они носятся по воле волн.

Я придерживаюсь мнения, что с оперативной точки зрения постановка оборонительных минных заграждений около своих баз не только на Черном море, но и на Дальнем Востоке была правильной. По идее, свои минные поля не могут представлять сколько-нибудь серьезной опасности для плавания и в то же время дают почти полную гарантию от появления в этих местах ночью или в тумане кораблей противника. Конечно, минные поля даже при точном знании своих фарватеров представляют некоторую опасность и создают неудобство для плавания боевых кораблей и транспортов, но опасность эта была бы значительно большей, если бы вражеские надводные корабли или подводные лодки имели возможность набросать около наших баз свои мины. Неприятности, причиняемые своими минными полями, обуславливались главным образом недостатками в технике — мины всплывали, срывались с якорей и становились опасными. Постановка минных полей, конечно, требовала ходить строго по фарватерам.

Считать применение такого мощного оборонительного оружия, как мины, неправильным лишь из-за того, что оно прибавляло забот,— значило бы признать свое неумение обращаться с ним. Ведь плавают же корабли с опасным боеприпасом в своих погребах!

Командование Черноморского флота с первого дня войны взяло инициативу в свои руки. Флотская авиация наносила удары по важным объектам в Румынии. Дунайская флотилия, отбив первое нападение с румынского берега, высадила на него десант. Подводные [45] лодки вышли к румынским и болгарским берегам, чтобы искать и атаковать вражеские корабли.

Продвижение немецкой армии по всему фронту уже в начале июля вызвало опасения, что для приморских городов и военно-морских баз может возникнуть угроза с суши. То, что произошло на Балтике, могло повториться и на Черном море. Становилось очевидным, что для флота на первый план выдвигается борьба на 4-х флангах армий, упиравшихся в море. При этом, как и на Балтике, многое обернулось не совсем так, как мы себе представляли до войны.

В бытность мою командиром корабля на Черном море высказывалось предположение, что наши вероятные противники попытаются повторить Крымскую кампанию прошлого века, высадив мощный десант где-нибудь на нашем побережье.

Позже над этой угрозой стала превалировать опасность нападения с воздуха и с суши. Помнится, как в 1941 году после захвата немцами острова Крит, когда они применили воздушный десант, мы дали себе ясный отчет в том, что подобная опасность не исключена и для Крыма. Крупных сухопутных сил там не было, было бы целесообразно оперативно подчинить все войска в Крыму Военному совету флота. Но о возможности появления армии врага в районе Перекопа не думалось.

Наш Черноморский флот развивался быстро и к началу Великой Отечественной войны состоял из линкора, 6 крейсеров, 17 лидеров и эскадренных миноносцев, 2 сторожевых кораблей, 47 подводных лодок, 84 торпедных катеров и ряда вспомогательных судов. Авиация насчитывала 625 самолетов. Флот готовили к тому, чтобы обеспечить наше господство на Черном море.

Как и на других морях, одной из важнейших задач флота считали обеспечение флангов армии. Чем ближе шло дело к войне, тем больше внимания уделялось взаимодействию флота с войсками приграничного Одесского военного округа. Именно отработке такого взаимодействия

было посвящено и последнее, закончившееся в канун войны учение. Правда, на нем отрабатывались более активные задачи, поскольку предполагалось, что мы будем не только обороняться, но и наступать. Результаты этого учения, проведенного в северо-западном районе моря, сказались в первые же месяцы войны. Конечно, оно могло бы принести значительно больше пользы, если бы мы учитывали возможность скорого начала войны и более трезво оценивали соотношение сил. Как и на Балтике, где мысль о потере Либавы, а тем более Риги казалась совершенно недопустимой, на Черном море не предполагали, что Одессу придется защищать от сухопутного противника. Хотя флот вернулся с учения за сутки до войны и в море оружие на кораблях находилось в полной боевой готовности, тема учения не соответствовала обстановке, которая могла возникнуть с началом военных действий. Наши взоры были обращены в сторону Босфора. Оттуда мы ждали появления крупных эскадр с десантными войсками. Предполагалось, что наши вероятные противники попытаются повторить Крымскую кампанию прошлого века, высадив десант на нашем побережье. При оперативных играх считали, что Румыния будет на стороне "противника", но ее флот не представлял реальной угрозы. В тридцатых годах, когда власть в Германии захватили фашисты и начали призывать к войне против Советского Союза, положение изменилось. В случае войны с Германией вероятность морского десанта уменьшилась, но зато возросла опасность нападения с воздуха и с суши.

Немецкая группа армий "Юг", продвигаясь на восток, захватывала наши приморские города. Фашисты бахвалились, что советский Черноморский флот скоро "сам умрет сухопутной смертью", лишившись всех своих баз. Но флот сражался, с каждым днем наращивая силу ударов.

Королевская Румыния, как и предполагалось, выступила союзницей

фашистской Германии. Наше командование решило нанести удар по главной базе румынского флота — Констанце.

Уже в ночь на 23 июня 1941 года авиация Черноморского флота произвела первый налет на военные объекты Констанцы. 23 июня последовало еще пять налетов: три на Констанцу и два на Сулину.

Немного позднее были нанесены авиационные удары по Плоешти. Этому объекту Ставка придавала особое значение: речь шла о румынской нефти, которая была очень нужна фашистской Германии. Поэтому Плоешти бомбила и армейская, и флотская авиация. В июле и августе удалось уничтожить сотни тысяч тонн нефти, а добыча ее на какое-то время была сведена почти к нулю. [47]

Говоря о налетах советской авиации на Плоешти, следует подчеркнуть стратегическое значение этих ударов. Не случайно Гитлер в записке Браухичу от 22 августа 1941 года подчеркивал, что нужно скорее захватить Причерноморье и Крым с его аэродромами, а шахты они всегда захватят. Один удачный налет русской авиации на единственный наш источник нефти, указывалось далее, и трудно будет предугадать, каким окажется дальнейший ход войны.

Не случайно и то, что И. В. Сталин обращался к Гопкинсу с вопросом, не могут ли англичане (США тогда еще не воевали) бомбить Плоешти. Но этих ударов не последовало.

25 июня два лидера — "Москва" и "Харьков" — вышли в море, чтобы обстрелять Констанцу. Эту ударную группу прикрывали крейсер "Ворошилов" и два эсминца. Корабли совершили переход ночью и на рассвете внезапно появились перед Констанцей. В 5 часов утра оба лидера открыли огонь.

Это был смелый набег, что подтверждали и представители немецкого командования в Румынии.

Командир всего соединения контр-адмирал Т. А. Новиков и командир ударной группы лидеров капитан 2 ранга М. Ф. Романов сделали все от них зависящее, чтобы выполнить задание. По намеченным объектам было выпущено 350 снарядов. На берегу вспыхнули большие пожары: горели нефтебаки.

Но этот успех достался нам дорогой ценой. Минная опасность оказалась значительно большей, чем мы ожидали.

Следует подчеркнуть, что новые электромагнитные мины, сконструированные гитлеровцами, действительно являлись грозным оружием на первом этапе войны. С помощью этих мин немцы отправили на дно не один английский корабль.

Мы тоже столкнулись с минной опасностью на всех морских театрах. На Балтийском флоте подрывался на минном заграждении, поставленном фашистами еще до начала войны в устье Финского залива, крейсер "Максим Горький". На Черном море при выходе из Севастополя подрывался эсминец "Быстрый". Противник использовал как старые, так и новые электромагнитные мины различной кратности действия. Старые тралы для борьбы с последними оказались малоэффективными.

Наши моряки пытались разгадать секрет коварных новинок. Еще в июле 1941 года военный инженер 3 ранга И. И. Иванов и капитан-лейтенант Власов разоружили первую такую мину на Черном море. Вторую мину, в Новороссийске, обезвредили Б. Т. Лишневский и С. И. Богачек. На Балтике донные мины разоружили Теплин, Туринов, Алюксутович и другие. Однако заплатить за это пришлось дорогой ценой: при разоружении мин погибли И. И. Иванов, С. И. Богачек, И. А. Ефременко, Б. Т. Лишневский и другие отважные флотские минеры.

Минно-торпедный институт ВМФ прилагал все усилия, чтобы скорее раскрыть секрет нового немецкого оружия, и внес свои предложения по

борьбе с ним. Но кардинально помочь флоту могла только более квалифицированная научная сила.

Мы обратились за помощью в Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ). В августе 1941 года на Черноморский флот прибыла во главе с А. П. Александровым и И.В. Курчатовым группа сотрудников института: А. Р. Регель, П. Г. Степанов и К. К. Щерба. Ученые вместе с флотскими минерами часто с риском для жизни разбирали взрывные устройства немецких мин в поисках секретов нового оружия и выработки контрмер. Г.Охрименко, А. Малов, М. Иванов и Н. Квасов — вот фамилии черноморских минеров, которые ощупью, с замиранием сердца разбирались в неизвестных приборах, ища, как обезвредить коварную машину, готовую в любую секунду взорваться при малейшей неосторожности. И вскоре задачу удалось решить. Тральщики были снабжены специальными новыми тралами, а крупные корабли постепенно оборудовались специальными противоманитными обмотками. Помнится, в первую очередь такой противоминной обработке подверглись подводные лодки типа "С".

Советские ученые внесли большой вклад в дело победы над врагом, и вклад этот был по заслугам оценен правительством. Многие ученые были награждены орденами и удостоены Государственной премии.

Позже, как-то встретившись со мной в Кремле, Игорь Васильевич Курчатов поинтересовался: "Как справляется наш флот с электромагнитными минами?" И я с удовлетворением подтвердил, что благодаря рекомендациям, сделанным им и его коллегами, флот неплохо выполняет задачи борьбы с вражескими минами.

Неправильно, однако, было бы думать, что кратковременное пребывание на Черном море группы ленинградских ученых помогло решить до конца все вопросы борьбы с немецкими неконтактными минами. Борьба эта

длилась в течение всей войны, и не последняя роль принадлежит здесь Минно-торпедному управлению ВМФ (начальник Н. И. Шibaев) и некоторым специалистам-минерам, таким, как профессор О. Б. Брон и другие.

Для оборудования кораблей системой ЛФТИ требовалось огромное количество особого электрического кабеля. Предприятия Ленинграда, Кронштадта, Таллинна, Севастополя, Архангельска, Мурманска, Владивостока отдали все запасы кабеля, годного для этой цели. Вскоре Техническое управление ВМФ передало Наркомату судостроительной промышленности наряды на последние 35 километров кабеля.

В середине августа я обратился в Государственный Комитет Обороны к Сталину и Вознесенскому с предложением возложить на заводы "Севкабель" и "Москабель" изготовление 350 километров кабеля, а 300 километров заказать за рубежом. Уже в первых числах сентября "Севкабель" начал поставлять кабель для Электромортреста, осуществлявшего оборудование кораблей противоманнитными системами. Мы постоянно контролировали и направляли работу по размагничиванию кораблей. Больше всего этим занимался адмирал Л. М. Галлер. На местах эта задача решалась командованием флотов. Защитой кораблей от магнитных мин систематически интересовалась Ставка.

С развитием военных действий появились новые типы мин: акустические, магнитно-акустические и, наконец, гидродинамические. Против них нужно было искать противоядие. Мы привлекли к этому делу самых опытных и высококвалифицированных ученых. Реальную помощь в тралении новых вражеских мин оказывала флоту специально созданная акустическая группа под руководством Н. Н. Андреева, ставшего впоследствии академиком.

Но вернемся к набегу на Констанцу в первые дни войны, когда мы еще не

имели надежного средства борьбы с немецкими электромагнитными минами. Наши артиллеристы удачно накрыли цели. При отходе корабли развили большую скорость — 30 узлов — и пошли на зигзаге; в итоге потеряли параваны — приспособления [50] для обезвреживания мин, и лидер "Москва" подорвался. Раздался оглушительный взрыв, корабль переломился и затонул. "Харьков" пытался помочь тонущим, но сам получил повреждения от огня береговых батарей. Если бы из-за минной опасности корабли замедлили ход, они могли бы понести еще больший ущерб от огня береговой артиллерии. Видимо, давая задание провести операцию, командование флота должно было точно указать, как выполнять задачу, сообразуясь с обстановкой и не допуская неоправданного риска. Однако такого гибкого подхода в управлении у нас тогда еще не было. Действовать нередко приходилось по принципу "любой ценой".

Существовала ли возможность выполнить операцию удачнее и без потерь? Бывший командующий эскадрой контр-адмирал Л. А. Владимирский после войны говорил мне, что обстрел берега следовало вести не лидерам, имевшим меньшую дальность огня и слабые корпуса, а крейсеру. Это позволило бы обстреливать Констанцу с дистанции 180—190 кабельтовых, находясь за пределами неприятельских минных полей. Однако боязнь рисковать крупным кораблем привела, по словам того же Л. А. Владимирского, к другому решению. Между тем в мирное время мы готовили для подобных операций именно крейсера. Корректировка огня с самолета была отработана хорошо, и это позволяло крейсерам вести огонь на предельных дистанциях.

Мы учли урок набег на Констанцу. В ноябре 1942 года для обстрела базы вражеских кораблей в Сулине был послан крейсер "Ворошилов". Он выполнил задачу успешно и без потерь, хотя враг сопротивлялся

сильнее, чем во время набега на Констанцу.

Судьбу личного состава "Москвы" удалось выяснить значительно позже. Многие погибли, в том числе и заместитель командира по политчасти Г.Т.Плющенко. Командир корабля А. Б. Тухов и 60 моряков были схвачены фашистами. Тухов, находившийся все время со своими матросами, организовал побег, дрался в составе партизанского отряда и погиб 5 марта 1944 года в бою под Головановском, недалеко от Одессы.

По мере уточнения обстановки на южном крыле фронта внимание командования Черноморского флота и Главного морского штаба с каждым днем все больше привлекали Дунай и Одесская военно-морская база.

Входившая в состав Черноморского флота и находившаяся на самой границе, Дунайская флотилия организованно и без промедления ответила огнем на огонь с румынского берега и высадила туда небольшие десанты. Казалось, она и дальше могла не менее успешно выполнять свои задачи. Но через две недели обстановка на фронте в Северной Молдавии ухудшилась. Флотилия получила приказ основные силы направить на совместные действия с 14-м стрелковым корпусом, а устье Дуная остались прикрывать только малочисленные части. В первой половине июля, когда шло отступление наших сухопутных войск, верхнедунайский отряд флотилии едва прорвался с боями в Измаил. Ее командующий Н. О. Абрамов потом рассказывал мне, какие огорчения доставила ему эвакуация Измаила после успешных действий флотилии в первые дни войны.

В последующие периоды войны вновь организованной Дунайской флотилии под командованием контр-адмиралов С. Г. Горшкова и Г. Н. Холостякова выпала честь самым активным образом взаимодействовать с сухопутными соединениями и продвигаться к Вене, участвуя в освобождении Румынии, Венгрии, Югославии и Австрии. Но об этом —

позднее.

Североморцы вступают в бой

После войны, когда многие секретные документы нацистов перестали быть тайной, оказалось, что план "Барбаросса" не предусматривал действий крупных сухопутных или морских сил на направлениях, которые его авторы считали второстепенными. Фашистские генералы хотели предреши́ть исход войны молниеносными ударами по Москве, Ленинграду, Киеву. Они полагали, что Архангельск и Мурманск попадут в их руки без особых усилий как трофеи после победы на главных направлениях. Рассчитывая на это, немецкое верховное командование хотело сберечь свои морские силы для дальнейшей борьбы с Англией, а возможно, и с США. Однако планы блицкрига провалились. Война приняла затяжной характер. Вместо бронированных кулаков, с помощью которых германские фашисты и их сателлиты намеревались быстро добиться победы, им пришлось драться, "растопырив пальцы", на огромном фронте от Одессы до Мурманска. Когда коммуникации Советского Союза с США и Великобританией в северных водах приобрели стратегическое значение, гитлеровское командование вынуждено было перебросить сюда крупные соединения кораблей. Борьба с ними легла на наш молодой Северный флот.

В первые дни войны положение на наших северных границах было не совсем ясным. Мы знали, что к финско-норвежской границе подтянуты немецкие войска, которые ранее участвовали в захвате Нарвика. "Не на Финляндию же теперь собираются наступать немцы?" — говорили мы и с минуты на минуту ожидали начала боевых действий на Севере.

22 июня на нашей сухопутной границе с Финляндией было сравнительно спокойно. Однако немецкая авиация уже в тот день бомбила корабли и

аэродромы Северного флота.

Поздно вечером 22 июня я долго разговаривал по телефону с командующим флотом контр-адмиралом А. Г. Головкин.

— Глупое положение: нас бомбят, а мы считаем Финляндию невоюющей стороной! — горячился Арсений Григорьевич.

— Но ведь против вас действует пока лишь немецкая авиация, к тому же с норвежских аэродромов, — пояснил я и посоветовал:— Используйте время для полного развертывания флота, постановки минных заграждений. Внимательно следите за обстановкой на море.

Помню, на одном из первых докладов начальника Главного морского штаба адмирала И. С. Исакова мы специально обсуждали вопрос, можно ли считать Финляндию нейтральной и вероятно ли высадка вражеского десанта у нас на Севере. Вспомнили мы и о внезапном захвате немцами Нарвика. Хорошо известно, что финское правительство в тридцатых годах раболепно следовало в фарватере политики некоторых западных стран. Шюцкоровские соединения катеров доставляли тогда немало забот не только балтийцам в Финском заливе и на Ладожском озере, но и североморцам в районе Петсамо и Мурманска. Несмотря на это. Советское правительство, искренне желая, чтобы наши отношения с соседней страной были дружественными, проявило умеренность при заключении мирного договора в 1940 году. Но воинствующие круги Финляндии искали реванша в союзе с Гитлером. Зная многочисленные факты, мы не сомневались: если Финляндия не вступила в войну против нас одновременно с Германией 22 июня, то только из тактических соображений.

На совещании в кабинете И. В. Сталина вечером 24 июня я докладывал о полетах финских и немецких самолетов над Ханко, о бомбардировке наших кораблей в Полярном и не только о сосредоточении немецких

войск на финско-норвежской границе (об этом правительство знало раньше), но и о том, что они продвигаются по финской территории к нашим границам.

Мы опасались высадки десанта на Севере. "Конечно, — рассуждали мы, — немцы не полезут с моря "в лоб" на главную базу в Кольском заливе, но вполне могут атаковать ее фланги с многочисленными бухтами". Противник мог высадиться и в Кандалакшском заливе, где железная дорога Ленинград — Мурманск проходит совсем близко от нашей сухопутной границы с Финляндией. Правда, для высадки десанта в Кандалакше требовалось пройти горлом Белого моря. Там стояли наши береговые батареи, но мы помнили, как в 1940 году немцы проводили смелые операции, прорываясь в Нарвик и даже в Осло. Разве подобное не могло повториться на нашем Севере, где к тому же у нас было не так много береговых батарей?

25 июня командующий Северным флотом доложил, что 19-й немецкий горнострелковый корпус движется к нашей границе. Теперь не оставалось сомнения, что противник вскоре перейдет в наступление со стороны финской границы. Это произошло 29 июня. С того дня война охватила огромные пространства Севера. Теперь фланги наших фронтов упирались не только в берега Черного и Балтийского морей, но и в студеное Баренцево море.

Своеобразие Северного морского театра не ограничивается суровыми природными условиями. Благодаря теплоте течения из Атлантики в юго-западной части Баренцева моря лед не препятствует боевым действиям флота в течение всего года. Зато в северных и восточных районах Баренцева и Белого морей, а также в Карском море зимой из-за льдов корабли ходить не могут.

Частые штормы, особенно осенью и зимой, низкая облачность, туманы,

снежные заряды, метели — все это очень мешало кораблям и авиации. Впрочем, туманы и помогали скрытным переходам конвоев и высадке десантов. Таковы уж парадоксы природы Севера!

Серьезно затрудняли действия флота полярный день и полярная ночь. В полярную ночь усложнялся визуальный поиск, зато в условиях полярного дня почти исключалась скрытность действий.

Пути сообщения с союзниками, воинские и народно-хозяйственные перевозки по Северному морскому пути, важное значение незамерзающего порта Мурманска, огромные природные богатства — эти и многие другие причины заставляли нас уделять Северу во время войны особое внимание.

Географические особенности побережья Северной Норвегии — изобилие фьордов, обрывистые высокие берега, большие глубины возле них — давали фашистскому флоту возможность базировать свои корабли маневренно и рассредоточенно. Готовясь к нападению на Советский Союз, германское командование держало наготове в Северной Норвегии и Северной Финляндии один финский и два немецких корпуса, сведенных в армию "Норвегия".

Планом операции намечалось овладеть Мурманском и главной базой Северного флота — Полярным, захватить Кировскую железную дорогу и тем самым изолировать Кольский полуостров от центральных районов страны, оккупировать Советскую Карелию и овладеть всем бассейном Белого моря до Архангельска включительно.

Немецко-фашистское командование рассчитывало осуществить свои планы на Севере молниеносно, используя в основном сухопутные силы и авиацию. Бомбардировщики должны были нанести массированные удары по Полярному и Мурманску и разрушить шлюзы Беломорско-Балтийского канала, чтобы отрезать Северный морской театр от Балтийского.

Немецкие морские силы на Севере к началу войны были незначительны. Базировались они на порты и базы Варангерфьорда, в частности на Петсамо (Печенгу) и Киркенес.

Боевые самолеты 5-го воздушного флота, ВВС Финляндии и транспортная авиация фашистов располагали в Заполярье значительной аэродромной сетью. Для непосредственных действий против Северного флота было выделено около 170 самолетов, в том числе до 100 бомбардировщиков.

Протяженность фронта превышала здесь 300 километров. Врагу противостояла 14-я армия под командованием генерал-лейтенанта В. А. Фролова. Две ее дивизии (из пяти) действовали на мурманском направлении.

Правое крыло армии, оборонявшее мурманское направление, поддерживал Северный флот. Самый молодой из флотов нашей страны, он имел к началу войны сравнительно немного кораблей. Эскадренных миноносцев было всего восемь, а подводных лодок — пятнадцать. Не хватало и хорошо оборудованных баз. Для стоянки кораблей приходилось использовать гавани Мурманска и бухты Кольского и Мотовского заливов.

Военно-воздушные силы Северного флота также были невелики — всего 116 самолетов, в основном устаревших типов. В начале войны мы фактически могли использовать только три аэродрома. Запасные аэродромы и посадочные площадки лишь строились. Ударной авиации, по существу, не было.

В начале войны противник на Севере имел превосходство в сухопутных войсках и авиации и уступал Северному флоту только по числу подводных лодок. В надводных кораблях было относительное равенство сил.

Итак, войска генерал-полковника Дитля начали решительное

наступление на Мурманск. Упомянутый уже немецкий автор Ф. Руге признает, что "это предприятие было задумано как чисто сухопутная операция, но влияние моря очень скоро дало себя почувствовать". Ссылка на то, что "местность оказалась настолько непроходимой", что горным войскам удалось преодолеть всего половину расстояния до Мурманска, неубедительна. Характер местности, конечно, был известен немцам, и прежде всего финнам. Не случайно там были заранее сосредоточены горные войска.

Горным войскам генерала Дитля в летние месяцы (июнь — сентябрь) не позволила продвинуться ближе к Мурманску отнюдь не местность, а наша 14-я армия и Северный флот. С того момента, когда для Мурманска возникла реальная и серьезная угроза, советские сухопутные части и флот действовали исключительно согласованно. И надо сказать, десант морской пехоты, а также поддержка кораблей сыграли свою роль в деле помощи армии. Немецкий же флот, имея на то все возможности, не обеспечил безопасность фланга своей армии. В середине июля мы не на шутку опасались за главную базу флота — Полярный, но, когда фронт стабилизировался, командование Северного флота получило возможность использовать свои подводные лодки и часть авиации на коммуникациях противника, ведущих к Петсамо и Киркснесу. Было потоплено более 10 транспортов (из них несколько с войсками). После этого генерал Дитль стал настойчиво просить о помощи. И помощь к нему пришла. Уже зимой 1941/42 года фашистское командование, оценив значение северных коммуникаций, перевело в базы Северной Норвегии линейный корабль "Тирпиц", три тяжелых и один легкий крейсер и немало других кораблей, в том числе эсминцев, подводных лодок, торпедных катеров. До 520 было доведено число самолетов.

Увеличилось число кораблей и на нашем Северном флоте, но в основном

за счет мобилизованных судов гражданских наркоматов и ведомств. Их пришлось срочно переоборудовать в сторожевые корабли и катера, минные заградители, катера-тральщики, плавучие базы. Конечно, многие из них не отвечали требованиям, предъявляемым к военным кораблям. Некоторые боевые корабли пришли летом 1941 года на Северный флот с Балтики и позднее, в 1942—1943 годах,— с Тихого океана.

Военно-воздушные силы Северного флота пополнялись самолетами с Балтики, Черного моря, из Военно-воздушных сил Красной Армии и самолетами, приобретенными у союзников. К ноябрю 1942 года в авиации североморцев насчитывалось 318 боевых единиц. Это уже была сила!

Но к тому времени многого добился и противник. Прежде всего существенно изменилось в его пользу соотношение военно-морских сил на Севере. .Немецкий флот в Заполярье стремился обеспечить свои морские коммуникации вдоль побережья Северной Норвегии и срывать наши морские перевозки.

Однако наш Северный флот настойчиво продолжал нарушать морские коммуникации фашистов, защищал свои и поддерживал приморский фланг 14-й армии.

Командующего Северным флотом адмирала Арсения Григорьевича Головки я знал и раньше, до войны. Он воевал добровольцем в Испании, после командовал Каспийской и Амурской флотилиями, а в июле 1940 года его назначили на Север. Произошло это неожиданно. Когда меня перевели на работу в Москву, флотом на Севере уже около года командовал В. П. Дрозд. Энергичный, инициативный и, бесспорно, смелый моряк, Валентин Петрович много работал, стремясь поднять боеспособность своего молодого флота. Мне думалось, он вполне на месте. Но на его судьбу повлияли обстоятельства, от него лично мало

зависевшие.

В разгар боевой подготовки летом 1940 года на Севере произошло несколько аварий. Вызванный в наркомат, В. П. Дрозд объяснил причины этих аварий и внес предложения, как избежать их в дальнейшем. Помнится, едва он уехал, меня вызвали в Кремль. На столе у И.В.Сталина лежало новое донесение о чрезвычайном происшествии.

После обсуждения в наркомате лучшим кандидатом на место В. П. Дрозда был признан А. Г. Головкин, служивший тогда на Амуре. Возражений это предложение не вызвало, и Арсений Григорьевич приехал в Москву. "Большой разницы в климате нет,— сказал он мне при встрече и пошутил:— Вот только плохо, что теперь к наркомату буду ближе". К слову сказать, дальневосточники всегда считали преимуществом то, что они находятся "подальше от начальства".

В Москве Головкин был принят Сталиным и, получив задание "навести порядок на флоте", выехал в Полярный. За год, оставшийся до войны, А. Г. Головкин успел основательно познакомиться с людьми, морским театром и кораблями. Флот был небольшой, а водные просторы огромные.

Мне запомнилась поездка на Север осенью 1940 года. В начале сентября мы с командующим прошли на одном из эсминцев от Мурманска до Архангельска. Заходили во все бухты и заливы. Было еще тепло, но в Иоканге лежал прошлогодний снег. Головкин, хорошо знавший Дальний Восток, привез оттуда известную там шутку о Колыме, переложив ее применительно к условиям сурового Баренцева моря: "Иоканга, Иоканга — чудная планета: двенадцать месяцев зима, остальное — лето".

В перспективе на этом огромном и открытом (с выходом в океан) морском театре намечалось создать мощный флот. Но пока это была лишь перспектива. Большие судостроительные заводы только сооружались.

Недостаток кораблей на Севере старались компенсировать установкой

береговых батарей. Вот на них-то мы с Головко и сосредоточили внимание во время нашей поездки. Места, где ставили батареи, были глухие, дорог мало, иногда приходилось добираться туда на тракторе. Одни батареи были готовы, другие еще устанавливались, а некоторые существовали пока лишь в проекте, на бумаге.

Во время этой поездки я смог впервые обстоятельно познакомиться и с морским театром и с новым командующим Северным флотом. Нельзя было не оценить его верных и метких определений роли подводных лодок и авиации на Севере. Понравилась его общительность, умение разговаривать с подчиненными.

Мне пришлось где-то читать, что у Головко были "длинные девичьи ресницы и профиль испанского гидальго". Характеристика для адмирала не совсем обычная! Меня, естественно, интересовало другое: его знания, умение применить их в случае войны. Арсению Григорьевичу довелось встретить войну и всю ее провести, как он писал, "вместе с флотом". Успешные действия флота на Севере — лучшая аттестация для командующего. Но нет, видно, на свете людей без "сучка и задоринки". Адмирал Головко был слишком чувствителен для военачальника. Порой приходилось задумываться над этим. Так, находясь во время войны на Северном флоте, я как-то высказал ряд довольно безобидных замечаний. Головко расстроился до слез, прямо-таки потерял душевное равновесие. Узнав об этой его слабости, я потом был осторожнее. Впрочем, я никогда не замечал, чтобы повышенная чувствительность отрицательно сказывалась на его работе.

Было бы несправедливо, рассказывая об этом, не подчеркнуть, что адмирал А. Г. Головко был одним из наиболее образованных военачальников нашего Военно-Морского Флота и пользовался большим авторитетом. Добрую память о нем сохраняют моряки не одного поколения.

Война на Северном театре проходила в условиях сравнительно более спокойных, чем на Черном море или на Балтике. Там напряжение доходило до предела, флоты вынуждены были покинуть свои лучшие базы, и это чрезвычайно усложнило проведение всех операций на море. К счастью, на Севере нам не пришлось пережить ничего подобного. Действия нашего "правофлангового" тем не менее поучительны.

В первую неделю войны в Заполярье боевые действия ограничивались взаимными налетами авиации. Фашисты перешли там в наступление лишь в последних числах июня, и это позволило 14-й армии и Северному флоту лучше подготовиться к встрече с врагом.

На кандалакшском направлении гитлеровцам удалось с тяжелыми боями несколько продвинуться в глубь нашей территории, но выйти к Кировской железной дороге они так и не смогли.

На мурманском направлении, несмотря на превосходство в силах, особенно в авиации, они продвинулись не более чем на 30 километров. Уже к августу 1941 года немцы выдохлись и потеряли способность наступать. Наши войска остановили их на рубеже реки Западная Лица. Еще раньше, 15 июля, перешли к обороне фашистские полки, рвавшие на полуостров Средний. Правда, они успели отрезать от материка полуострова Средний и Рыбачий, прикрывающие вход в Кольский залив. Но оба эти полуострова прочно удерживали советские моряки и пехотинцы.

В начале сентября противник вновь попытался наступать на мурманском направлении. Однако из-за решительных действий войск правого фланга 14-й армии и Северного флота ему удалось продвинуться лишь на 16 километров. К началу октября линия фронта на мурманском направлении окончательно стабилизировалась в районе губы и реки Большая Западная Лица. Однако с плацдарма, захваченного на восточном берегу

этой реки, противник продолжал угрожать главной базе Северного флота — Полярному, до которого оставалось менее 60 километров.

Еще 1 июля Военный совет флота с тревогой докладывал, что в случае дальнейшего отхода 14-й армии "ставится под угрозу базирование флота в Кольском заливе". Мы в Москве также ожидали, что натиск на Мурманск и Полярный будет сильным: предстояли перевозки грузов из США и Англии, и немцы не могли не понимать значения Мурманска, судя хотя бы по опыту первой мировой войны. Тогда царская Россия форсировала строительство железной дороги до Мурманска, чтобы использовать этот незамерзающий порт.

Когда борьба на этом участке фронта достигла особого напряжения, встал вопрос о помощи англичан. Мне пришлось два-три раза беседовать по этому поводу с контр-адмиралом Дж. Майлсом в Москве. Мы даже высказывали предположение о возможности взаимодействия флотов и авиации СССР и Англии на Севере. Как-то в шутку я сказал Майлсу, что англичанам не привыкать действовать в этом районе, намекнув тем самым на годы интервенции.

Он ответил тоже шуткой о нашем умении использовать опыт и уже серьезным тоном пообещал связаться с адмиралтейством.

Но вскоре обстановка на фронте под Мурманском улучшилась, и вопрос о посылке на Север английской эскадры отпал. Английские корабли и авиация появились там позже, когда фронт в Заполярье уже стабилизировался. Вскоре началось движение к нашим берегам конвоев из Англии и США.

Отдавая должное помощи, оказанной нам союзниками, и храбрости английских моряков военного и торгового флота, я хочу вместе с тем постараться прояснить истину в некоторых вопросах.

Английский историк Брайан Тонстолл, в годы войны освещавший события

довольно объективно, теперь, мягко говоря, не совсем точен. К операциям, которые "должны были непосредственно способствовать поражению немецких войск на Севере", Тонстолл относит рейд английского флота на Лофотенские острова 4 марта 1941 года. Но этот рейд никак не был связан ни с помощью Советскому Союзу, который тогда еще не воевал, ни с обеспечением конвоев, которые пошли значительно позднее.

Тонстолл, например, утверждает, что, как только Россия подверглась нападению, авиация английского флота уже 30 июля нанесла ряд мощных ударов по Петсамо и Киркенесу. Бесспорно, эти налеты оказали воздействие на немцев, но, к сожалению, произошли они не "как только Россия подверглась нападению", а более чем месяц спустя, когда враг на Севере был уже остановлен советскими войсками. Весьма косвенное отношение к обороне Мурманска имели и упоминаемые Тонстоллом нападения англичан на немецкие караваны и рейд на Шпицберген. Реальной помощью были смелые действия английских подводных лодок "Тайгрис" и "Трайидент". Они потопили несколько немецких транспортов с подкреплениями войскам генерала Дитля, пытавшимся прорваться к Мурманску и Полярному.

На мурманском направлении врага удалось остановить, и в этом большая заслуга Северного флота. Он поддерживал 14-ю армию артиллерией и авиацией, корабли высаживали десанты, морем перевозили войска, а также боевую технику, боеприпасы, горючее, продовольствие.

С первых дней войны на Северном флоте начали формировать части морской пехоты. Уже в начале июля отряды моряков-добровольцев героически сражались в рядах 14-й армии. Их часто использовали в десантах как отряды первого броска и штурмовые группы. Высадка десантов во фланги и в тыл наступавшему врагу действенно помогала

нашим войскам. В июле 1941 года, когда шли тяжелые бои на рубеже реки Западная Лица, флот высадил в Мотовском заливе три десанта, несколько разведывательных и диверсионных групп.

Моряки десантов сражались героически. Нельзя было без волнения читать сводки об их подвигах. Неувядаемой славой покрыли себя десантники 2-го отряда. Сопку, которую защищала одна из групп моряков, с соседней высоты обстреливали фашисты. Отделению старшего сержанта В. П. Кислякова было приказано захватить эту высоту. Десантники выполнили приказ. Но вскоре немцы атаковали их. Моряки упорно оборонялись. Когда держаться стало уже невозможно, Кисляков приказал бойцам отходить, а сам лег за пулемет. Он стрелял поседававшим фашистам, пока были патроны, затем встал во весь рост и, подняв над головой гранату, с матросским "ура" бросился на врагов. Ошеломленные, они побежали. Побежали от одного человека!

Кисляков пробился к своему отряду. 14 августа 1941 года он первым из североморцев стал Героем Советского Союза.

Подвиг североморского матроса комсомольца Ивана Сивко описан во многих статьях, очерках и рассказах; поэт Александр . Жаров посвятил ему свою поэму "Богатырь". И тем не менее я не могу не вспомнить об этом замечательном подвиге, одном из первых, свершенных в самые трудные дни войны.

2 августа 1941 года группа моряков-десантников оборонялась на сопке у реки Западная Лица. В ней было всего пять человек, шестой — командир, младший лейтенант Коленкин. Моряки дрались отчаянно: надо было во что бы то ни стало удержаться на этой сопке, чтобы другие подразделения десантников успели отойти на новые позиции.

На сопке бушевал шквал артиллерийского и пулеметного огня. Осколком снаряда ранило командира, однако он продолжал руководить боем.

Вскоре его ранило вторично, и он потерял сознание.

Два краснофлотца подняли младшего лейтенанта и понесли, а три других, в том числе Иван Сивко, продолжали сражаться. Вскоре пули скосили двоих. Остался один Сивко. Но вот и он перестал стрелять: кончились патроны.

Воспользовавшись моментом, гитлеровцы со всех сторон кинулись к вершине сопки и тоже прекратили огонь: они решили захватить матроса живым.

Сивко пустил в ход гранаты, но немецких автоматчиков было слишком много. Сивко понимал: ему не пробиться к своим, как пробился старший сержант Кисляков. Наступила роковая минута. Сивко крикнул:

— Врешь, живым не дамся!— и бросил последнюю гранату между собой и врагами.

Так погиб смертью храбрых молодой советский моряк, истребивший в этом бою не один десяток гитлеровцев. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Говоря об участии Северного флота в защите Мурманска и полуостровов Рыбачий и Средний, следует напомнить, что планы немецкого командования предусматривали захват Мурманска любой ценой и что захватить его нацисты так и не смогли, несмотря на гневные приказы Гитлера. Стремление применить обходный маневр с суши везде — от Одессы и до полуострова Рыбачий — владело умами нацистских военачальников как идея фикс. Германское командование явно переоценило возможности своих сухопутных сил.

Западногерманский историк В. Гесс подчеркивает, что целью действий горного корпуса "Норвегия" был только (обратите внимание: только!) Мурманск. О наших силах на Рыбачьем В. Гесс пишет, будто немецкое командование "склонилось к тому, что достаточно будет отрезать эти

силы... они сами по себе вскоре потеряют значение". Гитлеровцы рассчитывали захватить Мурманск в середине июля. На совещании у Гитлера 16 июля не только Мурманск, но и весь Кольский полуостров был заблаговременно "передан" под начало гаулейтера Тербовена. Но гаулейтеру так и не удалось прибыть в свои "владения".

"Почему германские войска еще не в Мурманске?— вопрошала в те дни немецкая газета, выходившая в Норвегии, и пыталась объяснить:— Бои оказались чрезвычайно тяжелыми, их трудность не поддается описанию. Сам черт выдумал тундру в помощь [63] большевикам. В тылу приходится сражаться с партизанами и прорвавшимися красноармейскими частями..." Но ведь то, что корпусу "Норвегия" предстояло преодолеть тундру и горы Заполярья, было известно в Берлине и раньше. Недаром фашисты сосредоточили на Севере специально подготовленные горноегерские части. Не было секретом для германского командования и то, что тундра близка к берегу Баренцева моря, вполне пригодному для высадки морских десантов обеих воюющих сторон.

Немецкий флот не обеспечил приморского фланга своей армии, наступавшей на Мурманск. Командование же нашего Северного флота, как известно, уже в июле высадило несколько десантов в районе губы Большая Западная Лица. Высаживали мы десанты и позже.

В. Гесс тоже вынужден был признать, что "благодаря высадкам десантов долгое время инициатива удерживалась в руках советских войск".

Забегая вперед, скажу, что самый большой из этих десантов — свыше 6 тысяч человек — был высажен 28 апреля 1942 года в районе мыса Пикшуев. Фашисты тогда готовили новое наступление на Мурманск. Активные действия 14-й армии и крупного десанта, появившегося неожиданно для врага, сорвали его замыслы.

Как известно, весной 1942 года по указанию Ставки ВГК наши войска

готовились провести ряд наступательных операций, и прежде всего в Крыму. Чтобы втянуть в бой резервы противника на мурманском направлении, было решено также провести небольшую наступательную операцию. Войска 14-й армии, наступая с рубежа реки Западная Лица, должны были прорвать линию обороны и продвинуться на запад. Северному флоту была поставлена задача высадить десант в тыл противника и тем самым облегчить продвижение частей 14-й армии, когда она прорвет оборону немцев.

Для десанта была выделена 12-я отдельная бригада морской пехоты под командованием полковника В. В. Рассохина и военкома бригадного комиссара И. Н. Кириллова. В состав десанта входил также разведывательный отряд флота. Всего насчитывалось около 6200 человек, вооруженных легким оружием и пушками калибра не более 45 мм.

Командиром высадки был назначен капитан 1 ранга В. И. Платонов. В поддержку десанта выделялись [64] эсминец "Громкий" и сторожевые корабли "Рубин" и "Смерч". Им предстояло подавить береговую артиллерию противника и отвлекать на себя огонь немцев.

Добившись нужной внезапности, десант в ночь на 28 апреля 1942 года высадился в назначенном месте и начал продвижение вперед. К 1 мая 12-я бригада заняла плацдарм шириной 15 километров и продвинулась в глубину на 12—14 километров, выполнив поставленную ей задачу. Однако действия частей 14-й армии оказались неудачными, и немцы сосредоточили усилия на ликвидации десанта. Ему пришлось перейти к обороне.

Войска армии в эти дни тяжелых боев поддерживали артиллерия и авиация Северного флота. По фашистам вели огонь эскадренные миноносцы, сторожевые корабли и даже сторожевые катера. Только в

1941 году они выпустили около 7500 снарядов. Активно действовали и береговые батареи. С полуострова Средний и с восточного берега губы Большая Западная Лица они вели прицельную стрельбу по переднему краю противника.

Боевой счет авиации Северного флота открыл 24 июня командир эскадрильи старший лейтенант Б. Ф. Сафонов. Метким залпом реактивных снарядов он уничтожил бомбардировщик "Хейнкель-111".

С именем Бориса Феокистовича Сафонова связаны многие славные победы летчиков-североморцев в первые, самые трудные месяцы Великой Отечественной войны. Особенно знаменателен день 15 сентября 1941 года.

Для поддержки наступавшей пехоты гитлеровцы выслали большую группу бомбардировщиков. Их прикрывали "мессершмитты", на которые и устремилась сафоновская семерка истребителей. Умелым маневром Сафонову удалось отколоть от строя головной бомбардировщик и поджечь его. Бомбардировщик упал на скалы. Боевой порядок фашистских самолетов был нарушен. Потеряв еще несколько самолетов, немцы начали удирать, беспорядочно сбрасывая бомбы на свои же войска.

Это произошло утром, а во второй половине дня та же семерка сафоновцев перехватила вблизи линии фронта 30 вражеских бомбардировщиков, которые шли под прикрытием 22 истребителей. Этот бой, в котором 7 советских летчиков уничтожили 13 фашистских самолетов, заставив остальных спасаться бегством, навсегда вошел в историю советской морской авиации.

16 сентября 1941 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил Б. Ф. Сафонову высокое звание Героя Советского Союза, а полк, в котором он служил, был награжден орденом Красного Знамени. К тому времени

Борис Феоктистович лично сбил 11 вражеских самолетов.

Сафонов дрался с врагом, сочетая отвагу и хладнокровие. Численному превосходству фашистов он противопоставил свою тактику, которую совершенствовал с каждым боем. В одном случае устраивал засаду в облаках, в другом — внезапно наносил удар со стороны солнца, в третьем — искусно использовал для маскировки море и сопки. Справедливо говорили в годы войны о "школе Сафонова". Из нее вышло немало прекрасных летчиков.

Отвага и боевое мастерство быстро выдвинули Сафонова в число лучших авиационных командиров. Вскоре он был назначен командиром 72-го Краснознаменного авиаполка. Полк первым на Северном флоте стал гвардейским. Принимая гвардейское Знамя, командир от имени всего полка дал клятву:

— Перед добытым в боях гвардейским Знаменем клянемся! Слушай нас, великий русский народ, чудесная наша Родина, героическая партия большевиков! Мы, сыны твои, будем драться, громить и истреблять фашистских зверей, не зная страха, усталости, презирая смерть во имя полной победы над фашизмом!

Утром 30 мая 1942 года гвардии подполковник Сафонов со своими боевыми товарищами В. П. Покровским и П. И. Орловым вылетел на прикрытие большого конвоя союзников, который шел в Мурманск и находился в это время в 60 милях от наших берегов.

Над конвоем уже кружили вражеские самолеты. 45 "юнкерсов" ожесточенно бомбили транспорты и корабли охранения. Сафонов сразу ринулся на ближайший бомбардировщик противника и поджег его. Покровский и Орлов атаковали другие фашистские самолеты.

В этом бою Сафонов сбил три "юнкерса", несколько самолетов сбили его товарищи. Выходя из боя, Сафонов передал по радио на командный

пункт полка, что поврежден мотор его самолета. Вылетевшая на помощь сражавшимся новая группа летчиков стала запрашивать у Сафонова, не ранен ли он. Каждый из [66] летчиков ради спасения командира готов был отдать жизнь. В ответ они слышали по радио властный голос Сафонова:

— Преследуйте врага, он уходит!

Это был его последний боевой приказ.

Не верилось, что Борис Феоктистович Сафонов погиб. Его ждали день, два, три... Но сколько ни искал специально посланный эсминец "Валериан Куйбышев", ничего в море обнаружить не смог. Видимо, герой был тяжело ранен и погрузился в студеную пучину вместе со своей машиной.

Недолго пришлось Сафонову повоевать, но он совершил около 300 боевых вылетов, лично сбил 25 вражеских самолетов, 14 уничтожил в групповых боях. 14 июня 1942 года Б. Ф. Сафонов — первый из участников Великой Отечественной войны — посмертно был удостоен второй Золотой Звезды Героя. 2-й гвардейский истребительный Краснознаменный авиаполк, которым командовал Сафонов, стал носить его имя.

У подножия гранитной скалы в Заполярье герою воздвигнут памятник. Далеко видна мужественная фигура замечательного летчика, вознесенная на высокий пьедестал...

Немногочисленной в начале войны была авиация Северного флота. Но уже к концу 1941 года морские летчики сбили в воздухе и уничтожили на аэродромах 119 вражеских самолетов. Летчики-североморцы с одинаковой отвагой сражались и над морем и над землей Заполярья. Морскую авиацию использовали и для поддержки сухопутных войск. Нанося удары по войскам и аэродромам противника и прикрывая с

воздуха свои войска, авиация Северного флота одновременно вела разведку, защищала с воздуха базы, аэродромы и другие военные объекты, охраняла транспорты в море, а также десантные корабли на переходе и в момент высадки десанта, бомбила базы противника, действовала на его морских путях. За 1941—1942 годы североморские летчики совершили около 27 тысяч вылетов, большую часть из них — для поддержки своих сухопутных войск.

В ходе войны авиация флота мужала, росла и качественно и количественно. С течением времени объектами ее действий стали удаленные порты и коммуникации врага. Торпедоносцы, бомбардировщики и штурмовики наносили удары по кораблям и судам] фашистов в море. В первый год войны они потопили десять вражеских транспортов. С февраля 1942 года авиация приступила к постановке мин в водах противника.

Бомбим Берлин

Об авиации Балтийского флота хочется сказать особо. Она активно действовала с первого дня войны. Истребители прикрывали базы, а также корабли, стоявшие на рейдах или выходившие на боевые операции в море. Над Кронштадтом, Таллинном, Ханко, над аэродромами, на которые были нацелены вражеские бомбардировщики, то и дело завязывались жаркие стычки в воздухе. Летчики Балтики сражались отважно.

Флотской авиации явно не хватало, потому что, как уже говорилось, большая часть ее была в силу необходимости нацелена на наземные объекты. На Ханко противник простреливал каждый метр земли, держа под огнем и аэродром, и тем не менее летчики-истребители надежно охраняли небо, обеспечивая господство в воздухе, без чего военноморская база, окруженная неприятелем, не могла бы продержаться. Уже

в первые дни войны флотские бомбардировщики сбрасывали свой груз на Мемель, Данциг, Гдыню и другие порты, которыми пользовался враг. С 23 июня начались удары по аэродромам и портам Финляндии, выступившей против Советского Союза на стороне фашистской Германии{11}. Атакам нашей авиации подверглись Турку, Котка, Тампере. Самолеты КБФ ставили мины вблизи баз противника, чтобы затруднить выход его кораблей в море, наносили удары по конвоям.

Успешность действий авиации КБФ подтверждают и сами немцы. Вот что писал журнал "Марине рундшау" в 1962 году:

"...Советская авиация ВМС после первых недель некоторой неясности положения добилась почти неоспоримого господства в воздухе над морем. Ее самолеты совершали до 17 воздушных атак в день. Число самолетов, участвовавших в каждом налете, доходило до 25. Налеты отличались систематичностью и упорством действий".

Командир 5-й немецкой флотилии тральщиков сообщал в своем донесении в июле 1941 года о том, что, несмотря на интенсивный зенитный огонь, русские вели прицельное бомбометание и что часть бомб была сброшена с пикирования. Он указывал также, что применение бомб с осколочным действием неизвестной до сих пор силы вызвало большие потери в личном составе. В конце донесения сообщалось, что если проводка конвоев и траление мин в Рижском заливе будут производиться без прикрытия истребителями, то в этом случае следует ожидать тяжелых потерь.

Такой же характер имело донесение командира 1-й флотилии торпедных катеров от 4 июля 1941 года об абсолютном господстве русских в воздухе и "большой опасности, которой подвергаются суда, совершающие переход без прикрытия".

Об одной операции авиации Балтики следует рассказать подробно: я

имею в виду налеты на Берлин в августе — сентябре 1941 года.

В конце июля фашисты совершили свой первый налет на Москву. Нам хотелось ответить налетом на Берлин. Но как? По плану мы готовились в те дни нанести с ленинградского аэродромного узла удары по Пиллау, где базировались корабли немецкого флота. Правда, с аэродромов, расположенных под Ленинградом, до Берлина было ближе, чем с других наших аэродромов. Но расстояние все-таки было слишком велико, чтобы его могли преодолеть в оба конца самолеты ДБ-3 даже с форсажем (ДБ-3ф).

Пришлось нам с В. А. Алафузовым призадуматься...

Развернули карту. После прикидки стало ясно, что с ленинградских аэродромов наши самолеты дотянут лишь чуть дальше Либавы. А вот если стартовать с острова Эзель, тогда можно лететь до Кенигсберга. Ну а если взять предельный радиус действий самолетов? Да, тогда можно достать и до Берлина! Правда, идти придется над морем и, сбросив бомбы, немедленно возвращаться. Потеряешь 20—30 минут — не дотянешь до своих аэродромов. Придется садиться на территории противника. Чтобы исключить этот вариант, оставалось одно — лететь на Берлин на самой выгодной во всех отношениях высоте и бомбить немедленно, несмотря ни на что. Потом строго прямым курсом возвращаться домой. Иначе говоря, лететь было можно, если найдутся отважные летчики, если будет исправна материальная часть и если при возвращении туман не закроет аэродром.

Наконец после консультации со специалистами убедились, что если самолеты возьмут полный запас горючего и не более 750 килограммов бомб каждый, то они пройдут расстояние до Берлина (около 900 километров) за три с небольшим часа и вернутся домой, еще имея в баках остаток бензина.

"Заманчиво,— подумал я.— Но не получится ли так, что мы пошлем летчиков на операцию, с которой они не вернутся?"

Нужно было хорошенько все взвесить. Да и после этого требовалось еще разрешение Ставки. Дело было весьма серьезное, оно выходило за рамки прав наркома Военно-Морского Флота.

В затруднительном положении оказался и командующий ВВС ВМФ С. Ф. Жаворонков. С одной стороны, по его же данным, получалось, что такую операцию провести можно. С большим риском, на пределе, но можно. С другой — какая огромная ответственность ложилась на него, если полет оказался бы неудачным! Ведь это грозило потерей всех самолетов...

— Буду докладывать Ставке,— сказал я ему.

— Дайте еще подумать, посоветоваться с исполнителями,— ответил Семен Федорович.

Снова все проверили и взвесили. Полком, которому предстояло выполнять это ответственное задание, командовал полковник Е. Н. Преображенский, его штурманом был прекрасный специалист капитан П. И. Хохлов. Расчеты Преображенского и Хохлова еще раз подтвердили: да, полет возможен.

Через два дня, на очередном докладе, я разложил перед И. В. Сталиным карту Балтийского моря. Остров Эзель и Берлин соединяла на ней четкая прямая линия. Тут же были даны окончательные расчеты: самолет может взять одну 500-килограммовую бомбу или две по 250.

Удар по Берлину имел бы в случае удачи огромное значение. Ведь гитлеровцы трубили на весь мир, что советская авиация разгромлена.

И Ставка утвердила наше предложение. "Вы лично отвечаете за выполнение операции",— было сказано мне на прощание.

Вернувшись, я тут же отдал все необходимые распоряжения. Вскоре Военный совет Балтийского флота получил приказ подобрать 15

экипажей 1-го минно-торпедного полка и к 10.00 2 августа перебазировать их на Эзель. В связи с этим ранее поставленную задачу — бомбардировку Пиллау — пришлось отменить.

Трудная задача ложилась на моряков. Достаточных запасов топлива и авиабомб на острове не было. Их сначала пришлось доставлять туда из Таллинна, а затем из Кронштадта. Небольшие баржи с бензином и боеприпасами под сильной охраной следовали заминированным Финским заливом до Таллинна, а затем дальше, на остров Эзель. Опасность подстерегала их на каждом шагу. Следует иметь в виду, что Таллинн уже был осажден противником.

Учитывая сложность операции, подготовка и руководство ею была возложены непосредственно на командующего ВВС ВМФ генерал-лейтенанта С. Ф. Жаворонкова. Сначала, 2 августа, он вылетел на аэродром под Ленинградом, где находился 1-й минно-торпедный полк. Для сохранения секретности о цели своего прилета Семен Федорович информировал только командующего флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца и командующего ВВС Балтфлота генерал-майора авиации М. И. Самохина.

Дело было спешное, и 4 августа рано утром — как вспоминает сам Жаворонков — 15 самолетов ДБ-3 произвели посадку на аэродроме Кагул. Вскоре туда же отправился и командующий ВВС ВМФ.

На него лично возлагалось проследить не только за подготовкой, но и за выполнением первых налетов на Берлин.

Понимая всю ответственность за людей, которым предстояло выполнить столь рискованное задание, я, обсудив вопрос с С.Ф. Жаворонковым, распорядился провести сначала несколько пробных полетов, чтобы убедиться на практике в возможности задуманного и собрать как можно более полные данные о противовоздушной обороне Берлина.

В ночь на 3 августа наши морские орлы слетали на разведку погоды и сбросили бомбы на ближний объект — Свинемюнде. Экипажи взяли полный запас горючего и бомб — как бы для полета на Берлин — и поднялись с аэродрома Кагул на острове Эзель.

Операция показала, что отлично тренированные летчики могут стартовать на тяжелых машинах и с этого маленького аэродрома.

В ночь на 6 августа пять экипажей отправились в разведывательный полет на Берлин. Было установлено: зенитная оборона расположена кольцом вокруг города в радиусе ста километров и имеет много прожекторов, способных действовать на расстоянии до 6 тысяч метров.

Теперь все было ясно. Полет труден, но возможен. Опять — в который уже раз! — проверили материальную часть и получили приказ выполнить задание при первой возможности.

Прошло еще несколько дней, и самолеты поднялись в воздух. Их было пятнадцать. Командовал операцией Евгений Николаевич Преображенский. Его ближайшими помощниками в группах были капитаны В. А. Гречишников и А. Я. Ефремов, штурманом летел П. И. Хохлов.

Сообщение о вылете поступило перед самым моим отъездом на доклад в Ставку. Я был уверен, что меня первым делом спросят, как дело с налетом на Берлин.

Именно так и случилось. И мне было приятно доложить, что операция началась...

В ночь на 8 августа тяжело нагруженные самолеты с трудом оторвались от земли. Единственной их защитой от зениток и истребителей являлась высота.

Смелость и разумный риск, основанный на точном расчете, оправдали себя. Немцы не ожидали такой дерзости. Во время подхода наших

самолетов к цели они сигналами с земли запрашивали: что за машины, куда летят? Считая, что сбились с пути свои, летчикам предлагали сесть на один из ближайших аэродромов. Загипнотизированные геббельсовской пропагандой, дежурные наблюдательных постов не допускали даже мысли, что над их головой могут появиться советские самолеты. Полчища фашистов рвались в те дни к Ленинграду, к Москве. В Берлине считали, что уже близка заветная цель, а в это время русские летчики на высоте 7 тысяч метров шли на столицу третьего рейха.

Огни Берлина были видны издалека: город не был затемнен. Налеты англичан с запада происходили тогда так редко и оказывались столь слабыми, что жители немецкой столицы успевали подготовиться к ним после объявления воздушной тревоги.

По огням и контурам приметных мест — рек, озер, дорог — штурман Хохлов уточнял свой курс и вел самолеты на военные объекты Берлина. Наши самолеты достигли уже цели, а зенитного огня по ним никто не открыл. Сбросив бомбы, все пятнадцать [72] бомбардировщиков, облегченные от груза, легли на обратный курс. Наблюдать за результатами бомбового удара не было возможности: по небу шарили прожекторы, вокруг вспыхивали разрывы зенитных снарядов.

Задание было выполнено. Первая в истории Отечественной войны атака Берлина советской авиацией состоялась. Это радовало всех, радовало настолько, что отступили на задний план и опасность обратного полета и сознание, что запас топлива в баках весьма ограничен.

Через тринадцать лет мы с Евгением Николаевичем Преображенским, уже командующим ВВС Военно-Морского Флота, вместе летели в Порт-Артур и вспоминали годы войны. Вспоминали, конечно, и о первом налете на фашистский Берлин. Тогда-то я и узнал, что наши летчики, оказывается, обсуждали возможность такого налета еще до приказа из Москвы...

Фашистам и в голову не пришло, что их столицу бомбили советские самолеты. На следующий день в немецких газетах было опубликовано такое сообщение: "Английская авиация бомбардировала Берлин. Имеются убитые и раненые. Сбито шесть английских самолетов". На это англичане ответили: "Германское сообщение о бомбежке Берлина интересно и загадочно, так как 7—8 августа английская авиация над Берлином не летала". Не верить этому не было оснований. Пришлось немцам сделать вывод, что этот успешный налет произвели советские самолеты. Вот тебе и скорая победа на советско-германском фронте, вот тебе и уничтоженная советская авиация!

За первым налетом последовали другие. Но условия стали более тяжелыми. Теперь противник встречал наши самолеты ожесточенным огнем, едва они пересекали береговую черту, а вокруг Берлина действовала сложная система противовоздушной обороны. Каждый раз приходилось разрабатывать особую тактику. Выручала по-прежнему большая высота. Выше 7 тысяч метров нашим бомбардировщикам уже не так были страшны ночные истребители со специальными мощными фарами, не так был страшен и огонь зениток.

Гитлеровская ставка потребовала от своего командования "ликвидировать военно-морские и военно-воздушные базы на островах Даго и Эзель, и в первую очередь — аэродромы, с которых производятся налеты на Берлин". Нам пришлось усилить защиту аэродромов. Туда были передислоцированы почти все зенитные средства островов и скромные истребительные силы.

"А нельзя ли вместо 500-килограммовой бомбы или двух бомб по 250 килограммов нести на Берлин до тысячи килограммов, то есть брать по две пятисотки?"— такой вопрос возник у Верховного Главнокомандующего.

Мои доводы, основанные на мнении С. Ф. Жаворонкова о том, что такая нагрузка для самолета недопустима, показались неубедительными. В Ставку был приглашен опытный летчик-испытатель В. К. Коккинаки. Об этом я уже писал в книге "Накануне". Коккинаки отлично знал самолеты ДБ-3, его не раз направляли в авиационные части, чтобы он показал, как надо использовать технику и выжать из нее все возможное в смысле дальности полета и грузоподъемности машины.

Точка зрения Коккинаки разошлась с моей. "Можно брать две пятисотки",— помнится, заявил он, и я был временно посрамлен.

По личному приказу Верховного Владимир Константинович вылетел на Эзель, где дислоцировался полк Е. Н. Преображенского. Теоретически бомбовую нагрузку на ДБ-3 можно было увеличить до тонны, но далеко не новые моторы самолетов делали это практически невозможным, тем более при полете на предельную дистанцию. Попытка Коккинаки поднять бомбы весом в одну тонну кончилась неудачей: два самолета потерпели аварию. Мне ничего не оставалось, как доложить об этом Ставке и отдать приказ командующему ВВС ВМФ: оставить нагрузку прежней.

Однако дело на этом не кончилось.

В Ставку были вызваны командующий ВВС ВМФ С. Ф. Жаворонков, до тех пор неотлучно руководивший полетами на месте, и командующий ВВС Красной Армии П. Ф. Жигарев. И. В. Сталин нередко поступал так по отношению к какому-либо наркому. Этим он как бы говорил: "Вот я сейчас вас проверю. Вот сейчас послушаем, что скажут практические работники".

Когда Жигарев, Жаворонков и я вошли, Сталин сердито посмотрел на нас. О его плохом настроении свидетельствовало и то, что он не сидел и не стоял возле стола, как обычно, а быстрыми шагами ходил от стены к стене. Едва мы вошли, он приступил прямо к делу.

Больше всех досталось П. Ф. Жигареву, который направил для пополнения авиации КБФ самолеты с изрядно поношенными моторами. Что же касается нас, моряков, то И. В. Сталин хотя и не признал наши доводы правильными, но теперь уже не приказывал брать для бомбардировки Берлина бомбы весом по тонне.

Налеты на Берлин повторялись еще не раз. Последний был 5 сентября. Когда пришлось оставить Таллинн, полеты с островов стали невозможны. Всего за десять налетов на Берлин было сброшено 311 бомб и зарегистрировано 32 пожара. В моей памяти навсегда остались дни, когда наши морские орлы летали бомбить фашистскую столицу. Многих участников тех дерзких налетов наградили орденами, а Е. Н. Преображенский, П. И. Хохлов, В. А. Гречишников, А. Я. Ефремов и М. Н. Плоткин были удостоены звания Героя Советского Союза.

Оборона Таллинна и прорыв в Кронштадт

Как известно, в первые месяцы войны три наши главные военно-морские базы — Таллинн, Севастополь, Полярный — оказались под угрозой захвата противником. Уже в начале июля, после взятия фашистами Риги, стало ясно, что немцы стремятся окружить, а затем и захватить Таллинн. В августе началась героическая оборона столицы Эстонии. Почти тогда же разгорелись бои за Одессу и возникла угроза прорыва гитлеровцев на Крымский полуостров. В середине октября нависла непосредственная опасность над Севастополем, а в первых числах ноября защитники города-героя отбивали первый штурм врага. На Севере, в районе Мурманска, немцам не удалось сколько-нибудь значительно продвинуться к Полярному, но положение главной базы Северного флота также стало опасным. Однако наибольшую тревогу в первые же недели войны вызывала судьба Таллинна.

Уже в начале июля Военный совет Балтийского флота стал проявлять

беспокойство за свой тыл, особенно в южном направлении. Командующий флотом доложил мне, что телеграфная и телефонная связь с сухопутными частями нарушена. Авиаразведка доносила, что танки противника двумя колоннами движутся одна на Псков, другая на Валк, то есть на Таллинн. Из последующих докладов Военного совета флота можно было заключить, что обстановка для главкома Северо-Западного направления К. Е. Ворошилова также не ясна, ибо он приказал командованию Балтфлота: "Свяжитесь самолетом с Псковом, выставьте засаду сухопутных частей южнее Таллинна. Для уточнения обстановки вести разведку. Лишние корабли направить на восток. Уточнение обстановки сообщу". Но сухопутных частей флот не имел и мог использовать для непосредственной обороны Таллинна лишь небольшие флотские подразделения. Начальник штаба фронта генерал Д. Н. Никишев 3 июля отдал 8-й армии распоряжение: "...Готовить немедленно силами местного населения оборонительные рубежи Пярну — Вильянди — северное побережье озера Выртсъярв". Но такое распоряжение не могло быть выполнено в столь короткий срок, оно требовало огромного объема работ. А на Таллинн со стороны Риги уже двигался противник. Нам в Наркомате ВМФ следовало именно в эти первые дни июля самим верно оценить обстановку, сделать реальный прогноз в отношении Таллинна и решительно настаивать в Ставке: "Если хотим подольше удержать Таллинн, необходимо отвести туда всю 8-ю армию и спешно создать несколько линий обороны". Но, надо признаться, в первой половине июля мы больше следили за событиями на суше около наших баз, чем руководили ими. Да Наркомат ВМФ и не мог поступить иначе. Оперативные приказы флоту отдавал главком Северо-Западного направления.

Угроза, нависшая над Таллинном, требовала неотложного решения

многих важных вопросов. Один из них — об организации обороны города. Как этот вопрос решался, я уже писал. Второй вопрос: где в условиях непосредственной угрозы главной базе должен находиться флагманский командный пункт Военного совета (ФКП), управляющий действиями всего флота?

Военный совет флота, озабоченный обстановкой на Балтийском театре, включая и оборону Выборга, внес предложение перенести ФКП в район Лужской губы. В этом была своя логика. По наставлениям, которые мы все изучали в свое время, не следовало возлагать непосредственное руководство обороной главной базы на командование флота: это неизбежно отвлекло бы его от управления всеми соединениями и ведения войны на морском театре в целом. Однако на практике командирами главных баз до войны обычно являлись командующие флотами. Предполагалось, что главные базы всегда будут находиться сравнительно далеко от линии фронта и командующий будет нести ответственность за оборону базы лишь с моря и с воздуха.

Опыт войны показал, что такое положение было правильным лишь в принципе. В Полярном или во Владивостоке, где командующему флотом не пришлось заниматься непосредственной обороной базы с суши, он руководил оттуда операциями флота в относительно спокойной обстановке. Совсем в другом положении оказались главные базы Балтийского и Черноморского флотов: их пришлось оборонять именно с суши.

О том, как отнестись к предложению Военного совета, мы не раз говорили с заместителем начальника ГМШ В. А. Алафузовым и неизменно приходили к выводу, что, если Военный совет покинет Таллинн, это может привести к преждевременной и беспорядочной эвакуации. В сложившейся обстановке только Военный совет со штабом флота мог

организовать и возглавить оборону города и базы. Ведь Таллинн был не только главной базой, но и столицей ЭССР.

Определяя место для ФКП, нельзя было забывать и того, что в июле — августе 1941 года активно действовавшими на суше, на море и в воздухе были на Балтике силы флота, расположенные на островах Эзель и Даго, на полуострове Ханко и в районе Таллинна. С переносом ФКП флота в Лужскую губу эти силы были бы отделены от своего командования территорией, захваченной врагом на обоих берегах Финского залива, и водным пространством, контролировать которое нам с каждым днем становилось все труднее.

Следовало учесть и еще одно обстоятельство: возможное (а тогда и весьма вероятное) содействие немецкого флота своей армии, наступавшей на Таллинн. В этом случае не исключалась необходимость привлечь дополнительные силы Балтийского флота в район главной базы.

Мы сами не могли окончательно решить вопрос о ФКП флота. Поскольку Балтийский флот к тому времени был оперативно подчинен главнокомандованию Северо-Западного направления, последнее слово оставалось за ним.

Из доклада И. С. Исакова, который в то время находился в Ленинграде и побывал в Таллинне, я узнал, что и он, и главнокомандование Северо-Западного направления разделяют нашу точку зрения и считают, что командованию флота целесообразно остаться в Таллинне.

Насколько я помню, в Ставке этот вопрос специально не обсуждался, однако, докладывая в середине июля обстановку в районе Таллинна, я сообщил о предложении Военсовета КБФ перенести свой ФКП в Лужскую губу и о решении главнокомандования Северо-Западного направления оставить Военсовет в Таллинне.

"Таллинн нужно оборонять всеми силами",— заметил И. В. Сталин, и я понял его слова как одобрение нашего решения.

Оборона Таллинна происходила в очень невыгодных для нас условиях. Мощный вал немецких войск катился, еще не потеряв своей наступательной силы. Главная база флота меньше всего была готова к обороне с суши. 10-й стрелковый корпус 8-й армии отошел к Таллинну в последний момент и, конечно, не мог построить перед ним прочную линию обороны, да и местность не благоприятствовала созданию сильных укреплений. Вокруг Таллинна было недостаточно и подземных сооружений для хранения боеприпасов.

В связи с этим позволю себе небольшое отступление. Мне хорошо запомнились поездки в окрестности Таллинна в 1940 году, когда Эстония воссоединилась с Советским Союзом и штаб Балтийского флота переместился в ее столицу. Кое-где мне показали подземные сооружения, но некоторые из них, построенные еще перед первой мировой войной, были полуразрушены. Здесь, как и во Владивостоке, царское правительство старалось учесть опыт осады Порт-Артура в начале нашего века. Круговая оборона Таллинна считалась крайне желательной, как и укрытие всего ценного под землю от крупных снарядов. Возможная опасность нападения с воздуха и память о пережитом в Испании заставили меня ценить подземные укрытия. Мы старались упрятать под землю все командные пункты, хранилища торпед и мин. Я советовал командующему флотом адмиралу В. Ф. Трибуцу поскорее привести в порядок и использовать старые форты.

В невероятно трудных условиях лета 1941 года командованию флота вместе с партийными и советскими организациями Таллинна удалось все же, пока противник находился еще на дальних подступах к городу, создать три оборонительных рубежа. На строительстве их трудились не

только воины армии и флота, но и местные жители.

Для обороны главной базы были привлечены все силы, которые находились в ее районе: части 10-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора И. Ф. Николаева, корабли и артиллерия береговой обороны, зенитная артиллерия и авиация флота.

Как я уже говорил, гитлеровское командование, пользуясь превосходством в силах, надеялось овладеть Таллинном еще в июле. Но враг встретил решительное сопротивление и в упорных боях был остановлен. Чтобы возобновить наступление, гитлеровцам потребовалось перебросить под Таллинн дополнительные силы с других участков фронта.

20 августа вражеские войска начали ожесточенные атаки на город уже с самых ближних подступов. Немцы бросили в бой полнокровные дивизии, усиленные артиллерией. В течение нескольких дней шли жаркие бои на первом рубеже обороны. Героически дрались с врагом армейцы и моряки, артиллеристы, экипажи бронепоездов и личный состав зенитной артиллерии, которую использовали для поддержки пехоты. Зенитные батареи в упор расстреливали гитлеровцев. Были случаи, когда зенитчики, оказавшись на два-три километра впереди своей пехоты, сами мужественно сдерживали натиск врага.

Доблестно сражался в те дни добровольческий отряд под командованием полковника Ивана Григорьевича Костикова. Еще на дальних подступах к Таллинну он на своем участке в течение целого месяца сдерживал натиск противника. 22 августа враг бросил против отряда новые силы и окружил его. "Идем на прорыв!"— приказал командир отряда. Он вывел своих людей из вражеского кольца, но сам при этом был тяжело ранен. Понимая, что гитлеровцы будут охотиться за ним, и не желая попасть в плен, полковник И. Г. Костиков застрелился.

В напряженные дни обороны Таллинна торпедный электрик с лидера "Минск" комсомолец Евгений Никонов попросил командование направить его воевать на сушу. В одном из боев он был ранен, но лечь в госпиталь отказался.

В ночь на 19 августа Никонов с товарищами потел в разведку к хутору Харку, занятому гитлеровцами. Ушел и не вернулся. Когда моряки выбили врага с хутора, они обнаружили на окраине парка привязанного к дереву краснофлотца в окровавленной тельняшке. Возле потухшего костра под деревом лежала обгоревшая бескозырка с надписью на ленте "Минск". Это был Евгений Никонов.

Пленные гитлеровцы рассказали, что советские разведчики наткнулись на засаду. Никонов был тяжело ранен и попал в плен, а товарищи его погибли. Допрос, пытки, снова допрос... Балтийский моряк остался до конца верен присяге, не дал врагу никаких сведений. Тогда ему выкололи глаза, привязали к дереву и разожгли костер...

В парке Кадриорг трудящиеся эстонской столицы воздвигли памятник герою. Его именем названа одна из улиц Таллинна.

Приказом командующего флотом Евгений Никонов навечно занесен в списки экипажа лидера "Минск", а позднее и в списки личного состава одной из школ учебного отряда Балтийского флота. В 1957 году Никонову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Подвиги, равных этому по силе духа, было немало. Беспредельно преданные Родине, моряки-балтийцы дрались самоотверженно.

Когда немцы подошли к городу на дальность огня морских орудий, в бой вступила корабельная и береговая артиллерия. По фашистам было выпущено свыше двенадцати тысяч снарядов, не считая тех, которые израсходовали зенитчики. Гитлеровцы несли большие потери от огня крейсера "Киров", эсминцев, канонерских лодок, береговых и зенитных

батарей. И все же продолжали рваться к городу. Фюрер торопил своих генералов. Он рассчитывал, захватив главную базу Краснознаменного Балтийского флота, заодно покончить и с основными силами самого флота. 25—27 августа продолжались ожесточенные бои на последнем рубеже обороны. В ночь на 27 августа немцы подошли к городу вплотную и, подтянув артиллерию и минометы, начали ожесточенный обстрел наших кораблей, стоявших у причалов и на рейде.

Положение защитников Таллинна стало очень тяжелым. 25 августа Военный совет флота доложил главкому Северо-Западного направления и наркому ВМФ, что приказание об обороне выполняется, все способные дерутся, все оружие брошено на боевые участки, с кораблей сняты все люди, без которых можно обойтись. Под давлением превосходящих сил противника кольцо вокруг Таллинна сжимается, сообщал Военный совет флота. Части 10-го корпуса несут большие потери. Линия обороны в нескольких местах прорвана. Резервов для ликвидации прорыва нет, корабли на рейде находятся под обстрелом. Танки врага вошли в лес Нымме. Докладывая создавшуюся обстановку, Военный совет просил указаний и решения по кораблям, частям 10-го стрелкового корпуса и береговой обороне флота на случай прорыва противника в черту города и отхода наших войск к морю.

Краснознаменный Балтийский флот, воины 10-го стрелкового корпуса сделали все возможное для обороны Таллинна. Они нанесли врагу большой урон, отвлекли его крупные силы от главной цели — Ленинграда. Но возможности для дальнейшей обороны эстонской столицы были исчерпаны.

Я доложил Ставке о критическом положении в Таллинне, просил разрешить эвакуацию главной базы Балтийского флота. Докладывать об этом и просить санкции должно было главнокомандование Северо-

Западного направления. Но оно почему-то медлило, а ждать дольше было нельзя...

26 августа Ставка отдала приказ об эвакуации защитников Таллинна и прорыве флота в Кронштадт для усиления обороны Ленинграда.

С момента получения директивы Ставки и до окончания срока пребывания войск в Таллинне оставалось не более суток. За это время нужно было подготовить к выходу в море весь флот, а он насчитывал около 200 выпелов. За это же время войскам под прикрытием огня кораблей и батарей предстояло отойти с линии фронта и погрузиться на транспорты. Нетрудно представить, какой напряженной была деятельность командования флота и всех его соединений. Флагманский командный пункт флота пришлось перенести в только что вырытые на территории Минной гавани землянки, где от близких снарядных разрывов вздрагивал пол и на головы сыпался песок из перекрытий.

Развернулась подготовка к приему войск на транспорты. Купеческая гавань, где это происходило, находилась под минометным огнем.

В 21 час 27 августа по приказу командования Северо-Западного направления начался отход с линии фронта главных сил частей, оборонявших Таллинн. Их вывод с позиций прикрывался огнем корабельной и береговой артиллерии. Посадка войск на транспорты началась в 22 часа 30 минут.

После полудня для прикрытия отхода войск на восточном участке оборонительного рубежа были предприняты контратаки. На оборонительном рубеже оставались части заслона.

Военный совет флота перешел на крейсер "Киров", отдав последние указания оставшимся на берегу.

Это был организованный отход, проводившийся по плану. Начальник тыла флота генерал М. И. Москаленко до последнего момента руководил

уничтожением военного имущества, которое не удалось погрузить. Арьергардом командовал опытный моряк контр-адмирал Ю. Ф. Ралль. Тот самый Юрий Федорович Ралль, о котором я писал в "Накануне", вспоминая годы службы на крейсерах Черноморского флота. Ему было приказано выставить минные заграждения в гаванях и заминировать стенки порта.

28 августа к полудню корабли флота сосредоточились у островов Найссар и Аэгна, готовые двинуться на восток.

В 16 часов стали сниматься с якоря главные силы флота. Под флагом комфлота в охранении эсминцев и в сопровождении тральщиков вышел крейсер "Киров". В 17 часов под флагом начальника штаба Ю. А. Пантелеева двинулся лидер "Минск", имевший боевой задачей прикрытие (всего в отряде прикрытия насчитывалось 20 боевых кораблей). А рейд уже простреливался противником.

Балтийский флот уходил, чтобы прорываться в Кронштадт. Ленинграду нужна была помощь кораблей и бойцов бывшего Таллиннского гарнизона. Зря хвастались немцы, что в конце июля будут в Ленинграде. 28 августа с большими потерями они с трудом заняли Таллинн. Война принимала затяжной характер. Блицкриг проваливался, время работало на нас.

Обстановка, в которой флоту предстояло совершить прорыв в Кронштадт, была чрезвычайно тяжелой. Предвидя возможность эвакуации нашей главной балтийской базы, немецко-фашистское командование еще 29 июня приказало усилить минные постановки в Финском заливе. Между мысом Юминда и маяком Кальбодатунд немцы поставили свыше 3 тысяч мин. Чтобы воспрепятствовать тралению этого заграждения и прорыву через него наших судов, они установили на мысе Юминда-нина 150-миллиметровую артиллерийскую батарею.

Приходилось считаться и с возможностью появления в Финском заливе крупного соединения вражеского флота. Правда, этого не случилось: немецкое морское командование не решилось рисковать кораблями при прорыве нашей минно-артиллерийской позиции Ханко — Осмуссар. Гитлеровцы рассчитывали и без применения кораблей, только силами авиации и минным оружием, полностью уничтожить Балтийский флот. И, надо сказать, их надежды были небезосновательны. Нашим боевым кораблям и транспортам предстояло идти одним 150-мильным фарватером, по минным заграждениям большой протяженности и плотности, к тому же на виду у противника, который уже вышел на южное побережье Финского залива. С севера советскому флоту угрожали неприятельские легкие силы, находившиеся в финских шхерах.

Но иного выхода не было. Решение эвакуировать Таллиннский гарнизон морским путем являлось единственно правильным.

На основании указания Ставки Военный совет Северо-Западного направления 26 августа разрешил начать отход. От командующего флотом требовалось организовать движение крупных конвоев с войсками и грузами за тральщиками. Ценности, которые нельзя было вывести, приказывалось уничтожить. Авиации, находившейся на аэродромах недалеко от Ленинграда, предлагалось прикрыть восточный участок перехода.

Но к моменту прорыва оказалось, что передовой аэродром флота уже захвачен противником. Прикрыть с воздуха корабли и суда на фарватере до острова Вайндло стало почти невозможным. Тогдашние истребители, прилетев от Ленинграда к Гогланду, могли барражировать всего 10—15 минут. Поэтому флоту, и в первую очередь тихоходным, слабо вооруженным транспортам и вспомогательным судам, грозила серьезная опасность в случае налета фашистских бомбардировщиков. Недостаток

средств противолодочной обороны создавал реальную угрозу со стороны немецких подводных лодок. В связи [83] с этим командующий флотом на рассвете 28 августа попросил командование Северо-Западного направления нанести бомбовый удар по немецким аэродромам (силами КБФ и по возможности фронтовой авиацией); поставить вдоль фарватера от маяка Кери до острова Гогланд для противокатерной и противолодочной обороны 16 катеров типа "МО", временно вернув их с Ладожского озера; прикрыть флот на возможно большее расстояние истребителями.

В ответ на эту просьбу в тот же день было отдано распоряжение на время перехода кораблей снова подчинить командующему ВВС флота всю морскую авиацию, ранее приданную сухопутным войскам, временно передать Кронштадтской военно-морской базе восемь катеров типа "МО" из частей морской обороны Ленинграда и Озерного района. Но полностью осуществить все это не удалось: было слишком поздно, флот уже выходил в море.

Еще до получения приказа об эвакуации гарнизона Таллинна штаб флота провел большую организационную работу. Для перевозки войск были подготовлены четыре конвоя. К 22 часам 27 августа они должны были сосредоточиться на Таллиннском рейде между сетевым и боновым заграждениями.

Боевое ядро флота было разбито на три маневренных отряда: главные силы, отряд прикрытия и арьергард. Главные силы имели задачу охранять первый и второй конвои на самом опасном участке — от мыса Юминда-нина до острова Гогланд; отряд прикрытия должен был обеспечить безопасность плавания второго и третьего конвоев между островами Кери и Вайндло; арьергард — защищать с тыла третий и четвертый конвои. Подводные лодки "М-98" и "М-102" были высланы на

позицию к югу от Хельсинки, на случай если вражеские корабли предпримут атаку с этого направления. Авиация должна была прикрывать силы флота к востоку от острова Гогланд.

Отход войск с рубежей обороны и посадку их на суда намечалось прикрыть массированным огнем корабельной артиллерии.

С рассветом конвои и отряды боевых кораблей должны были приступить к форсированию минного заграждения в районе острова Кери.

После полудня 27 августа войска, оборонявшие Таллинн, по приказу командующего КБФ перешли в энергичную контратаку по всему периметру обороны и даже оттеснили противника на несколько километров. Под прикрытием этой контратаки в 16 часов началась посадка войск на транспорты. Весь день фашисты вели сильный артиллерийский и минометный огонь по пунктам посадки и по Таллиннскому рейду, но флот не понес никаких потерь, да и в войсках они были незначительны.

Нельзя не отметить, что этот успех был обеспечен также благодаря умелому использованию корабельной и береговой артиллерии. Командование 10-го стрелкового корпуса отмечало после окончания операции:

"Исключительная настойчивость командиров штаба КБФ и личное руководство, помощь Военного совета КБФ помогли бесперебойно грузить войска и раненых; фактически в течение 6 часов была пропущена главная масса войск, без суматохи, организованно".

Утром 28 августа корабли и суда вышли на рейд; началось заграждение гаваней Таллинна и уничтожение наиболее важных объектов.

По плану конвои и отряды боевых кораблей должны были выйти в море еще ранее, в ночь на 28 августа. Но накануне вечером начался шторм. Семибалльный норд-ост задержал начало операции более чем на 12

часов: катера, тральщики и другие малые суда не могли идти в такую погоду. В результате минные заграждения пришлось форсировать ночью. В 14 часов 28 августа начал движение первый конвой, через пятьдесят минут — второй, а за ним последовали и остальные. Около 16 часов покинул рейд отряд главных сил. К 22 часам боевые корабли и конвои вытянулись в одну линию длиной около 15 миль. Впереди шел отряд главных сил во главе с крейсером "Киров". На нем находился Военный совет флота.

С момента выхода из Таллиннского залива и вплоть до наступления темноты корабли и транспорты подвергались непрерывным атакам с воздуха. Затем были замечены плавающие мины.

Первые потери имели место вскоре после 18 часов, когда на mine подорвался и затонул транспорт "Элла". Через 25 минут от попадания нескольких авиационных бомб затонул ледокол "Вальдемарс". В это же время самолеты атаковали транспорт "Вирония".

Быстро надвигались сумерки. Силуэты концевых [85] кораблей четко вырисовывались на фоне зарева пожаров, полыхавших в оставленном Таллинне. Огромные столбы пламени и черного дыма, то тут, то там поднимавшиеся из воды к небу, возвещали о гибели транспортов и кораблей.

Но вот наступила темнота. Смолк злобный вой фашистских самолетов. Однако на кораблях и после этого не могли вздохнуть спокойно. Теперь усилилась опасность, грозившая из воды: всплывшие на поверхность якорные мины трудно было различить в темноте среди множества обломков и разбитых шлюпок. Ночь на 29 августа, первая ночь перехода, оказалась для флота самой тяжелой.

Иногда корабли проходили вплотную между двумя минами. Краснофлотцы шестами, а то и руками отталкивали страшные шары от

борта. Тральщикам из-за частых взрывов мин приходилось то и дело восстанавливать тралы, и это задерживало движение отрядов боевых кораблей, шедших следом.

Вскоре в дополнение к минной опасности прибавились и другие — артиллерийский обстрел с мыса Юминда-нина и удары торпедных катеров из финских шхер. Катера атаковали крейсер "Киров" и другие корабли. Лидер "Минск", шедший под флагом начальника штаба флота контр-адмирала Ю. А. Пантелеева, отразил артиллерийским огнем две атаки торпедных катеров. Пушки крейсера "Киров" заставили замолчать вражескую батарею на мысе Юминда-нина. Но дальше идти в темноте было невозможно — боевые корабли и транспорты, с борта которых уже нельзя было рассмотреть плавающие мины, в том числе подсеченные впереди идущими тральщиками, то и дело подрывались. Потеря нескольких кораблей и судов заставила командующего флотом приказать всем встать на якорь до рассвета, несмотря на сильное желание использовать для движения ночь, когда нет опасности с воздуха.

С рассветом корабли и суда продолжили путь на восток. На последнем участке перехода флот отразил множество ударов с воздуха. Атаки вражеских самолетов следовали одна за другой.

Днем 29 августа отряд главных сил прибыл в Кронштадт. Этот день был особенно тяжелым для транспортов и вспомогательных судов, которые не имели сильной зенитной артиллерии и не могли идти со скоростью боевых кораблей. К тому же они не были прикрыты нашими истребителями. Пользуясь этим, немецко-фашистская авиация преследовала их с утра до ночи.

Западный Гогландский плес был свидетелем героической борьбы советских людей за спасение своих судов. Так, учебный корабль "Ленинградсовет" выдержал более ста налетов бомбардировщиков.

Транспорт "Казахстан" подвергался ожесточенным атакам самолетов в течение всего дня. На его борту находилось до 5 тысяч человек, в том числе 356 раненых. Утром вблизи острова Вайндло при очередном вражеском налете одна из бомб попала в мостик, вывела из строя рулевое управление и машину. На "Казахстане" возник пожар. Несколько часов все, кто находился на судне, боролись с огнем. В это время вражеские самолеты продолжали атаки, сбрасывая бомбы и обстреливая из пулеметов транспорт и плававших в воде людей. Подошедшие тральщики подбирали тонущих. Транспорт тем временем сносило к острову Вайндло. Из высадившихся затем на берег 2300 бойцов и командиров был сформирован полк под командованием полковника Потемина. Он немедленно начал готовиться к обороне острова. Через несколько дней транспорт "Казахстан" пришел в Кронштадт. Полк, сформированный Потеминим, был доставлен различными мелкими кораблями и катерами сначала на остров Гогланд, а затем в Кронштадт и принял в дальнейшем активное участие в обороне Ленинграда.

Так завершился редкий по трудности и опасности прорыв Краснознаменного Балтийского флота из Таллинна. Личный состав флота и эвакуируемых войск проявил в этом переходе беспредельное мужество и храбрость. Героями были не одиночки, а сотни, тысячи красноармейцев, краснофлотцев и командиров.

Задача, поставленная перед Краснознаменным Балтийским флотом,— прорваться в район Ленинграда — была решена. Боевое ядро флота удалось сохранить, оно сыграло затем важную роль в обороне города Ленина. Попытка врага уничтожить силами авиации основной костяк кораблей КБФ, связанных обороной конвоев в тесном и пересеченном островами районе моря, оказалась безуспешной. Из 195 кораблей, транспортных и вспомогательных судов 53 погибли на переходе. При

этом ни один боевой корабль не был потоплен пикирующими бомбардировщиками, несмотря на их многочисленные атаки.

Самой трагической потерей в таллинском переходе была гибель людей. Транспорты и корабли приняли на борт 23 тысячи человек. Погибло более 4 тысяч.

Впоследствии некоторые товарищи высказывали мнение, что Военный совет КБФ допустил ошибку, отказавшись использовать для прорыва южный фарватер из-за опасной близости побережья, занятого противником, имевшим там артиллерию. Сейчас можно только гадать, легче ли был бы прорыв южным фарватером. Высказывалось немало и иных мнений.

Для меня бесспорно одно — то, что эвакуацию Таллинна в целом следует признать успешной, хотя тогда и были допущены определенные промахи. И правильно поступил Главный морской штаб, который стремился не только проанализировать события, но и найти ошибки, чтобы их не повторили на других флотах. Не случайно в конце сентября, когда Ставка приняла решение об эвакуации Одессы, на Черноморский флот были даны подробные указания о том, чего следует избегать, памятуя опыт эвакуации Таллинна.

Наши потери при прорыве флота из Таллинна в Кронштадт могли быть значительно меньшими, имей мы не три с половиной десятка тральщиков, а минимум сотню. Но где их было взять?

Беда состояла не только в том, что до войны мы мало строили тральщиков. Одна из причин больших потерь заключалась в недостаточной сплаванности боевых кораблей с тральщиками и особенно в отсутствии сплаванности транспортов и вспомогательных кораблей. При переходе тесными, пересеченными районами в условиях большой минной опасности нам дорого обошлось то, что в мирное время мы мало

отрабатывали сплаванность. Боевые корабли, сведенные в специальные отряды, имели задачу прикрыть транспорты от ударов торпедных катеров и подводных лодок. После того как был пройден Гогланд, они ушли вперед, а транспорты, не имевшие достаточных зенитных средств, оказались, по существу, без защиты от настойчивых и массированных налетов вражеской авиации. Тех же боевых кораблей, которые оставались в непосредственном охранении транспортов, оказалось слишком мало для отражения атак с воздуха.

Результат был бы, возможно, другой, если бы большая часть эскадренных миноносцев и сторожевых кораблей охраняла транспорты по всему маршруту перехода. Но об этом легко рассуждать теперь.

И все же Краснознаменному Балтийскому флоту удалось в чрезвычайно трудных условиях вывести из осажденного Таллинна в тыловые базы девять десятых боевых кораблей. Огромной заслугой команд кораблей, особенно тех, что составляли отряд прикрытия, является спасение людей с гибнувших судов. Благодаря их беспримерному героизму из 17 с лишним тысяч человек, находившихся на тонущих судах или уже в воде, более 12 тысяч человек удалось спасти и доставить в Кронштадт.

Переход кораблей Балтийского флота в Кронштадт в конце августа 1941 года трудно назвать эвакуацией гарнизона. Это был, по сути дела, прорыв Балтийского флота в Кронштадт Финским заливом, оба берега которого находились в руках противника. Корабли действительно "прорывались" — ведь минные поля, немецкая авиация и катера противодействовали на каждом шагу.

Встречи с союзниками

В первых числах июля 1941 года в Москву прибыли члены английской военной миссии. Чаще всего мне приходилось встречаться с контр-

адмиралом Дж. Майлсом, но первым меня посетил генерал М. Макфарлан. Его посещение хорошо запомнилось еще и потому, что в тот жаркий июльский день он явился с официальным визитом... в шортах... Хотя я знал, что шорты допускаются английской летней формой, однако был все же несколько обескуражен и шутливо намекнул Макфарлану на слишком короткие брюки.

12 июля меня вызвали в Кремль и передали, что предстоит подписание англо-советского соглашения. Как стало известно позднее, в эти дни английский посол Стаффорд Криппс имел две беседы с И. В. Сталиным.

На церемонии подписания соглашения присутствовал генерал Макфарлан. После подписания соглашения Сталин долго беседовал с Макфарланом — старшим военным представителем нашего союзника Англии. Обсуждались конкретные проблемы совместного ведения войны против Германии. Соглашение предусматривало взаимную помощь и содержало обязательства не заключать сепаратного мира.

С подписанием соглашения рассеялись, между прочим, и наши сомнения относительно миссии сидевшего в Англии гитлеровского посланца Гесса: англичане не пошли на сговор с фюрером. Московское соглашение нарушило замыслы Гитлера воевать поочередно на Западе и на Востоке. Теперь ему предстояло вести войну одновременно на два фронта.

Выступая по радио вечером 22 июня, Черчилль заявил, что за последние двадцать пять лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем он. Но теперь у англичан одна неизменная цель: они полны решимости уничтожить Гитлера и нацистский режим. Поэтому любое государство, которое борется против нацизма, получит их помощь. — Такова наша политика,— заключил премьер.— Мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем.

Макфарлана я видел еще один-два раза, а позднее узнал, что он

назначен военным губернатором Гибралтара. С Майлсом же виделся часто. Этот строевой адмирал держался без лишней чопорности и дипломатии.

Уже при первой встрече у нас зашел разговор о совместном обеспечении намечавшихся морских коммуникаций, и Майлс обещал немедленно доложить в адмиралтейство свои соображения, возникшие в результате нашей беседы. Затем говорили о взаимной технической информации. В двух областях опыт и техника английского флота могли быть нам полезны: у англичан был большой, хотя и печальный, опыт борьбы с электромагнитными минами, а, кроме того, их боевые корабли имели более совершенные радиолокаторы. Майлс любезно согласился немедленно запросить свое начальство о возможности передачи нам информации по этим вопросам и выразил уверенность, что ответ придет быстро. Затем он сообщил об успехах своих соотечественников в области гидролокации. Испытав на себе силу подводного оружия в первую мировую войну, англичане долго и упорно искали средства борьбы с подводными лодками. И вот появился "асдик" — прибор, который позволял на ходу и на сравнительно большом расстоянии обнаруживать подводные лодки.

Забегая вперед, хочу подчеркнуть, что особой помощи от англичан по минному делу мы не получили. Они предоставили нам лишь несекретные образцы мин, не имевшие большой ценности.

Мы же, со своей стороны, всячески стремились помочь союзникам, когда в наших руках оказывались образцы немецких мин и торпед.

Когда со временем возросли перевозки военных грузов из Англии в Архангельск и Мурманск, на Севере была организована специальная группа конвоев из английских моряков; руководил ею глава миссии адмирал Дж. Майлс. После тяжелого и опасного перехода, который

нередко сопровождался большими потерями, командиры конвоев приезжали из Архангельска в Москву, и я принимал их, выражая благодарность. Майлс, как правило, сопровождал своих соотечественников. Мы усаживались за стол в комнате отдыха и воздавали должное мужеству тех, кто вел конвой. Возглавлять конвой назначались опытные моряки, призванные на службу в военное время. Им присваивалось временное звание "коммодор" — нечто среднее между капитаном 1 ранга и контр-адмиралом. Эти пожилые офицеры, несшие тяжелую службу, были достойны большего, но консерватизм в английском флоте, видимо, не позволял нарушать установившиеся традиции.

Распрощались мы с контр-адмиралом Майлсом в 1943 году. Пожимая ему руку в последний раз, я не думал, что он когда-нибудь напомнит о себе. А он напомнил. Когда Германия капитулировала и на Потсдамской конференции решили разделить трофейный немецкий флот, три адмирала — советский, английский и американский — осуществляли выполнение этих решений. После моего отъезда из Потсдама наш флот представлял в комиссии адмирал Гордей Иванович Левченко. Он и передал однажды привет от вице-адмирала Майлса.

— А, старый знакомый! — заметил я и, зная, что англичане неохотно пошли-на дележ немецкого флота и всячески тормозили его, не без любопытства спросил, как ведет себя Майлс.

Левченко рассказал, что, когда все трофейные корабли были распределены на три приблизительно равные группы и по каждому классу кораблей составили три списка, а затем начали тянуть жребий, Майлс охотно предложил свою фуражку, куда сложили бумажные трубочки, и с удовольствием вытащил свое "счастье". Но я забежал далеко вперед.

Летом 1941 года нас очень интересовало отношение США к войне в Европе. Америка в то время еще не выступала открыто на стороне Англии и Советского Союза, но ее помощь Великобритании, возраставшая с каждым днем, должна была рано или поздно привести к открытому конфликту со странами "оси", хотя обострившиеся отношения с Японией до поры до времени еще связывали Америке руки.

В Москве ждали прибытия представителя Соединенных Штатов. Им оказался ставший известным в годы войны влиятельный советник и специальный представитель президента Ф. Рузвельта Гарри Гопкинс. Он приехал в Москву в конце июля 1941 года. Посещение Гопкинса запомнилось мне особенно потому, что он прибыл в Советский Союз, а затем улетел от нас на Британские острова через Архангельск, и мне довелось заниматься обеспечением его встречи и проводов.

Однажды вечером, когда я в числе других товарищей был у И. В. Сталина в особняке близ станции метро "Кировская", где обосновалась Ставка, была объявлена воздушная тревога. Все отправились в убежище. Чтобы попасть в него, нужно было выйти во двор, перебраться по узким мосткам к лифту в большом соседнем здании и спуститься в метро.

По дороге Сталин продолжал начатый незадолго рассказ о беседе в тот день с Гопкинсом. "Да, видимо, нам придется вступить в войну", — запомнились мне слова Гопкинса, которые повторил в разговоре с нами И. В. Сталин. Думал ли Гопкинс, говоря это, о войне с Германией, ибо американско-германские отношения к тому времени находились на грани военного конфликта, или предвидел провал шедших в Вашингтоне переговоров с Японией? Вступит ли Америка в войну? Решение этого вопроса имело тогда большое значение.

Как мне стало известно позднее, в переговорах Сталина с Гопкинсом важное место занимал вопрос о номенклатуре и количестве грузов,

намечавшихся к отправке в Советский Союз, и о проводке караванов судов к нашим берегам.

1 августа Гопкинс был в Архангельске и разговаривал с командующим Беломорской военной флотилией контр-адмиралом М. М. Долининым, от которого я вскоре получил телеграмму:

"...Гопкинс снова предупредил меня о большом потоке грузов, которые пойдут морем в Архангельск. Интересовался, можем ли мы обеспечить одновременную проводку двадцати транспортов в Белое море в зимнее время".

Вечером 1 августа Гопкинс улетел на Британские острова. При его значительном содействии в сентябре — октябре 1941 года состоялась Московская конференция представителей СССР, Англии и США. На конференции были решены важные вопросы объединения усилий трех великих держав для достижения победы над фашистской Германией и вопросы помощи Советскому Союзу снабжением.

В то время, не без влияния Гопкинса, президент США Ф. Рузвельт занимал положительную позицию относительно того, чтобы британские вооруженные силы в Европе действовали активнее. Черчилль, как известно, придерживался иной точки зрения: второй фронт был открыт только летом 1944 года.

Ближе познакомиться с Гопкинсом мне довелось значительно позднее, на Крымской конференции в 1945 году. В мае 1945 года он с женой снова прибыл в Москву и присутствовал на дипломатическом приеме Наркоминдела в особняке на Спиридоновке. Рядом с молодой, пышущей здоровьем женой Гопкинс выглядел плохо. Приветливое лицо его было очень бледно. В то время он был тяжело болен и скончался в 1946 году.

Теперь нам известно, кто из политических деятелей США и Англии и в какой степени искренне, доброжелательно относился к нашей стране.

Дальновидный политический деятель Ф. Рузвельт был прогрессивнее многих, и в частности — прогрессивнее своего преемника Г. Трумэна. За это его до сих пор осуждают реакционеры-соотечественники. Его коллега по тройственной коалиции У. Черчилль, как известно, не скрывал своей неприязни к советскому строю. Но он вынужден был, учитывая мощь Красной Армии, отдавать ей должное, хотя ряд бесед между ним и Сталиным, на которых я присутствовал, свидетельствовал не только об имевшихся противоречиях, но порою даже о вражде, плохо скрываемой Черчиллем. И понятно, почему вскоре после окончания войны, в марте 1946 года, Черчилль произнес речь в Фултоне, где снова взялся за антикоммунистическое оружие.

Гарри Гопкинс до конца своих дней оставался благожелательно настроенным к Советскому Союзу и, как мне думается, дал немало разумных советов новому президенту, сменившему Рузвельта. Не его вина, что эти советы не пошли Трумэну впрок.

"Погибаю, но не сдаюсь!.."

О наших речных флотилиях в литературе сказано незаслуженно мало. Думаю, что не обижу наших военных историков и мемуаристов, если скажу, что они (и я в том числе) в большом долгу перед моряками речных кораблей. И мне хочется в какой-то мере возместить этот долг, в данном случае по отношению к Пинской флотилии.

Наличие у нас речных флотилий показывает, какое значение придавалось Генеральным штабом и Наркоматом ВМФ совместным действиям в случае войны.

Еще в предвоенные годы, руководствуясь едиными стратегическими планами, наши флотилии учились тесно взаимодействовать с сухопутными частями. И в этом прежде всего заслуга оперативных

органов. Не случайно, анализируя действия сил советского Военно-Морского Флота на реках и озерах, западный историк Ю. Майстер отмечает, что "советское командование речных и озерных флотилий успешнее справилось со своими задачами", чем немецко-фашистское командование. Моряки наших флотилий сделали все, чтобы помочь сухопутным войскам задержать, остановить врага, когда он рвался в глубь страны, а затем вместе с ними двинулись на запад, громя и тесня фашистских захватчиков.

Опыт гражданской войны, а позже — боев во время конфликта на КВЖД показал, как необходимо боевое содружество моряков речных кораблей с армией. Вот почему мы всегда уделяли внимание речным флотилиям, и в частности Днепровской (впоследствии Пинской), главной базой которой долгое время был Киев. Осенью 1939 года, после освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии, наша граница передвинулась западнее. Речные корабли решено было перебазировать поближе к ней (на случай военных действий мы оптимистически рассматривали Киев как город далекого тыла). Мне довелось обсуждать этот вопрос с начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым, а потом докладывать о нем И. В. Сталину. Было принято предложение Наркомата ВМФ перевести командование флотилии в Пинск, где уже с осени 1939 года базировались некоторые наши корабли.

Значение Пинской флотилии особенно возросло, когда стала очевидной опасность нападения фашистской Германии. В январе 1940 года правительство приняло решение построить 9 новых мониторов и 85 бронекатеров; большая их часть предназначалась для Пинской флотилии.

Полностью осуществить эти планы мы не успели, но к началу войны Пинская флотилия представляла значительную силу: ее мониторы,

канонерские лодки, сторожевые корабли и бронекатера были вооружены морскими орудиями, крупнокалиберными пулеметами. Все корабли входили в дивизионы, отряды и группы однородных кораблей. Такая форма организации позволяла сделать управление достаточно гибким и эффективно использовать флотилию.

Утром 22 июня 1941 года, всего через несколько часов после того, как фашистская авиация обрушила ураганный огонь на советские погранзаставы, на Брестскую крепость, корабли Пинской флотилии уже шли Днепровско-Бугским каналом в Кобрин, на помощь войскам 4-й армии Западного фронта на брестском направлении. Передовой отряд (монитор и четыре бронекатера) шел под флагом начальника штаба флотилии капитана 2 ранга Г. И. Брахтмана.

Мы в Наркомате ВМФ внимательно следили за тем, как разворачиваются события в приграничных западных районах. Первые доклады начальника Главного морского штаба начинались обычно с положения на Балтике, на Дунае и на Пинской флотилии. Уже к 24 июня стало ясно, что планы действий флотилии, разработанные в мирное время, нарушены. Севернее и южнее Днепровско-Бугского канала с ожесточенными боями отходили от Бреста части 4-й армии. Опасаясь начавшегося падения уровня воды в канале — немцам все-таки удалось разбомбить шлюзы,— командующий флотилией контр-адмирал Д. Д. Рогачев решил вывести корабли на Припять.

Дмитрий Дмитриевич до войны много лет провел на кораблях различных речных флотилий, отлично знал специфику службы на реках, а специальность речника не такая уж простая, как может показаться.

Итак, соединения Пинской флотилии оказались на стыке двух крупных групп неприятельских армий — "Юг" и "Центр", наступавших вдоль берегов Припяти. Эта же река стала естественным рубежом и двух наших

фронтов: Западного и Юго-Западного. Вместе с войсками отступала и флотилия. Сосредоточившись в Мозыре, корабли помогали переправлять сухопутные части через реку.

Обстановка сложилась так, что связь со штабом флотилии часто прерывалась, оперативные сводки о действиях кораблей поступали к нам нерегулярно. Приходилось зачастую полагаться на то, что командование флотилии будет самостоятельно принимать нужные решения. И надо сказать, оно оказалось на должной высоте. Нередко корабли вели бой, когда один берег был захвачен фашистами. Случалось им также прорываться по реке, когда враг был уже на обоих берегах. И в этой сложной обстановке моряки сражались мужественно, со знанием дела. Артиллерийским огнем корабли поддерживали войска, оборонявшие предмостные позиции, прикрывали свои переправы и разрушали вражеские, высаживали десанты. Моряки смело вступали в бой, даже если на каждое корабельное орудие приходилось по несколько вражеских.

Во второй половине июля в районе Кременчуг — Черкассы фашистам удалось выйти к Днепру. Корабли флотилии старались помочь нашим стойко оборонявшимся частям. На мой взгляд, одной из самых замечательных боевых операций флотилии в те дни был ночной набег на позиции противника в районе села Гребени.

Захватив это село на западном берегу Днепра, враг стягивал туда свои части: готовился форсировать реку. В темную, безлунную ночь на 3 августа отряд кораблей под командованием капитана 1 ранга И. Л. Кравца — монитор "Левачев", плавучая база "Белоруссия" и два бронекатера — скрытно приблизился к селу Гребени и открыл шквальный огонь из орудий и пулеметов. В свете вспыхнувших на берегу пожаров было видно, как мечутся по улицам застигнутые врасплох фашисты.

Вокруг кораблей беспрерывно поднимались всплески — это открыли ответный огонь немецкие батареи. Одно прямое попадание, другое... Тяжело ранен лейтенант Кротов, управлявший огнем "Левачева". Его место занял командир башни старшина Буланый, хотя он тоже был ранен. Поддержанные артиллерией кораблей, наши части выбили немцев из Гребеней. "Дали пить немцам из Днепра!" — шутили потом моряки. Более шестисот убитых и тяжело раненных гитлеровцев, автомашины с боеприпасами, мотоциклы, понтоны, приготовленные для переправы,— все это осталось на улицах села как убедительное доказательство меткости корабельных артиллеристов.

В августе постепенно возникала угроза окружения наших войск под Киевом. В середине месяца в районе Кременчуга находились монитор "Жемчужин" и канонерские лодки "Верный" и "Передовой". Они не раз оказывались под сильным огнем врага. В одном из боев "Жемчужин", получив несколько прямых попаданий, вышел из строя. Поврежденная канонерская лодка "Передовой" потеряла ход и не могла помочь монитору. Тогда командир "Верного" старший лейтенант А. Ф. Терехин, искусно маневрируя под огнем, взял "Жемчужина" на буксир и вывел его из-под обстрела, хотя "Верный" тоже получил серьезные повреждения. После этого боя "Верному" было приказано прорваться в Черкассы. На берегу находились фашисты, а прорываться пришлось днем. Перед кораблем стояла сплошная стена огня. Но, маневрируя и отстреливаясь, канонерская лодка продолжала пробиваться. Четыре часа длился неравный бой. Дважды разрывами снарядов сбивало флаг корабля, но каждый раз его поднимали снова.

И "Верный" прошел сквозь огневую завесу. На берегу горели немецкие бронемашины и танки, уничтоженные его меткими комендорами.

В конце августа вся излучина Днепра от Черкасс до Херсона оказалась в

руках врага. Командованию флотилии стало ясно, что надежды на отход теперь нет. Но моряки, сознавая это, продолжали самоотверженно помогать сухопутным частям, в особенности при переправе на левый берег Днепра севернее Киева. Военный совет Юго-Западного фронта поблагодарил их в приказе: "Задачи вами выполнены в духе традиций советских моряков".

15—19 сентября флотилия вела последние бои под Киевом. Четыре монитора и несколько катеров, пока не вышли снаряды, били по переправе немецких войск. Когда был израсходован весь боезапас, моряки взорвали свои корабли, подняв на них сигналы: "Погибаю, но не сдаюсь!" Ни один корабль флотилии не достался врагу.

Теперь моряки стали воевать на суше. Первый отряд — 640 человек — в районе Нежина любой ценой должен был сдержать врага, чтобы обеспечить отход [97] 37-й армии. К концу дня 13 сентября в отряде осталось в живых всего несколько десятков человек. Отойдя к Борисполю, они присоединились к одной из частей.

В сентябрьских боях под Киевом погиб комиссар флотилии И. И. Кузнецов. 18 сентября был тяжело ранен командующий флотилией Д. Д. Рогачев. Но это стало известно не сразу. Сначала я узнал, что контр-адмирал Д. Д. Рогачев находится в Полтаве в госпитале, а о комиссаре флотилии И. И. Кузнецове мы долго не имели достоверных сведений. Позже моряки, вышедшие из окружения под Киевом, рассказали, что он погиб в бою при прорыве.

Стало известно, что многие моряки Пинской флотилии, пройдя сотни километров по захваченной врагом земле, перешли линию фронта и вернулись на флот. Одну из таких групп привел капитан-лейтенант С. П. Лысенко, командир дивизиона бронекатеров. Затопив катера, моряки спрятали на груди боевые флаги кораблей и пронесли их через все

опасности. С. П. Лысенко и его подчиненные отважно сражались под Сталинградом. Храбрый командир, став уже капитаном 3 ранга, погиб в бою, когда вел бронекатер к волжскому берегу. А воспитанные им моряки закончили войну на Шпрее и Дунае, под Веной и Берлином.

С особым чувством перечитываешь теперь строки приказа Военного совета Юго-Западного фронта от 10 сентября 1941 года, в котором говорится, что моряки Пинской флотилии в борьбе с немецкими фашистами показали и показывают образцы мужества и отваги, не щадя ни крови, ни самой жизни... Десятки командиров и краснофлотцев были представлены тогда к правительственным наградам. А в суровом 1941 году заслужить награду было непросто: давали их скупно.

5 октября 1941 года я подписал приказ о расформировании Пинской флотилии. Подписывать было нелегко: мы знали, что все корабли флотилии погибли в тяжелых боях, а оставшиеся в живых моряки сражаются на суше.

В те дни трудно было назвать самых отважных. Теперь это надо сделать. Из тех, кто сражался на кораблях, нельзя не вспомнить капитана 3 ранга Н. Ф. Пецуху, майора В. Н. Доброжинского, старшего лейтенанта А. Ф. Терехина, старшин 2-й статьи Л. С. Щербину и И. М. Шафранского, а среди командиров, руководивших боевыми действиями флотилии,— К. В. Максименко, [98] Г. И. Брахтмана, И. Л. Кравца. Ивана Лаврентьевича Кравца, замечательного специалиста-катерника, я хорошо знал по службе на Черном море. Никогда он, видимо, и не думал, что ему придется воевать на Днестре...

Командиры-речники уже тогда отличались особым умением взаимодействовать с сухопутными частями. Это имело большое значение и в тяжелые дни первого военного лета и позже, когда наступил перелом и наши войска пошли на запад. Тогда мы вновь сформировали флотилию

на Днепре. Те же группы немецких армий "Юг" и "Центр", которые рвались через Днепр на восток в сорок первом, катились теперь обратно — к исходным пунктам их пресловутого "дранг нах Остен". В 1944 году корабли возрожденной Днепровской флотилии вошли в освобожденный Пинск и двинулись дальше — на Вислу и Одер. Три бригады речных кораблей и бригада траления помогали нашим сухопутным частям до самого конца войны — до штурма Берлина.

Моонзунд и Ханко

Моонзундский архипелаг, расположенный у входа в Финский залив, имеет богатое прошлое. С тех пор, как на островах Эзель и Даго укрывались морские пираты, и вплоть до наших дней на Балтике не было ни одного крупного военно-политического события, в котором не сыграл бы своей роли этот архипелаг. На острова нападали датчане, затем рыцари Ливонского ордена и шведы после победы над Данией в XVII веке. Когда Петр I боролся со Швецией за выход к Балтийскому морю, он стремился привлечь на свою сторону эстов, населявших острова. Стратегически важный пункт часто оказывался в поле зрения воюющих сторон. Во время Крымской войны на архипелаг нападали англичане, в годы первой мировой войны — немцы. Но перейдем к событиям лета 1941 года.

В один из последних дней июня И. В. Сталин спросил меня:

— Нельзя ли некоторое количество артиллерии с балтийских островов выделить для укрепления обороны на пути к Москве?

В то время еще никто не предвидел, какая трудная доля выпадет защитникам архипелага через два-три месяца и как им самим станут нужны пушки. Но и тогда было известно, сколь много значит Моонзундский архипелаг для обороны Ирбенского пролива, а также в случае попытки немецкого флота войти в Финский залив или высадить

десант на самих островах. Поэтому я попросил не ослаблять оборону островов, объяснив, как трудно перевозить тяжелые орудия береговой артиллерии. Сталин согласился с моими доводами. В те дни мы с тревогой смотрели на запад — в просторы Балтики, не предполагая, что главная угроза нависнет вскоре не с Моря, а со стороны берега, прикрывать который должна островная база. Сил и средств едва хватало для обороны самого архипелага. Довольно мощная береговая артиллерия острова не была подкреплена нужным количеством войск для обороны побережья, имеющего большую протяженность.

Побывав в 1940 году на островах, когда там форсированным темпом строились береговые батареи и аэродромы, я невольно сравнил схему обороны архипелага времен первой мировой войны с той, которую создавали в наше время. Большой разницы не было. На полуострове Сырве (Сворбе), на острове Эзель (Саарсмаа) вместо 305-миллиметровых орудий устанавливали пока 180-миллиметровую башенную батарею и несколько 130-миллиметровых открытых батарей.

Осмотр укреплений мы не случайно начали с полуострова Сырве: прикрытие Ирбенского пролива являлось задачей первостепенной важности. Затем проехали по местам возможной высадки вражеских десантов — к бухте Лыу и вдоль западного берега острова на север, переправились на остров Даго (Хийумаа) и особенно тщательно осмотрели его северную оконечность. Когда-то там стояли 305-миллиметровые орудия для прикрытия входа в Финский залив. Теперь хотелось установить более мощные, так как в наших руках был не Порккала-Удд, как в давние времена, а полуостров Ханко (Финский залив в этой его части значительно шире). Желание поскорее установить несколько батарей, хотя бы среднего калибра, привело нас к решению строить временно некоторые из них на деревянных основаниях (Муху,

Абруки).

Перед войной, в начале лета 1941 года, руководство Наркомата ВМФ, обеспокоенное тем, что силы Моонзундского гарнизона недостаточны для обороны островов, добивалось увеличения численности этого гарнизона. Но немало времени было потеряно из-за споров, кому подчинить войска, если они будут выделены. Прибалтийский военный округ не хотел выделять крупные части и подчинять их флотскому начальнику. Когда началась война, начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков 23 июня подписал директиву Военному совету КБФ: "Ответственность за сухопутную оборону островов возлагается: Эзель — на Прибалтийский военный округ, Даго — на Ленинградский. Командуют обороной на островах сухопутные командиры. Береговая оборона остается за командованием КБФ, которое ставит ей задачи".

Получив для сведения копию этой телеграммы, я был искренне огорчен. До войны Наркомат Военно-Морского Флота настойчиво требовал от командования береговой обороны, чтобы оно было готово командовать различными родами войск и полностью отвечать за оборону островов. Однако согласно телеграмме сухопутные части оставались в подчинении военных округов. Кроме того, войска на двух находившихся рядом островах, имевшие одну оперативную задачу, подчинялись разным округам.

Правда, ход событий вскоре заставил подчинить все войска коменданту островного района генерал-майору береговой службы А. Б. Елисееву, но затяжка с решением этого вопроса отрицательно повлияла на дело. Флотское командование смогло по-настоящему взяться за организацию противодесантной и сухопутной обороны лишь тогда, когда враг уже занял Либаву и Ригу.

На островах спешно достраивали батареи и оборудовали

противодесантные позиции. Благодаря самоотверженному труду воинов гарнизона к началу сентября было сооружено более 250 дотов и дзотов, установлено около 24 тысяч мин и фугасов, возведено более 140 километров проволочных заграждений. И все же этого было недостаточно для долговременной и стойкой обороны. К тому же оборонительные сооружения были разбросаны по всему побережью и не создавали единой системы.

Перед началом боев за острова гарнизон их состоял из частей армии и флота общей численностью 23 663 человека. Защитники островов располагали 142 орудиями береговой, полевой и зенитной артиллерии, 60 минометами, 795 пулеметами. Для отражения десанта имелось 6 торпедных катеров и 12 самолетов-истребителей.

Учитывая большую площадь островов и протяженность их побережья, следует признать, что недоставало и людей, и боевой техники. Малочисленность кораблей и авиации, отсутствие подвижных частей (танковых и артиллерийских) также сильно затрудняли оборону. К тому же после оставления Таллинна Моонзунд и полуостров Ханко могли рассчитывать только на свои силы при полном прекращении снабжения из Кронштадта.

Несмотря на все эти трудности, защитники Моонзундских островов были полны решимости сражаться за каждую пядь земли, отвлечь на себя как можно больше вражеских сил и тем помочь войскам Ленинградского фронта.

Через месяц после начала войны, когда противник, наступая на Таллинн, продвинулся вдоль материкового берега к Виртсу, возникла угроза для островов с суши. Тогда коменданту островного района А. Б. Елисееву и командиру отряда легких сил контр-адмиралу В. П. Дрозду Военным советом флота была поставлена задача спешно организовать десант хотя

бы из 300 человек, высадить его в Виртсу и отбросить противника к Пярну.

Эту задачу они выполнили отлично. После десанта в Виртсу противник почти два месяца не предпринимал попыток для захвата Моонзундских островов. Но едва последние наши корабли покинули Таллинн, как немецкое командование начало спешно готовиться к захвату островов. Оно выделило крупные силы: две пехотные дивизии, два саперных и один понтонный полк, финский батальон, артиллерийскую группу поддержки, 60 самолетов, флотилию миноносцев, две флотилии торпедных катеров и две — тральщиков, флотилию охотников за подводными лодками, семь плавучих батарей и до 350 единиц различных плавсредств для высадки десантов.

Утром 8 сентября после продолжительного артиллерийского обстрела немецкие войска высадились на острове Вормс (Вормси). Гарнизон, состоявший из двух неполных рот, сражался мужественно. Десант в бухте Свибю был сброшен в море. Однако в других пунктах противнику удалось закрепиться. Защитники острова, понеся большие потери, сражались до последней возможности. Остатки героического гарнизона отошли на остров Даго.

В течение 9 и 10 сентября немецкая артиллерия и авиация наносили удары по оборонительным сооружениям на острове Муху (Моон), выпустив за это время до 15 тысяч снарядов и сбросив около 3 тысяч бомб.

11 сентября к бухте Лыу подошло крупное соединение немецких кораблей и десантных судов с войсками. Однако наши торпедные катера под командованием капитан-лейтенанта С. А. Осипова, береговая артиллерия и самолеты-истребители заставили гитлеровцев поспешно покинуть район бухты Лыу. Замысел немецкого командования —

расчленили силы нашей обороны — был сорван.

Утром 14 сентября вражеские войска высадились на Муху в двух местах — у Куйвасту и Каластэ. Гарнизон, состоявший из одного стрелкового батальона и двух неполных инженерно-строительных рот, оказал противнику упорное сопротивление, десант у Каластэ был почти полностью уничтожен. Однако силы были слишком неравны. У Куйвасту враг закрепился и, перебросив сюда в течение дня более четырех батальонов, перешел в наступление.

Утром того же дня гитлеровцы предприняли демонстрацию высадки десанта на Эзель в бухте Кейгуста, на юго-восточном побережье острова. Целью гитлеровцев было отвлечь внимание нашего командования от главного направления удара, не дать подтянуть подкрепления с Эзеля на Муху.

Одновременно с демонстрацией высадки морского десанта немцы сбросили воздушный десант (125 человек) в тыл нашей береговой батареи на полуострове Кюбоссар, которая особенно досаждала захватчикам. Десант был вскоре полностью уничтожен нашими артиллеристами. В дальнейшем, когда враг вторгся на остров Эзель, воины этой батареи вновь показали образцы отваги и героизма. Оказавшись в полном окружении, они дрались до последнего снаряда, а затем, приведя в негодность орудия, с боем вырвались из окружения.

Это была поистине батарея отважных. Здесь были героями все — и командиры и рядовые бойцы.

Гарнизон Муху отстаивал буквально каждую пядь земли. На помощь ему с Эзеля подоспел отряд добровольцев. Отряд защищал дамбу, ведущую на остров, и дрался до последнего патрона.

Трое суток на острове продолжались тяжелые, непрерывные бои. Оборонявшиеся несли большие потери. 17 сентября они отошли на Эзель

по Ориссарской дамбе, взорвав ее за собой.

Шесть дней длилась упорная борьба на разных рубежах обороны острова. Непрерывные бои с превосходящими силами противника значительно ослабили наши войска. 23 сентября они отошли на рубеж Сальме — Мельдри у полуострова Сырве.

Этот рубеж наши войска удерживали до 30 сентября. Враг бросал в атаки крупные силы наземных войск и авиации. 27 и 29 сентября он даже привлек силы флота — вспомогательные крейсера и миноносцы, но не помог и артиллерийский огонь кораблей. Ответные залпы наших береговых батарей под командованием капитанов А. М. Стебеля (мыс Церель) и Г. А. Карпенко (мыс Рахусте) и атаки торпедных катеров принудили немецкие корабли отойти на запад. 27 сентября торпедные катера лейтенанта В. П. Гуманснко повредили вражеский миноносец.

К этому времени в рядах защитников полуострова осталось всего около полутора тысяч человек, к концу подходили боеприпасы. Оборудованных рубежей обороны, на которые можно было бы отойти, больше не осталось. Поэтому командование Балтийского оборонительного района в соответствии с указанием Военного совета флота приняло решение оставить полуостров Сырве, а его защитников перебросить на торпедных катерах и мотоботах на Даго.

Но всех переправить не удалось. Плавсредства, высланные с Даго, из-за штормовой погоды и сильного противодействия врага не смогли дойти до Сырве.

4 октября в Москве была принята с Эзеля радиограмма открытым текстом: "Радиовахту закрываю, иду в бой, в последний бой". На вопрос, каково положение на острове, последовало: "Прощайте, прощайте..." В 16 часов 10 минут связь с героическими защитниками Эзеля прервалась. Уже в ходе боев за Муху и Эзель противник развернул подготовку к

захвату острова Даго.

Немногочисленный его гарнизон под командованием полковника А. С. Константинова и полкового комиссара М. С. Биленко делал все, чтобы укрепить оборону. Были построены новые сооружения. Однако сил и средств у оборонявшихся было явно недостаточно. Береговая батарея № 44 (мыс Тоффри) под командованием старшего лейтенанта М. А. Катаева первая оказалась окруженной вражеским десантом. Она вела бой в окружении целый день. Были израсходованы почти все снаряды. С наступлением темноты, взорвав орудия, артиллеристы во главе со своим отважным командиром гранатами расчистили себе путь на север. В артиллерийском погребе, где находился остаток боеприпасов, добровольно остался раненый сержант комсомолец Е. Ф. Попов. Когда гитлеровцы вошли на батарею, Попов закрыл за собой люк и взорвал погреб.

Вырвавшись из вражеского кольца, артиллеристы вышли в район Тахкуна, куда отходили наши части, и приняли участие в новых боях.

Не меньшее мужество и стойкость защитники острова Даго проявили в боях у Кейна и Немба. Только на четвертые сутки они отошли к мысу Тахкуна.

18 октября было получено приказание эвакуировать личный состав гарнизона на Ханко и остров Осмуссар. Вечером 19 октября эвакуация началась. До 22 октября было вывезено 570 человек. Оставшаяся на острове часть гарнизона продолжала отважно сражаться и должна была эвакуироваться на Осмуссар на катерах, присланных с Ханко. Однако вышедшие оттуда 22 октября катера не смогли прорваться.

Советские воины, оставшиеся на Даго (Хийумаа), бились до конца. Об этом красноречиво свидетельствует письмо-клятва группы последних защитников острова, найденное уже после войны, в 1949 году. В письме,

которое по поручению товарищей подписали Курочкин, Орлов и Конкин, говорилось, что советские бойцы лучше погибнут до единого, чем сдадут остров.

Итак, полтора месяца сравнительно небольшой гарнизон Моонзундских островов сражался в глубоком тылу врага. В самые напряженные дни обороны Ленинграда он отвлек на себя две вражеские дивизии с частями усиления (свыше 50 тысяч человек), а также значительные силы авиации и флота гитлеровцев.

Борьба за Моонзундский архипелаг являлась фактически борьбой за обеспечение фланга фронта, упиравшегося в Балтийское море. Главный морской штаб отлично понимал это. Точка зрения ГМШ: стараться удерживать такие фланговые участки, как Моонзунд, "до последней крайности" — была мне известна, и я полностью разделял ее. Все мы понимали, что подобные действия сопряжены с риском гибели гарнизонов, но интересы общей борьбы с врагом приходилось ставить превыше всего.

Моонзунд и Ханко оказались в опасном положении в первые недели войны. Предвидя дальнейшие осложнения, я уже 29 июня отдал приказание командованию КБФ: "Эзель и Даго оборонять при всех условиях обстановки на сухопутном фронте". Чуть позднее, когда угроза стала еще более реальной, пришлось послать радиogramму, подтверждавшую приказание оборонять до конца Ханко, острова Эзель, Даго и район Таллинна.

Подобные приказы, естественно, накладывали на Наркомат ВМФ и ГМШ большую моральную ответственность в смысле своевременной отдачи распоряжения об эвакуации. Я уже писал, как это случилось с Таллинном. Теперь хочу привести еще одну телеграмму. Когда в октябре защитники Моонзунда напрягали последние силы, пришлось дать

указание Военсовету КБФ: "Проработать вопрос эвакуации гарнизона Даго на Ханко". Не везде, к сожалению, удавалось до конца контролировать положение, но мы настойчиво стремились к этому.

В 1940 году в соответствии со статьей четвертой мирного договора с Финляндией были арендованы на 30 лет полуостров Ханко и около 400 островов разной величины вокруг него для создания военно-морской базы.

В книге "Накануне" я уже писал, как энергично укрепляли Ханко командиры военно-морской базы А. Б. Елисеев и С. И. Кабанов. Еще до войны велись работы по артиллерийскому вооружению полуострова и некоторых прилегающих к нему островов. Четырехкилометровый перешеек на границе с Финляндией был перерезан противотанковым рвом, недоступным для танков того времени. Полосу сухопутной обороны глубиной до двух с половиной километров удалось насытить дотами, дзотами и разного рода заграждениями.

Основным недостатком базы, с точки зрения обороны, была незначительность ее территории — всего 115 квадратных километров. Скуденность всех объектов делала их очень уязвимыми в случае военных действий. Финская артиллерия могла простреливать почти всю территорию базы. Особенно опасной, как выяснилось потом, оказалась северная, "нависающая" над базой часть шхерного района. Финское командование, передавая нам по договору полуостров Ханко и острова Выборгского залива, сняло с них батареи береговой артиллерии и установило их на островах севернее базы. С. И. Кабанов отмечал потом, что "получилось как бы артиллерийское окружение базы". Но это стало очевидно, только когда заговорили пушки.

Гарнизон Ханко к началу войны насчитывал 25 тысяч человек. Корабельные силы были представлены бригадой подводных лодок,

бригадой торпедных катеров и отрядом сторожевых катеров охраны водного района. Воздушные силы — одним истребительным авиаполком. Но к началу войны немалая часть этих сил оказалась за пределами базы — проходила боевую подготовку в районе Риги и Таллинна.

Оборона базы с суши и противодесантная оборона лежала на 8-й отдельной стрелковой бригаде (два стрелковых и один артиллерийский полк, танковый батальон и специальные подразделения) под командованием полковника Н. П. Симоняка.

С. И. Кабанов вступил в командование базой 13 мая 1941 года, то есть за месяц с небольшим до войны. Несмотря на это, он успел многое сделать для подготовки базы к упорной обороне. Заместителем его по политической части был бригадный комиссар А. Л. Расскин, начальником штаба базы — капитан 2 ранга П. Г. Максимов, начальником отдела политической пропаганды — капитан 1 ранга П. И. Власов, комендантом береговой обороны — генерал-майор И. Н. Дмитриев.

Несмотря на мирный договор, заключенный с Финляндией в марте 1940 года, мы не обольщали себя надеждой, что правительство Рюти будет добрым соседом. Оно открыто готовилось к войне.

Об обстановке на Ханко накануне и в первые дни войны рассказал мне Сергей Иванович Кабанов: "Поздно вечером 19 июня через границу в Ханко прибыл советский полпред в Финляндии С. И. Зотов. Он сообщил, что надо ожидать начала войны с Германией и Финляндией и что две гитлеровские дивизии уже разгружаются в порту Турку.

Без объявления тревоги я распорядился поднять 335й стрелковый полк и один дивизион 343-го артиллерийского полка и этими частями до рассвета без шума занять боевой участок и огневые позиции на рубеже сухопутной обороны. В течение 20-го и в ночь на 21 июня все силы базы по приказу Военного совета были приведены в полную боевую

готовность.

20 июня в Ханко прибыл из Ленинграда дизель-электроход "Иосиф Сталин", который по расписанию должен был в тот же день уйти обратным рейсом. Сложность обстановки заставила задержать дизель-электроход. В первый день войны с Германией на нем было эвакуировано из Ханко в Таллинн около 6 тысяч женщин и детей.

В тот же день в 18 часов фашистская авиация совершила бомбардировочный налет на Ханко. Зенитная артиллерия базы открыла огонь. Несмотря на то что все силы и средства обороны были приведены в боевую готовность, налет оказался в какой-то мере внезапным. Необходимо было спешно перестроиться на военный лад. Люди должны были осознать, что мирная жизнь кончилась, что это не учения, не маневры, а война. Форсированно строили новые укрепления, укрытия для машин, танков. Настроение бойцов и командиров было приподнятым. Уныния не чувствовалось.

Вечером 22 июня финны, пропустив через границу пустой пассажирский поезд из Ленинграда, стали разбирать на своей территории рельсы, прервав таким образом сообщение Ханко с Ленинградом. Вместо молока, которое каждый день нам продавали по торговому договору, два финских сержанта передали пустые бидоны, сердито заявив, что "молока больше не будет". Это мелочь, но она была характерна. Потом на границе установилась тишина.

Наша воздушная разведка все время обнаруживала корабли гитлеровцев в шхерах Турку. На финских островах в районе Ханко было замечено скопление войск, а также катеров и шлюпок, собранных, очевидно, для высадки десанта".

Так, по рассказу командира базы, развивались события. Было много и других фактов, свидетельствовавших, что Финляндия готовится к войне с

нами. Тогдашнее ее правительство еще за несколько месяцев до войны СССР с Германией предоставило немцам свои порты, территорию и аэродромы и подписалось под планами совместных действий против Советского Союза.

23 июня немецкая авиация с финских аэродромов совершила новый налет на Ханко.

В полдень 26 июня со стороны финнов не менее десяти — двенадцати батарей среднего и крупного калибра обрушили огонь на центральную часть города Ханко. Нашему гарнизону пришлось вступить в бой. Началась героическая оборона полуострова.

На рассвете 1 июля был нанесен удар по нашей обороне на правом фланге, юго-восточнее железнодорожной станции Лаппвик. Часть солдат напавшей стороны была одета в красноармейскую форму. Одновременно финны попытались высадить десант на острове Крокан.

Стрелковый полк под командованием полковника Н. К. Никанорова энергично отбил атаку. Враг не смог прорвать заграждения перед первой траншеей. Огонь, умело и вовремя открытый всеми батареями 343-го артиллерийского полка под командованием майора Морозова, сделал свое дело. В плен попали три вражеских солдата. Они были взяты красноармейцем Петром Сокуром, который за подвиг в этом бою был удостоен звания Героя Советского Союза.

7 июля противник атаковал вторично. Его танки преодолели проволочное заграждение, но пехота была остановлена и отсечена от них. Атака захлебнулась. Так повторялось еще несколько раз до конца августа. Видя бесплодность своих атак, финны на этом участке вынуждены были перейти к обороне.

Но враг угрожал не только с материка, но и с островов. В июле наша разведка обнаружила, что финны сосредоточивают десантные средства и

силы для захвата острова Хесте, на котором находилась наша 130-миллиметровая батарея. Если бы это им удалось, они могли выйти во фланг и тыл нашей обороны на перешейке полуострова.

Находившийся в то время на Ханко командующий флотом В. Ф. Трибуц приказал командиру базы очистить от противника ближайшие к Хесте острова. Комендант береговой обороны генерал-майор И. Н. Дмитриев сформировал отряд из 250 добровольцев под командованием майора А. Н. Кузьмина. 17 июля отряд высадился на острова Лонгхольм, Вранхольм и Грислом и после упорных боев вынудил финнов покинуть их. При этом противник потерял около 90 человек убитыми, семеро были взяты в плен. С 10 по 27 июля десанты ханковцев при поддержке авиации, береговой артиллерии и сторожевых катеров заняли более десяти малых островов к северу и востоку от полуострова Ханко. В боях за острова особо отличился отряд капитана Б. М. Гранина, воспитанника Военноморского училища береговой обороны имени ЛКСМУ.

27 июля командир базы Ханко получил телеграмму главного командования Северо-Западного направления, в которой давалась высокая оценка боевым действиям ханковцев.

Борьба за расширение операционной зоны базы Ханко становилась все более ожесточенной. В августе наши десанты заняли еще несколько мелких островов.

После этих неудач финны решили усилить удары по базе. Почти ежедневно они обстреливали ее из орудий и минометов. Против Ханко действовали броненосцы "Вяйнемайнен" и "Ильмаринен". 2 июля один из них вел огонь из 254-миллиметровых орудий по порту и городу Ханко. Возникли пожары, и были разрушены жилые дома. 4 июля обстрел был повторен. 12 июля броненосцы вели огонь по нашим батареям на острове Руссаре и полуострове Ускатане.

В сентябре наши катера поставили мины в узких местах фарватера у острова Эре. 18 сентября броненосец "Ильмаринен" на этих минах подорвался и затонул. После этого финские корабли прекратили обстрел Ханко.

Гарнизон базы продолжал героически сражаться.

Особую доблесть проявили летчики 13-го авиационного истребительного полка майора Ильина. Во взаимодействии с зенитной артиллерией они сбивали в небе над Ханко 53 вражеских самолета. В сложных условиях летчики успешно прикрывали вход и выход из порта кораблей и судов, боевые порядки обороняющихся войск, вели воздушную разведку и корректировали огонь артиллерии, наносили бомбоштурмовые удары по расположению противника, поддерживали десантные отряды. Лейтенанты А. К. Антоненко и П. А. Бринько, первыми на Балтике сбившие самолеты противника, были удостоены звания Героя Советского Союза. Летчики Л. Г. Белоусов, Ю.А. Байсултанов, М. Я. Васильев, Д. М. Татаренко, Г. Д. Цоколаев, Е. Т. Цыганов позднее также стали Героями Советского Союза.

Большой вклад в оборону Ханко внесли моряки охраны водного района под командованием волевого и инициативного капитана 2 ранга М. Н. Полегаева.

В ночь на 28 августа с Ханко просматривалось зарево над Таллинном. Но ханковцы с прежней твердостью стояли на своих боевых постах.

После захвата Таллинна немцами финская пропаганда всячески запугивала защитников Ханко, старалась склонить их к капитуляции. В октябре финны передали по радио обращение маршала Маннергейма к осажденному гарнизону. Ханковцы ответили в духе знаменитого письма запорожцев турецкому султану.

К этому времени относится мой доклад в Ставке о тяжелом положении

островов Эзель и Даго и полуострова Ханко в связи с вынужденной эвакуацией Таллинна. Обстановка заставляла полагать, что после захвата Таллинна противник двинется на острова. Поскольку численность их защитников невелика, только отдельные участки обороны можно будет удержать какое-то время. В случае критического положения гарнизону едва ли удастся организованно эвакуироваться в Кронштадт. С Даго можно рассчитывать перебраться на Ханко. Фактически впоследствии так оно и вышло. Но и Ханко в данном случае терял свое значение, поскольку вся система обороны Ханко — Моонзундский архипелаг рушилась после оставления Таллинна. Правда, у Ханко оставался еще один боевой сосед — гарнизон маленького острова Осмуссар. На острове стояли две береговые батареи (180 и 130-миллиметровые) и 76-миллиметровая зенитная батарея. Его малочисленный гарнизон стойко оборонялся. На рассвете 3 ноября на Осмуссар прибыли на шлюпке три немецких парламентаря. Они привезли ультиматум гитлеровского командования, требовавший прекратить сопротивление, сложить оружие и в 12 часов следующего дня построиться на площадке у церквушки в южной части острова. В знак принятия ультиматума предлагалось поднять на колокольне белый флаг. Точно в назначенное время — в 12 часов 4 ноября — на колокольне взвился не белый, а красный флаг. Одновременно все батареи острова открыли огонь по местам вероятного сосредоточения вражеских частей, подготовленных для захвата острова. Так ответили советские воины на фашистский ультиматум.

"На суровом скалистом полуострове, в устье Финского залива, стоит несокрушимая крепость Балтики — Красный Гангут. Пятый месяц мы защищаем ее от фашистских орд, не отступая ни на шаг,— писали ханковцы в ответ на письмо москвичей в начале ноября.— Здесь, на

неуютной каменистой земле, мы, граждане великого Советского Союза, не испытываем одиночества. Мы знаем, что Родина с нами, Родина в нашей крови, в наших сердцах... Мы научились презирать опасность и смерть. Каждый из нас твердо решил: я должен или победить или умереть. Нет мне жизни без победы! "Победа или смерть!" — таков наш лозунг. И мы твердо знаем, конечная победа будет за нами".

6 ноября противник открыл по острову шквальный огонь, а 9 ноября попытался высадить десант. Однако подошедшая группа мотоботов, катеров и шхун с десантом была уничтожена защитниками острова. На другой день враг повторил попытку более крупными силами и был отбит с еще большими для него потерями. Получив хороший урок, гитлеровцы временно перестали подходить к Осмуссару.

Но обстановка на Ханко становилась все напряженнее. После оставления Таллинна и Моонзундских островов Ханко оказался в глубоком тылу врага. Снабжение его в зимних условиях до чрезвычайности осложнилось. К тому же необходимо было сосредоточить силы для обороны Ленинграда. Взвесив все это, Ставка Верховного Главнокомандования решила эвакуировать военно-морскую базу Ханко. Операция по эвакуации Ханко, находящегося в 220 милях от Кронштадта и окруженного со всех сторон вражескими силами, была делом очень сложным.

Выполнение ее легло на плечи командующего эскадрой контр-адмирала В. П. Дрозда. Зная его отвагу и высокие командирские качества, я не предложил бы никого иного. Поэтому, когда узнал о кандидатуре Дрозда, немедленно и без колебаний одобрил ее.

В ноябре 1942 года, в блокированном Ленинграде, Валентин Петрович подробно рассказывал мне о трудностях каждого похода кораблей на Ханко.

Финский залив был буквально засыпан минами. Неудивительно, что при эвакуации мы несли немалые потери. Но все же из 25 тысяч человек более 22 тысяч были доставлены ко 2 декабря 1941 года в Кронштадт и приняли участие в обороне Ленинграда{18}. Командир базы Ханко генерал-лейтенант С. И. Кабанов в тяжелые для города-героя дни был назначен командующим войсками внутренней обороны Ленинграда.

Эвакуация Ханко была нашей последней крупной операцией на Балтийском морском театре в 1941 году. В то время, когда она проводилась, фланги сухопутной армии упирались в ораниенбаумский плацдарм на южном берегу Финского залива и в район Сестрорецка — на северном. В этой обстановке для Балтийского флота не было более насущной задачи, чем помощь Ленинграду артиллерией своих кораблей, посылкой на фронт морских стрелковых бригад, перевозками через Ладожское озеро. Скованный льдами Финский залив превращался в своего рода сухопутный фронт, откуда в любой момент следовало ожидать нападения.

Уже позднее, когда на все события можно было взглянуть ретроспективно и анализировать их на основании проверенных фактов, представилась возможность дать ответы на многие вопросы. Правильно ли было поручать руководство обороной Таллинна Военному совету КБФ, запретив ему перенести флагманский командный пункт в Лужскую губу? Нужно ли было эвакуировать Ханко? Зачем было приказано Военному совету КБФ эвакуировать острова восточной части Финского залива — Гогланд, Большой и Малый Тютерс, Бьерке, расположенные недалеко от Кронштадта?

Задумываясь над этим, я пришел к выводу, что решения, принятые Ставкой Верховного Главнокомандования, об обороне Таллинна и оставлении Ханко были правильными.

Я уже писал, что в тяжелые августовские дни пребывание Военного совета флота в Таллинне способствовало большей устойчивости линии обороны не только вокруг Таллинна, но и на Моонзунде и на Ханко.

Эвакуация Ханко была произведена своевременно. Мне помнится беспокойство Ставки о ходе эвакуации, опасения, как бы морозы не осложнили дела. Напомню, что более двадцати двух тысяч защитников Ханко были благополучно доставлены в Кронштадт и участвовали в обороне Ленинграда. А оставаясь на Ханко, они не только не помогли бы городу-герою, но и сами нуждались бы в помощи боеприпасами и продовольствием. Из дальнейшего развития боевых действий на северо-западном участке советско-германского фронта очевидно, что гарнизон Ханко влиять на их ход не мог.

Если тебе, дорогой читатель, придется быть в Ленинграде, загляни на улицу Пестеля. Там установлена скромная мраморная доска, увековечившая беспримерную отвагу людей, оборонявших Ханко в самые трудные месяцы осени 1941 года. "Слава мужественным защитникам полуострова Ханко!" — высечено на мраморе. Эта мемориальная доска не случайно находится рядом с церковью святого Пантелеймона, воздвигнутой в честь Гангутского сражения 1714 года, когда морские пехотинцы Петра I атаковали шведские корабли. Об этом сражении не раз вспоминали наши советские воины в трудные минуты 1941 года...

Иногда задают и такой вопрос: не лучше ли было оставить Моонзундский архипелаг в самом начале войны с тем, чтобы его гарнизоном пополнить ряды защитников Таллинна?

По-моему, это было бы ошибкой. Основная мощь Моонзунда заключалась в стационарных батареях. Они делали прочной оборону на каждом рубеже. Не будь этого, три немецкие дивизии, брошенные на захват архипелага, могли оказаться под Ленинградом в самый критический

период борьбы за город. Сравнительно небольшой гарнизон островов не оказал бы защитникам Таллинна большей помощи, чем та, которую он оказал им, сражаясь на Моонзунде и высаживая десанты на материк.

Но больше всего, пожалуй, было высказано сомнений в правильности решения об эвакуации островов в восточной части Финского залива.

Эти острова были оставлены по решению главнокомандования Северо-Западного направления, о чем знал тогда и я. Происходило это в трудные для нас дни, когда враг рвался к Москве и Ленинграду, когда у нас не хватало сил и оружия. В такой обстановке Военный совет КБФ 27 октября утвердил план эвакуации островов Гогланд, Бьерке и других. Всего в октябре и ноябре было эвакуировано около 10 тысяч человек, вывезено 55 орудий, 275 пулеметов, около 8 тысяч винтовок и много другого имущества.

Когда обстановка несколько стабилизировалась, были предприняты попытки вернуть Гогланд — он был очень нужен для предстоящих операций наших подводных сил; и в этом смысле оставление островов следует признать необоснованным и неправильным. Но осенью 1941 года все мысли были сосредоточены на главном — на обороне Ленинграда. И чтобы судить об этом решении объективно, нужно вспомнить критическую обстановку под Ленинградом в сентябре—октябре 1941 года. В новой же обстановке требовались и другие решения. И они были приняты.

Одесса

Первый год войны был тяжелым для всех наших фронтов и флотов. У каждого имелись свои трудности, и едва ли есть смысл мерить и взвешивать, на каком флоте было труднее. Нелегко пришлось и Черноморскому, хотя по количеству кораблей и их огневой мощи он на

своим морским театром превосходил противника.

Как известно, немецкое верховное командование предполагало захватить все наши приморские города, от Одессы до Туапсе, с суши, и это решение противника не назовешь случайным или недостаточно продуманным. Гитлер со своими военачальниками пришел к нему, правильно оценив наши возможности на Черном море. Если бы мы не имели там сильного флота, фашисты, по всей вероятности, еще в августе 1941 года попытались бы захватить Одессу комбинированным ударом — с суши и с моря. Мне помнится, как нечто подобное под руководством немецких специалистов провели в Испании весной 1937 года франкисты, захватив Малагу. Но в 1941 году на советской земле дела обстояли иначе. Хвастливая болтовня Геринга ("наши войска входят в тело России, как нож в масло") была опровергнута, в частности, длительными боями за Одессу. Важную роль в этих боях сыграл Черноморский флот, поддерживавший осажденный город огнем корабельной и береговой артиллерии, а также снабжавший всем необходимым Приморскую армию и флотские части. Непосредственно в боях участвовало сравнительно небольшое число кораблей, но поблизости, в Севастополе, мы имели эскадру с линкором и крейсерами, и это вынудило немцев не рисковать слабым румынским флотом.

Несмотря на настойчивые требования Гитлера поскорее "покончить с Одессой" и на все усилия, которые предпринимал для этого его верный слуга Антонеску, немцам не удалось достигнуть своей цели в намеченные сроки.

Одесса запомнилась мне с двадцатых годов. Крейсер "Червона Украина", на котором мне довелось начать службу, проходил там в 1927 году первые ходовые испытания.

Черноморцы любили заходить в Одесский порт, любили этот чудесный,

гостеприимный город.

Как военно-морская база Одесса приобрела значение лишь в последние предвоенные годы. Пока фашистская Германия не угрожала нам нападением, создавать там базу не было нужды. Береговая оборона и соединение кораблей вполне обеспечивали безопасность в районе Одессы. Лишь после нападения Германии на Польшу в 1939 году пришлось практически считаться с тем, что Румыния в случае войны может стать союзницей Германии. На оперативных картах уже рисовали фронт большой протяженности, упиравшийся своим флангом в Черное море.

Как только гитлеровцы убедились, что им не удастся захватить с суши наши военно-морские базы и порты на Черном море, они начали срочно пополнять морские силы на этом театре. На Черное море было направлено около 400 военных кораблей и торговых судов, в том числе 6 подлодок, 16 торпедных катеров, 50 десантных судов, 23 тральщика и 26 охотников за подводными лодками.

Столь крупное пополнение румынского флота немецкими кораблями, естественно, доставило немало неприятностей командованию советского флота в период борьбы за Крымский полуостров, Керченский пролив и Кавказское побережье.

Наступление группы немецких армий "Юг" на Киев и Донбасс создавало реальную угрозу с суши. Надежность обороны Одессы теперь немало значила для безопасности плавания в ее районе, да и для Днепровской флотилии в случае ее вынужденного отхода в устье Днепра. Поэтому в первые же дни войны командование Черноморского флота предписало командиру Одесской базы контр-адмиралу Г. В. Жукову немедленно строить оборонительные рубежи и всеми силами готовиться к отражению врага. Это в известной степени повлияло на последовавшее вскоре

решение Ставки: возложить ответственность за оборону города на Черноморский флот и во главе оборонительного района поставить моряка — командира базы. Своевременная подготовка к боям за город и четкое взаимодействие Приморской армии и флота позволили надолго сковать здесь 17 дивизий и 7 бригад противника. Жители Одессы не только строили оборонительные рубежи, но и активно помогали фронту в ходе боев. Этот портовый город всегда был тесно связан с Черноморским флотом, а торговые моряки уже с первых дней войны перешли на военное положение.

Строительством оборонительного пояса Одессы руководил генерал-майор инженерных войск Аркадий Федорович Хренов, с именем которого связано очень многое в укреплении обороны наших военно-морских баз с суши. Я считаю, что просто обязан рассказать о его плодотворной деятельности.

В 1940 году на апрельском совещании правительства с военачальниками много внимания было уделено роли инженерных сооружений в условиях современной войны. И. В. Сталин в довольно резкой форме выразил от имени правительства неудовлетворение боевой подготовкой отдельных родов войск. В Наркомате обороны было создано Главное военно-инженерное управление, начальником которого стал А. Ф. Хренов.

Как-то разговорившись со мной, Аркадий Федорович рассказал об огромной работе, которая сразу была начата его управлением. Инженерные сооружения планировались даже в таких приморских районах, как Моонзундский архипелаг или Либава. "Все поняли,— рассказывал он,— что наиболее правильное решение проблемы обороны государства надо искать в сочетании маневренных средств ведения войны с прочными укреплениями, где этого требует обстановка и где позволяет местность". 18 ноября 1940 года Сталину в присутствии

Ворошилова, Тимошенко, Микояна и Вознесенского был доложен разработанный Генеральным штабом план инженерной подготовки. Докладывал тогдашний начальник Генерального штаба К. А. Мерецков. После доклада, глядя на карту, Сталин стал задавать вопрос за вопросом. Помнится, он спрашивал:

— Как план строительства новых укрепленных районов предусматривает использование старых крепостей? С какими предложениями обращался к вам по вопросам обороны военно-морских баз нарком ВМФ Кузнецов? Был ли привлечен к разработке плана Борис Михайлович Шапошников?^{19} Почему не привлекли к работе Главный морской штаб?

Вскоре после этого совещания в Кремле А. Ф. Хренов приехал ко мне, и мы вместе с работниками нашего штаба подробно ознакомились с наметками Генштаба и внесли свои предложения в части, касавшейся флотов. 16 декабря 1940 года я подписал специальный приказ, в [117] котором военным советам флотов и флотилий предлагалось провести ряд срочных мер с целью укрепления сухопутной и противодесантной обороны военно-морских баз и побережья. В самом конце декабря переработанный Генштабом план инженерной подготовки будущих театров военных действий был вновь доложен И. В. Сталину, уже в присутствии Б. М. Шапошникова, и одобрен без особых поправок и замечаний.

Вероломное нападение Гитлера на Советский Союз помешало нам осуществить этот план.

Но вернемся к событиям в Одессе.

Наркомат ВМФ горячо поддерживал мнение Военного совета флота о том, что оставлять Одессу с ее береговыми батареями и хотя небольшими, но стойкими, хорошо обученными частями было бы неправильным. На

очередном докладе в Ставке я выяснил точку зрения Генерального штаба. Генштаб счел мое мнение правильным и подтвердил, что Одессу нужно удерживать. Мне обещали, что об этом доложат И. В. Сталину.

26 июля в адрес Военного совета флота мною была направлена телеграмма с приказанием предупредить командира Одесской базы контр-адмирала Г. В. Жукова, что, независимо от положения на фронте, за Одессу следует драться до последней возможности. Одновременно было приказано готовить береговые батареи к стрельбе по сухопутному противнику, а также к взаимодействию с кораблями и авиацией. Это было сделано своевременно.

В дневнике бывшего начальника штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Гальдера есть такое свидетельство: "Оборона Одессы носила характер сопротивления, без мысли отступления; оборона отличалась наступательными действиями, была активной". Нам это хорошо известно самим, но и показания врага в данном случае нелишни. Одесса являлась южным флангом фронта. Для флота любой страны обеспечение флангов армии, если они упираются в море, составляет одну из важных задач как в период наступления сухопутных войск с целью занять побережье врага, так и в случае вынужденного отступления. Вот почему, когда фланги сухопутных армий на Севере, на Балтике и на Черном море упирались в водное пространство, флоты всегда считали их обеспечение задачей первостепенной важности.

В обстановке же первого периода войны, когда инициатива временно находилась в руках врага, обеспечить устойчивость флангов, упиравшихся в море, было особенно важно. Иначе к уже имевшимся трудностям неизбежно прибавилась бы еще и угроза с моря. Наши войска, к счастью, не испытали на себе фланговых тыловых ударов с моря. Видимо, поэтому о тыловых ударах с моря мало писалось и

говорилось после войны, хотя эта тема явно заслуживает внимания.

Задача захватить Одессу вначале была возложена на 4-ю румынскую армию. Гитлер требовал сделать это не позднее августа 1941 года. В дневнике Гальдера записано: "Румыны считают, что только в сентябре им удастся занять Одессу. Это слишком поздно. Без Одессы мы не сможем захватить Крым..." Немцы понимали, что означает для них захват Крыма. Еще 22 августа тот же Гальдер писал: "Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии".

Гитлеровское командование рассчитывало взять Одессу значительно раньше. Это требовалось не только для "захвата Крымского полуострова", но и для успешных операций на всем южном направлении. Однако в Одессе неожиданно для себя вражеские войска столкнулись с яростным сопротивлением ее защитников. И хотя румынские дивизии пополнялись немецкими подразделениями, хотя против кораблей Черноморского флота, активно помогавших удерживать Одессу, были брошены испытанные фашистские асы, Одесса продолжала отбивать атаки врага. Сопротивление героически оборонявшихся войск Приморской армии и моряков до 16 октября 1941 года оказало огромное влияние на ход войны. Не случайно оборона Одессы была в центре внимания наших и иностранных газет в августе — сентябре 1941 года.

Мне думается, значение огромного Одесского порта определялось для гитлеровцев не только проблемой подвоза горючего. Оставшаяся в немецко-румынском тылу, Одесса вообще мешала захватчикам уверенно чувствовать себя не только в море, но и на суше.

Попытка румынской армии своими силами взять Одессу кончилась полным провалом. С остроумием, присущим одесситам, защитники города написали письмо Антонеску: "...Не тебе с дурною головою выступать

против нас войною. Огнем и мечом расправимся с тобою... Запомни, что наша Одесса, как и вся Украина, будет только советской, а не твоей, боярской. Об этом ты, фашистский холуй, и Гитлеру отрапортуй".

26 сентября Гальдер записал в своем дневнике: "Позавчера Антонеску принял решение просить у немцев помощи, т. к. румыны одни не смогут взять Одессу. Антонеску требует: а) войск; б) помощи авиации".

Противнику удалось занять Одессу только после того, как мы в ночь на 16 октября по решению Ставки ВГК оставили ее, нанеся огромный урон румынским войскам.

Оборона Одессы — пример тесного взаимодействия различных видов вооруженных сил. Между тем авторы некоторых статей и даже книг, рассказывая об этом событии, отводят решающую роль либо морякам, либо Приморской армии. На мой взгляд, столь односторонний подход никак нельзя оправдать.

Можно с уверенностью сказать, что Приморская армия не удержала бы Одессу столько времени без моряков, но и сравнительно малочисленные флотские части тоже не смогли бы заполнить всю линию обороны и долго защищать город. Я не говорю уже о том, что значили в те дни боеприпасы и продовольствие, которые доставляли сражавшимся черноморцы. Важную роль в дни осады города сыграли также и батареи береговой обороны Одесской военно-морской базы. Героизм советских воинов везде был высок. Разная же степень боевой подготовки и стойкости объяснялась вовсе не тем, что одни носили полосатую тельняшку, а другие — гимнастерку защитного цвета. Воины армии и флота одинаково не щадили жизни ради победы над врагом. Полезнее будет поэтому не выискивать какие-то особые заслуги того или другого вида вооруженных сил, а отдать должное боевому содружеству армии и флота.

На первом этапе войны, в условиях вынужденного отступления, особенно остро чувствовались все недоработки мирного времени, касавшиеся взаимодействия двух военных наркоматов. Так, неуставное выражение "привлечь к делу Черноморский флот" армейские и флотские начальники понимали по-разному, и порой даже по этому поводу возникали разногласия. Главнокомандование Юго-Западного направления стремилось [120] как можно больше сил флота использовать для обороны Одессы, не считаясь с другими задачами, стоявшими перед флотом. Но даже тяжелая обстановка первых месяцев войны и отсутствие нужных, детально разработанных положений не оправдывают многочисленных подчинении и переподчинений Черноморского флота в то время.

В первые дни обороны в Одессе было два командования: командование Отдельной Приморской армии во главе с генерал-лейтенантом Г. П. Софроновым, подчиненным Южному фронту, и командование Одесской военно-морской базы во главе с контр-адмиралом Г. В. Жуковым, подчиненным командующему Черноморским флотом. Когда борьба за Одессу только начиналась, отряд кораблей состоял из старого крейсера "Коминтерн", нескольких, также не новых, эсминцев и канонерских лодок. Но вскоре этого оказалось недостаточно, и для защиты Одессы периодически привлекались крейсера "Червона Украина", "Красный Крым", "Красный Кавказ" и значительное число эсминцев. Надо признать, что, пока Ставка не решила образовать Одесский оборонительный район, в действиях флотского и армейского командований не хватало согласованности. Но в начале августа наступавший враг отрезал части Приморской армии и Одесской базы от основных сил Южного фронта. Вот тогда и потребовалось срочно решить, кому поручить оборону Одессы. Меня вызвали в Ставку. Мои соображения сводились к тому, что без активной поддержки Черноморского флота оборона Одессы не может

быть устойчивой.

— Кто персонально возглавит оборону? — спросил меня И. В. Сталин.

Я ответил, что там есть командир военно-морской базы контр-адмирал Жуков. Однако окончательного решения тогда принято не было. В Одессу была послана телеграмма Ставки: "Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот". Эта телеграмма была продиктована лично Сталиным.

Почему же в начале августа Ставка, несмотря на мои просьбы, не приняла решения о назначении Г. В. Жукова старшим в обороне Одессы и тем самым о подчинении его (и всех войск) Черноморскому флоту?

Не могу утверждать, что Б. М. Шапошников противился этому, но имею основания предположить, что именно он больше, чем Верховный Главнокомандующий, опасался подчинения сухопутных частей флотским начальникам. Помню, я спросил Бориса Михайловича, поддержит ли он назначение моряка, если я буду настаивать на этом перед Сталиным. Шапошников уклонился от ответа. Во всяком случае, он знал мнение Главного морского штаба и наркома ВМФ по этому вопросу, но подготовил телеграмму с приказанием оборонять Одессу "до последней возможности" в адрес сухопутного командования, возложить же эту задачу на Черноморский флот явно остерегался.

Как и следовало ожидать, сразу возникло много неясностей в требованиях к Черноморскому флоту, чувствовалась неопределенность функций командующего флотом. Выбрав момент, я снова предложил поставить во главе обороны Одессы моряка — командира военно-морской базы, подчиненного командующему флотом.

На этот раз было решено создать Одесский оборонительный район (ООР), подчинив его Военному совету Черноморского флота. Командующим был назначен Г. В. Жуков, членами Военного совета ООР — И. И. Азаров, Ф.

Н. Воронин и А. Г. Колыбанов. В начале октября генерал И. Е. Петров, сменивший Г. П. Софронова и командовавший до этого 25-й Чапаевской дивизией, стал во главе Приморской армии.

Директива Ставки о создании Одесского оборонительного района была подписана 19 августа. Хотя решение было принято с некоторым опозданием — Одесса с 8 августа находилась на осадном положении,— оно все же внесло полную ясность в вопросы организации обороны.

С организацией Одесского оборонительного района во главе с контр-адмиралом Г. В. Жуковым произошли некоторые перестановки людей. Начальником штаба ООР стал сухопутный генерал Г. Д. Шишенин. Этот факт я считаю весьма положительным, сочетание получилось удачное. Заместителем Жукова по его просьбе был утвержден генерал Г. П. Софронов. Командиром Одесской военно-морской базы стал контр-адмирал Д. И. Кулешов, а начальником штаба — капитан 1 ранга К. И. Дсревянко.

События развивались следующим образом. Пока Приморская армия не была отрезана от основных сил Южного фронта, не возникало и мысли о возложении ответственности за оборону Одессы на Черноморский флот и о создании ООР. Правда, еще в июле можно было предвидеть, какой оборот примут события, если Южному фронту не удастся остановить противника. Однако исходя из уже имевшегося опыта, ГМШ и нарком ВМФ признавали пока невозможным поднимать вопрос о целесообразности поручать дело обороны города флоту.

Вопрос о том, на кого возложить ответственность за оборону Одессы, встал особенно остро после того, как Приморская армия оказалась в окружении и стала целиком зависеть от снабжения морем. Но, естественно, не это привело Ставку к решению возложить ответственность за оборону Одессы на Черноморский флот, создать ООР

и назначить командующим этим районом контр-адмирала Г. В. Жукова. Становилось очевидным: чтобы и дальше удерживать Одессу, потребуется выделить моряков, использовать флотскую авиацию, береговую оборону и корабли. Взаимодействие всех сухопутных и флотских частей, бесспорно, мог лучше всего наладить Военсовет флота и его представитель на месте. Поэтому-то мы и пришли к выводу, что самым удачным вариантом решения будет создание в Одессе оборонительного района во главе с адмиралом.

Больше всего подходил для этой роли командир военно-морской базы контр-адмирал Г. В. Жуков. Он не только прекрасно знал обстановку под Одессой и в самом городе, но и обладал всеми личными качествами, необходимыми командующему оборонительным районом. На Жукове и был остановлен выбор. Военсовет флота возражений по этой кандидатуре не имел, и я доложил об этом в Ставке.

Гавриила Васильевича Жукова я знал еще в те времена, когда он командовал одной из канонерских лодок на Черном море. В конце 1936 года он прибыл в Испанию. На вопрос, куда бы хотел получить назначение, он ответил: "Только на корабль".

Ему не раз приходилось совершать рискованные походы в базу Маон, находившуюся рядом с логовом франкистов на Балеарских островах. Участвовал он и в боях с мятежными кораблями. Все прошлое Жукова говорило, что он способен возглавить оборону Одессы. Так оно и получилось.

Действиями Черноморского флота по обороне Одессы руководил Главный морской штаб, хотя Ставка нередко обращалась прямо к Г. В. Жукову. Флоту было приказано обеспечить надежное сообщение с Одессой и выделить часть кораблей для постоянной поддержки ее защитников. Более 8 тысяч моряков уже находились на оборонительных рубежах

вокруг города. И не случайно полк морской пехоты под командованием ветерана гражданской войны полковника Я. И. Осипова вошел в историю героической обороны Одессы. Из частей Приморской армии надо отметить 25-ю Чапаевскую, 95-ю и 421-ю стрелковые дивизии. Так, 18 августа 1941 года в отражении главного удара, наносимого тремя пехотными дивизиями и танковой бригадой противника вдоль линии железной дороги Раздельная — Одесса, героически отбивали атаки все части 95-й стрелковой дивизии. В этом же бою отличился 161-й стрелковый полк 95-й стрелковой дивизии, а командир 3-го батальона этого полка лейтенант Я. Г. Бреус получил звание Героя Советского Союза.

Из кораблей в обороне города в разное время участвовали 3 крейсера, 2 вспомогательных крейсера, 2 лидера, 10 эсминцев, 4 канонерские лодки и другие. Заслуживают быть выделенными крейсер "Красный Крым" под командованием А. И. Зубкова (комиссар Ф. П. Вершинин), лидер "Ташкент", которым командовал В. Н. Ерошенко, и эсминец "Бойкий" под командованием Г. Ф. Годлевского.

Корабли эскадры под командованием контр-адмирала Л. А. Владимирского сделали более 150 выходов, поддерживая войска артиллерийским огнем. В трудное для Одессы время, в двадцатых числах сентября, с боевых кораблей был высажен морской десант в район Григорьевки. Высадкой десанта командовал контр-адмирал С. Г. Горшков. В результате успешных действий десанта и войск оборонительного района, перешедших в наступление, плацдарм обороны был расширен и Одесский порт стал недостижимым для артиллерии противника. Но враг продолжал рваться к Одессе.

Просматривая материалы, относящиеся к этой сравнительно небольшой, но хорошо выполненной десантной операции, даже теперь, спустя много

лет, нельзя не отметить огромную работу, проделанную штабом эскадры во главе с капитаном 1 ранга В. А. Андреевым и под руководством командующего эскадрой контр-адмирала Л. А. Владимирского.

В связи с этим хочется еще раз подчеркнуть роль штабов всех степеней, и особенно штабов крупных соединений. При встречах с бывшими командирами кораблей и соединений, участниками операций Черноморского флота, я часто слышал о том, как много вопросов в ходе проведения операций им приходилось подготавливать, уточнять и, наконец, разрешать со штабом флота и персонально с контр-адмиралом И. Д. Елисеевым. Ивана Дмитриевича я знал еще с тех времен, когда командовал крейсером "Червона Украина" — он был моим старшим помощником. Высокообразованный, дисциплинированный, исключительно организованный командир, он проявил себя с самой лучшей стороны и в годы войны в качестве начальника штаба Черноморского флота. Недаром Елисеева и по сей день вспоминают добрым словом все, с кем он работал.

В первые, самые тяжелые месяцы исторической обороны Одессы Ставка не ограничивалась приказами и директивами, отдаваемыми по принятой форме. Иногда телеграммы Ставки содержали не категорическое требование "остановить противника" или "удержать свои позиции", а просьбу к командованию на местах и к войскам продержаться до получения подкреплений или в течение какого-то времени.

Такая телеграмма была получена в Одессе в середине сентября 1941 года: "Передайте просьбу Ставки Верховного Главнокомандования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6—7 дней, в течение которых они получат подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения... И. Сталин". Мне известно, что этот текст был продиктован лично Верховным Главнокомандующим.

Неудивительно, что подобные обращения Верховного Главнокомандования быстро находили путь к сердцу рядовых бойцов. Не скрывая тяжелого положения с резервами или техникой. Ставка одним простым словом "просим" поднимала дух бойцов, в результате чего удары по врагу становились еще более мощными.

Телеграмма, которую я процитировал, сыграла огромную роль в обороне Одессы. Фашистские полчища были надолго задержаны у стен этого города.

Несмотря на огромное превосходство врага, войска Приморской армии, в том числе прославленная 25-я Чапаевская стрелковая дивизия, вместе с моряками успешно сдерживали его натиск. Их героическая борьба значила немало в ходе общего сражения за Родину памятной осенью 1941 года.

В конце сентября положение Одессы еще не было критическим, при поддержке флота город мог бы обороняться долго. Но опасность, нависшая над Крымским полуостровом со стороны Перекопа, заставила Ставку использовать все силы Черноморского флота и Приморскую армию для обороны Крыма, и особенно Севастополя, на случай, если противник прорвется на полуостров.

Враг нацеливался на Севастополь и ставил под угрозу связь с Одессой. Ее защитники получили приказ эвакуироваться в Крым. Решение Ставки Верховного Главнокомандования об эвакуации Одессы было принято 29 сентября. Тогда же, после совещания в Ставке, где обсуждалось не только и, пожалуй, не столько положение в Одессе, сколько обстановка на подступах к Крыму и на Южном фронте в целом, я направил телеграмму Военному совету Черноморского флота: "Приказываю немедленно готовиться к эвакуации Одессы". Учитывая, как важно командованию на местах получить информацию возможно раньше,

Наркомат ВМФ обычно посылал телеграммы, как только узнавал о решениях, принятых Ставкой или Генштабом.

30 сентября я послал телеграмму Военному совету Черноморского флота с рядом практических указаний. Имея опыт эвакуации Таллинна, приходилось считаться с возможностью быстрого прорыва немцев в Крым и, стало быть, с необходимостью скорого оставления Одессы. На практике обстановка позволила составить детальный план эвакуации.

Местом самых упорных боев являлся в это время правый фланг обороны Одессы. Именно там отличились бойцы 54-го стрелкового полка, артиллеристы 134го гаубично-артиллерийского полка, а также пограничники и артиллеристы береговой обороны. Не случайно первые (скупые в то время) награды получили 43 воина из этих частей, среди которых были Я. И. Осипов и командир 21-й батареи А. И. Кузнецов, пожертвовавший своей жизнью во имя победы над врагом.

180-миллиметровая береговая батарея А. И. Кузнецова прикрывала вход в Одессу с моря. Но в конце августа, когда противник угрожал прорваться к порту, 21 я батарея оказалась на переднем крае обороны. Вот как описывает те дни начальник штаба Одесской базы К. И. Деревянко: "Начав отражать натиск врага на [126] предельных дистанциях, батарея отбивала атаки, расстреливая врага в упор, когда он приблизился к ней. Это было в последних числах августа. Несколько раз дело доходило до рукопашной. В первых рядах всегда находился А. И. Кузнецов. Обстановка там была такова, что телефонист батареи не раз прерывал переговоры, чтобы схватиться с врагом врукопашную..."

5 октября я получил директиву Ставки, подтверждавшую необходимость эвакуировать Одессу, и сразу же послал Военному совету флота телеграмму: "Эвакуацию Одессы проводить согласно приказу полностью".

6 октября радировал снова: "Дайте указание Жукову не затягивать

эвакуацию. Вывозить в первую очередь войска и оружие. Весь транспорт подчинить этой задаче". Такое неоднократное напоминание об эвакуации в указанные Ставкой сроки вызывалось усложнявшейся с каждым днем обстановкой на Перекопе и необходимостью срочно перебросить в Крым подкрепления.

Посадка войск на корабли при отступлении — дело сложное. Обязательное условие для организованной эвакуации крупного масштаба — достаточный запас времени. Оно необходимо для подготовки, маскировки и неожиданного для противника проведения самой ответственной части операции — посадки последнего эшелона. Так, в годы первой мировой войны английское командование вело длительную и детальную, до мелочей, подготовку к выводу своих войск с Галлипольского полуострова в Турции, после того как провалились планы тогдашнего морского министра У. Черчилля по захвату проливов. Это почему-то отложилось у меня в памяти еще со школьной скамьи.

В период Великой Отечественной войны советскому флоту трижды пришлось эвакуировать войска и население в крупных масштабах — из Таллинна, Одессы и Ханко. В каждом случае условия были разными, но везде по-своему трудными. Эвакуацию приходилось проводить буквально под прицелом неприятельских орудий. Причем эвакуироваться было тем труднее, чем упорнее, "до последней возможности", шла борьба.

В Таллинне, как я уже писал, командование имело всего несколько дней на подготовку, посадку и отход кораблей и транспортов. Враг наседал и к тому же имел большое превосходство в силах. Но и в этих условиях проводилась маскировка: огонь из всех орудий на берегу и с кораблей создавал впечатление если не подготовки к наступлению, то продолжения прочной обороны.

В Одессе, в отличие от Таллинна, приказ об эвакуации был получен

заблаговременно. В распоряжении командования флота и ООР оказалось более двух недель, с 1 по 16 октября 1941 года. Нажим со стороны врага был здесь сравнительно невелик: даже при численном превосходстве, враг боится своего противника, если тот героически обороняется и при случае сам готов броситься в контратаку. А именно в это время наши части нанесли врагу несколько ощутимых ударов. Войска отошли настолько скрытно, что, когда последний эшелон уже вышел из порта, румыны все еще боялись двинуться к городу.

Позднее мне приходилось беседовать с адмиралами Г. В. Жуковым, Д. И. Кулешовым и другими военачальниками, причастными к этой сложной операции. Успешную эвакуацию войск они связывают с именем генерала И. Е. Петрова.

Нетрудно понять, что приказа об оставлении Одессы, где шли упорные и успешные бои, Ставка давать не хотела, несмотря на тяжелое положение на Перекопе. Мне известны раздумья И. В. Сталина в связи с эвакуацией Одессы. Он приказал мне запросить Военный совет Черноморского флота о целесообразности оставления в Одессе части войск, до двух дивизий, чтобы еще держать город и отвлекать на себя силы противника. Такая телеграмма 4 октября была послана. Я просил донести мнение Военного совета об этом, с учетом, что дивизия, которая обещана из Новороссийска, дана не будет.

Главный морской штаб и Военный совет Черноморского флота доложили мне о нецелесообразности такой полумеры. Дальнейшие события подтвердили, что задержка с эвакуацией Одессы или оставление там части войск могли роковым образом сказаться на обороне Севастополя и, само собой, на судьбе защитников Одессы.

Положение с каждым днем осложнялось не только на юге, но и под Москвой.

До середины октября из Одессы было вывезено свыше 100 тысяч человек. Сотни рейсов (152 на боевых кораблях и 129 на транспортных судах), названных потом "огненными", сделали военные и торговые моряки. Кульминационным моментом эвакуации был вечер 15 октября. Крейсера, эсминцы и транспорты были стянуты в гавани Одессы, уже простреливаемой артиллерией противника. Скрытно оставив свои позиции, которые противник обстреливал потом еще несколько часов, наши части прикрытия — более 30 тысяч человек — погрузились на транспорты почти без потерь.

73 дня героической обороны Одессы остались позади. Впереди были тяжелые испытания как для ее бывших защитников, так и для всей страны. Но главное состояло в том, что у советских людей росла вера в победу, а надежды гитлеровцев на молниеносную войну с каждым днем таяли, хотя армии их были еще сильны.

Подвиг моряков-черноморцев, воинов Приморской армии и жителей Одессы, подвиг всех, кто оборонял ее,— одна из ярчайших страниц истории Великой Отечественной войны.

Одесса по праву занимает достойное место в ряду городов-героев. О трудных и славных минувших днях напоминают здесь монумент Неизвестному матросу и Вечный огонь — символ неугасимой памяти о тех, кто погиб, защищая город.

Трудная осень

В середине августа я попросил разрешения выехать в Ленинград и уже совсем было собрался, как события на Черном море (наступление немцев на Одессу) заставили отложить поездку. В конце августа меня вызвали по какому-то вопросу в Ставку Верховного Главнокомандования, и я напомнил о своем намерении выехать на Балтийский флот. Согласие

снова было дано, и я тут же, из Ставки, распорядился по телефону подготовить к утру самолет.

Однако в ходе обсуждения положения под Ленинградом в ГКО и Ставке мне было предложено срочно отправиться туда со специальной комиссией в составе В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, А. Н. Косыгина, П. Ф. Жигарева, Н. Н. Воронова. Кроме флотских дел Ставка поручила мне доставить и лично вручить важный документ главнокомандованию Северо-Западного направления. В связи с этим изменился и мой маршрут. Вместо прямого перелета в Ленинград было решено всем вместе лететь самолетом до Череповца, а затем [129] пересесть на специальный поезд.

Путь по воздуху 29 августа 1941 года мы проделали благополучно. Но, добравшись уже в сумерках поездом до станции Мга, вынуждены были неожиданно остановиться у семафора: станцию бомбили немецкие самолеты. Ждать до рассвета было рискованно, а поврежденные бомбами железнодорожные пути не позволяли пока двигаться дальше. Однако выход был найден.

Оставив вагоны и перейдя пешком через разрушенный участок дороги, мы пересели на дрезину, которая двинулась навстречу бронепоезду, высланному из Ленинграда К. Е. Ворошиловым.

Через несколько дней, уже в Ленинграде, нам стало известно, что немцы заняли Мгу. Нетрудно представить, в какое положение попали бы мы все, если бы задержались там. Этот случай говорит о том, что в те дни еще не была налажена четкая и своевременная информация об обстановке на фронте даже в тех случаях, когда это было крайне важно.

В Ленинграде нас встретили К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов. Оба были чрезвычайно озабоченны: противник яростно рвался к Ладожскому озеру, чтобы замкнуть кольцо блокады.

Меня беспокоило, как прошла уже в основном закончившаяся в те дни эвакуация Таллинна. Встретивший меня в Ленинграде командующий Балтийским флотом В. Ф. Трибуц доложил, что наши потери довольно велики.

Нужно было ехать в Кронштадт, куда подходили корабли из Таллинна, но в первый день пребывания в Ленинграде я был связан поручениями Ставки и отложил поездку на сутки. Вечером в номере гостиницы "Европейская" у нас с Н. Н. Вороновым был обстоятельный разговор. Он рассказал мне о положении на фронтах, я ему — о трудном прорыве флота из Таллинна. Мы оба старались подбодрить друг друга, но в душе по-прежнему оставалась тревога.

На следующий день на совещании у К. Е. Ворошилова рассматривалось положение на фронте. Обсуждаемые вопросы почти не касались флота, и выяснилось, что я могу ехать в Кронштадт.

Перед поездкой решил побывать на крейсере "Максим Горький", стоявшем в ковше торгового порта (крейсер только что вышел из ремонта после подрыва на mine на второй день войны). Встретил меня А. Н. Петров — командир корабля и мой старый товарищ по совместной службе на Черном море. "Максим Горький" был еще не готов к выходу в морс, но его орудия могли стрелять по береговым целям. Все люди на корабле горели желанием активно участвовать в обороне города Ленина. Часть команды могла пойти на фронт. Однако морякам недоставало стрелкового оружия: во время ремонта оно было передано ленинградскому народному ополчению. По той же причине задерживалась отправка моряков в сухопутные части с других кораблей. Чтобы как-то выйти из положения, командиры кораблей прибегали иногда к кустарному изготовлению холодного оружия — ножей, кинжалов, сабель. Я постарался уверить А. Н. Петрова, что у него до

этого не дойдет, хотя и сам сомневался в возможности помочь ему.

Позже Балтийскому флоту пришлось сформировать семь морских стрелковых бригад и много различных подразделений морской пехоты. Общая численность моряков-балтийцев, действовавших на суше (включая и морскую бригаду, переданную Карельскому фронту), превышала 125 тысяч человек. Воевали они отлично. Особенно прославились 1, 2 и 3-я бригады, которые действовали на направлении Нарва — Кингисепп — Луга, Котлы — Копорье и на Карельском перешейке. В тот день, когда я посетил крейсер "Максим Горький", никто еще не думал, что придется послать на фронт так много моряков. Но угроза Ленинграду с суши нарастала и требовала мобилизации всех сил.

31 августа утром я выехал через Ораниенбаум в Кронштадт. Из Ораниенбаума мы вышли на катере. Кронштадт выглядел мрачным, но таким же близким и родным для каждого моряка, как и прежде. При подходе катера к Петровской гавани в глаза бросилось необычно оживленное движение различных катеров и буксиров. На рейде стоял линкор "Октябрьская революция", которым командовал контр-адмирал М. В. Москаленко, хорошо знакомый мне еще по тем годам, когда мы оба командовали крейсерами на Черном море.

Внутри Петровской гавани кормой к стенке стоял другой линкор — "Марат".

В Кронштадте я увидел команды кораблей, подорвавшихся на минах во время прорыва из Таллинна. Моряки ждали нового назначения. Это были мужественные люди. Но в тот день настроение у них было подавленное.

Командование флота подробно доложило мне об эвакуации Таллинна и прорыве флота в Кронштадт. Из этого доклада явствовало, что даже в самой тяжелой обстановке управление соединениями кораблей сохранялось до конца. Переход был не бегством, а организованным

отступлением, и надо отдать должное выдержке и силе духа, которые нашли в себе в тот критический момент командование флота и эскадры.

Командующий эскадрой контр-адмирал В. П. Дрозд был хорошо знаком мне еще по войне в Испании, где он являлся советником командира флотилии эсминцев. Это был опытный, храбрый моряк, всегда умевший найти выход из самых трудных положений, и поэтому было вдвойне обидно и горько, когда зимой 1943 года он погиб из-за нелепого случая: ехал в автомашине по льду из Кронштадта в Ленинград, машина угодила в свежую полынь от недавно сброшенной бомбы, и В. П. Дрозд утонул.

Наиболее беспокойным участком фронта, от которого во многом теперь зависела судьба Кронштадта, а стало быть и флота, неожиданно стал к концу августа южный берег Финского залива в районе форта Красная Горка. Туда мы и отправились на следующий день. По дороге нам встречались отдельные группы бойцов, шедших, нередко без оружия, в сторону Ленинграда. Именно в это время отступала под сильными ударами противника 8-я армия. 6 сентября она заняла рубеж обороны Копорский залив — Ропша (15 километров южнее Петергофа). Впоследствии при поддержке морской пехоты, артиллерии фортов и кораблей наступление немцев на этом рубеже удалось остановить и фронт здесь на долгое время стабилизировался. Во время же нашей поездки положение было еще неустойчивым.

Комендант Красной Горки доложил, что он выделил часть бойцов на сухопутное направление, а оставшиеся укрепляют оборону форта на случай возможного прорыва противника к Красной Горке с суши, а может быть, и подхода его с моря. Проехав дальше на запад, мы увидели моряков береговой обороны, занявших буквально накануне вырытые окопы. Они пожаловались, что не хватает оружия. Командовавший ими лейтенант попросил разрешения отбирать оружие у тех бойцов, которые

неорганизованно отходят в сторону Ораниенбаума. Пришлось такое согласие дать, строго предупредив о недопустимости эксцессов. Еще до отъезда из Ленинграда я узнал, что эти моряки таким [132] самостоятельным порядком полностью обеспечили себя не только винтовками, но и пулеметами.

Форт Красная Горка и плацдарм около Ораниенбаума, как известно, в течение всей блокады Ленинграда оставались в наших руках и оказали большую помощь фронту сначала в обороне, а затем и в наступлении.

Конец августа — начало сентября... Это были самые тревожные дни в Ленинграде. Фашистские войска теснили обороняющихся. Армии, авиации, флоту приходилось думать только об одном: как отстоять город. Корабли повернули свои пушки в сторону берега и по сухопутным картам обстреливали квадраты, где отмечалось скопление врага. Самолеты-торпедоносцы, предназначенные для борьбы с кораблями, вылетали для атак по танкам. Собранные в отряды с разных кораблей и наспех вооруженные винтовками, крест-накрест увешанные пулеметными лентами, моряки шли в атаки в черных бушлатах и бескозырках, пренебрегая правилами маскировки. Они напоминали матросов времен гражданской войны, которых, как мне рассказывал когда-то И. К. Кожанов, никакой приказ не мог заставить снять бушлаты. Главное заключалось, конечно, не во внешнем виде, а в желании матросов драться. Но и выглядеть они хотели тоже как матросы революции. Ведь решалась судьба города Ленина, судьба Балтийского флота...

Вернувшись из поездки по флотским частям морской обороны Ленинграда и Озерного района, я как-то сидел в Смольном, в кабинете у адмирала И. С. Исакова, заместителя главнокомандующего Северо-Западным направлением. Вдруг — звонок по обычному городскому телефону. Поднимаю трубку и слышу встревоженный женский голос:

— Немцы у Ивановских порогов вышли к Неве!

Накануне мне довелось смотреть карту этого участка реки: именно здесь, только на другом берегу, моряки приступили к строительству береговых батарей. Значит, враг совсем близко, почти у самого города?!

Немедленно позвонил в штаб. Там как раз заседал Военный совет. Командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов с недоверием отнесся к моему сообщению. Но, к сожалению, все оказалось правдой.

Разведчики, посланные на двух катерах в район Ивановских порогов, вскоре донесли, что их обстреляли минометы противника. Фашисты, прорвавшиеся к берегу Невы, находились там в течение всей блокады Ленинграда, ведя позиционную войну с флотскими батареями, расположенными на другом берегу.

На этих батареях мне довелось быть год спустя, в ноябре сорок второго. В стереотрубу хорошо было видно гитлеровцев, окопавшихся на том берегу Невы.

Над Ленинградом нависла смертельная угроза. В этих условиях Балтийский флот, только что совершивший прорыв из Таллинна в Кронштадт, получил задачу бросить все силы на отражение врага. Неоценимую помощь фронту оказала дальнобойная крупнокалиберная артиллерия флота. Балтийцам было приказано в общих стратегических целях повернуть все орудия на рвущиеся в город моторизованные колонны противника. Для этого в устье реки Невы и в гаванях торгового порта заняли огневые позиции линкор "Марат", крейсера "Максим Горький" и "Петропавловск", лидер "Ленинград", эсминцы "Опытный" и "Сметливый". Из Кронштадтской группы кораблей вышли на позиции линкор "Октябрьская революция", крейсер "Киров", лидер "Минск", эсминцы "Сильный", "Суровый", "Свирепый", "Славный", "Стойкий",

"Гордый" и "Стерегающий".

В полной готовности открыть огонь находились 24 ствола 12-дюймовой артиллерии, восемнадцать 180-миллиметровых пушек крейсеров (не считая четырех 203-миллиметровых орудий крейсера "Петропавловск"), более пятидесяти 130-миллиметровых орудий эсминцев и лидеров. Это была огромная сила. Ведь лишь один залп линкора весил шесть тонн, а за минуту корабль мог обрушить на врага 50 тонн снарядов.

В силу сложившейся обстановки эскадра Балтийского флота была вынуждена стоять в Ленинграде и Кронштадте. Но это не означает, что она бездействовала. Своими орудиями, а когда требовалось, то и выделением части личного состава кораблей на берег она помогала фронту.

Все усилия армии и флота были сосредоточены на обороне Ленинграда. Сильная эскадра, состоящая из линкоров, крейсеров и эсминцев, решала несвойственные для нее задачи: отражала противника, рвущегося в город с суши. Орудия кораблей, береговой и железнодорожной артиллерии били по врагу.

Артиллерией флота командовал контр-адмирал И. И. Грен. Иван Иванович запомнился мне еще со времен училища, где он преподавал нам свой любимый предмет — артиллерию. В хорошо оборудованном кабинете курсанты досконально изучали материальную часть, а в специальном зале осваивали искусство управления артиллерийским огнем. Это было в середине двадцатых годов. А двадцать лет спустя учитель и его ученики держали боевой экзамен уже не в учебных залах, а на огневых позициях, отражая натиск врага. И. И. Грен показал себя в Ленинграде превосходным специалистом и организатором. Как-то с командующим флотом В. Ф. Трибуцем мы наблюдали за работой наших батарей, которым было приказано подавить вражеские орудия,

обстреливавшие город. Грену понадобилось всего несколько минут, чтобы точным огнем морской артиллерии заставить замолчать дальнобойную батарею противника.

С первых чисел сентября 1941 года, когда бои уже шли на ближних подступах к Ленинграду, корабли Балтийского флота, в том числе линкоры "Марат" и "Октябрьская революция", вели огонь по танковым колоннам врага.

Стреляя с большой точностью, линкоры доставляли фашистам много неприятностей своими 305-миллиметровыми снарядами. Не случайно на наши корабли были брошены крупные соединения авиации. Главным объектом налетов, разумеется, стали линкоры. Едва корабли успевали отбить одну волну вражеских бомбардировщиков, как за ней следовала другая. "Марат" получил первое попадание крупной бомбы 16 сентября, когда стоял на якоре на огневой позиции и стрелял по вражеским колоннам из ковша Морского канала. Но, по свидетельству очевидцев, самые массированные налеты на этот линкор, имели место 21—23 сентября. Тогда он стоял уже в Петровской гавани Кронштадта. От попадания бомбы в погребе произошел настолько сильный взрыв, что мостик и вся система бронированных постов весом в несколько сот тонн были подняты в воздух и сброшены в воду. Корабль получил серьезные повреждения. Вся носовая часть, первая башня и мостик были разрушены. "Марат" сел на грунт, но оставшиеся в строю три башни через два месяца снова продолжали стрелять. Больше "Марат" уже никогда не выходил в море, но, даже воюя всю блокаду на одном месте, он нанес врагу немалый урон.

Налеты на корабли происходили почти ежедневно. В двадцатых числах сентября они были особенно массированными. 21 сентября оказалось несчастливой для линкора "Октябрьская революция". В 12 часов дня,

когда линкор находился в Морском канале, поддерживая своим огнем сухопутные части, тяжелая бомба угодила в носовой отсек корабля и разворотила всю верхнюю палубу. И все-таки линкор остался в строю и продолжал действовать.

Много пришлось потрудиться тогда нашей аварийно-спасательной службе, наследнице славного ЭПРОНа (Экспедиция подводных работ особого назначения).

Еще до войны ЭПРОН заслужил широкую известность не только в нашей стране, но и за рубежом. Работы по спасению ледокольного парохода "Малыгин" у острова Шпицберген, теплохода "Ильич" в Эгейском море, транспорта "Харьков" у берегов Турции, теплохода "Челюскинец" в Финском заливе уже тогда прославили ЭПРОН.

Словом, Великую Отечественную войну ЭПРОН встретил вполне зрелой спасательно-судоподъемной организацией, имевшей опытных водолазов и руководителей, а также спасательные суда и необходимую технику. 22 июня 1941 года он вошел в состав Военно-Морского Флота. К тому времени ЭПРОН состоял из главного управления, пяти экспедиций — Балтийской, Северной, Черноморской, Тихоокеанской и Каспийской, — шести аварийно-спасательных отрядов.

Аварийно-спасательная служба во время войны действовала на всех морских театрах. Заметим сразу же, что еще большая тяжесть легла на ее плечи после окончания войны. Подъем затопленных судов, расчистка разрушенных причалов, восстановление гидротехнических сооружений — всем этим занимались спасатели.

Из руководителей аварийно-спасательной службы хочется выделить А. А. Фролова, Ф. И. Крылова, Н. П. Чикера, П. Д. Фадеева, А. К. Михайлова, М. Н. Чарнецкого. Об объеме работ, выполненных их подчиненными, можно судить хотя бы по таким данным: они спасли от гибели 1586

кораблей и судов водоизмещением около 2 миллионов тонн.

При обороне Одессы и Севастополя спасатели извлекали и обезвреживали мины, сброшенные врагом на фарватеры и в бухты. Это была очень опасная работа: ведь в первые дни войны устройство некоторых типов [136] мин мы еще не знали. Аварийные партии появлялись всюду, где требовалась срочная и неотложная помощь. Они уходили из Одессы и Севастополя с последним эшелоном, а после освобождения этих баз возвращались первыми. Геройски трудились спасатели во время битвы за Сталинград, когда они помогали переправлять через Волгу войска, боевую технику.

На Балтике боевая деятельность спасателей началась с первых часов войны. Тяжело проходила эвакуация войск из Таллинна и с Ханко. Суда аварийно-спасательной службы "Сатурн", "Нептун", "Метеор", "Колывань" спешили к поврежденным кораблям, спасали людей, пренебрегая опасностью. Из четырех спасательных судов дошел до Кронштадта лишь "Нептун". Остальные погибли, до конца выполнив свой долг.

Когда вражеская авиация обрушила свои удары на корабли, стоявшие в Кронштадте и Ленинграде, спасатели и здесь оказались на высоте. Я говорил, что 23 сентября 1941 года получил тяжелые повреждения линкор "Марат". Носовая часть была разрушена. Водолазы под вражеским огнем отделили разрушенную часть, поставили корабль на ровный киль, и оставшиеся три могучие башни линкора снова могли вести огонь по врагу. Позже спасатели подняли и восстановили лидер "Минск", канонерскую лодку "Красное Знамя" и другие корабли, получившие тяжелые повреждения.

Очень досаждал фашистам своим артиллерийским огнем недостроенный крейсер "Петропавловск". Гитлеровцы нацелили на него свою тяжелую артиллерию. "Петропавловск" получил ряд прямых попаданий и сел на

грунт. Враг все еще вел огонь, а водолазы работали. Они заделали пробоины, за одну ночь откачали воду и увели корабль в безопасное место.

Доставка продовольствия в осажденный Ленинград летом на кораблях, а зимой — по "ледовой дороге" также обеспечивалась спасателями-балтийцами. Много танков, орудий, автомашин, боеприпасов, продовольствия подняли водолазы со дна Ладожского озера. Они работали и подо льдом, и во время штормов, нередко под огнем. Ни одной десантной операции не прошло без их участия. Спасатели снимали с мели суда, заделывали на ходу пробоины. Немалая их заслуга и в том, что менее чем за месяц в начале 1942 года по дну Ладожского озера были проложены трубопроводы, по которым осажденный Ленинград стал получать нефть и бензин.

Задержавшись по флотским делам, я возвращался в Москву уже один. Самолет поднялся в воздух, пролетел десяток минут на бреющем полете, почти касаясь колесами зеркала Ладожского озера, и, не доходя до берега, взмыл в черное, дождевое облако. С правого борта блеснула молния, капли воды побежали по стеклам кабины...

Ко дню моего отлета Балтийский флот находился в трудном положении. Обстановка на всех фронтах осложнилась. Но самой сложной она была, конечно, в Ленинграде, хотя в то время никто не представлял себе, какие тяжелые месяцы еще придется пережить городу, а вместе с ним и флоту. Когда я вернулся в Москву, она еще не чувствовала непосредственной угрозы и в дневное время жила напряженной, но спокойной жизнью. Налеты, как правило, начинались с наступлением темноты, и тогда женщины с детьми по первому сигналу воздушной тревоги спешили занять места в метро или в бомбоубежищах, а город готовился к отражению воздушных атак. Наркомат ВМФ к тому времени располагался

в нескольких помещениях. Органы штаба и связи находились в метро, и это позволяло не прерывать работу во время налетов.

Не успел я после приезда ознакомиться с обстановкой, как меня вызвали в Кремль, причем в необычное время — около полудня. Обычно вызывали по вечерам.

Надо сказать, что вечерами и ночью Ставка работала в особняке неподалеку от подземного укрытия, днем же, когда воздушных тревог было мало, все разъезжались по своим кремлевским и наркоматовским кабинетам. В своем кабинете находился в тот день и И. В. Сталин.

Когда я вошел, он был один и разговаривал с кем-то по телефону. Дождавшись конца разговора, я попытался доложить о положении на Балтийском флоте, но Сталин перебил меня:

— Известно ли вам, что в Ленинград вместо Ворошилова назначен Жуков?

Когда я ответил, что мне это неизвестно, он сказал, что только вчера состоялось такое решение и Г. К. Жуков, видимо, уже в Ленинграде. Походив по кабинету и, против обыкновения, присев на диван, который стоял у стены с окном, Сталин задал мне несколько вопросов. Его интересовало, какие корабли у нас на Балтике, где они сейчас стоят и участвуют ли в обороне [138] Ленинграда. Я развернул морские карты с нанесенной на них обстановкой: между находившимися в наших руках островами Эзель, Даго и полуостровом Ханко на западе и островами Гогланд, Лавансари и другими в восточной части Финского залива все его водное пространство и оба берега были в руках противника. Я снова попытался завести разговор о положении на Балтийском море, но Сталин, подойдя к сухопутной карте, на которой линия фронта была обозначена у самого Ленинграда, перешел к вопросу, по которому я был так спешно вызван.

Сталин считал положение Ленинграда исключительно серьезным. И, прохаживаясь по кабинету, опять задал мне несколько вопросов о составе Балтийского флота.

— Ни один боевой корабль не должен попасть в руки противника,— сказал он.

Переспросив, понял ли я, Сталин подчеркнул, что в случае невыполнения этого приказа виновные будут строго наказаны. Я понимал, что обсуждать этот вопрос не время, и ждал дальнейших указаний.

— Составьте телеграмму командующему и отдайте приказание, чтобы все было подготовлено на случай уничтожения кораблей.

— Я такой телеграммы подписать не могу,— вырвалось у меня.

Сталин, очевидно не ожидавший подобного ответа, остановился и удивленно посмотрел на меня. — Почему?

— Товарищ Сталин!..— как обычно, начал я и доложил: — Флот оперативно подчинен командующему Ленинградским фронтом. Поэтому директиву ему можно дать только за вашей подписью.— Затем я добавил: — Чтобы дать такое ответственное задание, требуется особый авторитет и одних указаний наркома ВМФ недостаточно.

После короткого размышления Сталин приказал мне отправиться к начальнику Генерального штаба и заготовить телеграмму за двумя подписями: маршала Б. М. Шапошникова и моей. Против этого я уже возражать не мог.

Разговор с Борисом Михайловичем оказался таким, как я и предполагал.

— Что вы, голубчик! — изумился он, когда я передал ему указание Сталина.— Это дело чисто флотское, и я своей подписи ставить не буду.

— Но есть указание товарища Сталина,— повторил я.

Тогда он изменил тон. Начали держать совет, как лучше поступить. Решили заготовить телеграмму и вдвоем отправиться к Сталину, чтобы

убедить его поставить свою подпись.

Сталин согласился. Однако документ оставил у себя.

Можно понять И. В. Сталина, почему ему не хотелось подписывать эту директиву. Впоследствии я убедился, что поступил очень правильно, не подписав ее один.

Спустя приблизительно год, когда напряжение в Ленинграде ослабло и вопрос об уничтожении флота отпал, в адрес Сталина пришла телеграмма от командующего Ленинградским фронтом. Автор ее, очевидно не знавший всех подробностей, обвинял командующего флотом В.Ф.Трибуца в паникерстве и преждевременном минировании кораблей. Копия этой телеграммы была и у меня. Пришлось срочно напомнить И. В. Сталину, как все происходило, чтобы отвести незаслуженное и весьма серьезное обвинение от командования Балтийского флота.

Следует сказать, что предварительная разработка плана уничтожения кораблей на случай, если город будет оставлен, на Балтийском флоте проводилась уже с конца августа. Да, Сталин считался с возможностью оставления Ленинграда, иначе он не принял бы такого серьезного решения. Но это еще не значит, что Верховный Главнокомандующий признавал безнадежным положение Ленинграда. Скорее, это говорит о том, что он опасался, как бы наши корабли не попали исправными в руки противника.

Теперь известно, что о критическом положении в Ленинграде и возможности уничтожения Балтийского флота знал и У. Черчилль, который предлагал возместить частично ущерб в случае уничтожения советских кораблей в Ленинграде. Советское правительство ответило тогда, что если придется это сделать, то "ущерб должен быть возмещен после войны за счет Германии".

Нетрудно представить, как тяжело было командованию

Краснознаменного Балтийского флота выполнять директиву о подготовке к уничтожению кораблей. Но война есть война. Как ни горько было балтийцам, они разработали детальный план, назначили надежных исполнителей, предусмотрели все, чтобы не допустить возникновения паники, избежать отрицательных [140] настроений.

Сентябрь действительно оказался для Балтийского флота очень тяжелым. Гарнизоны моряков на Ханко, островах Эзель и Даго были совсем отрезаны от Большой земли. В борьбе за Ленинград сдержать врага на подступах к городу помогал не только огонь кораблей. Пришлось создавать Невскую морскую укрепленную позицию, высаживать десанты близ Шлиссельбурга. Во второй половине сентября начались массированные воздушные налеты на Кронштадт.

Вести с юга также были неутешительные. Одесса сражалась храбро, но гитлеровцы уже дошли до Николаева и двигались к Перекопу. Нависала угроза над Севастополем.

В первой половине сентября гитлеровцы начали второе наступление на Мурманск. Они находились уже в 70—80 километрах от Полярного — главной базы Северного флота,— и флот был вынужден отвлекаться от своих дел на море, чтобы вместе с 14-й армией отражать натиск врага с суши.

Наряду с оперативными сводками в Генштаб я информировал Ставку Верховного Главнокомандования специальными докладами о наиболее важных событиях на флотах. Почти ежедневно встречался с Б. М. Шапошниковым, и он, если позволяло время, делился со мной своими соображениями относительно обстановки на всех фронтах.

В первых числах октября в Ставке было особенно напряженно.

— Мне совсем некогда, уж вы извините, голубчик! — как всегда, вежливо, но немного сердито сказал мне в один из тех дней Борис

Михайлович...

Началось новое наступление немцев на Москву. Неожиданно враг ворвался в Орел, генерал Гудериан со своими танками устремился к Туле. До 15 октября я почти не бывал в Ставке: понимал, там сейчас не до флотских дел. Все вопросы, касавшиеся флотов, старался решать самостоятельно с начальником Главного морского штаба. Только два-три раза меня вызывали для коротких разговоров с Б. М. Шапошниковым. Речь шла об эвакуации Одессы и обороне Севастополя.

Вспоминая о начале войны, хочется особо сказать о Маршале Советского Союза Борисе Михайловиче Шапошникове. Уже тяжело больной, с кислородными подушками в кабинете, задыхаясь от кашля при длительных телефонных разговорах, он все же обеспечивал Верховного Главнокомандующего нужными сведениями с фронтов и вносил свои предложения.

Мне привелось довольно часто встречаться с ним, когда в Ставке или в Генеральном штабе решались флотские вопросы.

Бориса Михайловича я знал задолго до войны, как знают молодые командиры крупного военачальника: его книга "Мозг армии" была достоянием широких военных кругов и принесла автору заслуженную известность. Более близкое знакомство с маршалом состоялось в 1941-1942 годах. Встречи с ним, нередко проходившие в драматической обстановке тех дней, наши многократные серьезные переговоры навсегда остались в моей памяти.

О Б. М. Шапошникове как выдающемся военачальнике лучше напишут те, кто ближе знал его, и прежде всего армейские товарищи. Моя задача намного скромней.

Я познакомился с Шапошниковым летом 1939 года, после моего назначения на должность наркома Военно-Морского Флота. Я много

слышал о нем как о крупном, высокообразованном военачальнике, за плечами которого лежит долгий и нелегкий путь. Знал, с каким уважением относился к нему И. В. Сталин, называвший Шапошникова, в отличие от всех остальных, по имени и отчеству. И счел своим долгом явиться к маршалу, чтобы установить связь с Генеральным штабом.

Когда по телефону я попросил принять меня для личного знакомства и доклада по некоторым флотским вопросам, он ответил: "Буду рад вас видеть". Не без волнения вошел я к нему в кабинет. Но волнение довольно быстро прошло: Борис Михайлович встретил меня приветливо. Я рассказал, что неожиданно, как говорится, волею судеб, оказался на новой работе в Москве и намерен самым внимательным образом прислушиваться к указаниям, исходящим как от Генерального штаба, так и лично от него. Борис Михайлович со своей стороны обещал мне "всяческую помощь", и мы расстались. "Заходите запросто, когда в этом будет нужда", — сказал он, подавая руку.

Ближе мы узнали друг друга в дни работы военных миссий Советского Союза, Англии и Франции в августе того же 1939 года. Когда вечером 11 августа был устроен обед для прибывших в Москву английской и французской миссий, старшим среди нас являлся К. Е. Ворошилов. Мы с Б. М. Шапошниковым больше прислушивались к его беседе с главами миссий. Я обратил внимание на то, что, осторожный вообще, а с иностранцами особенно, Борис Михайлович не проявлял инициативы в разговорах и ограничивался тем минимумом высказываний, который неизбежен в таких случаях.

В 1940 году мы познакомились и домами. К более тесному общению нас привело соседство по дачам. Гуляя однажды воскресным утром, я неожиданно встретил Бориса Михайловича. Мы, конечно, разговорились и закончили беседу у него на даче за чашкой чая. Потом несколько раз

проводили вместе выходные дни то у него, то у меня. Чаще у него — он всегда хотел быть поближе к телефону.

Борис Михайлович уже в то время был серьезно болен, его душил кашель. С болезнью приходили и различные ограничения. "Вот мне официально предложено бросить курить",— жаловался он, но отказаться от папирос так и не смог.

Я невольно сравнивал Б. М. Шапошникова с начальником Главного морского штаба адмиралом Л. М. Галлером. И того и другого Февральская революция застала на довольно высоких военных постах: Б.М.Шапошников был тогда полковником, Л. М. Галлер — капитаном 1 ранга. Оба без колебаний отдали себя в распоряжение Советской власти и честно до конца дней своих служили Родине и народу.

После совещаний на Спиридоновке с главами военных миссий Англии и Франции перед войной мы тут же отправлялись в Кремль. Там К. Е. Ворошилов докладывал И. В. Сталину итоги дня.

Помнится, Б. М. Шапошников на этих докладах всегда взвешивал каждую фразу и старался "не забегать вперед".

Как я уже писал, переговоры по вине англичан и французов зашли в тупик и 24 августа закончились провалом. Война в Западной Европе вскоре стала фактом. Оперативные вопросы приобрели особую актуальность. Это потребовало тесной связи Наркомата ВМФ с Генеральным штабом. Мои встречи с Б. М. Шапошниковым в тот период стали довольно частыми. Я смотрел на маршала как на своего старшего оперативного начальника в случае войны и поэтому, естественно, прислушивался к его мнению. Его взгляд на флот и его понимание роли моряков интересовали меня больше всего.

Подчеркивая в разговорах с ним подчиненное положение флота, я спрашивал: какие задачи лягут на флот в случае войны с Германией?

"Голубчик,— обычно говорил Борис Михайлович, избегая конкретных ответов,— настанет время, и мы получим соответствующие указания. Ведь не собираетесь же вы завтра воевать с немцами?.."

Еще чаще приходилось встречаться с Б. М. Шапошниковым в дни финской кампании 1939/40 года. Все повседневные дела решались тогда начальником Генерального штаба и начальником Главного морского штаба адмиралом Л. М. Галлером. А особо важные проходили более сложный путь. Меня вызывали в Кремль от случая к случаю, но К. Е. Ворошилов и Б. М. Шапошников почти каждый день бывали в кабинете у И. В. Сталина. Получив там задание, а иногда и записав продиктованное решение, Борис Михайлович звонил мне и вежливо приглашал заглянуть к нему. Я тут же выезжал и получал уже принятое решение.

Помню, в кабинете у И. В. Сталина состоялось совещание, на котором присутствовал и я. Обсуждался план наших действий на случай, если возникнет конфликт с Финляндией. Командующий Ленинградским военным округом К. А. Мерецков весьма оптимистично смотрел на вещи. Б. М. Шапошников подходил к делу со свойственной ему осторожностью. Он высказал мнение, что стоило бы дополнительно подтянуть войска, подготовленные к действиям в условиях северной зимы. И. В. Сталин, которому, по-моему, понравилась решительность К. А. Мерецкова, с предложениями Б. М. Шапошникова не согласился.

Когда началась война с гитлеровской Германией, маршал Б. М. Шапошников — с 1 августа 1941 года — вновь стал начальником Генерального штаба. С этого времени он фактически являлся первым советником Верховного Главнокомандующего по оперативным вопросам. По поручению Ставки нам с Борисом Михайловичем часто приходилось обсуждать и подписывать ряд приказов по обороне Таллинна, Одессы, Ленинграда и Севастополя. Наши взгляды на совместные действия армии

и флота не всегда совпадали, но и не особенно расходились. В конечном итоге мы легко находили общий язык.

Я с удовольствием встречался с Б. М. Шапошниковым не только по служебным делам, но и вне работы. Нередко мы толковали о былом. Иногда Борис Михайлович рассказывал волнующие эпизоды из своей жизни. Вспоминал о действиях царского флота, понимая, что это интересует меня. Общей, близкой каждому из нас темой оказалась однажды Либава.

В середине 1942 года Б. М. Шапошников серьезно заболел и вынужден был оставить пост начальника Генштаба. Его назначили начальником Академии Генерального штаба. Место Б. М. Шапошникова занял А.М.Василевский — прекрасный штабной работник и по знаниям, и по складу характера.

После этого мы с Борисом Михайловичем не виделись довольно длительное время, только иногда разговаривали по телефону.

Как-то в марте 1944 года мне позвонил Борис Михайлович: "Приезжайте завтра, я в городе".

Точно в назначенный час мы с женой поднялись на второй этаж небольшого двухэтажного дома на улице Воровского. Вскоре в гостиной, где мы сидели, появилась чета Толстых.

С Алексеем Николаевичем Толстым я был знаком мало. Всего один раз, еще до войны, мне довелось беседовать с ним. Тогда писатель работал над трилогией о Петре I. Помнится, я показывал ему старинную карту с изображением полуострова Гангут (Ханко), около которого происходило Гангутское сражение. "Где же точно тащил Петр свои корабли через перешеек?" — добивался Толстой. Потом попросил показать военно-морской флаг того времени и объяснить, чему равен в наши дни чин шаутбенахта: в таком звании воевал со шведами Петр Великий.

Вскоре приехала еще одна пара: известный дирижер Н. С. Голованов и его супруга — знаменитая певица А. В. Нежданова, близко знавшая хозяйку дома по театру.

"Будет ли кто еще?" — тихонько спросил я у Марии Александровны Шапошниковой. "Да вот и все",— ответила она и стала приглашать гостей к столу.

За столом душой общества был Алексей Николаевич, а его собеседником остро слов Голованов. Я понял, Толстой и Голованов знакомы очень давно, и с большим удовольствием слушал их воспоминания о [145] молодых годах, наблюдал за их шутиливой пикировкой.

Потом разговор сам собой перешел на серьезные темы. Заговорили, кто над чем работает. Толстой сказал, что имеет намерение в скором времени закончить трилогию о Петре и кое-что переделать в свете последних событий.

— Хотелось бы что-нибудь этакое большое написать о Великой Отечественной войне, но получится ли? — скромно закончил он.

Больше в доме на улице Воровского мы не собирались.

Я очень сожалею, что в общем-то довольно поверхностно знал жизнь Бориса Михайловича Шапошникова. Да и кто сможет рассказать более или менее полно о его мыслях, взглядах, настроениях? Он не любил откровенничать. Наиболее полно, видимо, мог бы поведать о себе только он сам. Но, к сожалению, Борис Михайлович не оставил подробных мемуаров.

Из разговоров я знал, что он пишет воспоминания, и ждал их выхода. Они были опубликованы в "Военно-историческом журнале" через двадцать лет после его смерти, как завещал автор. Но, к сожалению, воспоминания Б. М. Шапошникова охватывают лишь период до первой мировой войны.

Держаться до последней возможности!

Героическая оборона Севастополя будет детально описана историками. Располагая всеми документами, они воссоздадут подлинную картину происходившего.

Я не ставлю себе задачу подробно описывать или анализировать Севастопольскую оборону 1941—1942 годов. Однако, придавая большое значение этому историческому событию, считаю необходимым высказать некоторые суждения.

Оборона Севастополя, осажденного противником и удаленного от военно-морских баз Кавказского побережья, была поистине героической эпопеей. Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб, не ограничиваясь изданием директив, детально занимались положением дел в Севастополе не только в связи с общим положением на фронте, но и с учетом обстановки на его южном фланге.

Вопрос о значении Севастополя как военно-морской базы в системе обороны всего Черноморского побережья не раз обсуждался еще в предвоенные годы. На флот возлагалась обязанность оборонять побережье с моря, но в ведении флотского командования находились лишь отдельные прибрежные районы, где базировались корабли или строились береговые батареи (основные из этих районов — Севастополь, Одесса, Керчь, Новороссийск, Батуми, Поти). Опыт севастопольской, обороны в прошлом веке и второй мировой войны, полыхавшей в Западной Европе, заставлял заботиться о подготовке Севастополя к круговой обороне. Еще тогда (до войны) были проведены рекогносцировочные работы, намечены сухопутные рубежи. Но практически к их созданию приступили только после того, как война уже началась. По мере продвижения противника к городу работы ускорялись,

Военный совет флота с каждым днем привлекал к ним все больше воинов и местных жителей. В десяти — двенадцати километрах от города строился главный оборонительный рубеж, ближе к городу, в трех — шести километрах от него, шел тыловой рубеж. К моменту прорыва немцев в Крым было сделано многое. Огромная заслуга в этом принадлежит генералу А. Ф. Хренову. Войска Приморской армии не были бы так боеспособны без надлежащей военно-инженерной подготовки всех линий обороны. Эта подготовка была проведена. Будущий заместитель командующего СОР по инженерным войскам А. Ф. Хренов еще в сентябре лично объехал все рубежи сухопутной обороны и обеспечил выполнение всех неотложных работ. Сотни дотов, дзотов и окопов были готовы принять войска, но у флота не хватало людей — моряки разместились только в некоторых из созданных укреплений. В сентябре — октябре 1941 года боевую службу на позициях несли около 5 тысяч человек, а для надежной обороны города по скромным подсчетам требовалось не менее 10 тысяч.

Севастополь имел мощную береговую артиллерию: одиннадцать батарей только крупного и среднего калибра, готовых вести огонь по морским и береговым целям. Могла быть использована также эскадра Черноморского флота (линкор, крейсера, эсминцы). Немалую роль способна была сыграть и авиация флота, хотя ей не хватало аэродромов: около самого Севастополя местность не позволяла строить хорошие, нужной длины, взлетные полосы. Но наиболее реальной силой, в случае наступления противника на Севастополь с тыла, все же предстояло стать армейским и флотским частям на оборонительных рубежах. Без этого могли пропасть даром все усилия кораблей и береговых батарей.

Особенно необходимы были крупные армейские соединения. Несмотря на горячее желание защищать родной город, несмотря на храбрость и

отвагу, моряки были менее подготовлены к боям на суше. Прежде всего это касалось командного состава. Недаром мой заместитель И. В. Рогов прислал как-то из Севастополя телеграмму, в которой говорилось о том, что "моряки, выделенные на сухопутные позиции, просят дать им опытного армейского командира".

Стратегическое значение Севастополя высоко оценивалось не только нами, но и противником. Севастополь стал особенно важен для гитлеровцев, когда фронт продвинулся к берегам Азовского моря.

Ставка думала о Севастополе еще в период борьбы за Одессу. Хотя и случалось, что вопросы, связанные с Севастополем, решались только с командованием фронтов, Генеральный штаб, как правило, изучал и готовил эти предложения вместе с работниками Главного морского штаба. Перечитывая переписку Наркомата с командованием Черноморского флота, весьма оживленную в трудные дни обороны Севастополя, яснее представляешь себе ту огромную работу, которая была проделана в Севастополе и на флоте, чтобы город смог выдержать длительную осаду. События надвинулись как-то неожиданно быстро. Оставив в тылу осажденную Одессу, 11 -я фашистская армия устремилась в Крым. В начале сентября определилось направление наступления противника — на Перекоп.

Главный морской штаб доложил мне план сухопутной обороны Севастополя. Он был одобрен с приказанием: усилить Северный сектор созданием третьей линии обороны, подготовить бухты западнее Севастополя для приемки судов, усилить первую линию обороны 100—130-миллиметровой морской артиллерией. Телеграмма эта была подписана 9 сентября. Как вспоминает генерал П. А. Моргунов, 31 орудие пришлось направить к Перекопу и у него в резерве не осталось ни одной пушки.

Угроза Севастополю становилась все реальнее. 12 сентября 1941 года береговая батарея Черноморского флота № 725 у Перекопа дала первый залп по врагу. Для черноморцев это было сигналом непосредственной опасности.

Телеграммы Военного совета Черноморского флота и находившихся на юге моих заместителей Г. И. Левченко и И. В. Рогова с каждым днем становились тревожнее.

Перекопский перешеек, к которому подошел враг, стал как бы первым рубежом обороны Севастополя. Узость перешейка позволяла создать здесь мощные укрепления и затруднить врагу прорыв в Крым. Но такого развития событий не ожидали и потому не приняли своевременных мер.

Командование флота предложило выделить свои флотские части для подкрепления 51-й армии, занимавшей позиции по перешейку. На передовую линию обороны был направлен 122-й полк зенитной артиллерии в составе трех дивизионов. На берегу Сиваша и на перекопских позициях было установлено восемь береговых батарей среднего калибра. В распоряжение 51-й армии передали бронепоезд, укомплектованный исключительно моряками. Авиагруппа Черноморского флота всеми силами поддерживала армию. А во второй половине октября, когда положение на Ишуньских позициях стало критическим, туда была направлена 7-я бригада морской пехоты полковника Е. И. Жидилова.

Не могу не упомянуть о действиях Азовской флотилии в период боев на Перекопе и в тяжелые дни эвакуации 51-й армии из Крыма. Когда в середине сентября 1941 года противник из Геническа устремился к Арабатской стрелке, корабли флотилии поддерживали огнем части 51-й армии. В дни эвакуации армии начальник штаба флотилии капитан, 2 ранга А. В. Свердлов, выполняя указания командующего контр-адмирала

С.Г.Горшкова, лично руководил действиями кораблей, на которые была возложена задача обеспечить переправу отступавших частей через Керченский пролив в Тамань. С Крымского полуострова в тот период было перевезено более 120 тысяч бойцов.

Когда я возвратился в Москву из Куйбышева, где пробыл два дня, занимаясь устройством эвакуированных туда некоторых органов Наркомата, адмирал Л.М.Галлер, внешне спокойный и, как всегда, аккуратный, подробно доложил обстановку в Крыму на последний момент. Из его доклада, телеграмм и оперативных сводок стало ясно, что на Ишуньских позициях идут тяжелые бои. Военный совет флота жаловался на недостаточно энергичные действия командующего 51-й армией Ф. И. Кузнецова, возглавлявшего оборону Крыма.

Большие надежды возлагались на прибывшую из Одессы Приморскую армию, часть которой уже вступила в бой. Но основные силы были еще в пути к месту боев на Перекопе.

Не раз обсуждавшийся в мирное время вопрос о едином командовании обороной Крыма был поставлен теперь на повестку дня самим ходом событий. Думается, успешная оборона Одессы под руководством Военного совета флота повлияла на решение Ставки назначить командующим войсками Крыма заместителя наркома ВМФ вице-адмирала Г. И. Левченко.

Нередко в тяжелые моменты мы ищем выход из положения в смене командования. Видимо, так случилось и на этот раз. Не мне судить о Ф. И. Кузнецове. Я знал его мало, но после войны не раз слышал, что это был инициативный и опытный генерал. Теперь известно, что он с самого начала мыслил оборону Севастополя как глубоко эшелонированную, предлагал создать линию укреплений в предгорье, около Симферополя. Возможно, это дало бы положительный результат.

Так или иначе, но генерал Ф.И.Кузнецов по решению Ставки был заменен генералом П. И. Батовым, а вице-адмирал Г.И.Левченко стал командующим войсками Крыма. Случись это хотя бы месяцем раньше, такая реорганизация, возможно, принесла бы еще пользу. Но время было упущено, Г.И.Левченко принял командование лишь 23 октября, когда обстановка на крымском участке фронта стала настолько тяжелой, что выправить положение было невозможно.

Прорвав Ишуньские позиции и выйдя на степные просторы, войска 11-й немецкой армии устремились на Саки и Бахчисарай, чтобы отрезать путь нашим войскам, отходившим на Севастополь и Алушту, и оседлать шоссе на Керчь.

51-я армия отходила к Керченскому полуострову, получив задание прочно оборонять его. Приморской армии было указано направление на Севастополь.

Ведя арьергардные бои, части Приморской армии и морская пехота вынуждали противника совершать обходные маневры, а это замедляло его наступление на Севастополь. 30 октября в бою под Симферополем был ранен командир бригады Евгений Иванович Жидилов, но строя он не покинул.

Командующий флотом 28 октября на эсминце "Бойкий" вышел из Севастополя в Потти "для подготовки баз и перебазирования флота на порты Кавказского побережья". За него в главной базе остался начальник штаба контр-адмирал И. Д. Елисеев.

После того как противнику удалось прорвать Ишуньские позиции, под угрозой оказался не только Севастополь, но и другие флотские гарнизоны на побережье. Почти все они не могли оказать врагу, наступавшему с тыла, сколько-нибудь серьезного сопротивления. Надо было как можно быстрее отвести эти небольшие силы в Севастополь.

По телеграммам того времени можно проследить, как это происходило. Из Евпатории удалось вывезти только личный состав гарнизона, а береговую батарею пришлось взорвать. 29—31 октября был эвакуирован гарнизон Ак-Мечети и 119-й авиаполк из Донузлава. В операции участвовали эскадренные миноносцы "Бдительный" и "Шаумян", тральщики, катера типа "МО" и сейнеры. Все, что корабли не смогли вывезти, было уничтожено.

Тогда же началась эвакуация частей тендровского боевого участка. 30 октября к Тендре был направлен крейсер "Червона Украина", а вслед за ним и другие корабли. Эвакуация прошла организованно, хотя задача была не из легких.

Тем временем нарастала угроза для самого Севастополя. Враг стремительно продвигался по Крыму, а войска Приморской армии еще не подошли к городу. Необходимы были экстренные меры. 30 октября в Севастополе было созвано совещание командиров, военкомов, начальников политотделов соединений и начальников служб флота. Совещанием руководил оставшийся за командующего начальник штаба флота контр-адмирал И. Д. Елисеев. На нем присутствовали члены Военного совета флота — дивизионные комиссары Н. М. Кулаков и И. И. Азаров и контр-адмирал Г. В. Жуков, который незадолго перед тем был назначен на вновь созданную должность заместителя командующего флотом по обороне главной базы. Гавриил Васильевич уже имел опыт руководства обороной Одессы и поэтому уверенно взялся за решение такой же задачи в Севастополе.

Совещание выработало ряд мер по укреплению обороны Севастополя.

К 30 октября войска, готовые оборонять главную базу, состояли из двух батальонов местного стрелкового полка, 2-го и 3-го полков морской пехоты, гарнизонов долговременных огневых точек (дотов) и нескольких

артиллерийских подразделений. Всего это было около 12 тысяч человек, из них почти 700 — лица командного состава. В полной боевой готовности находились батареи береговой обороны.

Чтобы отразить первый натиск противника, следовало по крайней мере удвоить численность войск. Ближайшими резервами являлись учебный отряд Черноморского флота, училище береговой обороны, аэродромные части ВВС, школа НКВД. Все они сразу получили указание немедленно формировать батальоны морской пехоты. Это составило около трех с половиной тысяч человек.

31 октября ждали из Новороссийска 8-ю бригаду морской пехоты (около трех с половиной тысяч бойцов), а с тендровского боевого участка — батальон Дунайской военной флотилии. Но даже с этим пополнением все равно не хватало еще около 5 тысяч человек. Следовало немедленно формировать новые части из состава эвакуированных в Севастополь гарнизонов, но для них на месте не было оружия.

Еще 30 октября за подписью И. Д. Елисеева и Н. М. Кулакова пошла телеграмма в адрес командира военно-морской базы Туапсе. В ней предлагалось срочно, "сегодня же", отобрать в частях и направить в Севастополь на эсминце "Сообразительный" 1500 винтовок.

В тот же день — 30 октября — произошло событие, с которого началась 250-дневная героическая оборона Севастополя. Береговая батарея № 54 под командованием старшего лейтенанта И. И. Заики, расположенная в районе деревни Николаевки, немного севернее города, в 16 часов 35 минут открыла огонь по колонне вражеских танков. Противник временно прекратил продвижение, но, подтянув свежие силы, возобновил атаки. Вскоре в бой вступили и другие защитники Севастополя. Береговые батареи продолжали успешно отражать натиск врага.

1 ноября бои против гитлеровцев вела уже не только артиллерия, но и

авиация и части морской пехоты. Береговая батарея № 30 обстреливала скопления войск противника в Бахчисарае и Альма-Тамаке. Открыла огонь и береговая батарея № 10. Береговая артиллерия флота замыкалась на генерал-майора П.А.Моргунова. Его опыту многим обязан Севастополь с самых первых дней борьбы. Комендант береговой обороны генерал Моргунов был фактическим хозяином на рубеже. В дни ноябрьского штурма именно он командовал не только артиллерией береговой обороны, но также батальонами дотов и дзотов, батареями ПВО и всеми сухопутными флотскими частями: бригадами, полками, отрядами.

В тот же день наша авиация совершила 33 боевых вылета, штурмуя вражеские войска в районе Николаевки, Альма-Тамака, станции Альма-Тархан.

Вернувшийся в Севастополь 2 ноября командующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский взялся за укрепление обороны города и подготовку к новым боям.

Пополнялась Приморская армия, которая к тому времени, после жестоких боев с наступавшим противником на севере Крыма, потеряла немало людей. Уставшая и малочисленная, она не могла успешно отражать натиск врага: это пришло позднее. Генерал И. Е. Петров 5 ноября на Военном совете флота признал, что только "на базе созданного уже флотом с приходом Приморской армии Севастополь можно держать".

В Приморскую армию влились части, только что прибывшие в Севастополь, несколько тысяч бойцов из Севастопольского гарнизона и 7-й бригады морской пехоты. Не считаясь со смертельной усталостью, доблестные бойцы Приморской армии занимали оборонительные рубежи вокруг города. К 9 ноября 1941 года сухопутная оборона была организована. Оборонительный район был разбит на четыре сектора.

Надо сказать, что командование не ожидало столь быстрого прорыва противником Ишуньских позиций, и Черноморский флот, естественно, не готовился даже к частичной эвакуации главной базы. По решению Военного совета флота следовало эвакуировать лишь население и часть тылового имущества. Но эвакуация шла медленно. В Севастополе оставалось еще много кораблей, которые невозможно было использовать для обороны базы.

Командование не спешило с эвакуацией еще и потому, что она удручающе действовала на настроение людей, была тревожным признаком того, что город, возможно, будет оставлен. Задумываясь сейчас над этим, я прихожу к выводу, что в таком деле не должно быть половинчатости. Надо или своевременно принять решение об эвакуации и обеспечить ее четкое проведение, или отдать приказ: "Держаться до последнего".

То, что Военный совет Черноморского флота, где бы он ни находился, прежде всего занимался обороной Севастополя, является бесспорным. Но нельзя не отметить все же наши организационные неполадки в начальный период осады города, когда опасность была особенно велика. Г.И.Левченко, ответственный по решению Ставки за оборону всего Крыма, 4 ноября назначил командующим Севастопольским оборонительным районом генерала И.Е.Петрова, хотя командующий флотом уже находился в то время в Севастополе. Правда, Ф. С. Октябрьский намеревался вскоре перенести свой командный пункт в Туапсе.

Еще 31 октября, выполняя поручение Ставки в Архангельске, я получил телеграмму начальника Главного морского штаба И. С. Исакова, Он сообщал, что командование Черноморского флота предлагает перевести корабли в порты Кавказского побережья. Начальник Главного морского

штаба считал, что артиллерийские корабли необходимо оставить в Севастополе, большую часть подлодок и часть вспомогательных судов, ненужных для обеспечения остающихся в Севастополе боевых кораблей, целесообразно перевести на восток, а порты Кавказского побережья подготовить для базирования судового состава флота. И.С.Исаков просил утвердить эти предложения для дачи указаний Военсовету Черноморского флота.

Предложения И. С. Исакова после телефонных переговоров с Москвой я одобрил, и Главный морской штаб передал их как директиву Военному совету флота.

Таким образом. Военный совет флота в начале ноября 1941 года получил указания о выводе из Севастополя ненужных для обороны города сил флота.

Но осуществлено это было не сразу. Командующий флотом 4 ноября послал на имя И. В. Сталина и наркома ВМФ телеграмму, в которой сообщал, что произошло резкое ухудшение обстановки, и предлагал вывести из Севастополя боевой состав флота и рассредоточить его по базам Кавказского побережья. Для обороны главной базы командующий предлагал оставить контр-адмирала Г.В.Жукова на правах заместителя командующего флотом, с подчинением ему всех сухопутных частей, а командный пункт Черноморского флота просил разрешения перенести, как было намечено ранее, в Туапсе.

На телеграмму, адресованную И.В.Сталину, я не мог ответить тут же, не получив указаний Верховного Главнокомандования, а, находясь в Архангельске, сделать это было довольно трудно.

Вечером 5 ноября вернулся в Москву. Заслушав доклад начальника Главного морского штаба о положении в Севастополе, я уже имел возможность обменяться соображениями об организации обороны

Севастополя с начальником Генерального штаба.

Не дожидаясь решения Ставки, счел необходимым дать указание командующему флотом о его местонахождении. Заместитель начальника Главного морского штаба В. А. Алафузов послал телеграмму вице-адмиралу Ф.С.Октябрьскому: "В связи с обстановкой Нарком приказал Вам находиться в Севастополе. Алафузов".

Командующий флотом, видимо, не был полностью согласен с моим приказом и, как пишет генерал П. А. Моргунов, объявил на совещании, что "пока идет наступление, ему приказано остаться в Севастополе. Окончательное решение будет принято Ставкой".

6 ноября Ф. С. Октябрьский послал новую телеграмму, но уже только И. В. Сталину. Положение Севастополя он оценивал в ней как критическое и доложил, что весь основной подводный и надводный флот вывел из базы на Кавказское побережье.

"Я назначил своим заместителем по обороне главной базы контр-адмирала Жукова",— сообщалось в этой телеграмме. Далее говорилось, что флагманский командный пункт флота будет переведен в Туапсе.

После подробного обсуждения с работниками Главного морского штаба и адмиралом Галлером положения в Севастополе я пришел к убеждению, что в сложившейся обстановке только Военный совет флота может эффективно руководить защитой города. Помнится, специально обсуждался вопрос и о том, какие корабли следует оставить в Севастополе. Мне представлялось правильным артиллерийские корабли уводить в последнюю очередь, хотя их и могла уничтожить авиация противника. Впоследствии, когда военные годы остались позади и оборона Севастополя стала историей, а опытом уже было проверено, как в свое время нужна была корабельная артиллерия для защиты побережья Кавказа, приходилось выслушивать по этому поводу критику в свой

адрес. Но я и теперь считаю, что действовал правильно.

Днем 6 ноября была получена телеграмма вице-адмирала Г. И. Левченко. Он сообщал об организации двух направлений: севастопольского и керченского. Руководство севастопольским направлением он брал на себя, а керченское поручал своему заместителю, командующему 51-й армией генерал-лейтенанту П. И. Батову. Войска Приморской армии и гарнизон главной базы Г. И. Левченко предлагал подчинить командованию сухопутных войск, оборонявших Крым. Пребывание Военного совета Черноморского флота в Севастополе, судя по телеграмме, было излишним.

Я считал это совершенно неправильным. В момент, когда фашисты готовили штурм главной базы, когда были особенно необходимы организационная четкость и твердое руководство, предлагалась смена командования. Военному совету предлагали руководить флотом с Кавказского побережья, то есть с него фактически снимали ответственность за судьбу главной базы.

Я был твердо убежден, что только командующий флотом может по-настоящему руководить обороной Севастополя, и обратился с просьбой в Генштаб срочно рассмотреть этот вопрос. Наше решение должна была утвердить Ставка. Начальник Генштаба Б.М.Шапошников согласился со мной.

В секретариат И. В. Сталина был направлен на утверждение Ставки проект директивы, завизированный Б.М.Шапошниковым и мною.

7 ноября за подписью И. В. Сталина, Б. М. Шапошникова и моей в Севастополь на имя Левченко была направлена телеграмма. Чтобы сковать силы противника в Крыму и не допустить его на Кавказ через Таманский полуостров, Ставка Верховного Главнокомандования приказывала считать главной задачей Черноморского флота активную

оборону Севастополя и Керченского полуострова. Севастополь не сдавать ни в коем случае!

Все три старых крейсера и старые миноносцы предлагалось держать в Севастополе; из них надлежало сформировать маневренный отряд для действия в Феодосийском заливе по поддержке войск, занимающих Ак-Монайские позиции.

Отряду Азовской флотилии было предложено поддерживать войска Ак-Монайской позиции с севера; линкор и новые крейсера — базировать на Новороссийск, используя их для операции против берега, занятого противником, и для усиления отряда старых кораблей. Базировать эсминцы разрешалось по усмотрению командующего флотом. Часть зенитной артиллерии из оставленных районов предлагалось использовать на усиление ПВО Новороссийска, также по усмотрению комфлота.

Приказом предусматривались организация и обеспечение перевозок в Севастополь и Керчь войск, отходивших на Ялту, Алушту и Судак.

Истребители, штурмовики и часть самолетов "МБР" предлагалось оставить в Севастополе и Керчи, а остальную авиацию использовать с аэродромов Северо-Кавказского военного округа для ночных ударов по аэродромам, базам и войскам противника в Крыму, эвакуации из Севастополя и Керчи на Кавказ всего ценного, но ненужного для обороны.

Руководство обороной Севастополя возлагалось на командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского с подчинением его вице-адмиралу Г. И. Левченко; заместителем командующего Черноморским флотом предлагалось иметь в Туапсе начальника штаба флота.

Г. И. Левченко предписывалось находиться в Керчи.

Непосредственным руководителем обороны Керченского полуострова назначался генерал-лейтенант П.И.Батов.

Получив телеграмму, командующий флотом вице-адмирал Октябрьский 10 ноября своим приказом оповестил: "руководство обороной г. Севастополя и главной военно-морской базой Черноморского флота Ставка ВГК возложила на меня". 11 ноября телеграммой в адрес И. В. Сталина и наркома ВМФ он донес о вступлении в обязанности командующего СОР и о своих первых мероприятиях.

Фактически Военсовет флота, где бы он ни находился, постоянно руководил обороной Севастополя. Руководство вице-адмирала Г.И.Левченко и контр-адмирала Г.В.Жукова без этого не могло быть действенным, поскольку все боевые средства флота находились в руках командующего.

К этому времени Приморская армия, которой командовал генерал-майор И. Е. Петров, уже заняла линию обороны. Части Приморской армии и Черноморского флота стали теперь единым целым, дополняя друг друга. Сочетание отваги моряков, готовых отдать жизнь за родной Севастополь, с мужеством и боевым опытом пехотинцев-приморцев, с умелым и грамотным руководством со стороны армейских товарищей дало знать себя с первого дня прибытия командарма И.Е.Петрова.

Хочется хотя бы коротко объяснить, почему я так упорно настаивал на организации Севастопольского оборонительного района во главе с командующим Черноморским флотом. Несмотря на то что этому флоту приходилось решать много задач, оборона Севастополя в то время была главной. Только Военный совет мог привлечь и эффективно использовать для защиты главной базы все силы флота. Именно под его руководством уже длительное время строились оборонительные рубежи, шло обучение войск береговой обороны и кораблей эскадры грамотному взаимодействию при отражении атак противника с моря и суши.

Опыт обороны Таллинна и тяжелый прорыв кораблей Балтийского флота

в Кронштадт показывали, с какими трудностями столкнется Военный совет, если придется оставлять удаленный от баз Кавказского побережья Севастополь. Следовало подумать и о том, как командующий флотом, находясь в Севастополе, будет руководить боевыми операциями на всем Черноморском театре. Иного выхода в тех условиях я не видел. Вот почему 7 ноября я послал телеграмму Военному совету Черноморского флота: "Директиву Ставки получим, но мне кажется достаточно ясно, что вашей главной задачей является удержать Севастополь до крайней возможности. Так держался под огнем артиллерии и авиации Таллинн, так держался Ханко, так вы, черноморцы, держали Одессу... К борьбе за Севастополь нужно привлечь корабли, хотя условия для их базирования там будут трудными. Но вам известно, что весь Северный флот в Полярном с начала войны находится под ударами авиации, а линия фронта проходит еще ближе. Севастополь можно и нужно защищать, и пока оборона его не будет устойчивой. Военный совет должен быть там". В докладе на теоретической конференции, посвященной 20-летию Севастопольской обороны, Ф.С.Октябрьский упрекнул командование ВМФ в том, что оно приказало ему тогда "все артиллерийские корабли оставить в Севастополе".

Однако такой формулировки в распоряжениях, отданных командованию Черноморского флота, я не нашел. И если командование могло так понять указание наркома ВМФ или начальника Главного морского штаба, то, видимо, только из-за их нечеткости. Эту вину беру на себя.

Здесь уместно вернуться к вопросу о боязни рисковать дорогими кораблями. Нечто подобное всегда влияло на решения командования об использовании крупных кораблей. История знает немало случаев, когда опасения потерять крупные корабли или даже весь флот в серьезной степени сказывались на ходе сражений и операций, а иногда и войн в

целом. Так, английский адмирал Джеллико, несмотря на превосходство в силах, в Ютландском сражении в мае 1916 года, опасаясь больших потерь своего "Гранд-флита", действовал излишне осторожно и потому дал возможность немцам выйти из сражения с меньшим уроном, чем они могли бы понести. Историки впоследствии оправдывали его действия тем, что потеря флота для Германии не явилась бы национальным бедствием, а для островной Англии флот — это все.

Опасение потерять корабли вызвало нерешительность и у адмирала Витгефта в Порт-Артуре, когда он занял место погибшего адмирала С. О. Макарова. Новые русские линкоры типа "Севастополь" не были по-настоящему использованы и во время первой мировой войны, так как только сам царь мог дать разрешение на их выход в море. Страх перед впервые появившимися тогда подводными лодками приводил высшее командование в оцепенение. Правда, некоторым оправданием осторожности при использовании крупных кораблей служило то, что их гибель действительно оказывала сильное моральное воздействие на моряков и даже на широкие слои населения. Но угодить общественному мнению бывает порой очень трудно. Бездействует флот или выполняет хотя и крайне нужные, но мало заметные на первый взгляд задачи — поднимается ропот и [159] недовольство; провел флот неудачную операцию, потерял корабли — и за это осуждают флотское командование. Как быть? Конечно, с общественным мнением нельзя не считаться, но руководствоваться следует и другими факторами. М. И. Кутузов приказал оставить Москву, прекрасно зная, какое недовольство вызовет это на первых порах. Ведь на Совете в Филях большинство даже его ближайших соратников было против этого. Адмирал Корнилов при согласии Нахимова распорядился затопить эскадру Черноморского флота, зная, что это отнюдь не найдет всеобщего одобрения, даже среди

моряков.

Командование должно уметь принимать решения, не боясь вызвать недовольствия ни современников, ни историков.

На войне в разной обстановке нам приходилось действовать по-разному. В начале ноября 1941 года я согласился с мнением начальника Главного морского штаба адмирала И.С.Исакова о том, что артиллерию кораблей следует решительнее использовать для обороны Севастополя. Обстановка здесь очень напоминала ту, что сложилась в Таллинне в августе 1941 года. Тогда мы сознательно шли на большой риск и держали крупные корабли на Таллиннском рейде, даже когда он весь простреливался вражеской артиллерией. Ведь корабли строят для боя, а не для парада.

Забота о сохранении кораблей никогда не должна превращаться в самоцель. Конечно, все ненужные корабли следовало вывести из-под удара в тыловые базы на Кавказском побережье. Но добиваться сохранности линкора и крейсеров во что бы то ни стало, когда поставлена задача "любой ценой удерживать Севастополь", мне представляется неправильным. У кораблей эскадры в те дни не было задачи более ответственной, чем защита главной базы Черноморского флота. Это, естественно, было сопряжено с риском, но риск оправдывался важностью задачи. Плохо, когда гибнет крупный корабль, но еще хуже, если его не используют в самый критический момент только ради того, чтобы этот корабль остался невредимым.

Теперь иногда можно услышать мнения, что помимо решения чисто военных задач по обороне главной базы Севастополя эскадра кораблей еще должна была сыграть определенную роль в обороне Кавказа и своим присутствием на театре оказывать влияние на борьбу за [160] побережье. Однако если мысленно перенестись в обстановку тех дней, то

едва ли кто способен был предсказать, как в дальнейшем будут развиваться военные действия. Конечно, очень жаль, что мы несли потери в боевых кораблях, но было бы непростительно сохранять эскадру в целости в ожидании какого-то более ответственного момента. Самое худшее в подобной ситуации — излишняя осторожность и бездействие. А объяснять и критиковать те или иные поступки после войны, когда на стол выложены все карты, куда проще, чем принимать решения в ходе сражений. Именно на такой случай принято говорить: "Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны". Кстати, дальнейшие события показали, что более острого и критического положения, при котором потребовалась бы эскадра, на Черном море не было.

Правильное использование надводных кораблей, разумеется, предусматривало не скопление их в гаванях Севастополя и неподвижную стоянку в определенных местах, а непрерывное маневрирование как в масштабе всего морского театра, так и в районе базы. В критические моменты надо было использовать и линкор, и крейсера. Так оно и было на практике. Опыт Балтики показал, что уничтожить линкор или крейсер с воздуха очень трудно, даже если они не маневрируют. Так, линкор "Октябрьская революция" и крейсер "Киров" в зимнее время вынуждены были стоять на Неве на одном месте. За ними охотились сотни немецких самолетов, иногда в корабли попадали фашистские бомбы, но ни линкор, ни крейсер не потеряли боеспособности. Зато роль их артиллерии в обороне Ленинграда оказалась очень действенной. Ради одного этого риск в данном случае был вполне оправдан.

Что же касается использования артиллерийских кораблей в Севастополе, то их в большом количестве, бесспорно, нельзя было держать одновременно в этой базе:

все они оказались бы под ударами авиации. Корабли должны были

неожиданно появляться в севастопольских бухтах, вести огонь по противнику и снова уходить в отдаленные от города базы. Кораблям, которые постоянно или посменно находились в Севастополе, следовало чаще менять позиции, а иногда и выходить в море. Маневр, дымовые завесы, маскировка делают корабли трудноуязвимыми для авиации врага. Даже линкор "Парижская коммуна" сумел избежать повреждений от бомб, хотя неоднократно приходил в Севастополь и обстреливал позиции противника. Линкор вовремя реагировал на воздушную разведку противника, не позволяя немцам использовать ее данные. А вот крейсер "Червона Украина" погиб, потому что был недвижим в то время, когда вражеская авиация несколько дней подряд наносила по нему удар за ударом. Если бы корабль вышел в море или хотя бы чаще менял место стоянки, он, возможно, избежал бы гибели.

Надеюсь, это не будет понято как упрек в чей-либо адрес— для нас важна принципиальная сторона вопроса.

Первые числа ноября 1941 года оказались очень тревожными для Севастополя — противник атаковал еще недостроенные, недооборудованные рубежи обороны.

Сравнительно малочисленные флотские подразделения, батареи береговой обороны, поддержанные артиллерией кораблей, мужественно отражали атакующего врага. Никто не думал о соотношении сил. Батарея № 54 стреляла до последней возможности и уничтожила 16 немецких танков, несколько автомашин с пехотой. В памятный день — 7 ноября — пять героев-черноморцев: Ю. Паршин, В. Цибулько, И. Красносельский, Д. Одинцов во главе с политруком Н. Д. Фильченковым — ценою своей жизни остановили танки врага в районе Дуванкоя. Флотские и армейские части, военные и гражданские, мужчины и женщины героически сражались каждый на своем посту. Отважно несли вахту моряки боевых кораблей, а

также транспортных судов. Силы врага в воздухе превосходили тогда наши, поэтому кораблям было нелегко базироваться на Севастополь и поддерживать оборонявшие его войска, охранять подходы с моря и обеспечивать сообщение с Кавказским побережьем. Ввести в Севастополь или вывести из него корабль было задачей, по сложности не уступавшей целой операции и включавшей бой с самолетами, постановку дымовой завесы, сложное маневрирование.

Борьба за Севастополь стала делом всего Черноморского флота.

С 29 октября в Севастополе было объявлено осадное положение. Начавшийся 11 ноября штурм города-крепости продолжался до 21 ноября. В эти дни неприятель днем и ночью атаковал наши позиции. Несмотря на отдельные недостатки в организации обороны, героизм бойцов Приморской армии и моряков Черноморского флота сделал свое: 11-я немецкая армия не смогла взять город-герой с ходу и вынуждена была остановиться у его стен.

Говоря о героической обороне Одессы и Севастополя, не могу не вспомнить о заместителях наркома ВМФ И. В. Рогове и Г. И. Левченко. В трудные дни обороны Одессы и первого штурма Севастополя они находились на Черноморском флоте. Иван Васильевич Рогов не любил засиживаться в кабинете и обычно просил разрешения выехать на флот — туда, где было желательно его личное присутствие. К этому я привык еще в мирное время, и не случайно он оказался в Одессе и Севастополе в самые тяжелые для этих городов дни. Правдиво информируя ЦК партии и наркома ВМФ об обстановке, он на месте принимал нужные меры. Гордей Иванович Левченко всю свою жизнь (начинал он с юнги) посвятил флоту. В августе 1941 года он выехал на Черноморский флот. В критические дни находился в городе Николаеве, в осажденной Одессе, оказывал помощь местному флотскому командованию. Г.И.Левченко довелось испытать и

пережить вынужденное отступление наших частей с Перекопа. Тогда он командовал "всеми войсками Крыма". На его долю выпала организация обороны Севастополя в самые тревожные для города дни: в конце октября — начале ноября 1941 года. По решению Ставки именно Г.И.Левченко принимал меры, чтобы задержать врага на Керченском полуострове. Превосходство противника в силах не позволило это сделать. Но и отступая, советские войска наносили гитлеровцам весьма ощутимые удары. Из таких вот ударов складывался будущий успех, а затем и полная победа. Г.И.Левченко сделал все от него зависящее. Оборона Одессы, Николаева и Севастополя неразрывно связана с его именем.

У стен Москвы

Непосредственная и серьезная угроза столице стала особенно чувствоваться в начале октября. На улицах и в предместьях спешно строили огневые точки, сооружали противотанковые укрепления. Государственный Комитет Оборона принял постановление о частичной эвакуации Москвы. Немецкие войска, занятые до этого боями против вяземской группировки наших войск, рвались теперь к столице. В сводках стали упоминаться Можайск, Волоколамск, Малоярославец. Там войска под командованием Г.К.Жукова, И.С.Конев, К.К.Рокоссовского и многих других менее знакомых мне военачальников сдерживали натиск врага. Не мне описывать эти бои, но вспоминаю, как Георгий Константинович Жуков однажды, кажется в начале сентября 1944 года, когда мы с ним находились в Румынии в штабе Ф.И.Толбухина, делился, как в дни боев за Москву он закрывал слабые места в обороне. Сначала он требовал с дивизии по батальону, потом по роте и, наконец, лишь по десятку бойцов. Наши газеты в те дни призывали решительно покончить

с беспечностью и благодушием и прямо писали, что под угрозой находится само существование Советского государства.

13 октября я узнал, что утром этого дня состоялось собрание партийного актива Москвы. На повестке дня стоял один вопрос: "О текущем моменте". В своем докладе секретарь ЦК и МК ВКП(б) А. С. Щербаков, охарактеризовав обстановку, заявил, что над Москвой нависла угроза.

Если до 10 октября речь шла об эвакуации дипломатов и отдельных учреждений, то потом встал вопрос о наркоматах, в том числе и военных. В Генштабе я узнал, что некоторые органы Наркомата обороны готовятся к переезду в Куйбышев. Обеспокоенный этим, я попросил, чтобы меня срочно приняли в Ставке, и получил там указание временно эвакуировать Наркомат ВМФ, оставив в Москве лишь самую необходимую часть людей. Распорядился все управления эвакуировать в Куйбышев и Ульяновск. Для организации работы на новом месте и установления связи с флотами командировал в Куйбышев В.А.Алафузова.

Пришлось и самому на несколько дней выехать в Куйбышев, чтобы на месте распорядиться размещением штаба, оборудованием командного пункта наркомата и т.п. Все это было очень нелегким делом. В Москве неотлучно оставался мой заместитель Л.М.Галлер.

Не без труда я отвоевал нужное помещение для работников штаба и узла связи. Встретился с приехавшими в Куйбышев на короткий срок Н.А.Вознесенским и с генералом М. В. Захаровым, который ведал эвакуированными органами Наркомата обороны.

17 октября вечером мне позвонил из Москвы А. Н. Поскребышев.

— Сейчас будете говорить с товарищем Сталиным,— официально сказал он, и я понял, что тут же передает телефонную трубку Сталину.

— Вы когда собираетесь в Москву? Вы нам нужны, прошу не медлить! — как всегда, внешне спокойно сказал И. В. Сталин.

Я воспринял эти слова, как приказ, и, несмотря на нелетную погоду, поручил срочно найти какой-нибудь самолет. Под проливным дождем выехал на аэродром. Надвигался туман, грозивший с минуты на минуту затянуть все летное поле. Летчик грузового "Дугласа", стоявшего с прогретыми моторами, торопил. Взлетели уже в тумане. До самой Москвы пришлось идти почти на бреющем. Приземлились на каком-то аэродроме около Ногинска.

От аэродрома до города добирались тоже не без трудностей. Дороги были забиты всеми видами транспорта.

Здание Наркомата ВМФ внешне выглядело по-прежнему, если не считать выбитых стекол в нескольких окнах: неподалеку разорвалась авиабомба. Оно почти пустовало, только комендантская служба несла усиленную охрану.

19 октября состоялось заседание Государственного Комитета Оборона, на котором было принято постановление о введении в Москве и прилегающих к ней районах осадного положения. Предварительно этот вопрос рассматривался на Политбюро ЦК ВКП(б).

О заседании ГКО мне потом рассказывал тогдашний председатель Моссовета В.П.Пронин, лично там присутствовавший. Собрались вечером в кабинете Сталина в Кремле.

— Будем драться за Москву? — спросил Сталин, как обычно расхаживая по кабинету. Все молчали.

Тогда Сталин решил опросить присутствующих персонально. Подойдя сначала к Молотову, он повторил ему свой вопрос.

— Будем драться,— последовал ответ. Так один за другим ответили все присутствующие. Затем под личную диктовку Сталина тут же было написано постановление ГКО, которое начиналось памятными для всех словами: "Сим объявляется..." Заседание еще не кончилось, когда Сталин

начал звонить в восточные военные округа с приказанием спешно направить резервные дивизии под Москву.

Все ли были уверены, что удастся удержать столицу? Сказать "да, все" — было бы отклонением от правды. Но утверждать, будто в те тревожные октябрьские дни все потеряли голову,— значит быть еще дальше от истины. То, что каждый из нас прочувствовал и пережил в те дни, я бы выразил так: никто не хотел верить, что Москва окажется в руках врага, но было непросто доказать даже самому себе, что у нас есть достаточно сил, чтобы остановить фашистских захватчиков у ворот столицы.

Москва, оцетинившись противотанковыми сооружениями, выглядела суровым фронтовым городом.

Дни середины октября были, пожалуй, самыми критическими. Эвакуация, минирование заводов и важных военных объектов; выезд ответственных руководителей на митинги на крупные заводы; мобилизация людей на строительство укреплений — все это говорило о чрезвычайной серьезности положения.

— Неужели, как и в ту Отечественную войну, придется уничтожить нашу первопрестольную? — спросил меня В.А.Алафузов, когда я отдавал ему приказание выехать в Куйбышев.

— Не может быть, не может быть! — как бы отвечая Владимиру Антоновичу, сказал Л.М.Галлер, находившийся вместе с нами.

Но факты заставляли готовиться к худшему...

Тревожность обстановки чувствовалась во всем. Даже в том, как выглядел кабинет Сталина, где в те дни мне пришлось бывать неоднократно. На письменном столе — обычно там лежали груды бумаг и книг — теперь стало пусто. Со стен были сняты картины. На знакомом длинном столе лежали карты — по ним А. М. Василевский с работниками Генштаба ежедневно докладывал Верховному Главнокомандующему

обстановку.

С 20 октября в столице было введено осадное положение. В тот же день тогдашний председатель Моссовета В. П. Пронин, как он мне рассказывал, отдал приказание ничего не взрывать. Тогда же было официально объявлено, что И. В. Сталин находится в Москве, и это успокаивающе подействовало на население. А вскоре по улицам провели первых немецких пленных, захваченных в боях под Москвой.

Враг продолжал рваться вперед, но героизм защитников столицы и твердый военный порядок вселяли в людей уверенность. Помнится, в начале ноября мы, находясь на своем КП на Скаковой аллее, услышали выстрелы орудий, гулко прозвучавшие в морозном воздухе, но остались сравнительно спокойными. Советские войска стойко и уверенно отбивали все атаки врага.

Оборону Москвы, мне кажется, не совсем правильно сводить только к боям на подступах к ней. О защите столицы начали думать, как только определились три основных направления удара немецких армий — на Москву, Ленинград, Донбасс.

Говоря об обороне Москвы, надо вспомнить упорные бои, которые вели наши войска начиная от границы до Смоленска, в течение двух месяцев сковывая врага, а также бои в районе Ельни, борьбу за Вязьму и дальше — на всем пути неприятеля к столице.

Важно отметить и то, что Ставка Верховного Главнокомандования, несмотря на сложность обстановки на фронте, с поразительным упорством накапливала резервы, чтобы в наиболее выгодное время и в самом подходящем месте нанести удар по врагу.

Утром 30 сентября, начав наступление второй танковой группой, гитлеровцы приступили к осуществлению операции "Тайфун" — плана захвата Москвы. Два дня спустя в действие были введены главные силы

группы армий "Центр".

Гитлер бросил в бой под Москву 42 процента солдат и офицеров, 57 процентов танков, 45 процентов орудий и минометов, более 30 процентов самолетов, действовавших на всем советско-германском фронте. Силы противника явно превосходили наши. Затаив дыхание, народы мира следили за этой битвой. Гитлер помнил, как с падением Парижа в 1940 году капитулировала Франция, помнил, к чему привели захват Осло, Копенгагена, Белграда. Помнил и потому бешено рвался к Москве.

Но у советских людей не укладывалась в голове мысль, что столица нашей Родины может оказаться в руках чужеземцев. Шла мобилизация всех сил.

Еще в конце июня, когда бои громыхали далеко на западе. Генеральный штаб запросил Наркомат Военно-Морского Флота: сможет ли он срочно выделить несколько батарей и направить их в район Вязьмы?

Особая артиллерийская группа Военно-морского Флота (ОАГ ВМФ) состояла из двух артиллерийских дивизионов — 199-го и 200-го. В первый вошли три батареи, во второй — пять.

Для вооружения дивизионов были использованы свободные 100—130-миллиметровые орудия, находившиеся в Ленинграде, одна опытная 152-миллиметровая батарея на механической тяге — она только что прошла испытания на морском полигоне — и старая батарея, снятая с кронштадтского форта и состоявшая из орудий, славно послуживших еще в первую мировую войну на крейсере "Рюрик". В годы Советской власти эти орудия были приспособлены для береговой обороны.

В начале июля на вопрос И. В. Сталина: "Как обстоит дело с морской артиллерией?" — я ответил: "Она уже на колесах".

К тому времени командиры А. Я. Юровский и А. А. Лундгерн, назначенные для выбора позиций и установки батарей, находились уже

на месте. 7 июля в Вязьму прибыл командир 200-го дивизиона капитан-лейтенант А. Е. Остроухов вместе с артиллеристами и строителями.

Этот дивизион, как наиболее крупный (в нем было до семисот человек) и боеспособный (он располагал самыми современными по тому времени орудиями, предназначенными для новых кораблей), разместили западнее Вязьмы, у станции Издешково. Задачу перед дивизионом поставили исключительно ответственную: охранять подходы к переправе и железнодорожному мосту через Днепр. 199-й дивизион готовился встретить врага западнее Ржева. Он охранял подходы к станции Ленине.

В октябре гитлеровцам удалось продвинуться к Вязьме. Но, стремясь окружить наши армии, противник пошел не прямо на Вязьму, а в обход. Как сложилась дальнейшая судьба артдивизионов, лучше меня расскажут очевидцы.

"Дивизия, прикрывавшая 199-й артдивизион, ушла,— вспоминает командир одной из батарей А.Д.Малинин. — Место регулярных войск заняли москвичи-ополченцы, в большинстве своем пожилые люди. Командовал ими молоденький лейтенант. И вдруг в начале октября весть: кольцо врага сомкнулось! Собрали матросов, рассказали им все как есть. Решили: без боя не отойдем. Если что, взрываемся с батареями.

8 октября батарея Москвина из 200-го дивизиона вела бои с танками, артиллерией и моторизованными частями врага. Точным огнем подбивали танки с первого выстрела. Стрельбу по невидимым целям корректировали по телефону. По скоплениям пехоты, колоннам мотоциклистов били фугасными и фугасно-осколочными снарядами. В ночь на 9 октября был получен приказ об отходе. Горько было, но ведь враг зашел в тыл уже более чем на 60 километров. Выполняя приказ, подорвали все батареи, кроме батареи старшего лейтенанта Г.Д.Фокина,

которая прикрывала отход".

26 октября моряки особой артиллерийской группы под руководством командира дивизиона А.Е.Остроухова и старшего лейтенанта А.И.Егорова вырвались из окружения. Впоследствии многие из них в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР получили боевые награды. Кое-кто из моряков воевал в сухопутных войсках и дошел до Берлина.

Однако нужно сказать, что дальнбойные морские орудия особой артиллерийской группы не оправдали тех больших надежд, которые на них возлагались. И виноваты в этом не артиллеристы: им невозможно отказать в умении и храбрости. Основную роль в наступлении у фашистов играли очень подвижные танковые и моторизованные части. А флотские батареи, к сожалению, не имели маневренности. Это можно было предвидеть. Труднее оказалось найти какой-либо удовлетворительный выход из положения.

18 октября ГКО принял решение сформировать 25 морских стрелковых бригад. Главный морской штаб. отдал приказание выделить с флотов 35-40 тысяч моряков, которые должны были стать костяком этих бригад.

Морской отряд, которым командовали А.В.Рогов и комиссар Н.В.Белявский, формировался в ноябрьские дни в самой Москве. В него вошла охрана центральных управлений Наркомата ВМФ. Помню, как во дворе Хамовнических казарм выстроились моряки, еще не все переодетые в армейскую форму. На холодном ветру развевалось флотское бело-голубое шелковое знамя с вышитыми золотом словами: "Первый отдельный морской отряд". Лица бойцов и командиров были суровы. В ответ на приветствие их голоса прозвучали негромко, но твердо.

Отряд шел на фронт полностью вооруженным и даже моторизованным: на одном из подмосковных заводов моряки вместе с рабочими собрали и

наладили несколько грузовых машин.

...Никогда не забуду Москву тех дней, настороженную, суровую. Навсегда останутся в памяти выступления И.В.Сталина в дни Ноябрьских праздников 1941 года. В докладе на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Великого Октября и проходившем в вестибюле станции метро "Маяковская", он подвел итоги четырех месяцев Великой Отечественной войны, изложил суровую правду о тяжелом положении, в котором оказалась наша страна, вскрыл причины временных неудач Красной Армии. В этом докладе были определены и перспективы освободительной борьбы советского народа, сделаны выводы о неминуемом разгроме гитлеровской Германии и ее союзников.

"Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР,— сказал Сталин.— Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат".

Провозглашенный им в те дни лозунг "Смерть немецким оккупантам!" стал общенародным.

Как всегда, на 7 ноября был назначен парад войск. Накануне несколькими немецкими самолетами удалось прорваться к городу и сбросить бомбы. Было уже совсем поздно, когда мы с адмиралом Л. М. Галлером вышли на улицу. Довольно отчетливо слышались залпы крупнокалиберной артиллерии. Ближе всего врагу удалось подойти к столице с северо-запада. Въезды в город оттуда уже были перекрыты баррикадами и противотанковыми заграждениями. По Ленинградскому шоссе к Химкам шли танки и пехота — там недалеко была линия фронта. "Как-то пройдет парад?" — гадали мы. В ночь на седьмое тучи укрыли город, пошел снег. Погода была нелетная. Утром, когда я ехал на Красную площадь, машина оставляла в снегу глубокую колею.

Да, парад все-таки состоялся, и весь мир почувствовал суровое 'дыхание

Красной площади, безмолвную клятву перед Ленинским мавзолеем: "Москву не отдадим!"

В битве за Москву в составе армейских соединений участвовали и флотские формирования, 62, 64, 71, 84-я московские стрелковые бригады; вдоль Волоколамского шоссе была развернута 75-я морская стрелковая бригада, а на Можайском шоссе действовал специальный морской полк.

Мне приходилось читать, будто моряки легко расставались со своим плавучим "домом". Не так это обстояло на деле. Прощание с кораблем было нелегким.

Тот, кто служил на флоте, знает. Каждый хотел воевать именно на корабле, рядом с друзьями. Но война есть война, и краснофлотцы шли драться на суше.

Когда угроза нависла над Одессой и было разрешено выделять несколько человек с каждого корабля на сухопутный фронт, сотни моряков изъявили желание отправиться туда, где в те дни было труднее.

Командир эсминца "Беспощадный" Г.П.Негода вспоминает, что получил более 150 рапортов, а отобрать предстояло всего трех добровольцев. Когда он объявил личному составу, выстроенному по большому сбору, фамилии Соловьева, Вахрушева и Степанова, то лица остальных выражали неприкрытую зависть...

На фронте различия между моряками и армейцами быстро стирались. Разве только флотские словечки "братва" и "полундра" да хлесткие изречения боцмана в адрес фашистов говорили о том, что здесь воюет морская пехота. Верность морским традициям проявлялась еще и в том, что в решительный час моряки неизменно шли в бой в полосатых тельняшках, чтобы враг знал, с кем имеет дело!

Обычно костяк морских стрелковых бригад составляли моряки с кораблей

и бойцы частей береговой службы флота. К ним прибавлялось пополнение из других родов войск. В отдельных бригадах к моменту переформирования процент моряков оказывался совсем небольшим. Однако морские традиции продолжали жить. И неудивительно: во главе бригады стояли, как правило, флотские командиры-береговики или командиры корабельной службы.

Правда, командиров, заранее подготовленных руководить соединениями и частями моряков в сухопутных условиях, на флотах не было. Но при назначении командиров морских стрелковых бригад принимался во внимание хотя бы небольшой опыт командования на суше в прошлом. Так, 84-ю стрелковую бригаду, сформированную из тихоокеанцев, возглавил полковник В. А. Молев. Во время гражданской войны он командовал батальоном в Первой Конной. Волею судеб Молев оказался затем на флоте, но в душе сохранил любовь к армейской службе. Мог ли он не просить об отправке на фронт в тяжелую осень сорок первого? В октябре Молев получил назначение, а в ноябре его бригада уже дралась с врагом под Рязском.

Переброшенная на правый фланг Западного фронта, бригада Молева, вошедшая в состав Красной Армии, преследовала гитлеровцев от Яхромы до Клина. Пример храбрости подавал сам командир. Когда разыгрались тяжелые бои за город Клин, моряки получили задачу выбить противника из села Борисоглебское. Молев несколько раз сам водил бойцов в атаку, и последними в его жизни были слова: "Товарищи, вперед!"

В основном из тихоокеанцев была сформирована и 71-я отдельная морская стрелковая бригада, вошедшая в состав 1-й ударной армии. Ее командиром был полковник Я.П.Безверхов.

Сын солдата, Яков Петрович сам стал солдатом еще в годы революции. В гражданскую войну командовал взводом Сердобского полка, брал

Самару, дрался в Оренбургских степях с белоказаками, а в Каракумах — с басмачами, был организатором Советской власти в Бухаре и получил награды: орден Красного Знамени и "Бухарскую звезду" I степени.

Бригада Безверхова прибыла на фронт из Сибирского военного округа в конце ноября 1941 года, когда немцы пытались форсировать канал Москва — Волга, перерезать Северную железную дорогу. Ярославское шоссе и сомкнуть кольцо вокруг столицы. Именно здесь, у канала, 71-я морская стрелковая бригада встретила фашистов. Возле села Языкове завязался жестокий бой, который продолжался четверо суток.

Бригада овладела селом.

В штабном фургоне гитлеровцев бойцы нашли несколько комплектов парадного обмундирования. Как показали пленные, офицеры подготовили эти мундиры для парада в Москве.

В начале декабря немецко-фашистские войска под Москвой были остановлены. 5-6 декабря началось контрнаступление советских войск под Москвой. 8 декабря заглянул ко мне П.Ф.Жигарев, тогда командующий ВВС Красной Армии, и радостно сообщил:

— Немцы бегут!

В подтверждение своих слов он показал фотоснимки, только что полученные от летчиков, вернувшихся с воздушной разведки.

В контрнаступлении наших войск под Москвой участвовали и моряки.

71-я морская бригада Безверхова продолжала свой победный путь. За отличия в боях она уже в декабре была переименована во 2-ю гвардейскую стрелковую бригаду и закончила свой поход в Германии. К сожалению, комбриг Безверхов не дожил до радостных дней. Он был смертельно ранен в апреле 1942 года.

В 1-ю ударную армию входила также 62-я морская стрелковая бригада, прибывшая под Москву в разгар нашего наступления. Ее сформировали в

ноябре в Свердловске из специально собранных туда моряков-тихоокеанцев и матросов Ярославского флотского экипажа — участников боев на Балтике и Черном море. В бригаду были влиты несколько сот коммунистов, и они, как цемент, придали ей особую стойкость. Командовал бригадой тихоокеанец-зенитчик полковник В. М. Рогов, комиссаром был полковой комиссар Д.И.Бессер.

Позже 62-я бригада вошла в состав 257-й стрелковой дивизии, которая освобождала Севастополь, была награждена орденом Красного Знамени и закончила свой боевой путь штурмом Кенигсберга.

Показательным примером эффективного содружества моряков с воинами пехотных подразделений может служить 62-я морская стрелковая бригада. Начав свой путь под Москвой в трудные для Родины дни октября 1941 года, бригада затем была переброшена под Моздок. Здесь она действовала в тесном содружестве с 60-й, тоже морской, стрелковой бригадой. Здесь же моряки этих двух бригад составили костяк 257-й стрелковой дивизии, храбро сражавшейся с врагом до самой победы. Моряков в дивизии, естественно, с каждым днем оставалось все меньше, но за годы войны между пехотинцами и моряками сложилась нерушимая дружба. Моряков отличало только одно: в атаку они шли, расстегнув ворот гимнастерки, чтобы видна была полосатая тельняшка. Да еще иногда в трудную минуту вытаскивали милые сердцу помятые бескозырки...

Командование фронтов правильно использовало эту дивизию на приморских направлениях. Здесь был особенно высок наступательный порыв ее солдат и офицеров. И не случайно, что именно бойцы 257-й дивизии первые подняли флаг на башне Севастопольской гидрометеостанции и на острове разрушенной Севастопольской панорамы. В 64-й морской бригаде из 5 тысяч бойцов около полутора тысяч были

коммунистами и комсомольцами. И это, естественно, положительно сказалось на действиях соединения. Бригада прибыла на фронт во второй половине ноября. Выгрузившись в Марфино, она получила приказ ликвидировать парашютный десант, который намеревался перерезать дорогу к Москве и держаться до подхода своих крупных частей. Парашютисты, не успев окопаться, были уничтожены смелыми атаками моряков.

Несколько дней спустя вместе с 24-й танковой бригадой моряки атаковали немцев, засевших в крупном населенном пункте Белый Раст. Ожесточенные бои за него шли несколько суток без перерыва. Наконец 7 декабря 24-я и 64-я бригады овладели селом. Немало матросов полегло под Белым Растем. Их память чтят местные жители. На памятнике, установленном в селе, написано, что он воздвигнут в честь "героических моряков, павших смертью храбрых в декабре 1941 года".

75-я отдельная морская стрелковая бригада состояла из черноморцев, каспийцев и курсантов военно-морских училищ, размещенных к тому времени в Баку и Астрахани. Командиром бригады был назначен прирожденный моряк капитан 1 ранга К.Д.Сухиашвили, с которым я много лет служил на Черном море. Константин Давыдович не представлял, что когда-нибудь ему придется воевать на суше. А вот довелось...

Бригада дралась в основном на Калининском фронте в составе 3-й ударной армии, которой командовал генерал-лейтенант М.А.Пуркаев. Много позднее он рассказывал мне о беззаветном мужестве моряков. А генерал-майор А.И.Лизюков, лично наблюдавший эту бригаду в боях, вспоминал, как в 150-километровом боевом рейде по тылам противника гвардейцы Сухиашвили, будучи в авангарде главных сил, неудержимо преодолевали на своем пути сопротивление врага. Недаром приказом

наркома обороны от 17 марта 1942 года бригада была преобразована в гвардейскую.

Уже после войны Константин Давыдович Сухиашвили немало рассказывал об отваге своих бойцов. Только о них. И ни слова о себе. А между тем, будучи моряком до мозга костей, он обладал также недюжинными способностями армейского командира.

Разгром гитлеровцев на подступах к столице был первым сокрушительным ударом по фашистской военной машине. Весь мир в те дни воочию убедился, что никакой агрессор, как бы ни был он вооружен, не может устоять перед армией, вдохновленной великой целью.

Увидеть Москву смогли только те "завоеватели", которых провели по ее улицам под конвоем в качестве пленных.

Внезапность и беспечность

7 декабря 1941 года, в то время, когда шла битва под Москвой, японская авиация с авианосцев напала на Перл-Харбор и разгромила основные линейные силы американского флота в Тихом океане. Как стало известно позднее, японцам удалось напасть внезапно. Благодаря этому они начали войну против США с крупной победы. Мощь американского флота сразу была подорвана, и это открыло японцам дорогу на юг, в районы, богатые сырьем, без которого Япония не в силах была вести длительную войну. Беспечность американского командования могла бы привести к еще большим потерям в Перл-Харборе, если бы не счастливая случайность: буквально накануне войны из Перл-Харбора на материковые базы флота были передислоцированы авианосцы и крупные крейсера. Если бы два авианосца, стоявшие в Перл-Харборе, не успели уйти и были бы тоже уничтожены, это, возможно, имело бы в дальнейшем еще более тяжелые последствия, чем вывод из строя линкоров и крейсеров. Ход событий на Тихом океане вскоре показал, что авианосцы превратились в основную

ударную силу на море. Именно они в бою у острова Мидуэй в июне 1942 года вынудили японского адмирала Ямамото отказаться от высадки десанта и отступить. Американские военные историки считают, что бой у острова Мидуэй явился поворотным пунктом войны в пользу США. Так ли это на самом деле? Поговорим об этом несколько позже.

После нападения японцев на американский флот международное положение еще более обострилось. Началась решительная схватка между США и Японией. Война стала поистине мировой. Военный союз СССР, Англии и США становился прочнее. Однако наши дальневосточные границы не стали безопасными после начала американо-японской войны. Агрессия Японии быстро расширялась, а США еще пребывали в обороне. К тому же американцы совсем не отвлекали на себя сколько-нибудь значительных сухопутных сил Японии, сосредоточенных вблизи Советского Союза.

Обстоятельства нападения на Перл-Харбор первое время оставались неизвестными. Но со временем тайное стало явным. Некоторые любопытные подробности мне довелось услышать от главнокомандующего военно-морскими силами США адмирала флота Э.Кинга на Крымской и Потсдамской конференциях в 1945 году. На заседании глав союзных правительств и других официальных встречах разговоры носили, разумеется, деловой характер, но в перерывах или на частых в те дни приемах мы беседовали на приватные темы. Победа над главным врагом — фашистской Германией — была уже обеспечена, и настроение у всех нас было отличное. Не вызывало сомнений и то, что война с Японией также закончится в пользу союзных держав, тем более что в ближайшее время ожидалось вступление в эту войну Советского Союза. В перерывах мы дольше задерживались в буфетах, а на вечерних приемах было больше тостов за скорое окончание войны.

Как-то на приеме у У. Черчилля в Бабельсберге (недалеко от Потсдама) Э.Кинг сидел со мной рядом, а дочь Черчилля Мэри любезно согласилась быть нашей переводчицей. С моего плохого французского она переводила на родной для Кинга английский язык. Речь зашла о Перл-Харборе. Скрывать прошлое уже не имело смысла, и Кинг был откровенен.

— Да, конечно, мы допустили непростительную халатность ,— признался он.

Картина нападения японцев на Перл-Харбор, нарисованная Кингом в дальнейшем разговоре и известная мне по данным более позднего времени, выглядела примерно так.

Еще накануне злополучного дня 7 декабря 1941 года США вели переговоры с Японией. Переговоры двигались туго и явно не сулили благоприятного исхода. Судя по всему, война становилась неизбежной, но США не приняли необходимых в таких случаях мер. А между тем главнокомандующему японским флотом адмиралу Ямамото не давали покоя лавры Цусимы. Почти год японские моряки и летчики вели подготовку к тому, чтобы застигнуть врасплох американский флот в Перл-Харборе. Для тренировок японцы выбрали остров Сиоху, по конфигурации похожий на остров Оаху, где находилась главная база американцев на Гавайских островах. Сооруженные на Сиоху мишени в точности копировали объекты Перл-Харбора. Руководство операцией поручили опытному и осторожному вице-адмиралу Ч. Нагумо. Были также подобраны самые лучшие летчики. Тренировки велись упорно и систематически.

От одиночной подготовки кораблей и самолетов соединение, предназначенное для нападения на Перл-Харбор, перешло к общим учениям с выходом в море и "нанесением удара" по острову Сиоху. Было

учтено все, даже малые глубины гавани Перл-Харбора, где торпеды могли не срабатывать, зарываясь в ил. Чтобы этого не случилось, японцы сконструировали специальный стабилизатор, предназначенный для использования торпед на глубинах менее 10 метров. А когда опытные учения показали, что бронированные палубы американских линкоров не пробиваются авиационными бомбами, противник решил использовать 16-дюймовые артиллерийские снаряды с бронебойными головками, снабженными авиационными стабилизаторами. Одним словом, в течение летних месяцев 1941 года японцы заранее все отработали. Дипломатические переговоры они вели лишь для того, чтобы выиграть время, и эти переговоры являлись сплошным лицемерием.

26 ноября японское соединение, состоявшее из 2 линейных кораблей, 6 авианосцев, 3 крейсеров, 11 эскадренных миноносцев, 3 подводных лодок и 8 танкеров, вышло в море. Кроме того, в операции участвовало еще 27 японских подводных лодок, развернутых заранее в районе Перл-Харбора. На авианосцах находилось 353 самолета. О цели похода знал только самый узкий круг лиц. Для соблюдения маскировки были запрещены всякие радиопереговоры. Запрещено было даже выбрасывать за борт мусор с кораблей. Только в ночь на 7 декабря, когда соединение подходило уже к Перл-Харбору, личный состав уведомили о цели похода. Было объявлено, что Япония начинает войну против США и первой своей задачей ставит уничтожение американского флота в его базе. Как все это было похоже на начало русско-японской войны в Порт-Артуре!

Правда, в те дни, когда мы беседовали с адмиралом Кингом, он еще не располагал подробными данными о действиях японцев. Только после войны американцы получили доступ к японским архивам. Но зато все, что произошло в самом Перл-Харборе, адмирал знал хорошо: тщательное и спешное расследование полностью восстановило картину трагического

утра 7 декабря 1941 года.

В 8 часов утра на кораблях, как обычно, производился подъем флага. Одетые по-праздничному, команды выстроились на верхних палубах. Настроение было отличное, этому способствовала и погода, и предстоявшее многим увольнение на берег. Офицеры с семьями собирались отправиться на машинах в живописные уголки острова; рядовые мечтали посетить различные кафе и кабаре. В столь же мирной обстановке встречали воскресный день и береговые части. Даже зенитные батареи оставались неготовыми к бою.

Около 8 утра сквозь звуки оркестров, игравших на линейных кораблях, слышался гул авиационных моторов. Он доносился с северо-востока. Многочисленные черные точки быстро росли в небе — и уже через 2—3 минуты можно было отчетливо различить несколько групп самолетов, идущих курсом на Перл-Харбор. Все произошло так быстро, что на кораблях не успели даже понять, в чем дело. На линкоре "Невада", например, оркестр продолжал играть, когда пулеметная очередь пронесившегося над палубой самолета начала косить матросов, стоявших в строю перед подъемом флага. Но главные удары наносили торпедоносцы и бомбардировщики. Первый крупный взрыв раздался на линкоре "Аризона": через открытый люк бомба попала там в артиллерийский погреб. Корабль взорвался, оставив после себя только пятно горящего мазута. В течение 10 минут взрывы различной силы раздавались на линкорах "Оклахома", "Калифорния" и "Уэст Виргиния". В последний попало несколько торпед. Вспыхнуло огромное пламя, и линкор быстро затонул.

— Сколько времени продолжался налет? — спросил я Кинга.

— Самолеты улетели через час сорок минут. То, что творилось в гавани, было ужасно,— ответил адмирал.

Я не считал удобным расспрашивать о числе жертв или уточнять подробности гибели кораблей.

Рассказ адмирала Э. Кинга я хотел бы дополнить отдельными деталями, которые стали мне известны позже из американских данных следствия и некоторых опубликованных материалов о вооруженной борьбе на Тихом океане.

Соединение японского адмирала Нагумо в 6 часов утра 7 декабря находилось в 230 милях от острова Оаху.

На авианосцах все было готово для атаки. "Запускать моторы!" — раздалась команда в предрассветной мгле. Как бывает перед боем, экипажи работали тихо, но напряженно. Офицеры негромко отдавали приказания. Сотни глаз внимательно наблюдали в бинокли за воздухом и морем. "Удастся ли атаковать внезапно? Не будут ли бомбардировщики обнаружены раньше времени и встречены организованным огнем?" — беспокоилось японское командование. Однако никаких тревожных признаков не было. В приемниках по-прежнему слышалась легкая музыка, поблизости ни на море, ни в воздухе не замечалось ничего подозрительного. События развивались по плану.

В точно рассчитанную минуту все на японских кораблях пришло в движение. Мощные лифты на авианосцах поднимали бомбардировщики на летную палубу; экипажи готовили свои машины к боевому вылету; закончив праздничный завтрак, летчики заняли места в самолетах.

С палуб японских авианосцев один за другим взлетали самолеты с полным запасом топлива и грузом бомб и торпед. 183 машины было в первой группе, 170 — во второй. Только 39 истребителей остались на авианосцах на случай неприятельской атаки. Во главе первой группы летел капитан 1 ранга Мицуо Футида. Лишь он имел право вести радиопереговоры.

...От первого удара по американскому флоту зависело многое. Это прекрасно понимал адмирал Нагумо. И хотя он был почти уверен, что внезапность достигнута, время, остававшееся до удара по американским кораблям, он провел в напряженном ожидании. А из Перл-Харбора продолжали передавать музыку. Никаких признаков боевой тревоги не было и в помине.

Японский адмирал не ошибся: внезапность была достигнута. Американский флот понес невиданный за всю свою историю урон. 18 боевых и вспомогательных кораблей было уничтожено и повреждено. Из 8 линейных кораблей, стоявших в гавани, четыре оказались потопленными и четыре получили сильные повреждения. Военно-воздушные силы США потеряли 272 самолета, а несколько десятков машин были повреждены. Потери в людях составили 3400 человек убитыми и ранеными.

Японцы за всю операцию против Перл-Харбора потеряли всего 55 человек летного состава с 29 сбитых самолетов, 1 большую подводную лодку и 5 "карликовых".

Жестокий урок получили американцы в то воскресное утро! Сколько бумаги было исписано официальными лицами и журналистами, чтобы "не повторить ошибки прошлого"! Но все это было, как говорится, постфактум.

Керчь и Феодосия

Немецкому командованию, несмотря на отчаянные усилия, не удалось захватить Ленинград; противник, зарывшись в землю, начал варварские обстрелы города. Битва под Москвой не только укротила "Тайфун", как в фашистской Германии окрестили операцию по захвату советской столицы, но и похоронила саму идею блицкрига, без которой фашисты не

могли рассчитывать на победу. Эти факты оказали влияние как на планы противника, так и на решения нашего командования.

Штурм Севастополя, начатый гитлеровцами в ноябре, был частью общего плана их наступления, главной задачей которого оставалось взятие Москвы. Штурм Севастополя был отбит почти в те же дни, когда фашистов остановили под Москвой. Вместе с контрударами у Ростова-на-Дону и под Тихвином в ноябре 1941 года отпор, который дали врагу защитники Севастополя, существенно помог нашим войскам, оборонявшим столицу. Когда Закавказский фронт под командованием генерал-лейтенанта Д.Т.Козлова получил указание готовиться к овладению Керченским полуостровом, стало ясно, что Ставка стремится перейти от обороны к наступлению.

Считаю необходимым оговориться, что лично я не был тогда достаточно полно осведомлен о замыслах Ставки и не знал исходных данных, которыми она руководствовалась, оценивая обстановку, а также принимая те или иные решения. Да и теперь не берусь высказывать свои предположения по общеармейским вопросам. Об этом могут написать другие, лучше знавшие истинное положение дел.

Почему я, как нарком ВМФ, не был достаточно осведомлен о замыслах Ставки?

В описываемый мной период (конец 1941 года) Ставка не всегда вызывала наркома ВМФ. Видимо, там полагали, что все необходимые указания моряки могут получить от Генерального штаба.

О том, что планируется десант в Крым, меня впервые уведомили в Ставке в двадцатых числах ноября. Сроки для подготовки операции предоставлялись самые сжатые, но в той обстановке руководствоваться академическими нормами времени было не всегда возможно. Сотрудники Главного морского штаба немедленно приступили к расчетам — сколько

потребуется кораблей, авиации и артиллерии — и к планированию минимальной, но обязательной тренировки десантных частей и кораблей. Как известно, в современной войне для более или менее крупной десантной операции требуется хотя бы временное превосходство в воздухе в районе высадки, наличие специальных десантных судов и достаточная тренировка частей первого эшелона. Осуществить все это нам, к сожалению, было крайне трудно. Истребителей было мало, десантные средства приходилось спешно подбирать из малоприспособленных торговых и рыболовецких судов, да и времени для подготовки хотя бы первого эшелона десанта тоже было слишком мало. Несмотря на это, командование Закавказского фронта и командование Черноморского флота с подчиненной ему Азовской флотилией стремились точно выдержать установленные Ставкой сроки, а в качестве десантных средств широко использовать боевые корабли. Знание местности и относительно слабая оборона побережья позволяли рассчитывать на успех. Хорошо организованная разведка давала возможность заранее выявить слабые места противника.

7 декабря Ставка утвердила разработанный в штабах фронта и флота план, внося в него существенную поправку, предложенную командованием Черноморского флота. Кроме намеченных мест высадки в районе Керчи и у горы Опук Ставка приказала высадить десант непосредственно в Феодосии. Для проведения операции были выделены две армии (всего 41 930 человек) и более 300 рыболовецких шхун, всевозможных барж и даже шлюпок.

Командующий флотом находился на Кавказе и занимался по решению Ставки подготовкой к высадке десанта в Феодосию и Керчь, когда 17 декабря начался второй штурм Севастополя. Завязались напряженные бои. 19 декабря в адрес Сталина поступила телеграмма. В ней

сообщалось, что противник, сосредоточив крупные силы и часть свежих войск, при поддержке танков, авиации в течение трех дней ведет ожесточенные атаки с целью овладеть Севастополем; что, не считаясь с огромными потерями, гитлеровцы непрерывно вводят в бой свежие силы; что наши войска, отбивая атаки, упорно отстаивают оборонительные рубежи.

20 декабря Ставка рассматривала вопрос об обороне Севастополя. Специальная директива подчиняла СОР Закавказскому фронту, вице-адмиралу Октябрьскому приказывалось немедленно выбыть в Севастополь, в Севастополь предлагалось направить крепкого общевойскового командира, перебросить одну стрелковую дивизию, две стрелковые бригады и маршевое пополнение в 3 тысячи человек.

Помощь Ставки и смелый спешный переход боевых кораблей, а за ними и транспортов под руководством командующего флотом вице-адмирала Ф.С.Октябрьского, героизм защитников Севастополя сыграли решающую роль в отражении декабрьского штурма.

Уже 20 декабря из Новороссийска в Севастополь под флагом командующего флотом вышел отряд кораблей в составе крейсеров "Красный Кавказ", "Красный Крым", лидера "Харьков" и эскадренных миноносцев "Бодрый" и "Незаможник". На их борту находилась 79-я бригада морской пехоты. Вслед за ними вышли два транспорта и тральщики с боеприпасами и продовольствием. На следующий день из Туапсе в Севастополь была отправлена на транспортах 345-я стрелковая дивизия.

Прибывшие войска с ходу вступали в бой, а корабли огнем орудий поддерживали защитников главной базы.

Огромная дополнительная нагрузка легла на корабли эскадры Черноморского флота. Так, в ночь на 29 декабря в Севастополь под

флагом командующего эскадрой вице-адмирала Л.А.Владимирского вошли линкор "Парижская коммуна", крейсер "Молотов" и эсминцы "Безупречный" и "Смышленный". Оказав поддержку войскам своими дальнобойными орудиями, корабли, не задерживаясь, вышли обратно в Новороссийск, приняв на борт раненых.

Это непредвиденное обстоятельство — отвлечение сил на помощь Севастополю — вынудило нас проводить десантирование в Керченско-Феодосийской операции по этапам: 26 декабря высаживать войска на северное и восточное побережья полуострова и у горы Опук, а высадку в Феодосию перенести на 29 декабря.

Противник, вероятно, догадывался о возможности высадки десанта в Феодосии, но, судя по всему, к этому времени уже перестал опасаться его, увидев, какие значительные силы нам пришлось отвлечь на севастопольское направление. Однако он просчитался. Несмотря на сжатые сроки подготовки и недостаточное прикрытие с воздуха, операция была проведена успешно. Действия десантных частей, экипажей кораблей и судов отличались высоким героизмом. Особенно трудной и смелой была высадка частей 44-й армии в Феодосию, где крейсер "Красный Кавказ" под командованием капитана 1 ранга А.М.Гущина вынужден был прокладывать путь к молу огнем своих орудий.

Невозможно перечислить всех, показавших себя героями в Феодосии, но нельзя не упомянуть о капитан-лейтенанте П. А. Бобровникове. Это он, командуя эминцем "Незаможник", ворвался в Феодосийскую гавань и под огнем неприятельских пушек высадил матросов первого броска прямо на причал. Командир отряда лейтенант А. Ф. Айдинов и политрук Д. Ф. Пономарев докладывали о героях-матросах Хорькове, Панасенко и Петрушенко. Но эти трое не являлись исключением, героизм был

всеобщим.

Вслед за отрядами первого броска с упорными боями продвигались части 44-й армии.

Феодосийским десантникам не уступали те, что были высажены в районе Керчи. Особого восхищения заслуживает 83-я морская стрелковая бригада. Ее батальоны были передовыми отрядами при высадке 51-й армии в районе Керчи, у мыса Хрони и в других местах.

В телеграмме И.В.Сталина, полученной в те дни, отмечалось, что при освобождении Керчи и Феодосии особенно отличились войска генералов А.Н.Первушина, В.Н.Львова и соединения кораблей под командованием капитана 1 ранга Н.Е.Басистого. Геройски действовали также моряки подразделений штурмового броска, высаженных с крейсера "Красный Кавказ", эсминцев "Незаможник" и "Железняков".

Нельзя не рассказать о бессмертном подвиге моряков у поселка Эльтиген. Там в окружении врага оказались 17 моряков. Их возглавляли майор Лопата и политрук Шутов. Весь день отважные десантники отражали натиск врага. Они продолжали геройски сражаться и тогда, когда из семнадцати в живых осталось всего четверо. На следующий день к своим пробились только майор Лопата и матрос Сумцев.

Примеров отваги наших воинов можно привести много. Но пусть о них более подробно расскажут непосредственные участники операции.

Успешная высадка десанта и его решительное наступление заставили командира 42-го немецкого корпуса графа Шпонека дать приказ об отходе. Гитлер, разъяренный неожиданной утратой Керчи и Феодосии, приказал отдать Шпонека под суд, и тот был приговорен к расстрелу.

Керченско-Феодосийская операция вошла в историю не только как образец отваги наших воинов. Это была самая крупная десантная операция наших войск в Великую Отечественную войну, хорошо

разработанная, несмотря на крайне сжатые сроки ее подготовки.

Помню, в стенах Военно-морской академии мы изучали опыт первой мировой войны. Особенно тщательно штудировали нашумевшую в свое время Зеебрюггскую операцию англо-французского флота в 1918 году. Англичане ворвались тогда в сильно укрепленную военно-морскую базу противника в бельгийском порту Зеебрюгге и, чтобы надолго закрыть проход немецким подводным лодкам, затопили в канале брандеры. Один из английских кораблей высадил диверсионную группу непосредственно на причал порта.

Керченско-Феодосийская операция гораздо значительнее Зеебрюггской по масштабам и результатам, и проводилась она в условиях несравненно более сложных.

Однако уже упоминавшийся мною бывший гитлеровский адмирал Ф.Руге не пожелал по достоинству оценить в своей книге Керченско-Феодосийскую операцию. Впрочем, даже он, противореча сам себе, признал, что эта операция отодвинула на полгода взятие немецко-фашистскими войсками Севастополя. Немаловажное признание! Зато в актив нашего Черноморского флота Руге записывает обстрел Констанцы в самом начале войны, считая эту операцию по-настоящему морской и активной. У нас на сей счет свое мнение. Операцию по обстрелу Констанцы мы считаем не особенно удачной, а Керченско-Феодосийскую — чрезвычайно важной. Действия нашего флота мы оцениваем по тому, насколько полезны они были для общего дела борьбы с врагом, и уже одним этим отрицаем узковедомственный подход к делу. Что принесло пользу стране, то и надо признать разумным в действиях флота.

Руге, как и следовало ожидать, вообще весьма необъективен. Так, рассуждая о роли английского флота в дни обороны Тобрука, который держался благодаря снабжению морским путем, он признает заслуги

английских моряков. Однако, стараясь сказать как можно меньше о героической обороне Севастополя, Руге оказывается неспособным оценить роль Черноморского флота в снабжении города-крепости. А ведь именно благодаря активному участию флота Севастополь смог выдержать длительную осаду превосходящих сил противника. Это подтверждает в своих воспоминаниях гитлеровский фельдмаршал Манштейн, не без сожаления признавший, что "русские господствовали в море". У гитлеровского адмирала Руге для такого признания, увы, не хватило духу!

В результате Керченско-Феодосийской операции войска 44-й армии совместно с моряками полностью освободили Феодосию, а 51-я армия оттеснила противника с Керченского полуострова и заняла линию обороны немного западнее Феодосии. Это заставило командующего немецкими войсками Манштейна отказаться от дальнейших атак на Севастополь и спешно перебросить часть войск на Керченский полуостров.

1941 год закончился нашими бесспорными успехами в Крыму, Севастополь отбил второй, декабрьский, штурм немцев. Феодосия, Керчь и значительная часть Керченского полуострова были освобождены.

Однако превосходство в силах, особенно в авиации и танках, было пока на стороне противника. В январе ему удалось снова захватить Феодосию и несколько потеснить части 51-й армии на восток. Но Севастополь был спасен, и значительный плацдарм на Керченском полуострове остался в наших руках. Задача советских войск состояла теперь в том, чтобы, прочно удерживая этот плацдарм, изматывать противника и одновременно накапливать силы для перехода в наступление.

Феодосию пришлось оставить потому, что высаженных там сил оказалось недостаточно для обороны города. Не было и готовых для перевозки

резервов. Огромные усилия войск и моряков в период высадки не принесли тех результатов, на которые рассчитывала Ставка. Об этом поучительном примере полезно вспомнить. Внезапный захват города с моря — дело великое, но он далеко еще не венчает выполнения всего задуманного плана. Опыт показывает: удержать захваченный подобным образом город или район побережья иногда бывает не легче, чем занять. Десантные операции следует планировать, заглядывая довольно далеко вперед, ведь после высадки нужно ожидать быстрой и решительной реакции противника. В первую очередь это относится к любой наземной операции. При высадке же десанта с моря дело обстоит еще сложнее. Тылом в этом случае, как в Феодосии, оказывается море, и отступить при необходимости значительно сложнее, чем, допустим, отойти "на исходные рубежи" на суше. Опасность понести большие потери в случае вынужденного отступления тем больше, чем дальше расположен от своих баз или войск занятый десантом город или участок берега.

Анализируя результаты этой самой крупной в годы Великой Отечественной войны десантной операции, я прихожу к следующему выводу. Выполнение правильного в своей основе решения Ставки — оказать помощь Севастополю высадкой десанта на Керченский полуостров, чтобы приковать туда часть армии Манштейна,— было сильно усложнено тем, что слишком широкий фронт высадки оказался необеспеченным нужными резервами. Основные силы десанта, которые должны были прийти на помощь отрядам первого броска, очутились вдалеке от Феодосии. Кроме того, смысл высадки в Феодосии заключался прежде всего в том, чтобы она происходила одновременно с действиями десантов в других районах Керченского полуострова. После того как часть сил 44-й армии пришлось направить в Севастополь, было бы, пожалуй, целесообразнее сосредоточить все усилия на удержании

занятых плацдармов к северу и югу от Керчи. Но заслуживают внимания и выводы, которые делает в своих заметках вице-адмирал Л.А.Владимирский. Он считает, что, не будь десанта в Феодосии, занятые в районе Керчи и со стороны Азова разрозненные плацдармы были бы не только изолированы противником, но и ликвидированы значительно быстрее, чем это произошло.

"Высадка в Феодосии,— пишет Л.А.Владимирский,— не только выручила эти наши десанты, но и решила задачу всего первого этапа в этой операции".

Керченско-Феодосийская операция, в ходе которой мы овладели плацдармом на Керченском полуострове, имела огромное значение для дальнейшей обороны Севастополя. Иногда возникал вопрос: не правильнее ли было бы силы, брошенные на Керченский полуостров, использовать непосредственно для обороны Севастополя? Но когда готовили Керченско-Феодосийскую операцию, в Ставке шла речь не только о том, чтобы облегчить положение Севастополя, как было сказано выше. Думали об освобождении Крыма в целом. В Крыму накапливались силы и для весеннего наступления. Части, оборонявшие Севастополь, готовились разорвать кольцо осады и двинуться на Симферополь.

В это же время появились признаки новой активности немецкой армии в Крыму. Планы Гитлера на весну 1942 года еще не были разгаданы, и возросшая активность немецкой авиации на море, упорное стремление противника преградить нашим кораблям, особенно транспортам, путь в Севастополь и Керчь расценивались как меры по обороне, не больше.

Феодосия была оставлена, и командование фронта намеревалось вернуть город, еще раз высадив туда десант. Сроки для подготовки оно поставило себе чрезвычайно жесткие, если не сказать — нереальные. Узнав об этом. Военный совет Черноморского флота телеграфировал мне 19

января: "Командующий фронтом Козлов требует от нас вновь высаживать десант в Феодосию на боевых кораблях. Данная высадка исключительно рискованна для флота... Прошу вмешаться в это дело, прошу снять эту задачу с флота". Намерение командования фронта не было поддержано Ставкой.

Весной 1942 года довольно неожиданно началось крупное наступление гитлеровцев на юге. В Крыму атаки были особенно ожесточенными. Это вынудило наши войска отступить и вести оборонительные бои на слабо подготовленных позициях. Вот что пишет по этому вопросу немецкий историк генерал К.Типпельскирх: "В то время как немецкие войска, готовясь к предстоящему широкому наступлению, еще только получали пополнение и производили перегруппировку, в Крыму были предприняты два сильных удара с целью устранить угрозу южному флангу немцев и высвободить 11ю армию".

Наши войска на Керченском полуострове и в Севастополе в мае 1942 года оказались в очень тяжелом положении.

За Севастополь продолжалась упорная борьба. Как часто бывает на войне, она временами стихала, а потом разгоралась снова. Своего рода вулканическими вспышками были вошедшие в историю три штурма города-крепости. Ранней весной 1942 года наблюдалось сравнительное спокойствие, но это было затишье перед бурей. Впрочем, уже в начале 1942 года обстановка на Черном море в целом усложнилась. Немецкое командование, готовя свое весеннее наступление на Севастополь и Керчь, начало активные действия против наших коммуникаций, идущих в Крым, используя главным образом бомбардировщики. Мы потеряли много транспортов. Уже в январе — феврале снабжение Севастополя почти полностью было переложено на боевые корабли. Поэтому вопрос о лучшей организации управления флотом возник вновь. Я решил поднять

этот вопрос в Ставке. Маршал Б.М.Шапошников, как и следовало ожидать, посоветовал доложить обо всем лично Сталину.

Когда я впервые доложил об этом И.В.Сталину, то ясного ответа не получил. Это было в начале марта. Через некоторое время я повторил свое предложение. Состоялось короткое обсуждение.

— А кого бы вы предложили командующим Севастопольским оборонительным районом вместо Октябрьского? — спросил Сталин.

Я ответил, что самой подходящей кандидатурой считаю генерала С. И. Кабанова, который хорошо проявил себя на Ханко и в Ленинграде. Но и на этот раз решение принято не было. Мне показалось, что И. В. Сталин по-прежнему не убежден в необходимости такой замены. Смущало его, кажется, и то, что в случае назначения С.И.Кабанова пришлось бы подчинить ему все армейские части во главе с генералом И.Е.Петровым, известным к тому времени военачальником.

Помнится, в самом начале апреля 1942 года я был вызван к маршалу Б.М.Шапошникову. Готовя доклад Верховному Главнокомандующему, он просил объяснить причины задержки в снабжении морем войск на Керченском полуострове. Не ссылаясь на недостатки в управлении флотом, я тем не менее напомнил о своих прежних предложениях. Борис Михайлович счел разумным и своевременным освободить командующего флотом от постоянного пребывания в Севастополе, но не согласился с назначением туда генерала С.И.Кабанова. Он предложил кандидатуру И.Е.Петрова. В этом была известная логика. Ведь генерал Петров уже являлся заместителем командующего Севастопольским оборонительным районом. Но мне все же казалось более правильным назначить командующим этим районом человека, знакомого с флотом. Договорились, что вопрос этот при первой возможности я снова подниму в Ставке.

Главный морской штаб информировал об этом командующего Черноморским флотом.

10 апреля Ф.С.Октябрьский сам докладывал мне о больших трудностях в руководстве флотом. И это было понятно. Командующий находился в Севастополе, его штаб — на Кавказе. Азовская флотилия и кавказские базы оперативно подчинялись различным сухопутным начальникам.

Буквально через несколько дней я смог снова доложить об этом И.В.Сталину. Он не возражал против предложенной мною реорганизации, но поинтересовался мнением Октябрьского.

В конце апреля я вместе с маршалом С. М. Буденным был в Краснодаре. Там находился и Ф.С.Октябрьский. Я спросил, разделяет ли он мое мнение о том, что во главе Севастопольского оборонительного района должен быть моряк. Попросив дать ему время на размышление, Ф.С.Октябрьский через несколько дней высказался против моего предложения.

Ни в 1942 году, ни сейчас, когда пишу эти строки, у меня ни на минуту не возникло сомнений относительно того, что организацию командования в Севастополе в 1942 году было необходимо изменить.

У моих коллег да и у меня самого были сомнения совсем другого порядка — относительно кандидатуры на должность командующего СОР. Все мы высоко оценивали личные и боевые качества генерала С.И.Кабанова, но многие считали более правильным оставить на сухопутной обороне генерала И. Е. Петрова, а командующим СОР назначить моряка, так как в Севастополе до последнего момента борьбы очень важное место занимали чисто флотские вопросы.

Может ли общевойсковой начальник командовать военно-морской базой? Такой вопрос не раз возникал в процессе обсуждения проблем организации командования.

На мой взгляд, во главе отдельных военно-морских баз, бесспорно, мог стоять общевойсковой начальник или даже военачальник из любого рода войск. В мирное время я придерживался такой же точки зрения. И не случайно командиром базы на Ханко был назначен сначала генерал береговой обороны флота А.Б.Елисеев, а затем генерал С.И.Кабанов. Ведь уже тогда было ясно, что основная борьба за Ханко развернется на суше. И жизнь подтвердила правильность принятого нами решения.

В ходе войны мы сталкивались с фактами, когда оборону с суши военно-морской базы или прибрежного района возглавляли моряки (Одесса), и генералы береговой обороны флота (полуострова Средний и Рыбачий), и сухопутные военачальники, как это было в Либаве. И если организация дела была правильной, успех во многом зависел от личных качеств военачальника, стоявшего во главе базы, а отнюдь не от рода войск, к которому он принадлежал.

Что же касается Севастополя, то здесь необходимо было учитывать, что в 1942 году он по своим функциям все больше переставал быть главной базой, к тому же решающую роль в обороне города играли сухопутные войска Приморской армии. Учитывая это, я и считал, что в сложившейся обстановке более логичным будет поставить во главе СОР армейского начальника, желательно хорошо знакомого с флотом.

Новые испытания

Новый, 1942 год я встречал в своей квартире на улице Серафимовича. Прилетела из Куйбышева моя жена, и мы решили скромно отметить праздник. В последнюю минуту заехал командующий ВВС Красной Армии П.Ф.Жигарев, наш старый знакомый.

— Позвоним товарищу Сталину! — предложил Павел Федорович.

— Позвоним.

Я набрал номер и не без волнения стал ждать ответа. Откликнулся знакомый бас Поскребышева.

— Можно товарища Сталина? — спросил я.

— Можно! — ответил Поскребышев. И вскоре раздался спокойный голос И. В. Сталина:

— Слушаю.

— Примите, товарищ Сталин, наши поздравления и пожелания успехов, здоровья,— сказал я и добавил, что рядом со мной Жигарев.

— Спасибо! — услышал я в ответ.

Сталин поздравил нас с Новым годом.

Настроение у него в это время было хорошее. Фашисты были отброшены от Москвы. В заявлении специальному представителю президента США Г.Гопкинсу И.В.Сталин определил этот факт как начало коренного поворота в ходе войны.

Однако враг был еще силен. Сильнее, чем мы предполагали. Пытаясь выправить положение после полученного удара, он еще был способен начать наступление где-либо на другом участке огромного фронта.

Но в начале года трудно было предвидеть, какие новые испытания он принесет. Все были в приподнятом настроении. Уже не чувствовалось такого предельного напряжения, как в дни, когда на полях Подмосковья решалась судьба столицы.

После разгрома немцев под Москвой, после огромных потерь, которые фашистские войска понесли в 1941 году на всем фронте от Мурманска до Севастополя, военная обстановка действительно представлялась многообещающей. Первые месяцы 1942 года мы прожили в надежде, что вскоре Красная Армия перейдет в наступление по всему фронту. Для моряков эти надежды были связаны прежде всего с Крымом, освобождение которого, как мы считали, начнется с наступлением наших

войск от Керчи и Севастополя.

Работа государственного аппарата приходила в норму. После частичной эвакуации Москвы в октябре к новому году все учреждения и ответственные руководители, чье присутствие в столице было необходимо, снова находились на своих местах. Совершенствовалась работа Главного морского штаба и Наркомата ВМФ в целом. Связь с флотами, в которой имелись некоторые перебои в октябре 1941 года, вновь стала надежной. Главный морской штаб планомерно руководил операциями, а его начальник разрабатывал предложения о подготовке флота к участию в предстоящем общем наступлении.

Мы не предполагали тогда, что очень скоро обстановка на фронте, особенно на юге, в районе Керчи и Севастополя, станет для нас чрезвычайно тяжелой, что решающий этап в обеспечении коренного перелома в ходе войны произойдет только после Сталинградской битвы и сражения на Курской дуге, что план наступления придется пока отложить: весной и летом, собрав большие силы, враг нанесет ряд ударов по нашему фронту, стремясь прорваться на Кавказ и к Волге.

События 1942 года показали, что при более осторожной и точной оценке сил противника, учете нехватки техники в нашей армии в начале 1942 года и уровня подготовки войск нам следовало планировать наступательные операции в более скромных масштабах и тщательнее готовиться к тому, чтобы измотать врага в оборонительных боях, если он предпримет наступление. Чего бывает достаточно для обороны, может оказаться мало на случай наступления! Переход Красной Армии к обороне летом 1942 года совершался в обстановке, невыгодной для нас, при значительном превосходстве сил противника. Потребовались огромные усилия, чтобы остановить его, разгромить под Сталинградом и вынудить к отступлению на других участках фронта. Возможности наших

Вооруженных Сил в то время были еще недостаточными, чтобы вести стратегическую оборону и одновременно проводить крупные наступления.

Почти весь 1942 год оказался для нас очень тяжелым, особенно октябрь. Советские войска несли немалые потери и вынуждены были отходить на юге. Но уверенность в нашей победе росла день ото дня. Для этого были веские основания. С каждым боем наши войска со своими военачальниками совершенствовали воинское мастерство, а крепнувшая промышленность давала фронту все больше новой техники.

"Стоять насмерть! Ни шагу назад!" — слова этого призыва, которому были верны защитники Родины, красноречиво рисуют обстановку 1942 года. Оборонительные бои в том году были на редкость ожесточенными, и врагу не всегда удавалось осуществлять свои намерения. Так было, например, при наступлении гитлеровцев на Новороссийск и Туапсе, в обороне которых участвовали и моряки.

Наступление немцев, начавшееся в мае 1942 года на самом южном фланге советско-германского фронта, не могло не сказаться на действиях Черноморского флота, занятого обороной Севастополя, а позднее — Новороссийска, Туапсе и других приморских городов.

Весь советский народ, наши армия и флот вели тогда тяжелую борьбу с врагом один на один. Союзники не спешили с открытием второго фронта. Помню, как в августе 1942 года, в самый разгар боев на подступах к Сталинграду и Северному Кавказу, в Москву прилетел для переговоров У. Черчилль. Вполне естественно, что самой жгучей темой был второй фронт. Обстановка требовала от союзников самых решительных действий, если они всерьез намеревались активно участвовать в разгроме фашизма. Я не был посвящен в детали переговоров И.В.Сталина и У.Черчилля. Только однажды мне довелось присутствовать на обеде в

честь премьера Великобритании. Однако я знал, что Черчилль приехал не для того, чтобы уточнить план открытия второго фронта в Европе: он старался лишь мотивировать невозможность его открытия. Но во время этих переговоров Черчилль сообщил Сталину о подготовке к высадке англо-американских войск в Африке.

В сентябре того же года в Москву прибыл личный представитель Ф.Рузвельта Уэнделл Уилки. Он был настроен в пользу скорейшего открытия второго фронта, считал необходимым "подтолкнуть военных" и произвел тогда в Москве весьма благоприятное впечатление.

Такая позиция Уилки не устраивала У.Черчилля. Не устраивала она и многих представителей тогдашних правящих кругов Соединенных Штатов, точнее сказать — подавляющее большинство этих кругов.

У.Черчиллю удалось убедить американского президента Ф.Рузвельта, чтобы он не рисковал с открытием второго фронта в Западной Европе, а активизировал бы действия в Африке, что, кстати сказать, никак не облегчало положения на советско-германском фронте. В общем, США и Англия вместо открытия второго фронта летом 1942 года сократили число идущих в Архангельск и Мурманск конвоев с грузами, а именно тогда мы нуждались в них особенно остро.

У нас довольно широко было известно, что основными противниками открытия второго фронта в 1942 году были У.Черчилль и английское военное командование. Это, конечно, вызывало законное возмущение у руководителей нашего правительства, у всех советских людей. Красноречивое свидетельство тому — переписка И.В.Сталина и У.Черчилля в 1942—1943 годах, содержащая немало достаточно резких посланий.

Как известно, второй фронт не был открыт и в следующем, 1943 году: Черчилль рассчитывал на дальнейшее ослабление Советского Союза и

Германии, надеялся, что благодаря этому потребуется меньше усилий для вторжения во Францию, останется больше "козырей" для послевоенных переговоров с бывшим союзником. Для британских политических деятелей подобный прием был не новым.

Второй фронт против гитлеровской Германии был открыт только в июне 1944 года. Но Черчилль, как человек, привыкший, чтобы другие "таскали из огня каштаны", не хотел идти даже на оправданный риск ради СССР — своего героически сражавшегося союзника.

Ну что ж, Уинстон Черчилль всегда был верным оруженосцем своего класса и последовательным врагом коммунизма. Даже в те годы, когда Советский Союз и Великобритания находились в одном боевом лагере. Особенно отчетливо это "постоянство натуры" У. Черчилля проявилось в тяжелом для нас 1942 году.

23 апреля 1942 года вместе с С.М.Буденным, назначенным главкомом Северо-Кавказского направления, мы вылетели в Краснодар. Здесь Семен Михайлович решил обосноваться со своим штабом. Мне предстояло побывать в Новороссийске, Керчи и, наконец, в Поти, где временно базировалась эскадра Черноморского флота.

В Краснодаре мы остановились в отведенной нам маленькой квартире. Запомнилось, как, прежде чем улечься на соседнюю кровать, Семен Михайлович вынимал пистолет, взводил его, посылая патрон в ствол, и клал на стул возле себя.

— Привычка еще с гражданской войны,— заметил он на мой вопросительный взгляд.

На следующий день в Краснодар прибыл Ф.С.Октябрьский. Черноморский флот оперативно подчинялся главкому Северо-Кавказского направления, и командующий флотом был вызван в Краснодар для доклада. Октябрьский подробно доложил Буденному о составе флота, обороне

Севастополя и перевозках на Керченский полуостров. Общее впечатление о положении в Севастополе складывалось благоприятное. Манштейн после декабрьского штурма не предпринимал серьезных попыток захватить город. Комфлота был твердо уверен в прочности оборонительных линий вокруг Севастополя. Он просил только не ослаблять Приморскую армию и не отвлекать ее крупных сил для наступления на Симферополь.

В той же квартире в Краснодаре мы с Семеном Михайловичем скромно, вдвоем, отметили день его рождения. 25 апреля 1942 года ветерану Красной Армии исполнилось 59 лет. Он поздно вернулся с заседания в крайкоме, и мы засиделись почти до рассвета. Семен Михайлович вспоминал былое. В тот вечер я услышал, как еще до русско-японской войны он служил на станции Раздольная, близ Владивостока, как участвовал в первой мировой войне, как стал полным Георгиевским кавалером, как с сотней казаков, посланных по просьбе союзников, совершил поход к реке Тигр. Семен Михайлович рассказывал, а перед моим мысленным взором проходили события Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны... Я слушал, не замечая, как бежит время.

В ту же ночь я с горечью узнал о гибели двух замечательных авиационных начальников: заместителя командующего ВВС ВМФ Ф.Г.Коробкова и командующего авиацией Черноморского флота Н.А.Острякова.

Генерала Ф.Г.Коробкова я знал мало, но отзывы о нем слышал всегда хорошие. Н.А.Остряков был мне знаком больше. Впервые я встретил его в 1937 году в Испании. Там, в Испании, я видел его смелые полеты над морем, которые он совершал на пределе физических и духовных сил, максимально используя довольно ограниченные возможности самолетов

тех лет. Николай Алексеевич раньше меня вернулся на Родину. Вначале он командовал авиабригадой на Черноморском флоте, затем по своему желанию уехал служить на Дальний Восток, где обстановка была в тот период беспокойнее. В середине октября 1941 года Н.А.Острякова назначили командовать авиацией на Черном море, и тогда же я вновь встретился с ним. Как всегда, исключительно скромный, даже застенчивый, он был рад новому назначению, но старался не показывать этого.

— Хочется встретиться со старыми знакомыми,— сказал мне тогда Николай Алексеевич, имея в виду гитлеровских летчиков, с которыми он сражался еще над испанской землей.

Мы посидели, вспомнили Картахену; но времени у каждого было в обрез, и мы вскоре расстались. Боевая обстановка приносит всякие неожиданности, но все же не думалось, что эта наша встреча окажется последней.

В книге "Накануне" я уже рассказывал об Н.А.Острякове. Писал о нем, что лучшего человека и летчика трудно было найти. Думаю, со мной согласятся все флотские летчики, знавшие Николая Алексеевича.

27 апреля, побывав в Новороссийске, я возвратился в Краснодар, а на следующий день мы с Буденным вылетели на Керченский полуостров.

Самолет, управляемый отличным летчиком В.Г.Грачевым, оторвался от взлетной полосы и, не набирая высоты, лег на курс. Невысокий кустарник мелькал почти под самыми колесами. Когда перелетели пролив, заметили несколько немецких самолетов: они только что бомбили в Керчи причалы и аэродром. Не задерживаясь, мы выехали в село Ленинское, где размещался командный пункт фронта. С.М.Буденного встретил командующий фронтом генерал-лейтенант Д.Т.Козлов. Едва начались деловые разговоры, как представитель Ставки

Л. З. Мехлис взял инициативу в свои руки, решительным тоном внося то или иное предложение. Таков уж был у него характер.

Всякие разговоры о возможности успешного наступления немцев и нашем вынужденном отходе Л.З.Мехлис считал вредными, а меры предосторожности — излишними. Было наивно думать, что врагу неизвестно о нахождении штаба фронта в селе Ленинском. Логичнее было предположить, что противник умышленно не бомбит Ленинское, откладывая это до решительного момента. Именно так, с бомбежки КП, он начал наступление на Феодосию в январе 1942 года. А Мехлис уверял, что гитлеровцы не только ничего не знают о местонахождении штаба, но что нам и дальше удастся удержать это в секрете.

Помнится, выслушав все претензии в отношении обеспечения флотом перевозок — не хватало транспортных средств, разгрузка шла медленно,— я решил побывать в бригаде морской пехоты, а затем отправиться к командиру Керченской базы контр-адмиралу А.С.Фролову.

С начальником управления боевой подготовки ВМФ вице-адмиралом С.П.Ставицким мы вышли из дома, где помещался штаб фронта. Стоял тихий вечер. Над головой раскинулось чистое, без единой тучки, звездное небо. И хотя луны не было, все вокруг: и село, и проходящую рядом с ним узкую шоссейную дорогу — было видно отчетливо. Издали доносились редкие выстрелы. Это наши орудия крупного калибра вели на фронте контрбатарейную стрельбу. Дело обычное, повседневное... Никто уже не обращал внимания на орудийную пальбу. В воздухе непрерывно слышался гул моторов. Самолеты противника на небольшой высоте вели разведку вдоль шоссейной дороги. Но вот один из них пролетел над селом и сбросил четыре небольшие бомбы. Одна разорвалась где-то неподалеку.

— Прислонимся! — предложил Ставицкий и показал на каменную ограду,

возле которой мы остановились. Из штаба вышел Мехлис.

— Чистейшая случайность! — махнул он рукой в ту сторону, где упали бомбы, и опять стал уверять, что немцы не знают о местонахождении штаба фронта.

Часам к одиннадцати вечера все стихло. Ничто не говорило о том, что скоро грянет буря. В действительности же в эти тихие часы обе стороны, как и вчера, как и позавчера, накапливали силы, уточняли планы, готовились к наступлению.

На следующий день вместе с членом Военсовета Черноморского флота И.И.Азаровым я выехал в Керчь, а оттуда с командиром базы — на батареи, в авиа часть и в порт. Уже возвращаясь с А.С.Фроловым в штаб базы, заехали в госпиталь, расположенный неподалеку от города, в развалинах древней крепости Еникале. Раненые были размещены в одном из крепостных подземелий. Толщина земли над помещением, совсем незначительная при входе, в дальнем его конце достигала десяти метров. Нашу беседу с ранеными прервала воздушная тревога. Те, кто мог двигаться, поспешили к внутренней стене. Фролов объяснил мне, что недавно бомба упала возле входа, пострадало несколько человек.

— Герои, а вот теперь на костылях. Как тревога — места себе не находят, — сказал он, показывая на нескольких моряков в полосатых тельняшках. Меня это не удивило: раненые из-за беспомощности острее воспринимают опасность. Но с выздоровлением психическая травма проходит, бойцы становятся еще более смелыми и закаленными.

Вечером я вернулся в Ленинское. Маршал Буденный и командующий фронтом выехали на передовую. Возвратились поздно. Разместившись на ночлег в одной комнате, мы с Семеном Михайловичем обменивались впечатлениями. Уже дважды отложенные сроки нашего наступления и теперь казались ему нереальными; подготовка войск, как я понял, еще

не была закончена.

Недостатки в организации флота были мне уже известны. Рано утром мы простились: я выехал в Керчь, а С.М.Буденный задержался еще на сутки. Договорились встретиться вновь перед моим отъездом в Москву, дней через восемь — десять. Так оно и случилось, но уже в другой обстановке. Находясь в Поти и занимаясь делами Черноморского флота, я получил 8 мая известие: противник перешел в наступление на Керченском полуострове. Это означало, что гитлеровцы опередили нас...

Немедленно вылетел в Новороссийск, Гидросамолет держался береговой черты и был готов в случае опасности приводниться у берега. В Новороссийске меня встретили докладом о "неясности положения" на Керченском полуострове. Пospешил в Краснодар.

Штаб Буденного за это время обосновался в помещениях Краснодарского института табаководства. Заместителем главнокомандующего Северо-Кавказским направлением по морской части и членом Военного совета был назначен адмирал И.С.Исаков.

Мне хорошо запомнился последний вечер (это было 29 апреля), проведенный с С.М.Буденным, только что прибывшим с передовой линии фронта. Рассказав о мерах, которые считает необходимым принять до наступления наших армий, он посоветовал мне проверить, как обстоят дела с перевозками на Керченский полуостров.

События развивались исключительно быстро.

Адмирал Исаков ознакомил меня с новой обстановкой на Керченском полуострове. Из сказанного следовало: она там тяжелая. Как выяснилось, фронт к этому серьезно не готовился. Обстановка на море в районе Керчи тоже осложнилась. Поток грузов в Керчь был прерван. От командира Керченской базы контр-адмирала А.С.Фролова требовали невозможного: обеспечить эвакуацию уже скопившихся на берегу

тыловых частей фронта. Следует отметить, что спокойствие и распорядительность Фролова сыграли положительную роль в самые критические дни и часы. Но он имел мало средств, да и они не могли совершать регулярные рейсы.

Переправа через Керченский пролив стала основной задачей флота. А движение судов и кораблей на переправе становилось все тяжелее: вражеская авиация висела над проливом, самолеты гонялись за каждым суденышком.

На ликвидацию нашего плацдарма была брошена часть сил 11-й армии Манштейна. Согласно отрывочным данным, войска Крымского фронта начали отходить. На сухопутной карте крупного масштаба, лежавшей на столе в кабинете Исакова, сине-красные линии передвинулись ближе к Керчи. Положение Севастополя оставалось прежним — он готов был сражаться при любом соотношении сил. Было ясно, что, если противнику удастся ликвидировать керченский плацдарм, он повернет все свои силы на Севастополь. Однако надежда остановить немецкую армию, хотя бы около самой Керчи, еще не была потеряна.

11 мая по приказу, переданному мне Б. М. Шапошниковым, я вылетел из Краснодара в Москву. Летевший со мной вице-адмирал Ставицкий не любил тратить время понапрасну, поэтому прямо в самолете он доложил обстановку на Черноморском флоте, сопровождая доклад своими выводами и прогнозами.

Летели мы совсем низко. Линия фронта севернее Краснодара за две недели, прошедшие с тех пор, как я покинул Керчь, не изменилась, но активность вражеской авиации возросла. Летчик чаще обычного прижимался к земле, избегая встречи с истребителями противника. Под крылом мелькали то песчаные овраги, то мелкий кустарник; свежая, яркая зелень покрывала всю землю. Уже в сумерках прилетели в

Сталинград. Секретарь обкома партии А.С.Чуянов угостил нас ужином.

В тот день гитлеровцы находились еще далеко от Сталинграда — за Северным Донцом. Город героически трудился, снабжал фронт танками и орудиями. Делать прогнозы о возможном продвижении противника не было принято; не делали их и мы, беседуя за столом с Чуяновым. Наоборот, мы с интересом слушали рассказ нашего гостеприимного хозяина о делах сталинградцев и их хорошем настроении.

Настроение у сталинградцев было бодрое. Все ждали, что враг начнет отступать — может быть, медленно, крепко сопротивляясь, но обязательно отступить. Всем так хотелось этого...

Я еще находился в Краснодаре, когда туда позвонил И.В.Сталин и приказал Буденному и Исакову выехать в Керчь, разобраться в обстановке и принять на месте нужные меры. Позднее я узнал, что указания Ставки о создании линии обороны на Турецком валу или о том, чтобы организовать оборону Керчи по типу Севастополя, оказались невыполненными. Штаб фронта был переведен в Аджимушкайские каменоломни. Туда и перебрались на катерах из Тамани Буденный и Исаков. Сопровождавший их генерал П.П.Зеленский позднее рассказал мне, с какими трудностями они столкнулись при этом: на земле и в воздухе шли жаркие бои.

Когда С.М.Буденный прибыл в Аджимушкai, с передовой линии, которая проходила уже возле самой Керчи, приехали Д.Т.Козлов, Л.З.Мехлис и другие. Черноморскому флоту был отдан приказ:

1. Прекратить отправку морем грузов для Крымского фронта.
2. Весь свободный тоннаж, пригодный для переправы через Керченский пролив, немедленно направить в Керчь.
3. Дать усиленный конвой из катеров и тральщиков.
4. Командир Керченской военно-морской базы контр-адмирал А. С.

Фролов назначается начальником переправы.

5. Теперь же начать эвакуацию тяжелой артиллерии и гвардейских минометов.

6. Организовать надежную ПВО всех переправ и пристаней".

Адмирал Исаков распорядился выслать в Керчь все суда, находившиеся в этом районе, независимо от их ведомственной принадлежности.

В той сложной обстановке трудно было учесть все произведенные перевозки, но, по уточненным после войны данным, с Керченского полуострова удалось эвакуировать до 120 тысяч человек из состава сражавшихся там наших войск. Мне довелось быть в Ставке, когда подводились итоги этой эвакуации — 22 или 23 мая. Тогда еще не были ясны все причины отступления, но уже совершенно очевидным стало то, что в районе Керчи мы не имели глубоко эшелонированной обороны. Армии были развернуты каждая в одном эшелоне, резервов, способных быстро прийти на помощь, на полуострове не имелось. Поэтому противник, наносивший главный удар вдоль побережья, сумел добиться успеха.

19 мая наши войска оставили Керчь и через пролив были переправлены на Таманский полуостров последние части. Но несколько тысяч бойцов, укрывшихся в каменоломнях, под руководством полковника П.М.Ягунова еще долгие месяцы продолжали борьбу...

Сталин был весьма расстроен столь неудачным исходом борьбы на Керченском полуострове. 4 июня Ставка издала директиву, в которой указывались причины неудач Крымского фронта и делались соответствующие выводы.

Несколько слов об Аджимушкских каменоломнях. В обороне Керченского полуострова Аджимушкой дважды сыграл героическую роль. В ноябре — декабре 1941 года подземный гарнизон в катакомбах

Аджимушкай выдержал 43-дневную осаду до подхода наших десантных частей. Больше того, он существенно помог нашим войскам в освобождении Керчи. В 1942 году Аджимушкой вновь стал свидетелем невиданного героизма советских людей. Около 20 тысяч патриотов, среди которых были не только военные, но и сугубо гражданские люди, заняли Аджимушкайские каменоломни. Немцы бросили против них крупные силы, однако советские люди более пяти с половиной месяцев (с мая по октябрь) не только оборонялись, но и сами атаковали врага. Плохо вооруженные, часто без пищи, воды и света, они показывали чудеса героизма.

Немало уже написано об Аджимушкае, но мне думается, мы узнаем еще много новых имен героев подземной крепости.

Когда противник захватил Керчь, мы предполагали, что он сразу же попытается переправиться через Керченский пролив на Тамань. За судьбу Севастополя особых опасений тогда не возникало. Считали, что в случае нового штурма защитникам города придется трудно, но они выстоят, ведь два штурма были уже отбиты.

Но враг не решился наступать на Тамань, пока у него в тылу оставался сражавшийся Севастополь.

Ленинград наносит удары

В тревожные дни 1942 года, когда, пользуясь отсутствием второго фронта, фашисты бросали все новые и новые силы для наступления на юге, наибольшие трудности выпали на долю Черноморского флота. Но и зажатый в крохотном районе между Кронштадтом и Ленинградом Краснознаменный Балтийский флот, находившийся в очень трудных условиях, продолжал сражаться.

Смертельная угроза, нависшая над Ленинградом в августе — сентябре

1941 года, заставила балтийцев активно участвовать в защите города не только в воздухе и на море, но и на суше.

Моряки возводили многочисленные укрепления, сотни долговременных огневых точек, для которых по инициативе ленинградских судостроителей использовали броневые плиты из заводских запасов. Только на Пулковских высотах было срочно построено 206 огневых точек, бронированных отличной корабельной сталью. Большую инициативу в этом деле проявил тогда инженер-капитан 3 ранга (впоследствии адмирал-инженер) П.Г.Котов.

Уже тогда в систему обороны Ленинграда были включены линкоры "Марат" и "Октябрьская революция", крейсера "Максим Горький", "Киров", "Петропавловск" и другие корабли. Быстро вступали в строй десятки флотских батарей на рубежах вокруг Ленинграда. Балтийцы установили 130-миллиметровые морские батареи и орудия, снятые с "Авроры", создали невскую укрепленную позицию; флотским батареям около Ивановских порогов было суждено весь период блокады находиться на переднем крае обороны: лишь Нева отделяла их от противника. Четыре железнодорожные батареи крупного калибра, укомплектованные моряками, находились на позициях, прикрывавших Ленинград с суши. Истребительная авиация флота и зенитная артиллерия кораблей стали органической частью противовоздушной обороны Ленинграда. Всюду на фронте под Ленинградом — и в авиации, и в артиллерии, и в пехоте — можно было встретить моряков. В 1941— 1942 годах почти половина личного состава Краснознаменного Балтийского флота защищала Ленинград на сухопутном фронте. Флотская артиллерия с ее большой дальностью и точностью стрельбы умело подавляла батареи врага, посылавшие смерть мирным жителям Ленинграда. Контрбатарейная борьба длилась все 900 дней ленинградской блокады.

Я уже писал, что поврежденные бомбами и снарядами линкоры "Марат" и "Октябрьская революция" не могли двигаться, но их пушки били по врагу до конца блокады.

В боях за Ленинград участвовали и недостроенные корабли. Крейсер "Петропавловск", купленный незадолго до войны в Германии, еще не был полностью вооружен. Затягивая поставку вооружения и оборудования, германские власти стремились оставить крейсер небоеспособным. К началу войны на корабль были доставлены полностью лишь две двухорудийные башни и комплект боеприпасов к ним. Все зенитные пушки застряли в Германии. Состояние механизмов позволяло использовать артиллерию — две башни, но выйти в море корабль не мог. Укомплектованный специалистами крейсер с помощью буксиров вывели с завода к причалам Ленинградского торгового порта. Зенитное вооружение установили советское.

В первой половине сентября башенные орудия "Петропавловска" с дистанции в 32 километра впервые открыли огонь по врагу. Сделанные в Германии пушки стреляли по войскам вермахта. И чем ближе подходили гитлеровцы к Ленинграду, тем яростнее бил по ним из орудий главного калибра недостроенный "Петропавловск".

Когда немцы подошли к кораблю на 4 километра, ему пришлось бороться не только с авиацией, но и с полевой артиллерией. 17 сентября в "Петропавловск" попало несколько тяжелых снарядов, и он сел на грунт, орудия его замолкли.

Но на этом не кончилась боевая служба крейсера. Действуя скрытно, по ночам, на расстоянии винтовочного выстрела от противника, балтийские моряки и судостроители подготовили крейсер для подъема, поставили его на киль и вывели из ковша порта в Ленинград. Эта небывалая операция воплощала в себе героизм, смекалку и трудовую доблесть защитников

Ленинграда.

Когда в январе 1944 года под Ленинградом началось наше наступление, орудия крейсера снова стреляли по врагу. 15 января артиллеристы "Петропавловска" выпустили 250 снарядов главного калибра. Через 10 дней враг откатился так далеко, что его уже не доставали и дальнобойные пушки крейсера.

Командовали "Петропавловском" вначале А.Г.Ванифатьев, а затем А.К.Павловский. И пусть корабль не выходил в море, балтийцы героически воевали на нем.

Войска Ленинградского фронта при участии моряков прочно удерживали в 1942 году рубежи на северном берегу Финского залива. Моряки с первых дней войны прикрывали фланг нашей 23-й армии. 20 сентября 1941 года 23-я армия нанесла контрудар противнику, чтобы выбить его из Белоострова. Адмирал В.Ф.Трибуц вспоминал, например, что ему довелось на рассвете 20 сентября командовать всей выделенной для этого боя артиллерией и авиацией флота. В результате массированного огня береговых батарей и корабельной артиллерии, а также стремительного наступления наших сухопутных войск противник был вынужден отойти за линии укрепленного района. Именно на этом рубеже он и оставался до июля 1944 года.

В 1941 году нам удалось удержать Ораниенбаумский плацдарм благодаря тому, что в районе Кронштадтской базы по южному берегу Финского залива своевременно соорудили оборонительные рубежи. Их защищали совместно с 8-й армией морские бригады, поддержанные мощными орудиями фортов Красная Горка и Серая Лошадь. Артиллерия этих фортов и сыграла решающую роль в успехе проведенной операции. Будь Ораниенбаум захвачен врагом, флоту пришлось бы труднее и при прорыве из Таллинна, и при эвакуации защитников полуострова Ханко.

Кронштадт находился бы под обстрелом неприятельских орудий всех калибров, да и морское сообщение с Ленинградом стало бы невозможным.

Немцы потом очень сожалели, что не смогли овладеть этим плацдармом. Они сокрушались, что не удалось "вытеснить с материка состоявшие главным образом из морской пехоты русские войска, которые с целью защиты Кронштадта удерживали в районе Ораниенбаума и западнее плацдарм 50 километров шириной и 26 километров глубиной". Так пишет в "Истории второй мировой войны" Типпельскирх. Важно и другое. Именно с этого плацдарма наши войска, поддержанные Балтийским флотом, нанесли первый мощный удар по обороне противника в январе 1944 года, когда начались бои за окончательное освобождение города Ленина от фашистской блокады.

В 1942 году на Балтике уже не стоял вопрос — удастся сохранить корабли или их придется взорвать, чтобы не стали добычей врага? Немцев под Ленинградом остановили. Но положение Ленинграда, а значит и Балтийского флота, оставалось трудным. Балтийцы находились в постоянной готовности. Чем ближе шло дело к весне, тем настойчивее стремились немецкая авиация и артиллерия нанести удары по кораблям. Теперь известно, что задачей 1-го воздушного флота люфтваффе было уничтожить боевые корабли в Ленинграде и Кронштадте. Но, несмотря на то что только за апрель было совершено шесть крупных массированных налетов и некоторые из кораблей получили повреждения, [204] результаты фашистских бомбежек в конечном итоге были малоэффективными.

Гитлеровское морское командование опасалось наших подводных лодок. В районе Таллинн, Гогланд немцы буквально наспиговали воды Балтики минами. И все же с конца мая в Балтийское море начали прорываться

советские лодки. Противник старался с воздуха забросать минами фарватеры у Кронштадта. Наши истребители и зенитная артиллерия не давали его самолетам (а их было выделено более 300) ставить мины точно. При этом около 40 фашистских самолетов было сбито. Дивизионы магнитных тральщиков под командованием капитан-лейтенантов М.М.Безбородова и П.П.Еременко расчистили выход в море нашим подводным лодкам.

Бригада подводных лодок капитана 1 ранга А.М.Стеценко (военком И.А.Рывчин, начальник штаба Л.А.Курников) в трудных условиях блокады смогла подготовить лодки к боевым действиям на коммуникациях гитлеровцев. Опытные командиры-подводники Я.П.Афанасьев, Е.Я.Осипов и И.М.Вишневский, командир дивизиона подводных лодок В.А.Егоров и другие провели свои лодки через многочисленные минные поля вслед за тральщиками, над которыми почти непрерывно висела немецкая авиация. Подводникам нелегко было преодолеть сравнительно небольшое расстояние от Кронштадта до острова Лавансари, но еще тяжелее оказался переход от Лавансари на запад. Протяженность этого перехода превышала 250 миль, и все же лодки первого эшелона вышли на коммуникации врага. Сорок с лишним суток пробыла в море подводная лодка "Щ-406" Евгения Осипова и вернулась с хорошим боевым счетом. Ее командир заслуженно стал Героем Советского Союза, а подводная лодка — Краснознаменной.

Германское командование не ожидало появления наших подводников в открытом море, оно явно переоценило эффективность своих противолодочных средств. "Чьи же подводные лодки топят наши суда?" — недоумевали сначала немцы, не желая верить, что это были советские лодки, так же, как не хотели верить летом 1941 года, что Берлин бомбила советская авиация. Но когда более 30 немецких транспортов

оказалось на дне Балтики, германскому командованию пришлось убедиться, что советские подводные лодки действуют, и действуют активно.

Нельзя не отдать должное славным делам балтийских подводников, особенно если учесть, насколько важными были в то время для военной промышленности Германии перевозки железной руды из Швеции. Каждый выход наших лодок в море был связан со смертельным риском. Не все они вернулись в родные базы: не возвратилась в Кронштадт подводная лодка "Щ-317", вблизи острова Сескар погибла "Щ-405"...

Бывший командующий Балтийским флотом адмирал В.Ф.Трибуц подробно рассказывает об этих смелых походах в своей книге "Подводники Балтики атакуют".

Теперь, много лет спустя, знакомясь с немецкими документами, на которых стоит гриф "Совершенно секретно, только для командования", убеждаешься, как просчиталась верхушка третьего рейха, составляя план "Барбаросса". Она поторопилась заранее списать со счета Краснознаменный Балтийский флот. А он жил, сражался и не только оборонялся, но и наступал. Действовала и флотская авиация. За 1942 год летчики-балтийцы совершили около 30 тысяч боевых вылетов, причем почти половину из них над морем в поиске "подходящей" цели. В этих полетах участвовали и летчики известного полка Е. Н. Преображенского, первыми бомбившие Берлин. Теперь с ленинградских аэродромов приходилось лететь 6—8 часов, чтобы добраться до морских путей сообщения противника, обнаружить транспорт и атаковать его. Как правило, летчики использовали для атак торпеды. А попасть торпедой в цель с самолета очень непросто.

В крейсерских полетах особенно отличились летчики А.З.Пятков, К.С.Деревянных, Г.Я. Червоноокий. С Пятковым мне пришлось

некоторое время спустя несколько раз летать из Владивостока в Москву, и он вспоминал одиночные полеты над Балтикой как самые опасные из всех, в каких ему удалось участвовать.

Борьба наших торпедоносцев с транспортами противника, то затихая, то обостряясь, шла до самых последних дней войны. Об одном заслуживающем внимания боевом эпизоде напомнила как-то "Красная звезда".

Был апрель 1944 года. Советские войска успешно очищали от фашистов родную землю. Много городов, больших и малых, было освобождено от оккупантов, но Таллинн, памятный сражениями в начале войны, находился еще в их руках. Морем непрерывно поступали туда грузы и пополнение для немецкой армии. Советскому командованию стало известно, что в ночь на 6 апреля из Штеттина в Таллинн вышел крупный транспорт водоизмещением 12 тысяч тонн. 1-й гвардейский авиационный полк получил задание атаковать и уничтожить его. В воздух поднялся сам командир полка гвардии подполковник И.И.Борзов. Штурманом с ним полетел Н.Д.Котов. Оба считались первоклассными мастерами торпедирования. В этом полете военная удача снова сопутствовала им. Обнаружив довольно быстро транспорт, Борзов выпустил торпеду и пронесся над самыми мачтами. После сильного взрыва транспорт пошел ко дну. И.И.Борзов и Н.Д.Котов стали Героями Советского Союза.

Наши морские коммуникации в 1942 году проходили под носом у врага и также требовали постоянного прикрытия флотской авиацией.

В книге "Накануне" я уже писал, насколько велика была в случае войны минная опасность на Балтике. Без многократного предварительного траления фарватеров не мог выйти в море ни один транспорт, ни один боевой корабль. Особенно тщательно приходилось тралить пути от Ленинграда к Кронштадту и Ораниенбауму и от Кронштадта к Лавансари,

по которым в 1942 году балтийцы перевезли десятки тысяч человек и немало грузов. Охраной водного района КБФ командовал капитан 1 ранга Ю.В.Ладинский. Много рискованных выходов совершили экипажи тральщиков, этих скромных тружеников моря, бесстрашно действовавших вблизи от берега, занятого противником. Это было траление под прицелом врага.

12 сентября 1941 года я возвращался на самолете из Ленинграда в Москву. Наш "Дуглас" шел низко над городом Новая Ладога. Под крылом самолета в водах озера и канала мелькали баржи, катера, небольшие суда. Где-то здесь были и боевые корабли Ладужской военной флотилии. Эту флотилию, расформированную после заключения мирного договора с Финляндией в 1940 году, вновь срочно сформировали в 1941 году, после того как Финляндия вступила в войну на стороне германских агрессоров. В флотилию вошли корабли и катера учебного отряда Ладужского пограничного отряда и мобилизованные суда гражданского флота. Балтийцы передали флотилии сторожевые корабли, тральщики, бронекатера, катера "морские охотники". Теперь, когда Ленинград был окружен, задачи резко усложнились.

Еще 30 августа Государственный Комитет Оборона обязал Военный совет Ленинградского фронта принять меры для доставки в город всего необходимого, в первую очередь продовольствия. Сбросив сотни зажигательных бомб, фашисты подожгли знаменитые Бадаевские склады за Невской заставой, где хранились значительные запасы продуктов для жителей более чем 3-миллионного города. Не одни сутки на месте пожара поднимался до самого неба густой дым, подсвеченный по ночам красным пламенем. В начале сентября в Ленинграде был всего полумесячный запас муки. Авиационного бензина оставалось на десять дней, автомобильного и того меньше — дней на семь-восемь.

Единственный путь, по которому можно было снабжать теперь осажденный город, лежал через Ладожское озеро. Военный совет фронта поручил Ладожской военной флотилии и Северо-Западному речному пароходству все перевозки из Новой Ладоги и Волховстроя в Ленинград и обратно. Речные суда — баржи и буксиры — вынуждены были ходить по бурному осеннему озеру. На западном берегу не существовало специально оборудованного места выгрузки, и в бухте Осиновец пришлось срочно строить порт. 12 сентября к берегу бухты, где еще не было оборудованных причалов, пришли две первые баржи, каждая с ценным грузом в 800 тонн зерна.

Дорогой жизни называли этот единственный путь в блокированный Ленинград.

В нашей печати, литературе, в различных устных выступлениях Дорогу жизни иногда отождествляют с ледовой трассой. Объясняется это, видимо, тем, что летние перевозки Ладожской военной флотилии и Северо-Западного пароходства считались их обычным, хотя и трудным, делом. Совсем другое — ледовая трасса. В мирное время никто и представить себе не мог, что по льду Ладоги будет налажено регулярное движение целых колонн автомашин, сопряженное с невероятными трудностями.

Но где и кому было легко в годы войны на Ладоге? И ледовая трасса и водная коммуникация — все вместе взятое являлось Дорогой жизни для Ленинграда. Экипажи боевых кораблей Ладожской флотилии и судов речного пароходства с одинаковым риском и отвагой доставляли по этой дороге воинские части и грузы для Ленинграда. Только с 12 сентября по 1 декабря 1941 года они перебросили через Ладогу 40 тысяч человек и более 60 тысяч тонн грузов.

Понимая огромное значение Дороги жизни, фашисты ожесточенно

бомбили корабли и суда, порты погрузки и разгрузки. Героически защищая ладожскую коммуникацию, в эти месяцы погибли канонерская лодка "Олекма", тральщик "ТЩ-122" и спасательный корабль "Водолаз".

Ставка и Генеральный штаб не раз обращали внимание на ту часть озера, где к не оборудованному еще порту в Осиновце шли под охраной кораблей флотилии речные суда и баржи с продовольствием и боеприпасами. В разговорах со мной Б. М. Шапошников требовал увеличить перевозки в Ленинград и уменьшить потери. "Вы понимаете, что это значит?" — передал он мне однажды слова И.В.Сталина. Это было в октябре 1941 года.

В ту тяжелую осень Ладожской флотилии приходилось заниматься не только перевозкой войск и грузов в Ленинград. В октябре — ноябре обострилась обстановка на Волховском фронте. Пал Тихвин. Возникла угроза Волховстрою. По решению Ставки из Ленинграда на Волховский фронт через Ладогу срочно направили две стрелковые дивизии и бригаду морской пехоты. Им пришлось с ходу вступить в бой. Волховстрой был спасен.

В конце ноября плавающий лед стал мешать движению по озеру, но ладожцы геройски несли свою боевую вахту. Вплоть до 29 ноября отдельные суда продолжали упорно пробиваться в Осиновец, хотя уже 22 ноября начала действовать ледовая трасса.

Едва появился первый лед, как моряки-гидрографы вместе с бойцами дорожно-эксплуатационного полка принялись прокладывать ледовую трассу через озеро. Вскоре по ней пошли сани с хлебом. Но ждать, пока лед станет абсолютно надежным, возможности не было. Ленинград жил, сражался и работал в тисках блокады. Он голодал. И поэтому 22 ноября на этой трассе зарокотали моторы первых грузовых машин с продовольствием. Доставленное ценой огромного риска, оно спасло

жизнь тысячам ленинградцев.

Суровой зимой ладожцы готовились к навигации 1942 года. Сооружали порты, монтировали секционные металлические и строили деревянные баржи.

Навигация 1942 года открылась в конце мая, а закончилась только в начале января 1943 года. Дорога жизни через Ладогу действовала, пока не была прорвана блокада Ленинграда. По ней перевезли в обоих направлениях около 2 миллионов человек, причем более миллиона — по воде. На судах же ладожцы доставили 1 миллион 690 тысяч тонн грузов. Выполняя личный приказ Гитлера, вражеская авиация днем и ночью бомбила трассу. Только за лето 1942 года фашисты сбросили здесь 6400 бомб, но это не поколебало стойкости и героизма тружеников и воинов Ладоги.

Борясь за коммуникации на Ладоге, немцы и финны попытались высадить десант на остров Сухо, который прикрывал восточную часть трассы. На рассвете 22 октября более 20 военных судов, вооруженных артиллерией и крупнокалиберными пулеметами, под прикрытием 15 самолетов, были обнаружены на подходе к нашему побережью. Меры, принятые командованием Ладожской флотилии и Балтийского флота, были незамедлительными и энергичными. Не прошло и часа, как по вражескому десанту, уже успевшему подойти к острову и начать высадку, ударили наши самолеты. Корабли флотилии смело вступили в бой, не считаясь с численным перевесом врага. Меткий огонь вела по врагу и береговая артиллерия с острова Сухо. Как мне рассказывали потом очевидцы, основная тяжесть отражения вражеского десанта легла на береговую батарею.

Эта, казалось бы, незначительная операция противника вызвала обоснованное беспокойство и в Ставке. Когда я прибыл в Кремль для

доклада, там уже получили донесения из Ленинграда. Дело осложнялось тем, что Ленинградский фронт не мог в то время помочь защитникам острова крупными силами. Разгромить десант способны были только части флота и авиации. Вскоре я получил донесение Военного совета КБФ об успешном отражении десанта и вечером 22 октября сообщил в Ставку: "Десант разгромлен".

В начале ноября я обратился за разрешением вновь выехать в Ленинград. Получив согласие, 8 ноября вылетел туда через Новую Ладугу. С командующим Балтийским флотом В.Ф.Трибуцем и командующим флотилией В.С.Чероковым осматривал там трофеи. Они были невелики: несколько полузатопленных десантных судов. А всего враг потерял 17 десантных судов и 14 самолетов.

После боя у острова Сухо наша флотилия стала полностью господствовать в водах Ладоги и обеспечила бесперебойное движение по Дороге жизни. Геройски воевали ладожцы и после прорыва блокады Ленинграда. В июне — июле 1944 года, когда советские войска перешли в наступление на Карельском перешейке и в Карелии, корабли флотилии высадили десант в тыл финской армии, в устье реки Тулоксы, ладожцы поддерживали артиллерийским огнем наступающие части. Они переправляли войска через реку Свирь и Ладугу.

За мужество и героизм, проявленные ее моряками, Ладожская флотилия в июле 1944 года была награждена орденом Красного Знамени.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, вручая в Балтийске 24 июля 1965 года второй орден Красного Знамени Балтийскому флоту, в состав которого в годы войны входила и Ладожская флотилия, сказал: "Много сделали моряки и для того, чтобы в неимоверно трудных условиях наладить связь осажденного города со страной, чтобы жила и действовала проходящая через Ладугу "Дорога жизни", как ее тогда

называли ленинградцы".

Да, ладожцы заслужили высокую оценку нашего правительства.

Тяжелая обстановка под Ленинградом и продвижение частей противника с финской территории уже в первой половине августа вынудили приступить к формированию Онежской флотилии. 7 августа 1941 года по предложению моряков главнокомандование Северо-Западного направления в предвидении операций на Онежском озере приняло решение о формировании флотилии. Первым командующим флотилией был назначен капитан 2 ранга А. П. Дьяконов, комиссаром — батальонный комиссар С.М.Белокопытов.

Для начала 5 буксиров были переоборудованы под канонерские лодки с установкой на них небольших пушек. В середине сентября они уже вступили в строй как боевые корабли. Численность флотилии на 1 октября составляла всего лишь около 500 человек.

Флотилии предстояло взаимодействовать с 7-й и 32й армиями. Сухопутные части чувствовали необходимость помощи со стороны Онежского озера, поэтому в октябре на флотилию спешно перебросили из Зеленодольска 4 бронекатера; было вооружено несколько тральщиков. Однако надвинувшийся ледостав на какое-то время приостановил деятельность флотилии.

В апреле 1942 года приказом наркома ВМФ на Онежском озере был сформирован Онежский отряд кораблей, более сильный, чем флотилия, и подчиненный непосредственно Наркомату ВМФ. Он состоял из дивизиона канонерских лодок (7 единиц), дивизиона бронекатеров (8 единиц), дивизиона катерных тральщиков (5 единиц), 4 сторожевых и различных вспомогательных кораблей. Всего к лету 1942 года на Онежском озере насчитывалось уже около 30 кораблей.,

Чтобы действия отряда были более успешными, в его состав включили

плавучую 76-миллиметровую батарею и 31-й отдельный батальон морской пехоты. Численный состав отряда вырос до 2 тысяч человек. В самом конце 1942 года отряд был переформирован в Онежскую военную флотилию.

Оказывая поддержку той или иной дивизии, сражавшейся в прибрежном районе, особенно активно и эффективно действовали бронекатера флотилии и канонерские лодки. Своим огнем они не раз обеспечивали успех операциям сухопутных частей. Моряки флотилии первыми ворвались в столицу Советской Карелии — город Петрозаводск и участвовали в его освобождении. Не случайно такую высокую оценку действиям Онежской флотилии дали командующий 7-й армией и командир 272-й стрелковой дивизии, о чем написал в своей книге "На службе народу" Маршал Советского Союза К.А.Мерецков.

Непобежденный Севастополь

Немецкое командование стремилось во что бы то ни стало быстрее захватить Севастополь. Во-первых, город угрожал флангам южной группы немецких армий. Во-вторых, гитлеровцы всячески старались высвободить армию Манштейна, чтобы после отдыха использовать ее на другом направлении. Летом 1942 года они надеялись добиться перелома в ходе войны в свою пользу. А потому еще до завершения боев за Керчь начали стягивать к Севастополю крупные силы.

Бои за Севастополь в июне 1942 года поражают своим упорством и ожесточенностью. Огромному преимуществу врага в силах и в технике, стремлению Манштейна любой ценой выполнить приказ фюрера, заранее подарившего ему бывший Воронцовский дворец в Алушке, был противопоставлен массовый героизм, беззаветная преданность Родине моряков Черноморского флота и воинов Приморской армии. Почти месяц

шли непрерывные жестокие бои за город. Это оказало влияние на весь ход весенне-летнего наступления немецкой армии. Такого упорного сопротивления враг не ожидал.

Третий штурм Севастополя начался 7 июня 1942 года, хотя фактически борьба за город не прекращалась с ноября 1941 года. Непрерывно шли бои на суше и в воздухе, совершенствовалась оборона, пополнялись, хотя и не в полной мере, запасы продовольствия и боеприпасов. После декабрьского штурма и особенно после того, как противник в январе вторично занял Феодосию, снабжать Севастополь с каждым днем становилось все труднее. Готовя большое наступление в Крыму, немецкое командование широко использовало авиацию и торпедные катера, чтобы прервать наши коммуникации, главным образом те, что шли к фронту. Командование Черноморского флота не имело возможности обеспечить прикрытие тихоходных транспортов с воздуха, а потому было вынуждено использовать для перевозки людей и грузов боевые корабли, подводные лодки и самолеты.

Вопросы снабжения Севастополя всем необходимым для отражения натиска противника постоянно находились в центре внимания Военсовета флота. Город не был в полном смысле слова блокирован с моря, но господство в воздухе немецкой авиации делало каждый рейс в осажденную крепость все более рискованным и опасным. От транспортов приходилось отказываться, поручив эту задачу боевым кораблям. Вся тяжесть перевозок легла на корабли эскадры. С февраля по июнь они сделали 92 рейса. Пришлось привлекать и подводные лодки. 27 из них совершили в мае — июне 1942 года 80 переходов с целью доставки грузов и вывоза раненых.

Ходом морских перевозок в Севастополь и Керчь было очень озабочено Верховное Главнокомандование. Потери кораблей или задержка в

доставке грузов вызвали справедливые упреки со стороны Ставки и Генерального штаба. Б. М. Шапошников не раз приглашал меня к себе, чтобы я доложил об организации перевозок и обеспечении транспортов. Разбираясь теперь в документах, я задал себе вопрос: с какого времени командование Черноморского флота и Приморской армии стало ждать очередного штурма Севастополя?

Выступая на упоминавшейся уже конференции в 1961 году, Ф. С. Октябрьский говорил: "На основании неопровержимых и точных данных 19 апреля, т. е. почти за три недели до наступления армии Манштейна на Керченском полуострове, я лично доложил Военсовету Крымского фронта о готовящемся ударе".

К сожалению, я не смог найти в архивах официальных докладов Военного совета Черноморского флота Ставке или Наркомату ВМФ с подобным предупреждением. Насколько я помню, при обсуждении положения в Крыму у маршала Буденного в конце апреля командующий флотом тоже не говорил о возможности скорого наступления противника. Очевидно, данные разведки еще не были проверены настолько, чтобы докладывать их Москве и Главкому. Но это не меняет дела. Главное, в Севастополе считались с возможностью нового вражеского штурма и готовились отразить его. Тревога за судьбу города усилилась, когда гитлеровцы начали наступление на Керчь.

Готовясь к штурму, противник сосредоточил вокруг Севастополя около 204 тысяч немецких и румынских солдат и офицеров, 670 артиллерийских орудий калибра от 75 до 420 миллиметров, 655 противотанковых пушек, 720 минометов, 450 танков и 600 самолетов. Подвез он сюда и батарею сверхтяжелых 615-миллиметровых мортир, а также знаменитую 800-миллиметровую пушку "Дора" на железнодорожной установке. Эта исполинская пушка предназначалась

для разрушения линии Мажино во Франции еще в первую мировую войну. Ствол "Доры" был длиной около 30 метров, а лафет достигал высоты трехэтажного дома.

Численность войск Севастопольского оборонительного района составляла около 106 тысяч человек, из них в боевых частях насчитывалось 82 тысячи. На вооружении этих сил имелось 600 орудий разных калибров, около 2 тысяч минометов, 38 танков, 53 исправных самолета.

Соотношение сил было явно в пользу противника. "Если бы немцы бросили против нас воздушный десант прямо в город, положение было бы катастрофическим",— говорил вице-адмирал Октябрьский на упомянутой выше конференции. Не следует забывать, что враг располагал большими возможностями для снабжения и пополнения своих войск. Он имел безопасные сухопутные коммуникации, а мы могли использовать для подвоза и эвакуации только морские пути, находившиеся под ударами немецкой авиации.

Для морской блокады Севастополя немецкое командование создало специальную группу из торпедных катеров и самолетов, с мая они начали минирование внутреннего Севастопольского рейда. Все аэродромы находились под постоянным огнем артиллерии, их бомбила авиация противника. Защитникам Севастополя не хватало оружия, боеприпасов. Будучи в апреле — мае 1942 года на юге, я послал телеграмму в Ставку: "В базах Черноморского флота имеется до 5000 прекрасных бойцов, могущих быть использованными для обороны Севастополя, но не имеющих оружия. Убедительно прошу в срочном порядке выделить 5000 винтовок". Но с оружием было туго. В дни штурма не удавалось перекрывать суточного расхода снарядов, мин и патронов. Иначе говоря, запасы гарнизона города-крепости таяли.

Севастополь, вокруг которого все туже смыкалось кольцо осады, не мог

больше рассчитывать на регулярную поддержку крупных кораблей. Военный совет флота настойчиво просил о помощи, но ни главнокомандование направления, ни Ставка не могли в той обстановке оказать ее в тех размерах, в каких это требовалось. Флот был готов даже на тех немногих аэродромах, которыми мы располагали в районе Севастополя, принять еще сотню истребителей, готов был перевезти танки даже на линкоре, если они будут поданы в Поти или Туапсе. Однако после потери Керчи все силы и средства крайне нужны были в другом месте: враг готовился наступать на Волгу и Кавказ.

Пробиваться в осажденный город морем или по воздуху с каждым днем становилось все труднее. За первую половину июня флот потерял транспорты "Грузия", "Абхазия", "Белосток". Погиб танкер "Громов". К концу месяца только подводные лодки могли снабжать Севастополь, но много ли груза способны были они доставить?

Противник своей авиацией блокировал подступы к городу даже с моря. В остальных районах Черного моря превосходство было на нашей стороне. Это позволяло нам не только предупредить возможную высадку десанта в тыл нашим войскам где-нибудь на Кавказском побережье, но и сорвать "молниеносное" наступление на Кавказ через Керченский пролив. В итоге немцы потеряли три месяца, но так и не "перешагнули", как намеревались, через Кавказский хребет. И все это в условиях, когда наш флот мог пользоваться только неудобными базами Кавказского побережья: в Поти была очень мала гавань, а Батумский рейд не был защищен от волн.

Опасность, надвинувшаяся на флот с суши, определила характер его операций и на берегу, и в море, и в воздухе. Взаимодействие же с армией, ставшее неременным условием еще со времен обороны Одессы, превратилось в Севастополе в главное условие прочности обороны. Об

этом следует знать и помнить.

Командующий Приморской армией генерал И. Е. Петров почти всю войну прошел вместе с флотом. К июню 1942 года Иван Ефимович Петров и его начальник штаба Николай Иванович Крылов уже имели за плечами богатый опыт борьбы с врагом: героическую оборону Одессы, критические дни Крыма и Севастополя в ноябре и декабре 1941 года. Моряки убедились, что без сухопутных сил невозможно оборонять базу с суши, а воины Приморской армии поняли, что при поддержке кораблей и береговых батарей они смогут еще долго защищать Севастополь.

За обороной Севастополя внимательно следили в Москве. После того как мы оставили Керченский полуостров, положение города-крепости чрезвычайно осложнилось. Я распорядился, чтобы о всех телеграммах из Севастополя мне докладывали немедленно. Многие из них были адресованы Ставке, но и те, что шли к нам — в Наркомат ВМФ,— немедленно направлялись в Генеральный штаб для доклада Верховному Главнокомандующему.

Начальник Главного политуправления ВМФ И. В. Рогов знакомил меня с политдонесениями из Севастополя. Политорганы и партийные организации флота и Приморской армии, городской комитет партии вели огромную мобилизующую и воспитательную работу. Личный пример коммунистов, их умение вдохновлять и вести за собой людей — вот главная сила, обеспечивавшая стойкость и героизм защитников Севастополя.

Севастополь и все, что с ним связано, до сих пор живет во мне. Восемь лет проплавал я на Черном море.

И хотя город лучше всего зрительно запомнился мне таким, каким я видел его с мостика крейсера, возвращаясь из похода, тем не менее за восемь лет я изучил и запомнил каждый его уголок. И будоражащий душу

каждого русского человека памятник затопленным кораблям при входе в Северную бухту, и старинные пушки на Историческом бульваре, сохранившиеся еще со времен Крымской войны, и развалины знаменитого Четвертого бастиона, куда я, тогда еще молодой офицер, приходил с особым чувством, потому что они воскрешали в памяти и образы реально существовавших героев, которые пролили здесь свою кровь за Отечество, и образы не менее дорогие и близкие — героев, описанных пером Толстого.

Читая оперативные сводки из Севастополя с названиями знакомых мне населенных пунктов или высот, я отчетливо представлял себе картину боев, залпы наших крупных береговых батарей. Сколько раз доводилось прежде буксировать большой корабельный щит, когда эти батареи, порознь или вместе с кораблями, проводили учебную стрельбу! Я мысленно видел и гибель хорошо знакомого мне крейсера "Червона Украина", затонувшего у бывшей пристани Морфлота, и гибель транспорта "Абхазия" — у стенки Сухарной балки. Но, конечно, вдали от Севастополя я не мог нарисовать себе полной картины его героической эпопеи во всех ее деталях. И уж совершенно не мог представить себе, что от любимого города останутся только руины.

Теперь город стал еще красивее прежнего. Вечный огонь, зажженный на Малаховом кургане, памятники на местах боев всегда будут напоминать о славных героических днях.

Как гранитный утес стоял Севастополь на пути врага. Гитлеровские генералы сосредоточивали свои дивизии и армии для наступления на Кавказ, рассчитывая захватить с тыла Новороссийск и Туапсе. Но Севастополь по-прежнему приковывал к себе внимание немецкого верховного командования.

В июне 1942 года борьба за город-крепость с каждым днем становилась

ожесточеннее. Я ежедневно ждал вопроса Верховного Главнокомандующего: "Как в Севастополе?" Желая получать информацию из первых рук, он нередко приказывал мне докладывать ему по телефону. В ту пору Б. М. Шапошников уже сильно болел, и обязанности начальника штаба переходили в руки А. М. Василевского.

После наших неудач у Керчи мои доклады о героической борьбе защитников Севастополя вызывали у И. В. Сталина, как я видел, явно теплое чувство. Кажется, Черчилль где-то сказал, что, находясь у власти, человек не имеет представления, "каким чертовски тяжелым может быть положение обыкновенных рядовых людей". Но тяжелое положение севастопольцев в июне 1942 года мы все хорошо представляли.

12 июня Верховный Главнокомандующий послал им телеграмму:

"Вице-адмиралу Октябрьскому, генерал-майору Петрову.

Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя — красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским прихвостням.

Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для Красной Армии и советского народа.

Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной. Сталин"{34}.

К этому времени не только у нас в стране следили за ходом боев под Севастополем. Многие понимали, что каждый день его героического сопротивления вносит весомый вклад в общую борьбу с фашизмом.

"Правда" 15 июня 1942 года писала: "Весь советский народ, народы свободолюбивых стран сегодня с затаенным дыханием следят за ожесточенным сражением, которое ведет севастопольский гарнизон, отражая бешеные атаки врага". В середине июня атаки немецких войск

были действительно бешеными. На карте Севастополь выглядел точкой, но сколько было сосредоточено в этой "точке" пламенной ненависти к врагу, какое упорство проявляли наши герои!

Не задаваясь целью подробно описать борьбу за Севастополь в июне 1942 года, я все же попытаюсь по впечатлениям, документам и воспоминаниям непосредственных участников проследить ход этой борьбы и дать представление о том поистине массовом героизме, который отличал оборону Севастополя особенно на последнем этапе.

Наступление на Севастополь началось мощной артиллерийской и авиационной подготовкой, длившейся пять дней. За эти дни вражеская артиллерия выпустила свыше 13 тысяч снарядов, а авиация сбросила около 48 тысяч бомб.

7 июня немецкая пехота под прикрытием артиллерийского огня и авиации и в сопровождении танков перешла в наступление. Но ни 7, ни 8 июня враг не добился существенных результатов. В немецком донесении сообщалось: "Наступление наталкивается на планомерно оборудованную, сильно минированную и с большевистским упрямством защищаемую систему позиций. Непрерывный губительный огонь артиллерии противника ведется по всем немецким позициям. Уже первые дни боев показывают, что под этим адским артиллерийским огнем наступление дальше вести невозможно".

Да, "под адским артиллерийским огнем" наших батарей фашисты действительно не могли наступать так, как им хотелось.

Они рассчитывали продвинуться в первый же день штурма, но якобы подавленные ими огневые точки оживали будто по волшебству. Не помогли и психические атаки шедших во весь рост гитлеровцев. Их отбили по всему фронту. Более трех тысяч вражеских трупов, десятки танков остались на поле боя.

Необходимо подчеркнуть роль береговой обороны во главе с генералом П. А. Моргуновым. Он и его подчиненные еще до войны произвели рекогносцировочные работы для строительства укреплений вокруг города. Правда, к осуществлению этих планов удалось приступить лишь тогда, когда враг уже приближался к городу. Личный состав береговой обороны и инженерного отдела флота в кратчайшие сроки построил доты и дзоты, которые встали на пути гитлеровцев. Спешно созданные оборонительные рубежи заняли моряки и воины Приморской армии, совершенствуя их уже в ходе напряженной борьбы за город.

Батареи береговой обороны стали опорными узлами, а нередко и командными пунктами сухопутных частей. Упорно удерживаемые, такие опорные узлы позволяли выигрывать время для передислокации частей во время яростных вражеских атак. 305-миллиметровая батарея на Херсонесском мысу сдерживала атаки [219] неприятеля до самых последних минут организованного сопротивления в Севастополе.

Фашисты стремились взломать нашу оборону, но советские воины дрались героически. И если врагу где-нибудь удавалось захватить клочок земли, наши бойцы яростными контратаками отбивали его обратно. Полустанок Мекензиевы Горы несколько раз переходил из рук в руки. Под градом бомб и снарядов советские солдаты и матросы восстанавливали разрушенные укрепления, строили новые. Боеприпасы и оружие укрывали в скалах. Героически сражались 172, 25, 95 и 345-я стрелковые дивизии, 7-я и 79-я бригады морской пехоты.

Враг нес огромные потери. Немалыми были они и у защитников Севастополя. 9 июня получила серьезное повреждение береговая батарея № 30, известная меткостью своего огня. 10 июня были потоплены эсминец "Свободный" и санитарный транспорт "Абхазия".

Потери флота росли, но, несмотря ни на что, корабли продолжали

сражаться за Севастополь. Гремели залпы орудий крейсера "Молотов", эсминца "Бдительный".

Самые ожесточенные бои шли на Северной стороне, где враг наступал особенно яростно, чтобы через Северную бухту усилить огонь по городу. 17 июня мы потеряли в боях очень много людей и техники. На следующий день гитлеровцам удалось блокировать 30-ю батарею, которая затем вела бой в окружении. Личный состав батареи решил погибнуть, но не сдаваться.

Эту 12-дюймовую батарею хорошо знали все черноморцы. Помнил ее и я. В 1935 году мне довелось быть свидетелем ее отличной стрельбы. Командуя крейсером "Червона Украина", я получил приказ буксировать щит, когда на инспекторскую стрельбу к нам прибыл тогдашний начальник Политического управления Красной Армии Я. Б. Гамарник. Все мы радовались точным попаданиям в щит с первых же залпов, и никто не думал, что эти могучие орудия в броневых башнях через несколько лет будут вынуждены отражать врага не с моря, а с суши. Но случилось именно так.

Бои становились все тяжелее.

"95-я стрелковая дивизия почти вся выбита, в полках осталось где сто человек, а где и меньше того. Северные укрепления защищает сводная рота саперного батальона береговой обороны главной базы... Оставшаяся у защитников Северной стороны подвижная артиллерия 95-й стрелковой дивизии и зенитные батареи [220] ПВО подтянуты к Инженерной пристани и Михайловскому рavelину, но... нет ни одного снаряда и негде взять",— говорилось в оперативной сводке за 20 июня.

Когда бои за Северную сторону достигли наибольшего накала, туда для подкрепления были посланы моряки с кораблей охраны рейда — стало ясно, что, если противник захватит Северную сторону и выйдет на берег

бухты, охранять рейд уже не будет смысла и возможности.

Развернулись бои за знаменитый Константиновский рavelин. Корабли, входившие в порт и выходившие из него, всегда следовали мимо этого старого форта. С него в 1854 году город был оповещен о приближении неприятеля. Теперь под командованием капитана 3 ранга М. Е. Евсеева моряки вместе с пехотинцами майора И. П. Дацко отстаивали последний бастион на пути к Северной бухте.

Положение Севастополя становилось критическим.

Подобно тому, как в дни битвы под Москвой невольно вспоминались события Отечественной войны 1812 года, борьба за Севастополь воскрешала его эпопею в годы Крымской войны.

— Севастопольцы повторили былую героическую оборону,— сказал мне как-то нарком судостроительной промышленности Вячеслав Александрович Малышев, с которым мы были тесно связаны во время войны.

— И да и нет,— ответил я.— Тогда война шла в одном измерении — на земле, теперь же враг наносит удары и с воздуха, и с моря.

Да, испытания, выпавшие на долю Севастополя в 1941—1942 годах, несравнимы с теми, что были в прошлом столетии. Шипящие, готовые вот-вот разорваться ядра, изображенные на старых картинах, не могут идти ни в какое сравнение с авиабомбами, снарядами, минами, которые сотнями тонн фашисты обрушивали на город изо дня в день. Никакие укрытия не спасали от мощных взрывов. Даже броня башенных орудий береговых батарей не всегда выдерживала попадания крупнокалиберных снарядов. Не было во время Крымской войны и полной круговой осады. Когда все возможности обороны были исчерпаны и было решено отступать, русские войска по наведенному через бухту мосту ушли на Северную сторону.

Сейчас здесь борьба шла не на жизнь, а на смерть. Немцы атаковали со всех сторон, за спиной наших [221] бойцов было море да сотни миль расстояния до кавказских берегов.

Стремясь лишить Севастополь всякой поддержки извне, уничтожить все пути к нему по воде и по воздуху, немцы бросили в дело новые соединения авиации.

Когда положение стало совсем критическим, лидер "Ташкент" под командованием капитана 3 ранга В. Н. Ерошенко и комиссара Г. А. Коновалова доставил пополнение: в Севастополь была переброшена 142-я стрелковая бригада (1264 человека) и немного боеприпасов. Это был последний рейс в Севастополь крупного надводного корабля. Лидер всего несколько часов находился в гавани, где обстреливался почти каждый метр водного пространства. За это время "Ташкент" успел разгрузиться и принять на борт 2300 женщин, детей и раненых.

Если бы на "Ташкент" было принято такое количество здоровых людей, то и тогда невозможно было бы не удивляться, как они там разместились. Но, кроме людей, лидер взял еще знаменитую панораму "Оборона Севастополя", спасенную матросами из огня.

На рассвете 27 июня Ерошенко повел корабль в Новороссийск. Враг послал вдогонку авиацию. "Юнкерсы" и "мессершмитты" сбросили на "Ташкент" не менее трехсот бомб. Несмотря на умелое маневрирование корабля, несмотря на его сильный и меткий зенитный огонь, гитлеровцам удалось положить рядом с ним много бомб. "Ташкент" получил повреждения, принял много воды и, по рассказам очевидцев, только чудом оставался на плаву. Экипаж и пассажиры держались исключительно мужественно.

Командующий эскадрой Л. А. Владимирский на торпедном катере вышел в море, чтобы лично встретить лидер и, если потребуется, оказать ему

помощь. Вечером 27 июня "Ташкент" благополучно прибыл в Новороссийск. Но это был последний рейс корабля. Вскоре он был потоплен немецкой авиацией в гавани Новороссийска. Последнее свое плавание совершил на нем и писатель Евгений Петров.

С Евгением Петровичем я познакомился в 1933 году во время заграничного плавания в Турцию, Грецию, Италию. Ближе я узнал его во Владивостоке в 1938 году — там мы вместе были на учениях в море. После этого изредка встречались в Москве или разговаривали по телефону. По словам людей, видевших Е. П. Петрова в последние недели его жизни, его мечтой было побывать [222] в Севастополе. И он побывал там. Был очевидцем последних дней героической обороны и перед отъездом позвонил мне. Обещал рассказать, а главное — написать обо всем, что увидит. Нелепая смерть настигла его, когда он возвращался на самолете в Москву.

Вспоминаются слова Е. П. Петрова о поведении командира корабля Василия Николаевича Ерошенко и всего экипажа:

"Не могу без волнения вспоминать об этом. Я почти все время находился на мостике и своими глазами видел, как действовали моряки во время налета вражеской авиации и атак торпедных катеров... Ерошенко, например, во время налета авиации переходил с правого крыла мостика на левый. Щурясь, смотрел на пикирующий самолет, определял расстояние до него и хриплым голосом командовал: "Лево руля", "Право руля". Иногда даже ободряюще подмигивал мне как пассажиру..."

Да, Василий Николаевич Ерошенко проявил себя настоящим героем. Под стать ему оказался и личный состав. Недаром С. М. Буденный, благодаря личный состав, сказал в Новороссийске: "Я знал в гражданскую войну немало героев и героических дел, и мне приятно было сегодня узнать, что вы — моряки-черноморцы, экипаж "Ташкента" — проявили массовый

героизм".

Говоря о подвиге "Ташкента", не могу не вспомнить добрым словом эсминцы "Бдительный" и "Безупречный" под командой А. Н. Горшенина и П. М. Буряка. Экипажи обоих кораблей героически проявили себя еще в дни обороны Одессы. Самой высокой похвалы заслуживали прорывы эсминцев в осажденный Севастополь.

Особенно трудные задачи выпали на долю "Безупречного". Петр Максимович Буряк был человеком редкой храбрости. Он верил в свое военное счастье, и ему действительно везло до поры до времени. Пять раз пробивался "Безупречный" сквозь огненную блокаду к защитникам Севастополя и оставался при этом невредимым. В конце июня 1942 года "Безупречный" снова ушел в Севастополь. Из этого похода он уже не вернулся. Эсминец погиб, когда до цели оставалось всего несколько десятков миль. Шедший рядом "Ташкент" пытался помочь людям, оказавшимся в воде, но потерпевшие знали, что лидер везет пополнение городу-крепости, и наотрез отказались от помощи.

В тот день вместе с Петром Максимовичем Буряком погиб его шестнадцатилетний сын Володя, плававший [223] юнгой на эсминце...

Неисповедимы бывают не только судьбы людей, но и судьбы кораблей. Подводная лодка "М-32" под командованием капитан-лейтенанта Н. А. Колтыпина утром 23 июня, доставив в Севастополь мины для минометов, патроны и бензин, вынуждена была уйти под воду, чтоб не погибнуть под огнем врага. Командир решил не всплывать, пока бухту не скроет от глаз противника ночь. Но еще при переходе в Севастополь насыщенная парами бензина лодка стала огнеопасной, и днем в центральном посту произошел взрыв. Несколько подводников получили ожоги и ранения. Нечем стало дышать. Но всплыть до наступления темноты, повторяю, было невозможно. Постепенно люди стали терять сознание. Через

несколько часов в сознании находились только капитан-лейтенант Колтыпин и старшина Пустовойтенко. Около 17 часов впал в полубморок-полусон и капитан-лейтенант, правда, перед этим он успел приказать старшине, чтобы тот разбудил его в 21 час. С трудом продержавшись до этого срока, Пустовойтенко попробовал поднять командира, но тот оставался недвижим. Итак, на всей лодке, кроме старшины, не было никого, кто мог бы что-то делать... Стоило Пустовойтенко на минуту ослабить волю, задремать, и никаких шансов на спасение всех, кто был в лодке, не осталось бы.

Понимая это, старшина стал продувать цистерны. Лодка всплыла. Первым долгом он хотел вынести на воздух и привести в чувство командира. Но, едва открыв люк, Пустовойтенко сам потерял сознание. Никем не управляемую лодку понесло к каменистому берегу. Казалось, все кончено... Однако Пустовойтенко все же пришел в себя. Вынес наверх командира. Сознание вернулось к капитан-лейтенанту. Свежий воздух вернул к жизни и других членов экипажа. И хотя лодка была уже на камнях, людям ценой невероятных усилий удалось снять ее. Подводная лодка "М-32" 25 июня пришла в Новороссийск.

В последние дни июня обстановка в Севастополе резко ухудшилась. В это время командующий оборонительным районом Ф. С. Октябрьский вместе с членом Военного совета Н. М. Кулаковым телеграфировал: "Москва — Кузнецову; Краснодар — Буденному, Исакову. Исходя из данной конкретной обстановки, прошу разрешить мне в ночь на 1 июля вывезти самолетами [224] 200-250 ответственных работников, командиров на Кавказ, а также и самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя генерал-майора Петрова И. Е. Противник прорвался с Северной стороны на Корабельную. Боевые действия приняли характер уличных боев. Оставшиеся войска сильно устали, хотя большинство

продолжает героически драться. Противник резко увеличил нажим авиацией, танками. Учитывая сильное снижение огневой мощи, надо считать, что в таком положении мы продержимся максимум 2—3 дня".

Об этой телеграмме мне доложили около 11 часов 30 июня. Хотя Севастопольский оборонительный район оперативно подчинялся маршалу Буденному, я понимал, что моя обязанность прежде всего — своевременно дать ответ. Армейское командование в Краснодаре еще болезненно переживало недавнюю неудачу на Керченском полуострове. По опыту эвакуации Таллинна я полагал, что главком едва ли примет решение сам, не запросив Ставку. Времени же для запросов и согласования уже не оставалось. По обстановке было ясно:

Севастополь придется оставить. Поэтому, еще не заручившись согласием Ставки, я приказал ответить вице-адмиралу Октябрьскому: "Нарком ваше предложение целиком поддерживает"{36}. Переговорив со Сталиным, в 16 часов 40 минут я послал Военному совету Черноморского флота телеграмму о том, что эвакуация Военсовета разрешена{37}.

В ночь на 1 июля Военный совет Черноморского флота вылетел с единственного оставшегося в наших руках аэродрома около Херсонесского маяка в Новороссийск.

Соглашаясь с эвакуацией Военного совета флота из Севастополя, я рассчитывал на то, что в городе останется генерал-майор И. Е. Петров, заместитель командующего флотом, который будет руководить обороной до последнего момента. Но 1 июля в телеграмме в адрес Сталина, мой и Буденного уже из Новороссийска Военный совет флота донес: "Старшим начальником в Севастополе оставлен комдив-109 генерал-майор П. Г. Новиков, а его помощником по морской части — капитан 3 ранга А. Д. Ильичев". Это было для меня полной неожиданностью и поставило в трудное положение перед Ставкой.

— Вы говорили, что там останется генерал-майор Петров? — нахмурился Сталин.

Мне ничего не оставалось, как сослаться на первую телеграмму командующего [225] Черноморским флотом.

В своей ответной телеграмме я давал разрешение на выезд только Военного совета и группы руководящего состава, если в Севастополе останется генерал Петров. В этом случае я рассчитывал, что борьба еще какое-то время будет продолжаться. Так обстановку, видимо, понимал и Верховный Главнокомандующий. Сейчас же все изменилось. Теперь нельзя было надеяться на организованное сопротивление в течение хотя бы недели и эвакуацию оставшихся войск. Этим и было вызвано недовольство Сталина.

Однако Севастополь продолжал сражаться. Прижатые к морю, его защитники держались еще более десяти дней, оказывая мужественное сопротивление врагу. Вот что рассказывал потом начальник артиллерии 95й стрелковой дивизии полковник Д. И. Пискунов, который оставался в Севастополе до 12 июля:

— Четыре бойца и политрук были прижаты противником к морю на мысе Фиолент. Они приняли бой. Очевидно, противник стремился захватить их в плен живыми и атаковал целым взводом. Гитлеровцев подпустили на близкое расстояние и в мгновение ока срезали из автоматов. Тогда враг предпринял атаку тремя танками с двадцатью пятью автоматчиками. Два танка были подбиты, много немцев убито и ранено. Но патроны и гранаты кончились... И тогда со словами: "Да здравствует Родина!" — герои бросились с обрыва в море...

Подобных подвигов в те дни в Севастополе было немало.

В годы войны не всегда удавалось сразу установить полную картину борьбы за наши города. Борьба зачастую продолжалась еще несколько

дней после официального сообщения о том, что город оставлен. Так было в Либаве, так было и в Севастополе. Лишь со временем стали известны героические дела отдельных подразделений и групп. В городе, и особенно на Херсонесском мысу, оставалось довольно много красноармейцев, краснофлотцев и командиров. Возглавил их командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор П. Г. Новиков{38}.

Были ли приняты все меры для эвакуации? Этот вопрос мне приходилось слышать не раз. Вопрос о возможном оставлении Севастополя должен был стоять перед командованием флота, главнокомандованием СевероКавказского направления, которому Черноморский [226] флот был оперативно подчинен, и Наркоматом ВМФ. Все эти инстанции обязаны были заботиться не только о борьбе до последней возможности, но и о вынужденном спешном отходе, если этого потребует обстановка. Эвакуация оставшихся войск после третьего штурма Севастополя еще ждет объективного, исторического анализа; сделать подробный анализ в рамках воспоминаний трудно.

Однако я должен ответить на некоторые вопросы, относящиеся ко мне лично. Да, об эвакуации войск, конечно, следовало подумать нам, в Наркомате ВМФ, подумать, не ожидая телеграммы из Севастополя. Никакая другая инстанция не должна была заботиться о защитниках Севастополя так, как Главный морской штаб под руководством наркома. Ни оперативное подчинение флота Северо-Кавказскому направлению, ни руководство Севастопольским оборонительным районом (через главкома направления или непосредственно со стороны Ставки) — ничто не освобождало от ответственности нас, флотских руководителей в Москве. И меньше всего следует упрекать в непредусмотрительности местное командование, которому была дана директива драться до последней возможности. Военные советы Черноморского флота и Приморской армии

со своими штабами в обстановке напряженных боев не могли заранее заниматься разработкой плана эвакуации. Все их внимание было сосредоточено на отражении атак врага.

Больше внимания назревавшей эвакуации из Севастополя должен был уделить штаб главнокомандования направления, находившийся в Краснодаре. Трудно судить, почему он этого не сделал. Но так или иначе этот вопрос ни в одной инстанции детально не обсуждался.

Когда 30 июня Ф. С. Октябрьский доложил о необходимости оставить Севастополь, нам в Москве представлялось, что борьба может продлиться еще неделю-две. Но этот расчет был неверен, мы переоценили силы и возможности обороняющихся. Прорыв противника с Северной стороны на Корабельную оказался для нас неожиданным. Как-то, уже позже, я разговаривал об этом с адмиралом И. С. Исаковым, который был в те дни заместителем главкома и членом Военного совета направления. Он откровенно сказал, что "если бы эвакуация была до деталей продумана и проведена раньше, возможно, удалось бы вывезти больше людей". Но [227] это только предположение. Если бы мы, скажем, в середине июня 1942 года поставили перед Ставкой вопрос об эвакуации Севастополя и получили разрешение, что маловероятно, то в этом случае было бы вывезено больше людей и даже кое-какая техника.

Но в таком грандиозном сражении, какое происходило за Севастополь, никто не мог предусмотреть, когда возникнет критическое положение. Приказ Ставки, весь ход войны, обстановка тех дней на фронтах требовали драться в Севастополе до последней возможности, а не думать об эвакуации. Иначе Севастополь не сыграл бы своей большой роли в борьбе за Кавказ и косвенно за Сталинград, армия Манштейна не понесла бы таких потерь и была бы переброшена раньше на новое важное направление. Как я уже говорил, всего за несколько дней до

конца боев в Севастополь на лидере "Ташкент" прибыло пополнение. Признать это ошибочным никак нельзя.

Когда немцы продвинулись к последним рубежам севастопольцев на Херсонесс и все водное пространство вокруг стало простреливаться, посылать туда транспорты или крупные боевые корабли стало невозможно. Малые же сделали все, что было в их силах, люди уже вплавь добирались до них под огнем пушек и автоматов. После 1 июля в район смогли прорваться лишь две подводные лодки, два тральщика и несколько сторожевых катеров. Часть защитников Севастополя, эвакуировать которых не удалось, все же пробились в горы и присоединились к партизанам. Некоторые из них позднее участвовали в освобождении Севастополя вместе с нашими наступающими частями.

Итак, Севастополь был оставлен. Однако значение его обороны трудно переоценить. Это была не просто упорная оборона одного города, а целая эпопея, оказавшая огромное влияние на весь ход войны и сыгравшая исключительную роль в отражении наступления южной группы немецких армий.

Борьба защитников Севастополя оказывала огромную помощь нашему фронту за сотни километров от этого города. Не случайно о нем так много говорили и наши доброжелатели и наши враги. Севастополь был нужен фашистам еще в октябре — ноябре 1941 года, а они сумели захватить его ценою огромных потерь только в июле 1942 года.

История войн знает немало случаев упорной обороны приморских городов и военно-морских баз, но найти [228] что-либо равное обороне Севастополя трудно. Где и когда так стойко, самоотверженно и в таком неразрывном единстве армия, флот и население столь долгое время защищали город, взятый врагом в кольцо? Где и когда осажденные были так неколебимы в решимости держаться до последней возможности?

Подвиг Севастополя можно, пожалуй, сравнить с подвигом Ленинграда.
(...)

На северных морских дорогах

В 1942 году война в Заполярье стала позиционной. Однако оборону главной базы флота и Кольского залива Ставка Верховного Главнокомандования возложила на Северный флот.

В конце июля был создан Северный оборонительный район. Командующего районом генерал-лейтенанта береговой службы С. И. Кабанова сразу подчинили командующему флотом. Сделали это по предложению Наркомата ВМФ, которое не встретило возражений ни со стороны Генерального штаба, ни со стороны Верховного Главнокомандующего. Спорный прежде вопрос — кому подчинять командование обороной военно-морских баз с суши и приморских участков — прояснился сам собой в ходе войны. Ставка учла опыт Одессы, Севастополя, Ханко. Последующие события подтвердили правильность организации Северного оборонительного района и назначения Сергея Ивановича Кабанова. Он прекрасно справился с задачей. Создание Северного оборонительного района благоприятно сказалось на организации взаимодействия флота с войсками 14-й армии. В условиях бездорожья Северной Норвегии боеспособность немецких войск в Заполярье полностью зависела от морских перевозок. Для фашистской Германии морские пути на Севере были важны еще и потому, что по ним вывозилось ценное стратегическое сырье: никелевая руда из Петсамо, молибден, целлюлоза и железная руда из Киркенеса. Северный флот не только защищал свои морские коммуникации, но и стремился помешать врагу пользоваться путями вдоль берегов Норвегии. Уже с конца июля 1941 года противнику пришлось ввести конвоирование своих

судов. Возле баз, портов и на подходах к фиордам гитлеровцы выставляли [229] корабельные дозоры, усиливали противолодочную оборону.

Подводные лодки, сведенные в бригаду, которой командовал капитан 1 ранга Н. И. Виноградов, были в годы войны главной ударной силой Северного флота. Четыре дивизиона бригады возглавляли прославленные подводники капитаны 2 ранга М. И. Гаджиев и И. А. Колышкин, капитаны 3 ранга Н. И. Морозов и М. Ф. Хомяков. В строю постоянно находилось около 20 подводных лодок: переведенные с Балтики и получаемые от судостроителей лодки с трудом возмещали потери. К концу 1942 года число подводных лодок на Севере у нас и у противника было примерно равным.

Командование флота стремилось охватить действиями подводных лодок возможно большую часть пути вражеских конвоев вдоль северного побережья Норвегии. Это вынуждало противника распылять противолодочные силы. А наши подводные лодки начали сами искать противника в глубине фиордов и в бухтах. Так, уже на второй день войны подводная лодка "Щ-401" под командованием старшего лейтенанта А. Е. Моисеева (на ее борту был и командир дивизиона И. А. Колышкин) вошла на рейд Варде и торпедировала транспорт, стоявший у пирса. Другая лодка — "Щ-402", которой командовал старший лейтенант Н. Г. Столбов, 14 июля 1941 года проникла на рейд Хоннингсвог и атаковала стоявший на якоре транспорт. Таким образом, североморцы в самом начале войны перешли от позиционного метода использования подводных лодок к позиционно-маневренному крейсерству в ограниченных районах. Подводные лодки Северного флота в 1941—1942 годах потопили 77 транспортных судов и 27 военных кораблей, т. е. свыше 60 процентов тоннажа, потерянного противником на Северном

морском театре за это время.

Западный историк Ю. Майстер, пытаясь преуменьшить эти потери, утверждает, что потоплено было только 29 немецких судов и повреждено

3. Достаточно воспользоваться фактическими данными о действиях подводников Старикова и Лунина, каждый из которых потопил соответственно 14 и 13 транспортов, чтобы опровергнуть тенденциозно подобранные данные Ю. Майстера.

В апреле 1942 года подводным лодкам "Д-3", "К-22", "М-171", "М-174" первым в Военно-Морском Флоте СССР было присвоено звание гвардейских. Североморцы И. А. Колышкин, Н. А. Лунин, В. Г. Стариков, [230] И. И. Фисанович первыми из советских подводников получили высокое звание Героя Советского Союза.

Чуть забегаю вперед, хочу сказать несколько слов о судьбе И. И. Фисановича. В 1944 году на Северный флот — в счет трофейного итальянского флота — союзники передали линкор, крейсер, 8 миноносцев и 4 подлодки. Наши команды были направлены в Англию. Им предстояло принять трофейные корабли, быстро освоить их технику и привести в Мурманск. И. И. Фисановича назначили командовать одной из подводных лодок. На пути в Мурманск, неподалеку от мыса Нордкап, эта лодка погибла. Все наши попытки выяснить причину разыгравшейся трагедии оказались безуспешными...

Немецкое командование, первоначально недооценивавшее силы Северного флота, с декабря 1941 года было вынуждено срочно начать постановку минных заграждений, чтобы защитить со стороны моря свои коммуникации и преградить путь нашим подводным лодкам в глубоководные фиорды. По трассе движения конвоев противник оборудовал на берегу сигнально-наблюдательные посты и установил батареи. В состав охранения конвоев немецкое командование включило

миноносцы и авиацию.

В 1941 году Северный флот не потерял ни одной лодки на вражеских коммуникациях, но в 1942 году, когда немцы усилили противолодочную защиту, погибло несколько наших подводных лодок.

Подводники Северного флота, атакуя транспорты и боевые корабли гитлеровцев, применяли не только торпедное и артиллерийское оружие, но и мины. Первую минную постановку на Севере произвела подводная лодка "К-2" под командованием капитана 3 ранга В. П. Уткина в сентябре 1941 года. На минах, поставленных нашими лодками, фашисты потеряли 9 транспортов, эскадренный миноносец и несколько других кораблей{39}.

Наряду с подводными лодками и авиацией на морских путях противника действовали наши надводные корабли, в основном эсминцы и торпедные катера.

По вражеским кораблям и судам, шедшим в Линахамари и Петсамо, по батареям, оборонявшим эти порты, успешно вела огонь с полуострова Средний наша береговая артиллерия.

Действия североморцев срывали планомерное снабжение немецко-фашистских войск в Заполярье, отвлекали значительные силы, которые фашисты уже не могли [231] использовать на других направлениях. Успешные боевые действия североморцев были одной из главных причин провала вражеского наступления в Заполярье. "Правофланговый" огромного фронта сражался стойко.

Вспоминая борьбу с врагом на Крайнем Севере, где моряки вместе с частями 14-й армии дрались за устойчивость фланга наших войск, невольно хочется провести аналогию с действиями Черноморского флота. Несравнимая по масштабам борьба на Севере и на юге все же имеет много общего. Там и тут гитлеровцы стремились продвинуться своими

флангами в глубь нашей территории. Там и тут фашисты были остановлены, планы их сорваны, и в сражениях на флангах были задействованы их крупные силы.

Северные воды, по которым шли конвои, играли в тот период огромную роль. На Черном море мы имели крупный флот, а немецкое командование было лишено возможности послать туда крупные корабли. Противнику не оставалось ничего иного, как атаковать наши военно-морские базы с суши. В Баренцевом море обстановка сложилась иначе. Мы имели относительно слабый по составу Северный флот. Немцы же легко могли перебросить туда свои соединения флота в дни решительной борьбы за Мурманск. Однако этого не случилось, и 14-й армии с помощью Северного флота удалось остановить противника.

Первые внешние конвои начали приходить после того, как на Московской конференции трех держав — СССР, Англии и США — 29 сентября — 1 октября 1941 года было подписано соглашение о взаимных поставках.

Сложной проблемой был тогда выбор путей для перевозки грузов. Самые короткие пути — по Балтийскому и Черному морям — были блокированы противником. Пришлось использовать менее удобные пути — северный, тихоокеанский и иранский.

Тихоокеанские коммуникации, по которым шло около половины грузов, предназначенных для СССР, проходили от портов западного побережья США до Владивостока, Николаевска-на-Амуре и Петропавловска-Камчатского. Переход судов занимал в среднем 18-20 суток. К этому следует добавить время, требовавшееся для перевозки грузов по железной дороге на американской и советской территории. Когда началась война [232] между Японией и США, морские перевозки могли осуществлять только советские транспорты. Несмотря на строгое соблюдение Советским Союзом нейтралитета, японцы всячески

препятствовали судоходству на Тихом океане, а порой даже топили наши суда.

Еще более долгим и трудным был путь через Персидский залив в Иран. Переход конвоя от Нью-Йорка до берегов Ирана вокруг мыса Доброй Надежды занимал до 75 дней. Ограниченные возможности иранских портов и сухопутных дорог удлиняли сроки доставки грузов. Только после капитуляции Италии и восстановления свободного судоходства по Средиземному морю в 1943 году этот путь значительно сократился.

Путь из Англии в США через Северную Атлантику и Баренцево море в Мурманск и Архангельск был наиболее коротким. 1800—2000 миль конвои проходили за 10—14 суток. К тому же порты на Севере были ближе других к фронту и промышленным районам, куда направлялись прибывшие грузы. Незамерзающий Мурманский порт круглый год мог принимать суда.

Этот путь проходил в зоне активных действий немецких морских и воздушных сил. С баз в Северной Норвегии они могли вести разведку и нападать на конвои. Большая протяженность маршрута, а в летнее время долгий полярный день помогали врагу.

Когда в октябре 1941 года я прилетел в Москву из Куйбышева, меня вызвали в Кремль, к И. В. Сталину.

Это посещение кабинета Сталина почему-то особенно хорошо сохранилось в памяти. Тревожные дни, которые переживала столица, наложили свой отпечаток и на обстановку в Кремле, но в облике самого И. В. Сталина ничто не изменилось. Одетый по-прежнему в серый френч с отложным воротником, он ходил вдоль длинного стола, временами ломая папиросы "Герцеговина флор" и набивая их табаком трубку.

— Вам нужно спешно отправиться на Северный флот,— начал Сталин и пояснил, что он не уверен, все ли там подготовлено для встречи конвоев

союзников.

На следующий день я выехал в Архангельск. Туда уже шли первые транспорты с грузами из США и Англии. С командующим флотом А. Г. Головко мы уточнили, какие выделить силы в помощь английским кораблям сопровождения, определили и порядок взаимодействия с англичанами.

Обеспечить охрану конвоев Северному флоту было [233] нелегко. Но в октябре 1941 года основные морские силы немцев находились еще на Западе. В темные осенние ночи конвои шли без особых помех и быстро разгружались в Архангельске или Мурманске.

В первых числах ноября на Северной Двине появился первый лед — предвестник суровой полярной зимы. В те дни мы обсуждали, как долго смогут транспорты проходить до Бакарицы, что немного выше Архангельска, или до Северодвинска, когда и в какое время до начала ледостава можно использовать аванпорт Экономия. Мне вспомнились далекие годы первой мировой войны. Тогда, в летние месяцы, иностранные суда теснились на Двине, ожидая разгрузки. Зимой они добирались только до устья реки. Там, на Экономии, грузы перегружали в вагоны и доставляли на станцию Бакарица. Для этого через реку по льду проложили временку и вагоны вручную перекатывали с одного берега на другой. Мы, подростки, с интересом смотрели, как весной по слабеющему посиневшему льду катились, покачиваясь, вагоны. Казалось, они в любую минуту готовы были свалиться в воду.

Когда вскоре после нападения фашистской Германии на СССР встал вопрос об открытии второго фронта, Сталин в послании Черчиллю 18 июля писал, что "положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере... Легче

создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии"^{40}. Речь шла, собственно говоря, о высадке в Северной Норвегии лишь небольших сил англичан (одной легкой дивизии) или, скорее, норвежских добровольцев "для повстанческих действий против немцев". Это можно было только условно, с большой натяжкой назвать вторым фронтом. Однако Черчилль отклонил даже такой вариант "второго фронта", сославшись на трудности и недостаток сил.

Как известно, после первых предложений об открытии второго фронта или хотя бы кратковременной реальной помощи на Севере, где это было, бесспорно, возможно, вопрос этот не сходил с повестки дня вплоть до июня 1944 года, когда войска союзников начали высадку в Нормандии.

Британское правительство всячески доказывало, что [234] произвести высадку десанта прямо во Франции невозможно и непосильно. 13 сентября 1941 года Сталин предложил, чтобы Англия высадила 25—30 дивизий в Архангельске или перевезла их через Иран в южные районы СССР. Однако Черчилль не захотел посылать в бой свои войска и предложил в качестве помощи заменить наши части в Иране или послать английские войска на Кавказ "для охраны нефтяных районов"! Суть этого неслыханного предложения сразу прояснила истинные причины, по которым Англия всячески тянула с открытием второго фронта не только в 1941— 1942 годах, но и в течение всего 1943 года.

Наиболее острая полемика разгорелась в 1942 году. Обмен мнениями на сей счет состоялся в августе 1942 года, в период пребывания У. Черчилля в Москве. Несмотря на положительное предрешение этого вопроса еще в июне 1942 года, когда В. М. Молотов летал в Лондон, в Москве английский премьер-министр заявил о невозможности такой операции в ближайшем будущем. Между тем необходимость открытия

второго фронта, пожалуй, никогда не чувствовалась так остро, как именно в то незабываемо трудное лето 1942 года.

Союзники уклонились от организации второго фронта в 1942 году, когда этого не только настоятельно требовала обстановка, но сам вопрос был уже фактически согласован. Этот факт остается неоспоримым.

Мне хочется коротко высказать свое мнение относительно того, была ли реальной высадка десанта во Франции в 1942 году.

Теперь уже известно, что решающую роль в затяжке с открытием второго фронта сыграли чисто политические соображения. Формула "не вмешиваться в борьбу немцев и русских, пока нет крайней необходимости" сработала безотказно. Мне, как военному моряку, хочется коснуться только военной стороны этого дела.

В 1942 году большая часть немецких войск была задействована на Восточном фронте. Гитлеровцы несли большие потери, и немецкое командование не имело возможности держать достаточное число дивизий во Франции. Этот факт, являвшийся основой для решения вопроса о втором фронте в 1942 году, был хорошо известен Черчиллю и Рузвельту.

Опасность высадки союзных войск во Франции признавали и фашистские генералы. Когда в марте 1942 [235] года англичане совершили рейд в Сен-Назер, Гитлер немедленно созвал совещание. Все немецкие генералы единодушно указали на необходимость усилить побережье войсками. Учитывая недостаток сухопутных войск, гитлеровское командование решило компенсировать его за счет авиации, флота и строительства мощных береговых укреплений.

Нечто подобное произошло и после высадки десанта в Дьепп в августе 1942 года. В то время немцы еще больше опасались возможности высадки, а англичане, высаживая в Дьепп канадскую дивизию, вовсе не думали о скором открытии второго фронта. Это была скорее

политическая и дипломатическая акция, чем военная операция с далеко идущими целями.

Эти факты подтверждают, что в 1942 году, когда наше правительство настаивало на открытии второго фронта, для этого имелись реальные возможности и с военной, и с морской точек зрения. Однако союзники предпочли приложить свои усилия в Африке, оставив Советский Союз один на один в борьбе с фашизмом.

Сейчас появилось достаточно документов и мемуаров, где с полной откровенностью рассказывается об истинных побуждениях руководителей Англии и США не спешить с открытием второго фронта, пока не определится решительный перелом в ту или иную сторону. Опасность и степень угрозы непосредственно для Британских островов, а значит, и для США, являлись для руководителей США и Англии главным критерием необходимости открытия второго фронта, связанного с риском и потерями. Их высказывания в то время теперь хорошо известны всему миру.

К тому же, когда на Западе думали о втором фронте, обязательно принимали в расчет и положение на Дальнем Востоке. Кое-кто в США все еще надеялся, что Япония выступит наконец против Советского Союза. Случись это, Америке удалось бы отвести удар от своих владений на Тихом океане в нашу сторону.

Открытие второго фронта было связано прежде всего с перевозкой войск морем, и успех или неудачи на этом самом первом этапе предопределяли развитие всей операции в дальнейшем.

В 1942 году мы не занимались подробными расчетами и анализом возможности проведения десантной операции. Нам в то время не были известны многие данные, но Главный морской штаб, разумеется, хорошо [236] знал состав флотов союзников и Германии, приблизительное

соотношение в самолетах и сухопутных частях и поэтому мог делать свои предположения на случай доклада в Ставке. Помнится, мы, моряки, считали слабым местом у союзников их сухопутные части, но признавали вполне возможной высадку десанта во Франции с точки зрения его перехода морем и наличия необходимых транспортных и десантных средств.

Среди различных причин, в силу которых правительство Англии не торопилось с открытием второго фронта, не последнюю роль играло мнение некоторых влиятельных английских военных, которые считали, что "Россия вскоре потерпит поражение". Недаром же главной задачей английской военной миссии во главе с Макфарланом, прибывшей в Москву через неделю после начала войны, было отнюдь не решение вопроса о срочной помощи союзнику. Влиятельные английские круги интересовало совсем другое: выяснить положение на советско-германском фронте, прозондировать, сколько продержатся русские.

Однако мы резонно считали, что Англия, располагавшая сильным флотом, сможет оказать давление на фашистскую Германию на Севере. Возможным районом для такого воздействия на немецкие войска мог стать Варангер-фиорд, через который шли морские пути в Киркенес и Петсамо. Именно этот район наш Главный морской штаб считал наиболее уязвимым.

Помнится, после обмена посланиями глав правительств СССР и Великобритании я попытался выяснить у контр-адмирала Майлса, что практически намерено делать в этом направлении британское адмиралтейство. Из его осторожных высказываний я понял, что серьезных действий со стороны английского флота ждать нельзя. Реальная помощь пока ограничивалась посылкой в Архангельск нескольких тральщиков. Вооруженные магнитными тралами, они должны

были помочь обеспечить движение конвоев. Кроме того, английская авиация 30 июля со своих авианосцев нанесла удар по Киркенесу и Петсамо, а в начале августа в Кольский залив прибыли две подводные лодки — "Тайгрис" и "Трайидент". Прямо скажем, довольно ограниченную помощь оказал флот "владычицы морей" своему боевому союзнику!

Успешнее проходили переговоры о конвоях с военными материалами. В конце декабря 1941 года ко мне [237] заехал посол Советского Союза в Англии И. М. Майский. Это была наша первая встреча.

Он прибыл на крейсере "Кент" вместе с министром иностранных дел Великобритании Антони Иденом. Не без риска быть потопленными подводными лодками противника добрались они морем до Мурманска, а оттуда поездом до Москвы. И. М. Майский и А. Идеи успели съездить на фронт в район Можайска. Было это сразу же после первых серьезных успехов контрнаступления советских войск под Москвой. Осматривая трофеи, английский министр мог лично убедиться, сколь призрачен миф о непобедимости немецкой армии.

Иван Михайлович интересно и красочно (а он умел это делать) рассказал мне о своем путешествии в каюте "Кента". Стук машин и грохот волн не давали ему покоя. Не давали покоя, очевидно, и мысли о немецких подводных лодках. История знает печальные случаи. Во время первой мировой войны военный министр Англии лорд Китченер тоже отправился в Россию на крейсере "Гемпшир" и погиб вместе со всем экипажем корабля. Оставалось только гадать о причинах гибели:

торпеда это или мина. Лишь позднее было установлено, что "Гемпшир" был потоплен торпедой с немецкой подлодки.

С прибытием Идена советская сторона вновь подняла вопрос об открытии второго фронта. Руководители нашего правительства доказывали британскому министру, что после вступления США в войну союзники

имеют реальную возможность открыть второй фронт. Однако Идеи, выполняя наказ Черчилля, твердил одно: Англия и США не готовы к такой акции, у них еще нет для этого сил.

На том же крейсере "Кент" вместе с Иденом из Мурманска в Англию отправилась наша профсоюзная делегация во главе с Н. М. Шверником. В составе делегации была и известная общественная деятельница К. И. Николаева.

Значительно позже Майский рассказал мне о неожиданных трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться на этом крейсере. Трудности эти были связаны с предрассудками, которые и поныне живучи среди английских моряков. Так, английский командир не выведет свой корабль в море в понедельник, если в этом не будет крайней необходимости. Командир "Кента" не хотел брать на корабль нашу делегацию, во-первых, потому, [238] что в ней было 13 человек, а во-вторых, из-за того, что в ее составе была женщина. Цифра "тринадцать" у англичан издавна считается роковой, и не только в море, но и на суше. В Англии не любят домов с тринадцатым номером. А если на боевом корабле появляется женщина, ее считают предвестником несчастья.

Опытный и находчивый дипломат, Майский быстро вышел из положения. Он попросил включить его в состав делегации, и пассажиров стало четырнадцать. А о Николаевой сказал, что она борется за общие интересы Советского Союза и Англии, поэтому для нее должно быть сделано исключение. На том и порешили.

На обратном пути из Англии в СССР нашу делегацию взяли на борт крейсера "Адвенчер" с неменьшим трудом: к тринадцати ее членам пришлось срочно присоединить одного журналиста.

И все же крейсер не миновал беды: он столкнулся в море с танкером и, получив повреждение, вынужден был вернуться в свою базу. Англичане,

конечно, не замедлили объяснить случившееся тем, что на корабле была женщина. Так Клавдия Ивановна Николаева стала "виновницей" ущерба, понесенного британским флотом.

Позволю себе небольшое отступление. На протяжении всей войны обеспечение внешних перевозок было делом не только военных моряков и моряков торгового флота, но и дипломатов.

Где-то в середине мая 1942 года, позвонив предварительно по телефону, ко мне заехал К. А. Уманский. Он тогда работал в НКВД, и его интересовали вопросы наших взаимоотношений с США, касавшиеся морских перевозок и поставок военных грузов Советскому Союзу. Военно-морским атташе в США к началу войны был капитан 1 ранга И. А. Егорычев. Но по мере развития деловых отношений, связанных с поставками по ленд-лизу, многие вопросы приходилось решать с работниками НКВД.

Константина Александровича Уманского я знал и до этого. Помнится, приехав в Москву, он, являясь советским послом в США, был заинтересован в решении с Наркоматом Военно-Морского Флота щекотливого вопроса о беспрепятственном проходе американских торговых судов в Хельсинки во время советско-финляндской войны в 1939—1940 годах. Мы несколько раз встречались с ним и вели телефонные разговоры. Примерно в то же время (кажется, в январе 1940 г.) по [239] указанию В. М. Молотова я принимал американского посла Штсйнгарта в сопровождении К. А. Уманского. Мне, как наркому ВМФ, правительство поручило обеспечить безопасность плавания американских транспортов в Финском заливе, что и было осуществлено.

Константин Александрович Уманский был талантливым дипломатом, немало сделавшим для нашей победы.

В июне 1943 года К. А. Уманского назначили послом в Мексику. Перед

отъездом он зашел ко мне. Мы обменялись последней информацией и договорились в случае необходимости оказывать содействие друг другу. Тепло расстались. Я по-испански попрощался с ним, ведь он ехал в "старую Испанию". Чуть ли не на следующий день в семье Уманских произошла трагедия: погибла единственная дочь Нина. Константина Александровича я больше не встречал. Только в кругу общих знакомых мы не раз говорили о несчастье, постигшем эту прекрасную семью. В январе 1945 года пришла весть о гибели самого К. А. Уманского в авиационной катастрофе в Мехико. Назначенный по совместительству послом в Коста-Рику, он летел туда для вручения верительных грамот. Вместе с Константином Александровичем погибла и его жена. Так за короткое время при трагических обстоятельствах погибла вся семья Уманских. В знак доброй памяти о К. А. Уманском я и написал эти строки...

Из американских дипломатов, с которыми приходилось согласовывать вопросы перевозок, мне запомнился адмирал Вильям Стэндли, прибывший в Москву в апреле 1942 года.

Забегая вперед, напомним, что даже в начале 1945 года на Крымской конференции американцы рассматривали победу над Японией как далекую перспективу, и потому Рузвельт все еще считал "врагом номер один" Германию, а не Японию. Сейчас об этом кое-кто на Западе забывает. А ведь на самом деле получилось так, что, несмотря на мощь американского флота и авиации, Япония держалась, стойко держалась, и не случайно на Крымской конференции Ф. Рузвельт настаивал на скорейшем вступлении Советского Союза в войну с Японией. Даже в дни Потсдамской конференции, в июле — августе 1945 года, когда мир торжествовал по поводу разгрома фашистской Германии, японцы отказались [396] подписывать безоговорочную капитуляцию.

Безнадежным свое положение они признали, только когда Вооруженные Силы Советского Союза разгромили Квантунскую армию. Сразу после этого 2 сентября Япония капитулировала.

Вернувшись с Черноморского флота в Москву — было это в середине июня 1944 года,— я потребовал от начальника Главного морского штаба самых подробных данных, которыми он располагал, об операции "Оверлорд". Мы внимательно следили за действиями союзников в Нормандии. Начальник ГМШ завел даже специальную оперативную карту и иногда даже начинал свой утренний доклад с того, какие новости поступили о продвижении союзников во Франции. Но продвижение становилось день ото дня медленнее, и скоро интерес к этой карте у нас иссяк.

А ведь сколько времени готовились к этой операции англичане и американцы, какие силы накопили!

Вначале союзники обещали открыть второй фронт в 1942 году. Потом в 1943 году. Наконец, на Тегеранской конференции этот срок перенесли на 1 мая 1944 года. В декабре 1943 года была названа и фамилия верховного главнокомандующего операцией "Оверлорд" — американского генерала Дуайта Эйзенхауэра. Он получил самые широкие полномочия. Помощниками Эйзенхауэра стали англичане — адмирал Рамсей, генерал Монтгомери и главный маршал авиации Лей-Мэллори.

На подготовку десанта у союзников ушло полтора года. Прямо скажем, срок немалый, даже если учитывать сложность и масштабы операции.

"Оверлорд" считается самой крупной десантной операцией в истории войн. Эго верно! Только первый эшелон ее обеспечивали 6939 боевых кораблей, транспортов и десантных судов. К высадке было подготовлено около 3 миллионов человек. Словом, союзники имели абсолютное превосходство в силах. Если у немцев на западе имелось всего около

пятисот самолетов, то у союзников — 11 тысяч самолетов различных типов.

В первоначально утвержденный срок — 1 мая 1944 года — высадка десанта не состоялась. Еще не все было готово, да и погода не благоприятствовала. В это время на Британских островах было сосредоточено столько войск и техники, что англичане в шутку заявили: они боятся, как бы их острова не затонули от такой тяжести. [397]

Операция началась 5 июня в 4 часа 15 минут. Из портов южного, восточного и западного побережья Англии, из Северной Ирландии и Шотландии, а также с Оркнейских островов вышли многочисленные соединения кораблей. Они пересекли пролив и точно в назначенное время прибыли в установленное буквально для каждого корабля место. Бомбардировщики уже всю бомбили радиолокационные установки и береговые батареи немцев. Прежде чем высаживать морской десант, союзники бросили на Нормандию три воздушно-десантные дивизии. Они высадились где-то между Каном и Шербуром. Гитлеровцы на побережье очутились между двух огней. Кстати, у немцев здесь оказалось очень мало войск. "Западный вал", которого так страшились союзники, обернулся очередным блефом гитлеровской пропаганды. И все-таки бои за берег, за расширение плацдарма продолжались. Лишь после этого часть союзных войск направилась к Парижу, который было решено занять в первую очередь.

Союзники не спешили форсировать события, а продвигались вперед очень и очень осторожно. Еще почти целый год продолжалась война. Нашим войскам пришлось выручать фельдмаршала Монтгомери, когда он со своими войсками попал в крайне тяжелое положение в Арденнах. Крупнейшие сражения развертывались по-прежнему на Восточном фронте. Именно с востока пришла победа.

Освобождаем Карельский перешеек

В трудные для Ленинграда месяцы Краснознаменный Балтийский флот почти половину своего личного состава послал на сухопутный фронт. Теперь, когда враг был отброшен от города и флот готовился к большим делам на море, нам разрешили некоторых моряков из сухопутных частей вернуть на корабли. Флот остро нуждался в квалифицированных специалистах.

Войска Ленинградского фронта, освободив Ленинградскую область, в начале марта 1944 года временно перешли к обороне. Фланг наших войск упирался к тому времени в Нарвский залив. По указанию Ставки разворачивалась подготовка к операциям по освобождению [398] Советской Прибалтики. Для этого требовались перегруппировка и накопление сил.

В начале марта в Ставке возник вопрос о предстоящих действиях Балтийского флота в летнюю кампанию 1944 года. Верховный Главнокомандующий поинтересовался составом Балтийского флота и состоянием кораблей. Я доложил. Смысл дальнейшего разговора был один: наступает пора более активных действий на море. Для более обстоятельного знакомства с флотскими делами на этом театре Верховный предложил вызвать в Москву командующего Балтийским флотом адмирала В. Ф. Трибуца. Главный морской штаб получил указание заготовить необходимые материалы и карты.

В середине марта в Москву прибыл Владимир Филиппович Трибуц. Я знал его давно. Мы с ним в один год кончали военно-морское училище имени Фрунзе, собирались вместе служить на линкоре "Парижская коммуна". Но в самый последний момент я изменил своему первоначальному решению и попросил направить меня на юг. Меня тогда соблазнило плавание на

новом крейсере. Судьба снова свела меня с В. Ф. Трибуцем в 1929 году в Военно-морской академии. Там мы вспомнили прошлое: зимнюю учебу, летнюю практику, заграничные плавания, как драили палубу, поднимали под сердитые окрики старпома крейсера "Аврора" Рубанина шлюпки. После окончания академии оба вернулись на флоты: он — на свою любимую Балтику, я — на Черное море.

Проходили годы. Я не терял из виду своего однокашника. Много слышал о нем как об опытном и на редкость энергичном командире. В 1939 году В. Ф. Трибуц стал начальником штаба флота, а когда встал вопрос о назначении нового командующего Балтийским флотом, я назвал его фамилию. Молодой, энергичный, опытный командующий руководил подготовкой Балтийского флота в канун войны и вместе с ним перенес испытания тяжелых боев.

Прибыв в Москву, Трибуц узнал, что он вызывается не только в Наркомат ВМФ, но и в Ставку. Вполне естественно, это его несколько взволновало. С озабоченным видом он попросил меня раскрыть существо предстоящих разговоров. Я, конечно, знал, для какой цели его вызывают в Ставку. Решили вместе проанализировать сложившуюся к тому времени обстановку на Балтике, прийти к единому мнению по вопросам, которые могут возникнуть. [399]

Доложив через А. Н. Поскребышева о прибытии командующего Балтийским флотом, я незамедлительно получил ответ:

— Будете приняты вечером в Кремле. Никуда не отлучайтесь.

Часов в семь вечера нас принял Верховный. Прежде чем заслушать адмирала Трибуца, И. В. Сталин коротко коснулся изменившегося к тому времени положения на фронтах и перспектив наступления наших войск. Затем изложил свое мнение о необходимости полнее использовать флоты.

— Теперь у моряков появилась возможность проявить себя и на море,— сказал Сталин, подразумевая, по-видимому, ограниченные до этого возможности Балтийского флота.

Перешли к обсуждению обстановки на Балтике. Сталин внимательно выслушал доклад В. Ф. Трибуца. Командующий заверил, что флот по своему техническому состоянию и подготовке личного состава будет готов, как только очистится залив от льда, выйти в море, чтобы начать боевые действия. Самым большим препятствием для плавания в море оставались мины. Их было выставлено невероятное множество по всему Финскому заливу, начиная от Таллинна и кончая ближайшими к Кронштадту водами. Кроме того, при проведении морских операций мы должны были предусмотреть возможность активных действий на Балтике немецкого флота.

Проанализировав сложившуюся обстановку, мы с Трибуцем пришли к мнению, что в первую очередь должна действовать флотская авиация на коммуникациях противника, а в тех районах, где смогут действовать наши корабельные соединения, они будут поддерживать наступление сухопутных частей артиллерийским огнем и высадкой десантов, особенно при освобождении Карельского перешейка и островов Выборгского залива.

Верховный одобрил наше предложение, чтобы большую часть флота использовать на морском направлении (это касалось не только кораблей, но и авиации, которая до того времени большей частью своих сил действовала на сухопутных направлениях): Он подчеркнул, что действительно в скором времени потребуются поддержка сухопутных флангов со стороны моря. Но предупреждал, чтобы мы напрасно не рисковали [400] кораблями. Прежде всего придется заниматься минами: пробивать фарватеры через минные поля, а это потребует времени и

огромных усилий.

Борьба на коммуникациях противника, защита своих морских сообщений, охрана занятого побережья — такие задачи были поставлены Верховным Главнокомандованием перед Балтийским флотом в кампании 1944 года. Тогда же было решено, что впредь все флотские вопросы будут решаться Наркоматом ВМФ.

Здесь мне хочется еще раз пояснить, что в начале войны, когда флоты были подчинены фронтам, а задачи приходилось решать главным образом в интересах суши, роль наркома ВМФ была довольно сложной. В те дни задачи перед флотами, как правило, ставило фронтовое командование и реже Ставка. Но ведь помимо проблем, решаемых флотами на суше, имелись и чисто морские. Это не всегда удавалось разъяснить армейским товарищам, приходилось обращаться за помощью в Генеральный штаб.

С первых дней войны мы с Главным морским штабом пытались определить свои функции в руководстве флотами, когда те бывали оперативно подчинены сухопутному командованию. Сделать это практически было трудно, а настаивать перед Ставкой на изменении порядка в тех условиях мне казалось несвоевременным. В 1944 году положение изменилось. Ставка и Генеральный штаб смогли уделять больше внимания морским театрам. Тогда в одном из разговоров с И. В. Сталиным я поднял вопрос, не пора ли официально узаконить роль наркома ВМФ как главнокомандующего флотами, чтобы он нес всю ответственность за их действия.

И. В. Сталин одобрительно отнесся к этому предложению, но приказание о немедленной подготовке такой директивы не дал. Это произошло несколько позже — в начале февраля 1945 года. Но уже тогда, во время беседы с В. Ф. Трибуцем, прямо сказал:

— Задачи по боевым действиям на море будут ставиться главнокомандующим Военно-Морским Флотом.

Так и написано в книге В. Ф. Трибуца "Балтийцы наступают".

Верховный детально расспрашивал, какие корабли остались в строю, как мыслится охрана освобожденного побережья, какие корабли в этом районе у противника.

Шел разговор и об использовании флотской авиации. Запомнилось замечание И. В. Сталина: "Кто [401] господствует в воздухе, тот и морем владеет". В справедливости этих слов мы не раз убедились на деле.

Мы склонились над картой, разложенной на столе. Она довольно выразительно рассказывала об обстановке на Балтике. В Финском заливе наш флот был по-прежнему стеснен. Однако стрелы будущих ударов по врагу уже предвещали расширение морских рубежей.

Судя по этим стрелам, в течение весны и лета 1944 года предстояло освободить Таллинн и Ригу, вытеснить финнов по крайней мере за Выборг и заставить их заключить мир. Правительство Маннергейма в свое время соблазнилось посулами фюрера, и только в 1944 году более дальновидные политические деятели Финляндии стали поднимать голос за исправление допущенных ошибок и установление мирных отношений с восточным соседом. Прогрессивные круги Финляндии не ошиблись, полагаясь на великодушие нашего народа.

И. В. Сталин еще со времен обороны Петрограда в 1918 году помнил о Красной Горке, Обручеве и других кронштадтских фортах. Он спросил у адмирала В. Ф. Трибуца о состоянии этих фортов, намекнув, что им снова придется поработать.

По замыслу Ставки ВГК последовательные удары должны были нанести войска Ленинградского фронта во взаимодействии с Балтийским флотом на выборгском и кексгольмском направлениях, а части Карельского

фронта во взаимодействии с Ладожской и Онежской военными флотилиями — на сортавальском и петрозаводском направлениях. Операции назывались Выборгская и Свирско-Петрозаводская.

Помню, Сталин особенно интересовался, чем может флот содействовать наступлению на Карельском перешейке. В. Ф. Трибуц доложил, что враг еще угрожает нашим кораблям с северного и южного берегов Финского залива.

— Ну, эти территории он скоро утратит, — пообещал Сталин.

— Что же касается артиллерии фортов, — продолжал докладывать Трибуц, — то ее действия ограничены дальностью огня орудий.

— Покажите на карте, — попросил Сталин. Трибуц примерно показал зоны досягаемости огня фортов.

— Ну что же, это тоже будет большая подмога сухопутным войскам, — сказал Верховный. [402]

Трибуц уехал из Москвы ободренный, уверенный в своих силах.

Во время подготовки Выборгской операции я дважды вылетал в Ленинград, встречался с командующим Ленинградским фронтом Л. А. Говоровым. Вместе с ним мы добивались тесного взаимодействия сухопутных войск и флота. Как-то во время разговора Леонид Алексеевич вспомнил о нарвском десанте:

— Только бы не получилось как тогда.

Да, в тот раз неудача была досадной.

Это было в феврале 1944 года. 2-я ударная армия под командованием генерала И. И. Федюнинского, двигаясь вдоль побережья, не смогла с ходу преодолеть рубеж, созданный гитлеровцами по реке Нарва. Чтобы помочь сухопутным войскам, флоту приказали высадить десант в Нарвском заливе. Батальону морской пехоты без танков и артиллерии ставилась задача ударом в направлении Мерекюля перерезать

приморское шоссе и железную дорогу Нарва — Раквере, овладеть станцией Аувере, прочно оседлать узлы дорог и удерживать занятый рубеж до подхода сухопутных частей. Изучая сейчас документы, приходишь к выводу: в сложнейшей обстановке, создавшейся на том участке фронта, задача была чрезвычайно трудной. Ее можно было ставить при одном условии — если на помощь десанту быстро подоспеют крупные силы армии. Противник еще яростно сопротивлялся, и недооценивать его было опасно.

Силы десанта и отряд поддержки вышли с острова Лавенсари в Нарвский залив ночью 13 февраля. Переход и начало высадки первого броска были произведены скрытно и без противодействия противника. Но вскоре враг обнаружил десант и открыл артиллерийский и минометный огонь. Однако удалось высадить 432 человека.

И тут произошло непредвиденное. Войска 2-й ударной армии, двинувшиеся вперед, встретили ожесточенный отпор и вынуждены были перейти к обороне. Десант сражался героически, оттянул на себя крупные вражеские силы, но изменить положения не смог. Снять его не было возможности. Когда через две недели наши войска все-таки преодолели вражескую оборону и расширили плацдарм, из десантников в живых почти никого не осталось.

Это был урок и для нас и для армейцев. И готовя новую операцию, командующий фронтом [403] предусматривал все меры, чтобы впредь избежать подобных просчетов.

Л. А. Говоров внимательно ознакомился с нашими возможностями. Главная забота была о четкости во взаимодействии сухопутных сил и флота. Командующий фронтом детально ознакомил меня и Трибуца с планом операции. Основная задача — силами 21-й и 23-й армий при поддержке 13-й воздушной армии и Балтийского флота взломать

долговременную оборону противника и развить наступление на приморском фланге в направлении на Выборг. На этом пути были созданы врагом 7 оборонительных полос, ряд промежуточных и отсечных позиций со многими железобетонными, деревянными и земляными укреплениями. Нашим войскам предстояло взломать этот мощный рубеж и, преодолев сопротивление расположенных на Карельском перешейке сил противника, освободить Выборг. Для разрушения наиболее прочных сооружений были выделены 240 орудий калибром от 120 до 406 миллиметров, из них более половины приходилось на морскую артиллерию.

Ладожская флотилия (командующий контр-адмирал В. С. Чероков) должна была содействовать наступлению войск 23-й армии огнем корабельной артиллерии и демонстрацией высадки десанта в районе Никулясы — Коневец.

Краснознаменному Балтийскому флоту ставилась задача на подготовительном этапе (с 23 мая по 8 июня) перевезти 21-ю армию, находившуюся в резерве Ставки, из Ораниенбаума в Лисий Нос, в состав Ленинградского фронта, а в ходе операции содействовать наступлению войск и прикрывать с моря их фланги.

Одновременно с этим флот должен был всеми средствами срывать вражеские перевозки в море, в шхерах Финского залива и на Ладожском озере, уничтожать боевые корабли и транспорты противника{67}.

Прорыв вражеской обороны должен был начаться с обстрела морской артиллерией. Затем в соответствии с дополнительным указанием Ставки в первый же день операции подключились 60 штурмовиков, то есть два полка, из состава флотской авиации, чтобы нанести удар по Старому Белоострову — одному из мощных оборонительных узлов противника.

По решению командующего флотом морская артиллерия разделялась на

четыре группы: первая (командир [404] гвардии полковник С. С. Кобец) объединяла железнодорожную артиллерию, вторая (командующий КМОР вице-адмирал Ю. Ф. Ралль) — артиллерию фортов и базировавшихся на Кронштадт кораблей, третья (командир инженер-капитан 1 ранга И. Д. Снитко) — артиллерию морского полигона и четвертая (командующий эскадрой вице-адмирал Л. А. Владимирский) — артиллерию кораблей эскадры.

Перевозка войск 21-й армии осуществлялась Кронштадским морским оборонительным районом (КМОР), который для этой цели выделил 2 сетевых заградителя и 25 буксиров, базовых тральщиков, барж и тендеров. Корабли отправлялись в путь глубокой ночью с использованием всех средств маскировки. За 5 суток было совершено 22 рейса. Переброска в Лисий Нос 5 стрелковых дивизий 21-й армии — около 22 тысяч бойцов и более 400 автомашин — позволила произвести перегруппировку сил перед началом операции. Это и определило внезапность наших действий на Карельском перешейке. 9 июня, то есть после того, как закончилась переброска частей 21-й армии, артиллерия и авиация фронта и флота приступили к разрушению первой, наиболее прочной оборонительной полосы противника. 10 часов длился обстрел, произведены были два массированных налета авиации, в результате чего были разрушены почти все оборонительные объекты противника, а точнее — 176 из 189.

Вслед за тем войска 21-й армии с ходу форсировали реку Сестру, прорвали передовую полосу обороны и продвинулись до 14 километров. К исходу 11 июня они уже вышли к так называемой "новой линии Маннергейма", заняв опорный пункт Кивеннапа. На этом первый этап операции закончился, и началась подготовка к прорыву главной полосы обороны противника. Снова вместе с армейской заработала наша

морская артиллерия. Она обрушила на врага более 17 тысяч снарядов крупного калибра. Были уничтожены многие узлы сопротивления, батареи и командные пункты противника. Это облегчило продвижение наших войск. Вражеские рубежи были прорваны. Теперь моряки могли более активно действовать в заливе.

Немецко-фашистское командование для поддержки своих войск подтянуло сюда свои корабли. В конце июня в районе остров Лавенсари — Выборгский залив действовали 3 немецких миноносца, 10 подводных [405] лодок, флотилия тральщиков, 2 флотилии артиллерийских десантных судов. Однако существенного влияния на устойчивость флангов финских войск они оказать не сумели. Наша авиация господствовала в воздухе, торпедные катера — в прибрежных водах. Они блокировали вражеские суда в базах. Поисковые группы торпедных катеров во взаимодействии со штурмовой и бомбардировочной авиацией атаковали любое вражеское судно, появлявшееся в море. Тральщики тем временем прокладывали новые фарватеры для наших кораблей.

С взятием Выборга Ленинградский фронт стал готовить новые удары по врагу. Для усиления войск на Карельском перешейке сюда перебрасывалась 59-я армия, в задачу которой входило во взаимодействии с флотом захватить острова в Выборгском заливе и переправиться на его северный берег. Но действовать здесь флот мог, лишь очистив от противника острова Бьеркского архипелага, где враг сосредоточил довольно мощную артиллерийскую группировку. На подходах к островам в проливе Бьеркезунд гитлеровцы выставили много мин. Гарнизоны островов насчитывали до 3 тысяч солдат и офицеров.

Военный совет Ленинградского фронта решил, что освободить Бьеркский архипелаг флот сможет своими силами. Командующий флотом начал выполнение задачи 21 июня высадкой разведывательного десанта на

остров Пийсари, где оборона противника, по нашим сведениям, была слабее. Захват этого острова давал нам возможность контролировать вход в Выборгский залив.

Десантирование осуществляли 122 корабля: бронекатера, торпедные и сторожевые катера, катера-дымзавесчики и тральщики. Десант состоял из батальона морской пехоты, разведывательной роты и 2 артиллерийских дивизионов — около 1,5 тысячи бойцов. Для артиллерийской поддержки с берега было выделено двенадцать крупнокалиберных орудий. Общее руководство возлагалось на командующего КМОРом вице-адмирала Ю. Ф. Ралля.

Юрий Федорович Ралль — опытный моряк, превосходно знал Балтику, сражался здесь с самого начала войны. Можно было положиться на его распорядительность и решительность.

21 июня разведывательный отряд, успешно форсировав пролив Бьеркезунд, высадился на острове [406] Пийсари, а день спустя очистил его от врага. В последующие дни были освобождены Торсари, Бьерке и ряд других более мелких островов. На следующем этапе операции моряки действовали вместе с войсками 59-й армии. Командующий флотом выделил бригаду шхерных кораблей, пополненную сторожевыми катерами, катерами-тральщиками и другими судами, бригаду железнодорожной артиллерии и авиацию флота. Общее руководство действиями в Выборгском заливе снова возлагалось на Ю. Ф. Ралля.

Однако попытка высадить десант на остров Тейкарсари в ночь на 1 июля не удалась. Немецкое командование в помощь финнам перебросило свою 122-ю пехотную дивизию, бригаду штурмовых орудий, эскадрильи бомбардировщиков и истребителей. Только за один день 21 июня немецкая авиация совершила около тысячи самолето-вылетов, нацеливая удары по нашим войскам и кораблям. К 1 июля противник сумел

организовать оборону, пополнил потрепанные в боях части, подтянул артиллерию. Учитывая все это, наше командование перенесло высадку десанта на 4 июля. 3 июля в бухтах южного побережья Выборгского залива сосредоточились 27 сторожевых катеров, 23 катера-дымзавесчика, 30 тендеров и 2 парома. Поддерживали и прикрывали десант 8 торпедных и 13 бронекатеров{68}.

Погрузившись на корабли, бойцы 224-й дивизии успешно высадились на острова Тейкарсари и Суонинсари. Вскоре эти острова оказались в наших руках.

Надо сказать, что небольшие по своим масштабам десанты на острова Выборгского залива, безусловно, оказали определенное влияние на успех всей операции. Противник, неся значительные потери, вынужден был оставить острова и северное побережье Выборгского залива.

Флот и его авиация успешно действовали в море. За март — июнь 1944 года балтийцы потопили 22 вражеских корабля, в том числе 4 плавучие батареи. Более 40 кораблей и судов противника получили повреждения. Наши люди сражались героически. В бою с вражескими кораблями самолет капитана В. Н. Каштанкина был поврежден. Летчик направил свою пылающую машину на вражеский сторожевик. Ценой своей гибели герой взорвал фашистский корабль и отправил его на дно.

В борьбе за Выборгский залив гитлеровцы использовали не только надводные корабли, но и подводные [407] лодки. Наши моряки особенно зорко следили за ними. Одну из фашистских лодок потопил катер-охотник под командованием старшего лейтенанта А. П. Коленко. Затонула она на сравнительно небольшой глубине, и мы ее потом подняли.

Трофей оказался очень ценным. На лодке нашли новейшие немецкие торпеды с акустическими приборами самонаведения.

Свой трофей мы не скрывали от союзников. У. Черчилль обратился к И. В. Сталину с просьбой допустить английских специалистов осмотреть немецкую лодку с торпедой на ней. Верховный вызвал меня и спросил мое мнение. Я ответил, что, по-моему, нет оснований отказывать союзникам. Сталин согласился со мной. В этом духе и последовал ответ английскому премьеру. Я со своей стороны отдал приказание командующему флотом адмиралу В. Ф. Трибуцу разрешить английским представителям посетить и осмотреть трофейный корабль. Англичане после осмотра горячо благодарили за эту экскурсию, особенно за ценные сведения о немецких акустических торпедах. Сталина это насторожило: а не слишком ли ценный секрет мы выдали? Он вызвал меня и недовольным тоном спросил: "Кто разрешил показывать англичанам торпеды с акустическими приборами наведения?" Я ответил, что мною давались указания показать лодку без каких-либо ограничений и поэтому командование флотом поступило в духе моего приказа. Тогда был вызван командующий флотом В. Ф. Трибуц и получил упрек за выдачу немецких секретов. Сталин напомнил, что союзники своими военными секретами делятся с нами очень неохотно. Словом, нам с Трибуцем пришлось поволноваться. Но ничего, в тот раз все обошлось благополучно.

Я и подумать тогда не мог, что эти акустические торпеды мне после припомнят и задним числом обвинят в передаче иностранцам важных военных секретов...

Признаться, и тогда, и потом я не видел ничего предосудительного в том, что эта лодка была показана союзникам "без ограничений". Ведь еще шла война, и фашистская Германия в 1944 году продолжала упорно сопротивляться.

С разгромом противника на Карельском перешейке зона базирования флота немного расширилась — была обеспечена полная безопасность

Кронштадтской базы, [408] корабли получили выход в восточную часть Финского залива, но операционная зона флота практически осталась прежней. Чтобы ее расширить, надо было освободить побережье Эстонии, перебазировать на запад аэродромы флотской авиации.

Озерные флотилии

Могучие удары советских войск следовали один за другим. Вслед за снятием блокады Ленинграда последовали освобождение Правобережной Украины и Крыма, разгром врага в Белоруссии, вступление наших войск в пределы Румынии и Польши. Наступательные операции, в которых одновременно участвовало по несколько фронтов, приобретали невиданный размах и стремительность.

В июне сокрушительный удар готовился нанести Карельский фронт.

Наступление наших войск на Выборг заставило врага перебросить туда часть войск из района Онежско-Ладожского перешейка, ослабив свои олонецкую и медвежегорскую группировки. Этим воспользовалось наше командование, планируя Свирско-Петрозаводскую операцию. Войскам Карельского фронта ставилась задача во взаимодействии с Ладожской и Онежской военными флотилиями прорвать многополосную долговременную оборону противника, разгромить его олонецкую и масельскую группировки, освободить Петрозаводск и всю Карелию.

Командующий Карельским фронтом генерал армии К. А. Мерецков решил нанести главный удар силами 7й армии при взаимодействии с Ладожской военной флотилией в направлении на Олонец и Сортавала. После прорыва обороны противника на реке Свирь часть сил 7-й армии должна была во взаимодействии с Онежской флотилией освободить город Петрозаводск. В соответствии с этим планом Ладожская флотилия должна была огнем корабельной артиллерии содействовать продвижению левого

фланга наших войск, высадить десант в районе рек Олонка и Видлица, помочь нашим частям форсировать реку Свирь.

Онежская флотилия получила задачу содействовать продвижению правого фланга наших войск в сторону [409] Петрозаводска, блокировать корабли противника в их базах, обеспечить перевозку войск, вооружения и боеприпасов.

Хочется хотя бы в общих чертах рассказать о боевом пути этой флотилии. Она была сформирована в тяжелую осень 1941 года. В начале августа 1941 года мой заместитель адмирал И. С. Исаков, находившийся в Ленинграде, поднял вопрос о формировании военной флотилии на Онежском озере.

— А где мы возьмем корабли? — спросил я.

— Поставим пушки на гражданские суда. Я ответил согласием. Командующим флотилией был назначен капитан 2 ранга А. П. Дьяконов. Когда он со своим штабом прибыл в Петрозаводск, пришлось заниматься не только вооружением кораблей и комплектованием их команд, но и обороной базы: враг приближался к Петрозаводску.

Мне из Москвы удалось связаться с Дьяконовым. После его доклада стало ясно, что оставаться в Петрозаводске больше нельзя. К тому же и кораблей там еще не было.

— Где же выделенные вам суда?

— Все еще на Волге и Каме.

— Куда думаете перенести базу?

— В Деятино, около Вытегры. Там и мастерские кое-какие есть. Соберем туда наши пароходы и за зиму вооружим.

— Дойдете туда?

— Думаю, дойдем.

— Разрешаю переход в новую базу, — закончил я разговор.

Суда, почти не имевшие вооружения, шли под огнем и бомбежками. Все же добрались до Девятино. Здесь за короткое время флотилия пополнилась — на буксиры, шаланды, прогулочные катера ставились орудия и пулеметы. Вчерашние гражданские речники переоделись в военную форму. Сугубо мирные суда превратились в боевые корабли. И воевали. Неплохо воевали. Теперь они готовились к крупнейшей своей боевой операции.

Командующий Карельским фронтом приказал 21 июня перейти в наступление сначала войскам правого фланга 7-й армии, а день спустя и остальным частям. Ладожскую флотилию этот приказ застал во время учений. В. С. Чероков, предвидя, что операция начнется с часу на час, заблаговременно посадил десант — 70-ю [410] отдельную морскую стрелковую бригаду — на корабли и отработал высадку на берег. Теперь можно было не терять времени на посадку и инструктаж. Десант был на борту кораблей, каждый боец не только знал свою задачу, но и приобрел кое-какие практические навыки. Корабли под командованием капитана 1 ранга Н. И. Мещерского сразу же отправились в район действий. Из Новой Ладogi они вышли 22 июня. На рассвете следующего дня корабли артиллерийской поддержки открыли огонь по берегу. Бомбардировочная и штурмовая авиация наносила удары по огненным точкам и оборонительным сооружениям. Вскоре к берегу ринулись суда с морской пехотой. Десант успешно выполнил свою задачу. Высадившись в Видлице, он оказал большую помощь нашим войскам, наступавшим в этом районе.

Командованию Ладожской военной флотилии и командиру десанта Н. И. Мещерскому удалось в полной мере использовать элемент внезапности. Быстрота и слаженность в действиях наших сил не дали врагу подготовиться к отпору. Сказались вдумчивый выбор места высадки и

хорошая ее подготовка. Заранее были обсуждены и согласованы все вопросы взаимодействия. Большая заслуга в успехе десанта, несомненно, принадлежит капитану 1 ранга Н. И. Мещерскому, смелому и опытному моряку, прекрасному организатору.

Отряд бронекатеров Ладужской флотилии продолжал оказывать артиллерийскую поддержку наступавшим войскам, а тендеры перевозили войска через Свирь. За одну неделю — с 21 по 28 июня — моряки переправили через эту реку свыше 48 тысяч человек, 212 танков, 305 автомашин, 446 орудий, более 1,5 тысячи повозок, 1770 лошадей и 3350 тонн различных грузов.

Тем временем корабли Онежской флотилии помогли переправиться на правый берег Свири частям 368-й стрелковой дивизии, а затем высадили тактические десанты в губах Лахтинской и Уисской. Десанты выяснили, что войск противника южнее Петрозаводска нет, а в городе начинаются пожары. Капитан 1 ранга Н. В. Антонов, который в это время командовал Онежской флотилией, решил не дожидаться подхода сухопутных войск, высадить десант в самом Петрозаводске, а ранее высадившимся морским пехотинцам приказал двинуться к городу по шоссе. Это было большим риском: ведь сил в распоряжении Антонова было совсем мало. Но риск оправдался. Неожиданный удар парализовал [411] сопротивление противника, и моряки освободили город. Флотилия за это была отмечена в приказе Верховного Главнокомандующего, а части, участвовавшие в освобождении столицы Карелии, получили почетное наименование Петрозаводских.

Капитан 1 ранга Н. В. Антонов всегда отличался храбростью и решительностью. Эти качества он позже во всем блеске проявил на Дальнем Востоке, где уже в звании контр-адмирала командовал Амурской флотилией и заслужил Золотую Звезду Героя.

Операции в Карелии являют собой пример успешного использования разных видов наших Вооруженных Сил — сухопутных войск, авиации, флота и озерных флотилий.

Как-то уже после войны мы разговорились с маршалом К. А. Мерецковым. Он с удовольствием вспоминал о совместных действиях с моряками, вспоминал Испанию...

В 1936 году я встретил в Валенсии помощника главного военного советника республиканских войск, которого все называли Петровичем. Он только что вернулся с фронта и делился своими впечатлениями с советскими товарищами. Через год, вернувшись в Москву, я, еще в гражданском костюме, шел в Генштаб. Вдруг меня остановил какой-то военный.

— Компаньеро Петрович! — сразу узнал я его.

— Да нет, я теперь снова Мерецков,— засмеялся он.

Кирилл Афанасьевич не отпустил меня, пока подробно не расспросил, как идут дела у республиканцев. Видно было, что Испания глубоко засела ему в сердце.

Позже мы с ним часто встречались в Москве — в 1940 году он возглавлял Генеральный штаб,— а уже во время войны — на Севере, когда он командовал Карельским фронтом. А. Г. Головкин с большим уважением отзывался о генерале Мерецкове. Моряки быстро находили общий язык с командующим фронтом. Это чувствовалось и когда мы вместе с Мерецковым бывали в Ставке — все вопросы разрешались с ним легко, и мы приходили к обоюдному согласию.

Я был у Сталина, когда командующий Карельским фронтом по телефону докладывал об освобождении Петрозаводска.

— Говорите, моряки отлично действовали? — переспросил Верховный и после некоторой паузы добавил:

— Хорошо, это будет особо отмечено в приказе. [412]

Помню и такой случай. В кабинете Верховного собралось человек десять. Обсуждались дела на фронтах. Сталин похвалил действия Карельского фронта во главе с генералом армии Мерецковым.

Немного подумав, он приказал А. Н. Поскребышеву соединить его с Мерецковым. Сняв трубку, Сталин сказал:

— Здравствуйте, товарищ Мерецков! — (Как известно, Сталин имел обыкновение называть всех по фамилии, кроме Бориса Михайловича Шапошникова.) — Вот тут собрались товарищи,— он перечислил нескольких из присутствовавших,— так они предлагают присвоить вам звание маршала. Как вы на это смотрите?.. Нет, нет, это не вы, а мы вас должны благодарить за умелое руководство войсками.

Как всегда, приняв решение, Сталин не любил затягивать с оформлением. Минут через десять А. Н. Поскребышев уже положил ему на стол подготовленный документ.

Освобождение Карельского перешейка и Карелии, казалось бы, предредило судьбу Финляндии как сателлита фашистской Германии. Однако финская реакционная правящая верхушка, отвергнув советские условия перемирия, заставляла свои войска сражаться в интересах гитлеровского рейха. Дальнейшее поведение Финляндии — сопротивление или капитуляция — в значительной мере зависело от устойчивости положения немецко-фашистских войск в Прибалтике. 18 июня на совещании в Ставке в Восточной Пруссии Гитлер заявил:

"Падение Прибалтики имело бы следующие результаты:

— потеря необходимых для военно-морских сил источников снабжения балтийской нефтью (на балтийских сланцеперегонных заводах — район Раквере — Иыхве — работало в 1944 году около 30 000 человек, из них 13 000 военнопленных. Добыча сланцевой нефти составляла до 50 000

тонн в год.— Я. К.);

— выход из войны Финляндии как единственного поставщика никеля (поставки никеля составляли до 10 000 тонн в год— Я. К.):

— выпадение Швеции с ежегодными поставками 9 миллионов тонн высококачественной руды"{69}.

Исходя из этого группе армий "Север" приказывалось всеми возможными средствами удерживать [413] занимаемые позиции. Особое значение придавалось рубежу между Нарвским заливом и Псковом. С целью укрепить свой приозерный фланг немецко-фашистское командование создало на Чудском озере флотилию, насчитывавшую свыше 100 различных кораблей, катеров и судов, среди которых было больше 50 хорошо вооруженных барж. Надо сказать, что силы противника превосходили наши в два раза. Мы имели на Чудском озере только что сформированную бригаду речных кораблей, насчитывавшую 49 различных судов, главным образом катера: сторожевые, полуглиссеры, бронекатера. На помощь пришла флотская авиация. С 20 июля по 20 августа штурмовики совершили около 1,5 тысячи вылетов. Это были тяжелые бои. Нашим штурмовикам приходилось преодолевать плотные огневые завесы. Мы тогда потеряли немало самолетов. Но флотских летчиков не страшила никакая опасность. Случалось, что и подбитый самолет, оставляя за собой шлейф дыма, продолжал вести огонь и сбрасывал бомбы над целью. В результате авиационных налетов были потоплены канонерская лодка, 24 десантные баржи, 5 катеров, а многие вражеские корабли получили повреждения. Это ослабило фашистскую флотилию и создало более благоприятные условия для действий наших кораблей.

Ставка к тому времени приказала провести в Прибалтике ряд частных наступательных операций. 10 августа перешли в наступление войска 3-го

Прибалтийского фронта (командующий генерал армии И. И. Масленников) с задачей освобождения Тарту. Войска встретили ожесточенное сопротивление и на рубеже реки Пиуза вынуждены были приостановить продвижение. Тогда командир бригады речных кораблей капитан 2 ранга А. Ф. Аржавкин предложил нанести удары в тыл противнику. Командующий фронтом одобрил это предложение и приказал высадить десант в районе Лане, Мехикорма. Для этого были выделены 3 дивизии, 2 артиллерийских и 1 зенитный полки, 2 артиллерийских и 1 понтонно-мостовой батальоны. Из бригады речных кораблей были сформированы 3 отряда десантно-высадочных средств и отряд кораблей артиллерийской поддержки, всего 12 бронекатеров, 8 сторожевых и минных катеров и 20 тендеров. Авиационное обеспечение десанта осуществляла 14-я воздушная армия. Бои начались на рассвете 16 августа. В районе Мехикорма высадился первый эшелон десанта в составе 191-й [414] стрелковой дивизии. Преодолевая сопротивление противника, дивизия двинулась в направлении Тарту. В полдень высадился второй эшелон. После этого корабли приступили к переправе через Теплое озеро (пролив между Чудским и Псковским озерами) остальных частей и тылов. За 3 дня в районы Лане и Мехикорма было переправлено около 6500 человек, 89 орудий, более 80 минометов, 24 автомашины, 312 тонн боеприпасов и 40 тонн других грузов{70}.

В результате успешных действий десанта приозерный фланг противника был обойден с тыла, что помогло нашей армии нанести фланговый удар по Тарту и захватить этот важный опорный пункт, прикрывавший путь к центральному району Эстонии.

Читатель, вероятно, обратил внимание, как в соответствии с требованиями общей стратегии Военно-Морской Флот принимал все меры, чтобы содействовать сухопутным войскам. На Днепре и Дунае, на

Волге и Амуре, на Ладожском и Онежском озерах и даже там, где мы и не думали воевать, как случилось на Чудском озере,— всюду оказывались флотилии или отряды кораблей, незамедлительно включавшиеся в борьбу. Некоторые из флотилий создавались еще до войны и, конечно, оснащены были лучше, там мы имели специальные речные мониторы и катера. Флотилии, создававшиеся уже в ходе войны, были вооружены слабее, но и наспех переоборудованные гражданские суда в руках отважных и умелых моряков смогли внести свой вклад в разгром врага. Недаром даже бывшие фашистские генералы в своих мемуарах до сих пор признают, что флотилии русских на реках и озерах действовали очень активно и успешно. Я мог бы привести много таких свидетельств, но не хочу злоупотреблять вниманием читателя. К тому же мы и сами не хуже знаем о действиях наших флотилий и той роли, которую они сыграли в годы Великой Отечественной войны.

Итак, в 1944 году нам пришлось создать флотилию даже на Чудском озере. Когда-то на льду этого озера русские богатыри Александра Невского били псов-рыцарей. В годы Великой Отечественной войны моряки на Чудском озере умножили славу предков.

13 июня 1944 года мне доложили о случае, какие редко происходят в наше время: наш катер тараном потопил вражеский корабль. Я потребовал доложить [415] подробности. Оказалось, что два наших бронекатера, находившиеся в дозоре в северной части Чудского озера, ночью обнаружили четыре вражеских катера, которые шли в строю кильватер. Немцы, по-видимому, приняли наши катера за свои, спокойно приблизились к ним, дали прожектором опознавательные знаки. Не смущаясь превосходством противника в силах, наши моряки открыли огонь. Головной вражеский катер, прикрываясь дымовой завесой, стал отворачивать к своему берегу. Не теряя времени, командир бронекатера

№ 322 лейтенант Смирнов врезался в строй противника, ведя огонь сразу по двум вражеским катерам. Воспользовавшись тем, что все внимание противника было отвлечено на Смирнова, командир бронекатера № 213 лейтенант Волкотруб на полном ходу приблизился к одному из немецких кораблей и ударил форштевнем в борт. Поврежденный корабль тотчас пошел ко дну. Остальные немецкие катера пытались было приблизиться, чтобы подобрать из воды своих моряков, но были отогнаны огнем наших катеров и ретировались.

Наши моряки подобрали шестерых пленных и благополучно вернулись в базу.

Когда-то таран на море был одним из узаконенных способов атаки. Для этого корабли даже оборудовались специальным устройством. Кому придется побывать на крейсере "Аврора", советую пройти на нос и посмотреть на его форштевень. Вы увидите, что под водой он круто выдается вперед. Это и есть таран, предназначенный для удара в подводную часть корпуса вражеского корабля. Но и когда таран официально входил в арсенал боевых приемов, на него решались только самые отважные и решительные командиры. Какая же отвага требовалась от лейтенанта Волкотруба, чтобы ринуться на таран современного корабля сквозь огонь скорострельных пушек и крупнокалиберных пулеметов!

По моему совету командующий Балтийским флотом, кому подчинялась флотилия, издал особый приказ по поводу этого события. Действия лейтенантов Волкотруба и Смирнова ставились в пример всем командирам кораблей.

У берегов Прибалтики

Как позже стало известно, 9 июля 1944 года, когда наши войска уже

вошли в Прибалтику, на совещании у Гитлера было принято решение: "Главной целью, которой все должно быть подчинено даже при возможности отступления северной армейской группировки, должно быть предотвращение прорыва русских к Балтийскому морю"^{71}. Военно-морскому командованию указывалось на необходимость блокировать Балтийский флот русских в Финском заливе, для чего прочно удерживать Наргенскую позицию, а главное — острова Моонзундского архипелага.

Несмотря на тяжелое положение на других фронтах, гитлеровское командование вело большие работы по созданию мощных оборонительных рубежей на этом участке побережья Балтийского моря. Каждый из них — "Нельке", "Валга", "Цесис", "Сигулда" и другие — имел по две, три и более промежуточных позиций. Особенно мощные рубежи были созданы на подступах к Риге, Либаве и Мемелю.

Наши войска в это время готовились к Прибалтийской операции, в которой должны были участвовать четыре фронта, Балтийский флот и авиация дальнего действия. Эта крупнейшая стратегическая операция разбивалась на два этапа: с 14 по 27 сентября и с 29 сентября по 22 октября и состояла из следующих наступательных операций: Рижской (первый этап). Таллиннской, снова Рижской (второй) и, наконец, Моонзундской десантной операции.

Фашистское командование больше всего опасалось, как бы наши корабли не прорвали Гогландскую минно-артиллерийскую позицию, и поэтому спешно укрепляло ее. Всего здесь с января по сентябрь 1944 года враг выставил, по нашим сведениям, около 15 тысяч мин и минных защитников. Вместе с прежде поставленными теперь здесь насчитывалось свыше 30 тысяч мин. Всего же в Финском заливе было более 66 500 мин.

Минная опасность в заливе затрудняла плавание не только нам, но и

самим немцам. 18 августа 1944 года на своих минах подорвались сразу 4 немецких миноносца. Три из них погибли, а один получил серьезные [417] повреждения{72}. Когда враг попытался поставить активные минные заграждения на подходах к Таллинну, то снова на своих минах подорвались и пошли ко дну два его эскадренных миноносца{73}.

Наша флотская авиация перебазировалась на новые аэродромы, ближе к линии фронта. Это позволило значительно увеличить район ее действия. Наши летчики не давали покоя вражеским кораблям, тем самым помогая морякам тралить фарватеры в южной части Гогландской позиции.

Нам на Балтике стало значительно легче: Финляндия вышла из войны. Между прочим, гитлеровцы предвидели это, и еще 5 июля, до заключения перемирия между СССР и Финляндией, немецкий флот получил приказ разработать план операции по захвату острова Гогланд и Аландских островов, занятых финнами.

14 сентября к Гогланду подошло 49 немецких кораблей. Они высадили 2,5 тысячи солдат и офицеров. Фашистскому десанту удалось захватить только северо-восточную часть острова. Дальше его не пустили финны, обязавшиеся по условиям перемирия оборонять остров от немцев. По указанию Ставки командование флота на помощь финскому гарнизону направило авиацию. Вступила в бой и береговая артиллерия финнов. Совместными усилиями были потоплены 6 десантных барж, 3 тральщика, сторожевой корабль, 2 вспомогательных судна, 4 сторожевых катера, 2 буксирных парохода, а 6 десантных барж получили повреждения. В воздушных боях противник потерял 15 самолетов. Уцелевшие вражеские корабли поспешно покинули район высадки, оставив свой десант без всякой помощи. Тот целиком сдался в плен.

Это было первое серьезное испытание наших отношений с северным соседом, сбросившим с себя фашистскую кабалу.

Неудача у Гогланда заставила гитлеровское командование отказаться от высадки десанта на Аландские острова. Уже вышедшие в море отряды кораблей — крейсер "Принц Ойген" с 3-й флотилией миноносцев и крейсер "Лютцов" с 10 миноносцами — получили приказ вернуться в базы. Больше противник не пытался высаживать десанты.

Наши сухопутные войска, быстро продвигавшиеся по побережью, нуждались в защите своих приморских флангов, которые пока оставались под угрозой ударов [418] со стороны моря. В конце июля 1944 года войска 1-го Прибалтийского фронта, выйдя на берег Рижского залива северо-восточнее Кемери, рассекли вражескую группировку. Но завершить ее разгром не смогли. К месту боя подоспели немецкий крейсер "Принц Ойген", 4 эсминца, несколько других кораблей. Взаимодействуя с танками, они помогли своим войскам выправить положение. А мы тогда были не в силах оказать противодействие немецкому флоту: не были протралены фарватеры, и корабли не смогли подойти в район боев.

В Прибалтийской наступательной операции на Ленинградский фронт возлагалось освобождение Таллинна. Балтийский флот должен был содействовать наступлению войск фронта огнем корабельной артиллерии, прикрытием переправ на Теплом озере и десантами на Чудском озере. К этому привлекались разнообразные силы: флотская авиация, бригады речных кораблей, торпедных катеров, шхерных кораблей.

Перевозку войск 2-й ударной армии через Теплое озеро производила бригада речных кораблей. За две недели она переправила 135 тысяч человек, более 2 тысяч орудий и минометов, свыше 9 тысяч автомашин и массу других грузов{74}.

Наши части упорно продвигались вперед. Командующий фронтом

приказал морякам прикрыть прибрежный фланг войск. Крупные корабли не смогли этого сделать из-за минной опасности. Выручила инициатива работников штаба флота. Они предложили посадить на автомашины подразделения 260-й отдельной бригады морской пехоты с задачей наносить удары по противнику вдоль побережья. Отряд торпедных катеров тем временем высаживал мелкие тактические и разведывательные десанты, которые своими действиями ослабляли сопротивление противника.

Как видим, Таллиннская операция осуществлялась почти исключительно с суши. Повторяю, это объясняется минной опасностью, в заливе. Крупные корабли Ставка нам разрешала использовать только в исключительных случаях, когда без этого не могли обойтись сухопутные войска.

22 сентября войска фронта при содействии флота освободили Таллинн и ряд близлежащих островов, а на следующий день вышли к берегам Рижского залива. Еще через день наш десант освободил остров Вормси, а затем наши войска захватили остров Виртсу (Вердер). [419]

Овладение этими островами имело большое значение: теперь мы могли не только наблюдать за действиями в Моонзунде, но и перебазировать сюда некоторые корабельные соединения.

В боях за Таллинн хорошо поработала флотская авиация. Только за два дня — 21 и 22 сентября — бомбардировщики и штурмовики потопили свыше 30 вражеских судов. Минно-торпедная авиация с 14 по 25 сентября потопила до десятка вражеских кораблей и транспортов и выставила минное заграждение в районе рейда, препятствуя движению судов противника. Очень поучительным оказался опыт высадки небольших разведывательных и тактических десантов из состава 260й отдельной бригады морской пехоты во многих прибалтийских бухтах и в

особенности на острове Вормси.

Высаживались они преимущественно с торпедных катеров, чем обеспечивалась внезапность ударов. Малочисленные отряды действовали быстро, напористо, решительно.

Освобождение Таллинна явилось крупным событием в жизни Балтийского флота. Пусть все гавани были заминированы (первое время там могли базироваться только мелкие корабли), а город сильно разрушен, но мы уже получили возможность контролировать устье Финского залива.

Гитлеровцы сосредоточили большие силы для защиты Моонзунда — ведь речь шла об обеспечении приморских флангов курляндской и мемельской группировок.

Обороняли острова гарнизоны общей численностью более 11 тысяч человек. Они имели в распоряжении до 10 дивизионов артиллерии и большое количество минометов. Сухопутные войска поддерживали авиация и около 40 боевых кораблей.

Для содействия приморским флангам своих курляндской и мемельской группировок противник создал две группы кораблей. В первую входили крейсера "Адмирал Шеер" и "Адмирал Хиппер", 4 эскадренных миноносца и много обеспечивающих кораблей, во вторую — крейсера "Принц Ойген", "Лейпциг", "Лютцов", 3 эскадренных миноносца и 3 миноносца{75}. Здесь же действовали торпедные катера, подводные лодки, артиллерийские и десантные баржи.

Наличие большого количества кораблей и судов давало противнику возможность быстро перебрасывать подкрепления. Нередко он прибегал к этому. Чуть [420] только положение его войск усложнялось, туда спешили немецкие корабли. Правда, не всегда их действия заканчивались успешно. Так, 15 октября произошло столкновение двух крейсеров. "Лейпциг" на рейде Гдыни налетел на "Принца Ойгена" и

почти разрезал его пополам, разворотив и себе всю носовую часть. 14 часов дрейфовали в таком положении корабли в море, пока спасательные суда не разъединили их и не отвели в порт. Эта авария надолго вывела оба крейсера из строя.

Этот случай убедительно свидетельствовал о нервозности, царившей в немецком флоте.

Наши силы составляли в основном торпедные катера, катера-тральщики и другие мелкие суда — всего более 90 единиц. Авиация к началу операции базировалась уже неподалеку от развертывающихся боевых действий.

В соответствии с директивой Ставки Военный совет Ленинградского фронта приказал очистить от противника Моонзундский архипелаг не позднее 5 октября{76}. При этом он рассчитывал на действенную помощь Балтийского флота как высадками десантов, так и перевозками войск и снабжения.

С Моонзундским архипелагом связаны многие военные события как в прошлых веках, так и в более близкие для нас времена. В первую мировую войну немцы, захватив крупные острова этого архипелага — Эзель, Моон, Даго,— пытались прорваться в Финский залив, а оттуда к Петрограду, где уже свершилась революция. Они потеряли до 30 кораблей, но пройти так и не смогли.

В начале Великой Отечественной войны советские воины здесь сражались до последнего, проявив образцы стойкости и мужества.

Теперь предстояло эти острова освободить.

Предполагалось сначала овладеть островами Вормси и Муху (Моон), затем островами Хийумаа (Даго) и Сааремаа (Эзель).

Остров Вормси и полуостров Виртсу, прикрывающие вход в Моонзунд со стороны Рижского залива, наши войска сумели взять 27 сентября, еще в

ходе Таллиннской операции. Это был удобный плацдарм. Накопив здесь силы, наши войска 29 сентября неожиданно для противника высадили на остров Моон десант численностью более 1100 человек. В высадке участвовало 13 торпедных катеров флота и 90 амфибий 8-й армии. 5 октября большая часть Эзеля была в наших [421] руках. Но последующим действиям помешала погода. Противник воспользовался этой паузой, укрепил оборону острова, а гарнизон Эзеля усилил пехотной дивизией, переброшенной из Курляндии. В результате наши войска утратили очень важное тактическое преимущество — внезапность. Это отразилось на сроках операции. Запланированная на шесть дней, она затянулась на 56 суток. Затяжные бои завязались на полуострове Сырве. Несмотря на активные действия нашей флотской авиации, совершившей более 600 вылетов на коммуникации гитлеровцев вблизи полуострова, несмотря на то что наши части прорвали первый укрепленный рубеж противника, а затем сосредоточили мощные артиллерийские силы для прорыва второго оборонительного рубежа, наступление застопорилось. Полностью блокировать вражеские войска на полуострове тоже не удалось — корабли наши не могли подойти сюда из-за минной опасности. Мы были вынуждены считаться с возможностью массированных налетов немецкой авиации. Да и вражеская артиллерия обрушила бы огонь, если бы корабли приблизились к полуострову.

Мне несколько раз звонил Трибуц. Он был сильно расстроен: командование фронта упрекало моряков в нерешительности. Пришлось обратиться в Ставку. Там сказали: "Крупными кораблями не рисковать, используйте авиацию, торпедные катера и подводные лодки". В этом духе я и отдал распоряжение командующему флотом. Связался с командующим ВВС флота М. И. Самохиным. Он доложил, что большая часть авиации уже занята в районе Сырве.

С Михаилом Ивановичем Самохиным я познакомился еще до войны, когда он командовал эскадрильей на Черном море. Годы войны генерал М. И. Самохин прошел вместе с флотом. Это был знающий и смелый командир, морские летчики под его руководством вершили славные дела. Бывали, конечно, и трудные моменты и неудачи, но и с ними умел справляться Самохин.

24 ноября остров Эзель после упорной борьбы был полностью освобожден. В тот же день наши войска очистили от противника полуостров Сырве. Тем самым завершилось полное освобождение Эстонии.

Печенга наша

Лечу на Север. Прежде всего в Архангельск. Хочу посмотреть, как справляется на новом месте Юрий Александрович Пантелеев. После Волги его назначили сюда командующим Беломорской военной флотилией. Должность беспокойная. Операционная зона флотилии растянулась на тысячи километров, и все это на Крайнем Севере с его морозами, льдами, бесконечными капризами погоды.

Вся служба Пантелеева, можно сказать, проходила у меня на глазах. Познакомились мы с ним еще в двадцатых годах, когда после училища я попал на крейсер "Червона Украина", где Юрий Александрович был штурманом. Приветливый, отзывчивый, он сразу же мне понравился. Пантелеев к тому времени был уже опытным моряком, и мы, новички, прислушивались к каждому его слову.

Как сейчас вижу Пантелеева на мостике крейсера. Быстро шагает от компаса к компасу, затем исчезает в штурманской рубке, чтобы колдовать над картой. Всегда озабоченный и всегда веселый, неунывающий. По вечерам он был душой кают-компаний. Прекрасный

рассказчик, Пантелеев неистощим на разные морские истории.

Его часто можно было увидеть на корабельной шестерке под парусами.

Парусный спорт остался его увлечением на всю жизнь.

Расставшись с ним на Черном море, я встретил его снова в 1939 году в Кронштадте. Он был уже начальником штаба флота. Командующего не было, и мне как наркому докладывал Пантелеев. По старой привычке докладывал многословно и кое-что явно приукрашивая. Я тронул его за рукав.

— Знаете, Юрий Александрович, если я еще раз услышу такой доклад, то дам телеграмму по флотам, чтобы ни единому вашему слову не верили.

Пантелеев смутился. Впредь он свою речь старался строить строже.

В годы войны Пантелееву довелось быть на трудных участках — на Балтике, на Волге, на Севере, в центральном аппарате. Всюду он отлично справлялся с делом. [423]

Я видел Юрия Александровича штурманом на крейсере, командиром подводной лодки, командиром соединения кораблей, начальником штаба флота, командующим флотилией, на руководящих должностях, в Главном морском штабе, командующим флотом, начальником Военно-морской академии. И всегда ярче всего сказывалось его главное качество — любовь к морю. В разные времена оно проявлялось по-разному, в зависимости от должности и положения, но где бы он ни служил, его влекло море. Не случайно он еще в юности совершил кругосветное плавание на "Воровском", а позднее много плавал на кораблях всех классов. Ему одинаково знакомы надводные и подводные корабли, а также и все наши морские театры. И он одинаково хорошо знает и строевую и штабную службу, безупречно справляется и с той и с другой, потому что знает и любит море.

...Юрий Александрович встретил меня радушно, сразу же повез к себе в

штаб и начал докладывать о делах флотилии. Чувствуется, что он уже вжился в работу, она ему нравится, несмотря на все трудности, он откровенно гордится своей флотилией и ее людьми. Что ж, это хорошее качество любого командира — гордиться своим делом и своими помощниками.

Флотилия к тому времени выросла и количественно и качественно. Она получила много кораблей и судов, и люди здесь были на подбор. За время войны на Севере появились новые базы, что значительно облегчило и обезопасило плавание в Арктике и укрепило оборону побережья.

В 1944 году Беломорская флотилия, организационно входившая в Северный флот, продолжала обеспечивать безопасность морских коммуникаций в Белом море, восточной части Баренцева моря и особенно в Арктике. Только с задачей конвоирования транспортов боевые корабли флотилии сделали за навигацию около 1800 выходов в море.

С целью нарушения наших коммуникаций гитлеровцы сосредоточивали временами в Северной Норвегии до 40 подводных лодок, из которых 8 действовали на подходах к Белому морю и на наших внутренних арктических коммуникациях. Они ставили мины, атаковали конвои новыми гидроакустическими торпедами, нападали на малые корабли. В частности, 26 августа 1944 года вражеская лодка потопила небольшое гидрографическое [424] судно "Норд", но и сама отправилась на дно после того, как ее атаковал тральщик "Т-11 б" под командованием капитан-лейтенанта Б. А. Бабанова.

Немецкие лодки к тому времени были уже оснащены шноркелем — устройством из выдвигающихся на поверхность труб, по которым поступал к дизелям воздух и отводились отработанные газы. Шноркель давал лодкам возможность не всплывать для подзарядки аккумуляторных

батарей. Обнаружить такую лодку в море очень трудно. Немало забот приносили нам и гидроакустические и электрические бесследные торпеды, от которых нелегко было отклониться. Выручали, как всегда, героизм и изобретательность наших моряков. Иногда под тусклым полярным небом разыгрывались полные драматизма события. Вспоминается эпизод с тральщиком "Т-120" под командованием капитан-лейтенанта Д. А. Лысова. Тральщик шел в составе охранения четырех транспортов с очень ценным грузом из моря Лаптевых на остров Диксон. В течение трех дней — 22, 23 и 24 сентября — на конвой непрерывно нападали немецкие лодки. Корабли охранения едва успевали отразить одну атаку, как другая лодка скрытно подбиралась к транспортам. Но все же транспорты благополучно добрались до Диксона. В один сторожевик из охранения все же попала торпеда. Команда была спасена, но корабль погиб. Задача обнаружить лодку и потопить ее была поставлена перед экипажем тральщика "Т-120". По правде сказать, у старого тихоходного тральщика было мало шансов на победу в бою с современной подводной лодкой. И все-таки советские моряки вступили в схватку. Вскоре над морем прогремел взрыв — вражеская торпеда попала в тральщик. На корабле находились раненые и команда погибшего сторожевика. Капитан-лейтенант Лысов, пересадив большую часть людей на шлюпку и понтон, с оставшимися продолжал неравный бой, который длился несколько часов. Тральщик погиб. Погибли и люди, которые оставались на нем. Но своим огнем тральщик отвлек на себя внимание противника, чем спас людей на шлюпке и понтоне. Им тоже выпали немалые испытания. На веслах и под парусом, связанным из шинелей, они проплыли сотни миль, пока не высадились на остров, где их подобрала рыбаки.

— За этот тральщик мы расплатились сполна,— рассказывал Ю. А.

Пантелеев.— В течение двух [425] недель потопили две немецкие лодки. Но доказать командованию этот успех было не легче, чем потопить субмарины.

Да, я помню этот случай. Головки потребовал убедительных доказательств. Масляное пятно давно перестало служить свидетельством гибели лодок — немцы были мастера на имитацию. Только когда на поверхность моря всплыли обломки нактоуза — деревянного шкафчика, в котором устанавливается компас — и два трупа немецких моряков, Головки сказал: "Теперь верю. Шлите наградные листы на героев". Спустя неделю беломорцы потопили еще одну лодку. Снова потребовались подтверждения. На этот раз они оказались неопровержимыми: корпус потопленной лодки был обнаружен на дне, между прочим, совсем недалеко от первой лодки.

Пантелеев, человек энергичный и подлинный моряк, и здесь, на Севере, часто выходил в море. Так, он лично возглавил очень важную конвойную операцию. Два крупных ледокола — "Сталин" и "Северный ветер" — закончили работу в восточной части Арктики, и их следовало привести в Архангельск, где они были крайне необходимы в связи с приближающимся ледоставом. Белое море замерзает, и зимой без ледоколов здесь не обойтись. 8 эсминцев, 5 больших охотников, 5 тральщиков должны были нести охрану ледоколов. Командующий флотилией поднял свой флаг на лидере "Баку", и отряд вышел в море. Несмотря на жестокий шторм, доходивший до 10 баллов, соединение боевых кораблей, встретив ледоколы у Карских ворот, взяло их под охрану. Было это глубокой осенью. Напомню, что в Карском море в это время года почти круглые сутки темно. Акустики то и дело докладывали о шумах вражеских лодок. Боевым кораблям приходилось менять курс, бомбить места предполагаемого нахождения лодок. Как известно, лодки

подстерегают свою жертву обычно в узкостях и около мысов. Поэтому Ю. А. Пантелеев решил следовать не обычными курсами, а обойти наиболее опасные районы. Лодки стали появляться все реже, а затем и совсем отстали. Операция закончилась успешно. Моряки потом долго вспоминали, как тяжело плавать в полярную ночь, в сильный шторм, да еще в окружении вражеских подводных лодок.

Не обошлось и без курьеза. Чтобы сохранить секретность операции, Пантелеев договорился со мной, что [426] до возвращения кораблей в базу они будут соблюдать радиомолчание. Я дал "добро", предупредил об этом Головко. Но когда сроки истекли, а конвоя все не было, Головко не выдержал и по радио запросил у Пантелеева, где он находится. Юрий Александрович упорно молчал. Миновали еще двое суток. Начал беспокоиться и Главный морской штаб. Командующий флотилией не отвечал и на его запросы. Когда наконец конвой прибыл в Архангельск целый, но со значительным опозданием, Пантелееву крепко досталось от флотского начальства. Пообещали ему, что нарком еще добавит. Поэтому, едва сойдя на берег, командующий флотилией позвонил мне по ВЧ, доложил о выполнении задачи. А я тоже за эти дни понервничал достаточно. Строго спрашиваю:

— Почему вы не отвечали на запросы?

— Но ведь вы сами запретили радиопереговоры,— ответил Юрий Александрович.— Может, благодаря этому мы и дошли без потерь.

Вот ведь как бывает: в волнении за исход операции я и позабыл о нашем разговоре...

После недолгой паузы отвечаю:

— Правильно сделали.

"Ваш ответ для меня был самой большой наградой за все переживания",— писал мне потом Ю. А. Пантелеев.

Беломорской флотилии в 1944 году довелось выполнять несколько необычное для нее дело. Оно было связано с действиями английской авиации. В районе Альтен-фьорда среди скал укрывался самый крупный немецкий линейный корабль "Тирпиц". Английским бомбардировщикам никак не удавалось добраться до него — не хватало радиуса действия. Поэтому военно-морской представитель Англии в Москве вице-адмирал Дж. Майлс обратился ко мне с просьбой, нельзя ли использовать наши аэродромы для организации "челночных операций", чтобы самолеты вылетали из Англии, бомбили линкор, а посадку делали в районе Архангельска, затем вылетали из Архангельска, снова бомбили и садились уже на своих аэродромах. Решение этого вопроса выходило за рамки моей компетенции, я запросил правительство. Оно ответило согласием. За обеспечение этой операции стали отвечать командующий Беломорской флотилией Ю. А. Пантелеев и командующий ВВС Северного флота. "Тирпиц" давно уже не давал покоя англичанам. Британские адмиралы боялись [427] его как огня. Помните, они бросили на произвол судьбы злополучный конвой "PQ-17", стоило лишь им услышать, что "Тирпиц" вышел из базы? Поэтому они не жалели сил, чтобы уничтожить его.

Но потопить это бронированное чудовище было не просто. Первые бомбежки не дали результатов. Использовали сверхмалые подводные лодки. Две из них смогли подойти к линкору, укрепив на его днище взрывчатку, но и эти взрывы мало что дали. Линкор остался на плаву. Снова бомбежки. Трудно попасть бомбой в корабль, но и попавшие бомбы не могли пробить стальную броню палубы. Тогда и решили использовать тяжелые бомбардировщики "ланкастер" и самые крупные шеститонные бомбы, которые они могли поднять. 40 "ланкастеров" перелетели на наши аэродромы. На цель их водили наши штурманы.

Совершили много полетов. Несли потери. Но в конце концов все же потопили "Тирпиц". Ликованию англичан не было границ. Король Великобритании наградил английскими орденами многих участников этого подвига, в том числе и советских летчиков. Среди награжденных был и командующий Беломорской флотилией Ю.А. Пантелеев, ответственный за "челночную" операцию.

Несколько дней я пробыл в Ваенге. С Головки порботали в его штабе. Встретились с летчиками, моряками надводных кораблей, подводниками, катерниками, морскими пехотинцами. Североморцы пока не знали, что скоро им предстоит участвовать в большой стратегической операции.

После того как наши войска, освободив Карелию, вышли к государственной границе, создались благоприятные условия для разгрома противника на мурманском направлении. Ставка уже разработала Петсамо-Киркенесскую операцию. В ней предстояло участвовать войскам Карельского фронта и морякам Северного флота.

В кабинете Головки мы знакомились с обстановкой и заслушивали доклады некоторых командиров соединений.

Доклады радовали. Да, это совсем не тот флот, который начинал войну в июне 1941 года. Тогда здесь было всего лишь несколько эсминцев, а теперь целая эскадра. Была дюжина катеров, теперь их более сотни.

Эскадрой командовал контр-адмирал В. А. Фокин, отдавший всю свою жизнь флоту. Я его знал много лет. [428]

Работал он не щадя себя и заслужил добрую память среди моряков всех флотов.

Пополнился и подводный флот. Появилась Краснознаменная, ордена Ушакова бригада подводных лодок. Командовал ею прославленный подводник Герой Советского Союза контр-адмирал И. А. Колышкин.

Помню, сколько жаловался когда-то Головки на слабость своей авиации,

на отсутствие аэродромов. А теперь было несколько дивизий и других крупных авиасоединений. Командовали ими геройские летчики, выросшие до генералов,— А. В. Жатьков, С. М. Шевченко, Н. К. Логинов, М. В. Семенихин и другие. Воздушные силы флота возглавлял с начала 1943 года генерал-лейтенант А. Х. Андреев.

А какой могучей стала береговая артиллерия, которой командовал здесь генерал-майор И. А. Кустов!

Вот так. Силы гитлеровцев таяли с каждым часом. А наши росли и росли. Поистине богатырь наш советский народ!

Командующий Карельским фронтом генерал армии К. А. Мерецков и командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головко вместе обсудили приказ Ставки. Кое-какие указания адмирал Головко получил от меня. С флотскими специалистами поработали офицеры Главного морского штаба и управлений Наркомата. Работники тыла принимали меры по материально-техническому обеспечению действий флота.

Первоначально командующий фронтом предложил одновременно с началом наступления на суше высадить на южное побережье губы Малая Волоковая десант в составе двух бригад морской пехоты с задачей выйти на дорогу Печенга — река Титовка и отрезать отход войскам противника. Однако Генеральный штаб и мы не согласились с этим вариантом. Рано еще было обе бригады морской пехоты снимать с оборонительных позиций.

Мерецков и Головко разработали другой вариант. По нему морские бригады при содействии авиации и кораблей флота должны были прорвать оборону противника перед фронтом Северного оборонительного района, отбросить отсюда вражеские войска и только после этого высадить десанты на побережье, овладеть дорогой Титовка — Пророваара, отрезать отход немцам с рубежа реки Западная Лица и,

соединившись с частями 14-й армии, совместно развивать наступление на Петсамо. [429]

Флоту предписывалось обеспечить перевозку войск 14-й армии из Мурманска на западный берег Кольского залива и ее снабжение{77}.

Общее руководство действиями флота на морском и приморском направлениях осуществлял адмирал А. Г. Головкин. Свой пункт управления он развернул на полуострове Рыбачий.

Официально считается, что наступление войск Карельского фронта началось 7 октября. Но еще за два дня до этого на главном направлении была прорвана оборона противника, форсирована река Титовка, и наши части значительно продвинулись на запад. А тут подоспел десант, высадившийся на берегу губы Малая Волоковая и устремившийся в южном направлении. Только после этого развернулось наступление главных сил. Когда была прорвана вражеская оборона на перешейке полуострова Средний, противник, опасаясь окружения, стал спешно отводить свои войска.

В тот же день командующему флотом была послана депеша: "Нарком считает весьма желательным участие флота в занятии нашей будущей ВМБ и крупнейшего населенного пункта на Севере"{78}.

Начальник Главного морского штаба не случайно употребил не совсем приказное выражение: "нарком считает желательным", ибо Северный флот взаимодействовал с Карельским фронтом, и в таких случаях я считал, что лучше советовать, чем категорически приказывать.

Этой телеграммой перед североморцами была поставлена, собственно, новая задача. Раньше речь об освобождении порта Линахамари, расположенного на западном берегу Печенгской губы, не заходила. Теперь флоту предписывалось высадить здесь десант, чтобы содействовать нашим войскам в быстрейшем освобождении Петсамо и

закрыть дорогу для отступления в Норвегию остаткам разгромленных частей противника.

На долю североморцев выпала честь самостоятельно занять порт Линахамари. Они предложили смелый план. Было известно, что длинный и узкий фьорд, ведущий в порт, противник прикрывает огнем многих орудий разных калибров. Все эти огневые точки хорошо укрыты, их не подавить ни авиацией, ни артиллерией. Решили прорываться на самых быстроходных и маневренных кораблях — торпедных катерах и малых [430] охотниках. Именно на них пойдет десант, причем высаживаться будет непосредственно на причалы порта.

В этой десантной операции был использован опыт многих десантов, которые за время войны осуществили наши моряки и на Балтике, и на Черном море, и здесь,, на Северном флоте. Смелость, решительность, точный расчет сквозили в действиях и экипажей катеров и морских пехотинцев.

Морская пехота! Ее слава началась давно. В блестящую победу над шведами в знаменитом Гангутском сражении 27 июля 1714 года весомый вклад внесла русская морская пехота. Русская морская пехота прославилась при взятии крепости Корфу в 1799 году, когда эскадра Ф. Ф. Ушакова изгоняла захватчиков с греческих островов, возвращая свободу местному населению.

Участвовала морская пехота и в Бородинском сражении, совершив затем вместе с армией путь от Москвы до Парижа.

Моряки сражались в Севастополе во время Крымской войны в прошлом столетии. Тогда, как известно, обстановка вынудила русских моряков затопить свои корабли, только что одержавшие победу у Синопа. Другого выхода не было: следовало закрыть вход в Северную бухту и тем самым спасти Севастополь. К тому же русские старые парусные корабли не

могли сражаться с паровыми кораблями противников — англичан и французов.

В годы гражданской войны моряки тоже сходили с кораблей и сражались под Петроградом, на Волге и Каме, на Онежском озере, берегах Каспийского моря. Командовали ими Дыбенко, Кожанов, Железняков и другие командиры, выдвинутые из самой гущи матросской массы.

Перед Великой Отечественной войной у нас морской пехоты было мало. Ряды ее стали множиться с первых же дней боев. Уже при обороне Либавы сотни моряков покинули корабли, чтобы вместе со стрелковыми частями сражаться на суше.

В июле — августе 1941 года нависла угроза над Таллинном. Ставка приказала командованию Балтийского флота взять на себя ответственность за оборону главной военно-морской базы на Балтике. Для усиления сухопутного гарнизона были сформированы отряды и батальоны моряков.

Нелегко было морякам сражаться на суше: они почти не знали тактики сухопутного боя. Приходилось [431] учиться под огнем. А такая учеба никогда не обходится без крови. Моряки несли потери. Но их порыв был так неудержим, а отвага такой безграничной, что они и в этих условиях побеждали. "Черной смертью" прозвали их фашисты еще в Либаве, вид моряков наводил страх на врага.

Морские бригады, полки и батальоны вместе с сухопутными частями обороняли на Черном море Одессу, Очаков, Николаев, Севастополь, на Балтике — Ленинград, на Севере — Мурманск.

В самый тяжелый первый период борьбы Верховное Главнокомандование сосредоточивало усилия всех видов Вооруженных Сил на отражение вражеского натиска. Ставка обратилась за помощью к морякам. Повсюду на флотах стали создаваться бригады морской пехоты (они большей

частью состояли из личного состава флота) и морские стрелковые бригады, где моряки являлись лишь костяком, а остальной личный состав — из разных родов войск. Пожалуй, не было ни одного фронта, где бы не воевали эти бригады.

О морских пехотинцах с похвалой отзываются маршал Г. К. Жуков, наблюдавший за их действиями в битве под Москвой, маршал В. И. Чуйков, которому довелось иметь дело с ними под Сталинградом, маршал К. А. Мерецков, которому вместе с ними пришлось воевать на Карельском фронте. Исключительно высоко оценивал героизм морских пехотинцев маршал Л. А. Говоров.

Посреди села Белый Раст, недалеко от Москвы, где сражалась 64-я морская бригада, высится памятник. Золотом сияет надпись: "Героическим морякам, павшим смертью храбрых в боях с немецкими захватчиками при защите родной Москвы. Декабрь 1941 г." Памятник воздвигнут в селе Языкове, где сражался со своей 71-й морской бригадой, сформированной из тихоокеанцев, полковник Я. П. Безверхов. Если вы поедите по Подмоскovie, насчитаете более десятка таких памятников, установленных там, где беззаветно сражались моряки, сошедшие на сушу по специальному решению Государственного Комитета Обороны. Мне хорошо запомнились в те трудные дни слова Верховного Главнокомандующего, адресованные мне: "Проследить за формированием морских бригад". Помнится отправка на фронт отряда [432] моряков, сформированного из личного состава центральных управлений ВМФ. Перед тем как уйти в бой, моряки дали клятву умереть, но отстоять Москву. Странно было видеть, как над заснеженным полем бьется на ветру бело-голубой морской флаг, который мы привыкли видеть на корабельных мачтах.

Правильно ли, что моряки использовались на берегу? Да, это целиком

соответствовало нашей военной доктрине, которая требует направлять все усилия для достижения единой цели.

Полмиллиона моряков сражались на берегу. Вдумайтесь в эту цифру. Ведь флот по сравнению с другими видами Вооруженных Сил имеет относительно мало личного состава. И конечно, мы такое количество не набрали бы на кораблях. Встали под ружье все поколения советских моряков — от подростков-юнг до людей пожилого возраста.

Когда бои шли в прибрежных районах, мы морскую пехоту использовали прежде всего в первых бросках десантов, которые должны были зацепиться за кромку берега и удержать ее до подхода главных сил. Нередко такие десанты комплектовались полностью из моряков. Потому что все знали: они легче перенесут путь по морю, какой бы ни бушевал шторм, их не устрасит ни ледяная вода, ни грохот прибоя.

И вот при прорыве в порт Линахамари вновь во всем блеске проявились лучшие качества нашей морской пехоты. Стремительные катера мчались сквозь стену огня. На их палубах, сжимая в руках оружие, находились морские пехотинцы, те самые, что три года дрались в насквозь промерзших скалах хребта Муста-Тунтури, высаживались на берегу Западной Лицы, участвовали и в других десантах, так что за плечами каждого теперь был опыт многих боев. Возглавлял десант командир 63-й бригады морской пехоты полковник А. М. Крылов. Вместе с ним находился начальник политотдела полковник Г. М. Фомин.

На всем протяжении фьорда вражеский огонь был убийственный. Но не зря говорят, что смелого пуля боится. Потерь оказалось совсем мало.

Катера вели испытанные командиры А. О. Шабалин, Е. А. Успенский, С. Г. Коршунович, С. Д. Зюзин. В первом броске десанта шли 660 морских пехотинцев под командованием майора И. А. Тимофеева. Вот и причалы. Первым высадился со своими подчиненными [433] старший сержант И. П.

Каторжный. Вскоре он вместе с рядовым И. В. Королевым водрузил красный флаг над портовым зданием.

Все решили внезапность, быстрота, дерзость. Они ошеломили врага. Немецкий командир базы Линахамари только и успел передать в Киркенес: "Большевистские катера прорвались в базу. Срочно эвакуируюсь!"

Противник ожесточенно сопротивлялся. Бои продолжались несколько дней. Но гитлеровцы уже ничего не смогли изменить. 15 октября войска Карельского фронта и части флота заняли Петсамо и продолжили наступление вдоль побережья. В ходе этого наступления моряки высадили еще три тактических десанта. После освобождения Линахамари Северный флот получил удобную базу в Варангер-фьорде.

25 октября 1944 года в Москве загремел салют по случаю освобождения нашими войсками города Киркенеса. Этот салют означал, что освобождены от фашистских захватчиков первые километры территории Норвегии. Советская Армия, выполняя свою великую освободительную миссию, вступила на землю этой скандинавской страны.

Мы в Москве любовались разноцветным огненным дождем, когда мне позвонил А. Г. Головкин, доложил об успехах.

— Поздравляю,— сказал я.— Как раз по этому случаю Родина салютует вам, северянам.

Я связался с К. А. Мерецковым, поздравил его.

— Салуд, камарадо! — отозвался Кирилл Афанасьевич.— Тебе большое спасибо за моряков. Молодцы! Действовали выше всяких похвал.

На следующий день мы с начальником Главного морского штаба подробно проанализировали обстановку на Севере. Было ясно, что она здесь значительно улучшилась. Все побережье от губы Печенга до Бьекфьорда было очищено от врага. Противник лишился баз и

аэродромов в районе Варангер-фьорда. Угроза союзным конвоям значительно убавлялась. Английское адмиралтейство вновь стало формировать крупные конвои, состоявшие из 30—50 транспортов, и выпускать их сразу, а не делить на две части, как раньше.

Правда, с потерей своих баз во Франции и Бельгии немцы перебазировали на Север много своих подводных лодок, которые чаще стали появляться в южной части Баренцева моря. Но большого ущерба они [434] нанести не смогли. На пути следования конвоев стали активнее действовать поисковые ударные группы, состоявшие из надводных кораблей и подводных лодок. Они успешно справлялись со своей задачей — поиском и уничтожением вражеских лодок. В результате, например, конвой "QW-58" прибыл в наши порты без единой потери, хотя на пути его следования действовали 15 вражеских лодок и десятки самолетов.

К концу 1944 года мы вместе с союзниками полностью господствовали на Северном морском театре. Только наши подводные лодки потопили 20 вражеских транспортов и более 10 боевых кораблей противника.

Флотская авиация стала все чаще практиковать массированные налеты на немецкие конвои. Были случаи, когда в последовательных ударах по вражеским судам участвовало до 800 самолетов. Концентрированным ударом был полностью уничтожен, например, вражеский конвой у мыса Кибергнес. В течение 14 минут над ним прошло свыше 120 самолетов. За год морские летчики потопили и повредили более 90 фашистских судов.

Активность всех сил Северного флота на вражеских коммуникациях заставила немцев еще более усилить охранение конвоев. Нередко всего лишь один транспорт теперь сопровождали до 10 и более боевых кораблей. А на побережье немцы установили много артиллерийских батарей. Только таким образом конвои смогли достигать пунктов назначения. Чтобы разбить кольцо охранения, нашим торпедным катерам

приходилось вести атаки несколькими группами, нанося последовательные удары по транспортам. Как и авиация, катера тоже перешли к массированным нападениям. Все чаще командование флота наносило удары по вражеским конвоям одновременно различными родами морских сил: авиацией, подводными лодками и торпедными катерами. Руководить такими операциями стал лично командующий флотом. Все силы обычно сосредоточивались на полуостровах Рыбачий и Средний. Когда в море появлялся вражеский конвой, его атаковали одновременно и подводники, и летчики, и экипажи торпедных катеров. Этот тактический прием был достаточно эффективным.

Северный морской театр в годы войны, как я уже говорил, был одним из основных путей общения с нашими союзниками. Чтобы читатель яснее представил себе размеры и масштабы перевозок военных грузов, [435] приведу несколько цифр. Если в 1941 году по северным морским путям проследовало 45 транспортов, то в 1944 году это число достигло 248. А всего за войну к нам пришло 42 конвоя с общим числом транспортов 813. Потери составили 58 единиц — не так много, если учесть ожесточенность борьбы на морских коммуникациях.

На Дунае

Обстановка на Черном море к августу 1944 года складывалась для нас благоприятно. Немецко-румынский флот после боев за Одессу и Крым значительно убавился, к тому же он потерял многие базы. Теперь в его распоряжении остались лишь румынские и болгарские порты Констанца, Сулина, Варна, Бургас. Следовательно, операционная зона для врага значительно сократилась.

В связи с изменением политической ориентации Турции (2 июля 1944 года Турция порвала дипломатические отношения с Германией) заметно

снизилась активность морских перевозок через Босфор. Более напряженными оставались дунайские пути сообщения, где перевозки обеспечивала румынская речная флотилия.

Воды у северо-западного побережья Черного моря были засорены минами, поэтому пускать сюда крупные корабли было рискованно. Основные задачи возлагались на малые корабли и на флотскую авиацию, которая значительно пополнилась и теперь насчитывала более 900 самолетов.

По решению Ставки, как я уже писал, в апреле была сформирована Дунайская военная флотилия (командующий — контр-адмирал С. Г. Горшков, член Военного совета — капитан 1 ранга А. А. Матушкин, начальник штаба — капитан 1 ранга А. В. Свердлов). Она действовала все более активно.

Аркадия Владимировича Свердлова я помню еще по крейсеру "Червона Украина", где он был старшим артиллеристом. Однажды в присутствии командующего флотом И. К. Кожанова он выдержал суровый экзамен, стреляя по щиту на предельной дистанции на большой скорости, к тому же в плохую погоду. Стрельба получилась отличной, и комфлота, отдавая по этому случаю телеграмму по флоту, начал ее словами: "Впервые я видел такую стрельбу".

В звании капитана 3 ранга А. В. Свердлов возглавил штаб Азовской флотилии и проявил себя прекрасным руководителем. Ему обязана флотилия успехами целого ряда труднейших операций.

Как рассказывал А. В. Свердлов, служба на Азовском море была для него прекрасной школой. Флотилией командовал вице-адмирал С. Г. Горшков. Азовская флотилия участвовала в Керченско-Феодосийской десантной операции, сражалась у стен Новороссийска, а затем освобождала азовские города, снова форсировала Керченский пролив и дралась за

Крым.

Когда вновь организованная Дунайская флотилия помогала войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов освобождать европейские города, капитан 1 ранга А. В. Свердлов и здесь сделал очень много.

У нас было немало хороших начальников штабов, от работы которых зависел успех боевых действий. Одним из таких энергичных офицеров был А. В. Свердлов.

20 августа началась Ясско-Кишиневская операция. Перешли в наступление войска 2-го и 3-го Украинских фронтов. Одновременно силами ВВС Черноморского флота был нанесен удар по Констанце — основной военно-морской базе Румынии.

По данным разведки, в порту Констанца в это время находилось до 150 боевых кораблей, вспомогательных судов и плавсредств. Около 50 кораблей и судов базировалось в Сулине. Словом, в двух этих румынских портах располагались основные силы вражеского флота.

Удар был продуман до мелочей. Было решено вначале бомбить Сулину. Туда направили четыре группы штурмовиков — около 30 Ил-2, в сопровождении истребителей. Пока враг отбивал эту атаку, одиночные самолеты 5-го минно-торпедного авиаполка сбрасывали дымовые бомбы на Констанцу, ослепляя вражескую зенитную артиллерию. Большая часть фашистских истребителей была оттянута на Сулину. Этим воспользовались основные силы нашей авиации. 13-я дивизия пикировщиков, состоявшая из 59 самолетов, под прикрытием 77 истребителей налетела на Констанцу. Удары наносились тремя группами. Было уничтожено и повреждено около 70 боевых кораблей и судов, причинены большие разрушения в порту. Удары флотской авиации по Констанце и Сулине продолжались до 25 августа. Оба фашистских порта были, по сути дела, парализованы. [437]

Ю. Майстер, которого я уже не раз цитировал, по этому поводу пишет:

"Вследствие атак советской авиации произошло совершенно противоположное тому, что планировалось. С уходом германских кораблей из Сулины Дунай отдавался русским". И далее: "После того как германо-румынские корабли и базы были выключены ударами авиации, русские предприняли несколько десантных операций, которые вместе с наступлением советской армии привели к падению правительства Антонеску, разгрому сухопутных войск и капитуляции Румынии".

Корабли Дунайской флотилии в это время действовали на Днестре. Морякам пришлось много поработать, когда командующий 3-м Украинским фронтом приказал войскам форсировать Днестровский лиман. В состав десанта входили войска 46-й армии (3-й мотоциклетный полк, части 1-го гвардейского укрепленного района, батальон амфибий, 83-я и 255-я бригады морской пехоты) численностью более 8 тысяч человек и техника: танки, орудия, минометы. Форсирование лимана началось в ночь на 22 августа. Две группы плавсредств с войсками и техникой двинулись к западному берегу. С целью внезапности высадки артиллерийская подготовка не проводилась. Посадка войск на плавсредства и переход через лиман осуществлялись с соблюдением максимальной маскировки. Враг обнаружил десант, когда до берега оставалось метров 100—200. Фашисты открыли сильный огонь. К счастью, вовремя подоспела помощь — ударила артиллерия береговой обороны флотилии. Одесской военно-морской базы и 46-й армии. Под прикрытием дымовой завесы штурмовые отряды начали с боем высадку. Достигнув берега, они стремительным броском овладели передовыми окопами. Вслед за ними на берег вышли и закрепились там основные силы войск. Таким образом, на рассвете 22 августа на западном побережье Днестровского лимана наши части овладели плацдармом.

Полтора часа спустя после высадки части 83-й бригады морской пехоты вытеснили противника из населенных пунктов Молога, Чагиры Сухие и Чагиры Мокрые. Развивая удар с плацдарма, наши войска прорвали оборону противника и к вечеру овладели городом Аккерман (Белгород-Днестровский). В этих боях было уничтожено и взято в плен более 1 тысячи солдат и офицеров. [438]

Чтобы окружить приморскую группировку противника, необходимо было отрезать ей пути отхода. Дунайская военная флотилия получает новую задачу — прорваться в дельту Дуная и высадить десанты в тыл противнику. Командующий флотилией приказал командиру 4-й бригады речных кораблей капитану 2 ранга П. П. Давыдову в ночь на 24 августа форсировать Килийское гирло Дуная, а командиру Керченской бригады бронекатеров капитану 3 ранга П. И. Державину высадить 384-й отдельный батальон морской пехоты у Жебриан, а затем следовать за бригадой речных кораблей к Килийскому гирлу и совместно с десантом овладеть районом Вилково, Килия.

Вечером 23 августа отряды кораблей вышли из Одессы. На рассвете суда с десантом были у Жебриан. После короткого боя десант занял селение. Это было полной неожиданностью для вражеских войск, выходивших из окружения со стороны озера Кундук. Здесь десантники выдержали тяжелый бой. Он кончился тем, что группа немецко-румынских войск на следующий день сложила оружие. В плен было захвачено около 5 тысяч солдат и офицеров.

А отряд кораблей прорыва под прикрытием торпедных катеров и авиации флота на рассвете 24 августа вошел в Килийское гирло Дуная и, не встретив сопротивления противника, начал движение вверх по реке. Утром он уже достиг Вилково и открыл огонь по скопившимся на берегу для переправы через Дунай вражеским войскам. В порт был высажен

десант. Противник после короткого боя отошел, боясь оказаться в окружении: на северную окраину Вилкова вступили наши морские пехотинцы, высадившиеся в Жебриянах. В Вилково было пленено 2 тысячи солдат и офицеров противника.

Наши бронекатера шли вверх по Дунаю, уничтожая переправы, огневые точки и скопления вражеских войск по обоим берегам реки.

Быстрое продвижение советских войск предрешило судьбу профашистского правительства Антонеску. 23 августа в Румынии вспыхнуло вооруженное восстание. Положение немецких войск в Румынии стало шатким. Однако гитлеровское руководство еще не теряло надежды на восстановление своих утраченных политических и военных позиций. По приказу Гитлера немецкие войска начали наступление на [439] Бухарест, а их авиация обрушила бомбовые удары на румынскую столицу. Тогда вновь сформированное правительство Румынии объявило фашистской Германии войну. В районе Бухареста и Плоешти начались бои между вчерашними союзниками — немецкими и румынскими частями. После окружения кишиневской группировки войска 2-го и 3-го Украинских фронтов продолжали наступление в юго-западном и западном направлениях.

Командующий Черноморским флотом действующие в бассейне Дуная силы разделил на две группировки. Дунайская военная флотилия должна была продвигаться вверх по Дунаю, чтобы оказать помощь войскам 3-го Украинского фронта в переправе через реку, а сформированная Резервная военно-морская база Черноморского флота (командир — капитан 1 ранга А. В. Свердлов) получила задачу закрепиться в Вилково, а затем захватить Сулину и обеспечить свободу плавания в дельте и нижнем течении Дуная.

26 августа корабли флотилии заняли Тулчу, а отряд из шестнадцати

бронекатеров и 384-й отдельный Николаевский батальон морской пехоты 27 августа овладели портом Сулина. Румынская речная флотилия капитулировала, и мы полностью овладели нижним течением Дуная. Приморская группировка противника была полностью окружена.

Важнейшими особенностями боевой деятельности сил Черноморского флота по овладению дельтой Дуная явились быстрое переразвертывание сил, стремительные темпы продвижения и умелое ведение самостоятельных действий до установления непосредственного контакта с сухопутными войсками. Это помогло черноморцам выйти к важнейшим дунайским портам и овладеть ими еще до подхода войск 3-го Украинского фронта. Днем 25 августа командующий Дунайской военной флотилией контр-адмирал С. Г. Горшков доносил из Килии наркому ВМФ и командующему Черноморским флотом: "Частей армии нет. Прошу уточнить обстановку на фронте"{79}.

Морская группа при штабе 3-го Украинского фронта тоже получила сообщение:

"Доложите Бирюзову: Килия занята десантом, и пока войска 46-й армии не вышли к Дунаю, положение Горшкова напряженное"{80}.

Перед Советскими Вооруженными Силами был открыт путь на Балканы. [440]

Ставка приказала 3-му Украинскому фронту развивать наступление, занять Добруджу и выйти на румыно-болгарскую границу. Форсировав Дунай на участке Галац — Измаил, главные силы фронта должны были к 2—3 сентября овладеть Констанцей. Так как решение этой задачи было связано с овладением портами и форсированием Дуная, то и на Черноморский флот возлагались немалые задачи. Мы этот вопрос обсудили с начальником Главного морского штаба. Адмиралу Октябрьскому было направлено соответствующее распоряжение. В нем

указывалось, что основной ближайшей задачей Черноморского флота является захват и освоение военно-морской базы Констанца. На Дунайскую военную флотилию возлагалась организация портов, военно-морских комендатур, траления и судоходства в нижнем течении Дуная. Одновременно флотилия должна выделить бронекатера для совместных действий с частями Красной Армии, переправлять войска, уничтожать уцелевшие на побережье разрозненные группы противника, держать в готовности корабли для обеспечения смежных флангов 46-й и 57-й армий.

В течение двух недель — с 24 августа по 8 сентября — флотилия переправила через Дунай 179 тысяч человек и много техники.

Стремительным был наступательный марш наших частей. Находившиеся на Дунае фашистские военно-морские силы оказались бессильными помешать ему.

После потери дельты реки немецкое командование стянуло корабли и плавсредства в Браилов. 25—26 августа они двинулись вверх по Дунаю. Суда были нагружены до отказа эвакуировавшимися войсками и демонтированным оборудованием дунайских портов. В начале сентября корабли достигли Прахова. Но дорогу им преградили части 2-го Украинского фронта, вышедшие к Железным Воротам. Гитлеровцы затопили суда (около 200 единиц!), а сами бежали на запад.

На приморском направлении продолжалось стремительное движение войск 3-го Украинского фронта, переправившихся через Дунай. Констанцы и румыно-болгарской границы они достигли раньше сроков, намеченных директивой Ставки.

28 августа командующему румынским флотом было предложено в течение суток сложить оружие. Он принял советские условия на следующий день. В Констанцу самолетом была переброшена оперативная

группа [441] штаба ВВС Черноморского флота; одновременно в город вошли танковые части 3-го Украинского фронта. 30 августа туда же пришел из Сулины отряд сторожевых и торпедных катеров с морской пехотой. С ним прибыл член Военного совета флота И. И. Азаров. Находившийся в Констанце командующий румынским флотом доложил ему о принятии условий капитуляции и готовности выполнить все требования советского военно-морского командования. Сразу же после занятия Констанцы началось перебазирование ВВС Черноморского флота на аэродромы Румынии и надводных кораблей — в Констанцу. 8 сентября в этот город была переведена оперативная группа штаба флота.

Войска 2-го Украинского фронта, подавив сопротивление немцев в районе Плоешти, овладели 30 августа этим важнейшим промышленным центром, а 31 августа вступили в Бухарест. Войска 3-го Украинского фронта к 5 сентября вышли на румыно-болгарскую границу.

Даже после выхода Румынии из гитлеровского блока реакционное правительство Болгарии все еще продолжало проводить прогерманскую политику, под маской нейтралитета оказывать помощь фашистам. Это заставило Советское правительство 5 сентября объявить Болгарии войну. В соответствии с указаниями Ставки 3-й Украинский фронт готовился к вступлению на территорию Болгарии. Для содействия ему Черноморский флот выделил авиационные части, корабли Дунайской флотилии, торпедные катера, подводные лодки и части морской пехоты. По плану, утвержденному Военным советом флота 2 сентября 1944 года, черноморцы должны были с помощью подводных лодок, торпедных катеров и авиации блокировать немецкие корабли в Варне и Бургасе, огнем корабельной артиллерии содействовать продвижению приморского фланга войск, высадкой десантов захватить порты Варна и Бургас.

Освобождению Болгарии Ставка придавала большое значение. В штаб

командующего 3-м Украинским фронтом вылетел маршал Г. К. Жуков. Мне было приказано лететь вместе с ним. В самолете Георгий Константинович сказал мне, что перед вылетом он разговаривал с Георгием Димитровым, тот его заверил: "Войны наверняка не будет, болгары встретят советские войска не огнем артиллерии и пулеметов, а хлебом и солью по нашему старому славянскому обычаю". [442] Димитров сказал, что болгарские коммунисты развернули большую работу в частях болгарской армии, а партизаны готовятся к выступлению. 30 августа мы с маршалом Г. К. Жуковым прибыли в штаб фронта, расположенный в Фетешти, недалеко от Чернаводского моста. Там же был и маршал С. К. Тимошенко, осуществлявший координацию действий 2-го и 3-го Украинских фронтов.

Улучив время, я осмотрел Чернаводский мост. Недавно авиация Черноморского флота совершила по нему несколько налетов, чтобы прервать сообщение через реку, когда здесь еще был противник. Я поручил находившемуся при штабе фронта контр-адмиралу С. Ф. Белоусову выяснить результаты бомбежек. Полученные им сведения были разноречивы: одни утверждали, что мост был поврежден и сообщение недели на две было по нему прекращено, другие (тоже очевидцы) убеждали, что налеты были действительно сильными и несколько бомб даже попали в мост, но движение по нему не прекращалось.

Сейчас по мосту шли наши войска. Больших разрушений я не обнаружил. Скорее всего, наши налеты не причинили мосту серьезного вреда. Жизнь показала, что бомбежка с воздуха таких целей, как мост или одиночный корабль, даже стоящий на якоре, дело сложное. Почти бесполезно бомбить с горизонтального полета и с большой высоты. Требуется массированный налет и бомбежка с пикирования, тогда еще можно

рассчитывать, что несколько бомб попадут в цель.

Разговор с Ф. И. Толбухиным был деловым и конкретным. Командующий фронтом ознакомил меня с обстановкой и наметками будущих действий войск фронта. Я в свою очередь рассказал, чем может помочь ему Черноморский флот. Договорились с Толбухиным, что я буду информировать его о подготовке флота через своего представителя при штабе фронта контр-адмирала С. Ф. Белоусова, а он обещал своевременно известить меня о времени выступления, когда будет получено решение Ставки. Г. К. Жуков оставался в Фетешти, а я выехал в Констанцу, где находилась оперативная группа штаба Черноморского флота. Хотя серьезного сопротивления в Болгарии не ожидалось, было решено подготовить небольшие десанты в порты Варна и Бургас. Черноморский флот полностью господствовал на море, а его авиация — в воздухе. [443]

Я остался в Констанце, ожидая сигнала из штаба фронта, 7 сентября связался по телефону с маршалом Г. К. Жуковым. Но он все еще не знал точной даты выступления. Только утром 8 сентября из штаба фронта сообщили: "Начинаем!"

Командование флота предложило, не ожидая прибытия в Бургас и Варну наших кораблей, перебросить в эти порты небольшие десантные партии на самолетах типа "Каталина". Был некоторый риск, но я согласился и не без волнения ожидал первых донесений.

Все произошло так, как предсказывал Георгий Димитров. Моряков встретили хлебом и солью.

Почти одновременно с выступлением наших войск — 9 сентября — произошло восстание в столице Болгарии Софии. Возглавила его Болгарская рабочая партия.

Реакционное правительство было свергнуто. Вновь образованное

правительство во главе с К. Георгиевым объявило войну фашистской Германии.

В соответствии с директивой Ставки боевые действия советских войск против Болгарии с 22 часов 00 минут 9 сентября были прекращены.

Когда мы снова встретились с Ф. И. Толбухиным, он пошутил:

— Вот как теперь стало: готовились, готовились, а воевать не пришлось.

— Почаще бы так,— ответил я.

С Федором Ивановичем Толбухиным и его войсками нашим морякам доводилось часто взаимодействовать. И никогда не возникало никаких шероховатостей.

Разгром Советскими Вооруженными Силами группировки противника на южном крыле советско-германского фронта в августе — сентябре 1944 года имел важнейшее политическое и стратегическое значение. В результате этого удара была освобождена Молдавия, выведены из гитлеровского блока Румыния и Болгария, объявившие войну Германии. Победа Советских Вооруженных Сил в этих странах дала возможность их народам установить у себя народно-демократический строй. А фашистская Германия лишилась возможности использовать в дальнейшем экономический и военный потенциал двух этих государств.

Действия соединений и частей флота в период освобождения Румынии и Болгарии получили высокую оценку Верховного Главнокомандования. Им были присвоены наименования Сулинские, Варненские, [444] Бургасские — по названиям тех портов, которые они освобождали.

По существу, с 9 сентября военные действия на Черном море были окончены. Черноморцы переключились на траление, восстановление освобожденных баз, обеспечение народнохозяйственных перевозок и организацию судоподъемных работ.

А Дунайская флотилия продолжала взаимодействовать с Украинскими

фронтами в верховьях Дуная.

С 28 сентября по 21 октября 1944 года она участвовала в Белградской операции. В канун наступления флотилия переправила через Дунай войска 57-й армии 3-го Украинского фронта и 46-й армии 2-го Украинского фронта, всего более 170 тысяч человек, много вооружения и боеприпасов. В боях за освобождение Белграда активно участвовали войска Народно-освободительной армии Югославии и болгарские войска. Наступление 57-й армии началось в ночь на 29 сентября форсированием реки Тимок. Когда здесь разгорелись бои, отряд кораблей прошел вверх по Дунаю и высадил десант в порт Радужевац. Этот удар в тыл сломил сопротивление противника. Наши войска быстро форсировали Тимок и вышли к Радужевацу. С 1 октября войска 57-й армии повели наступательные бои в приграничных с Румынией районах Югославии. Чтобы помочь им, корабли Дунайской флотилии сосредоточивались в районе Турну-Северина. Им предстояло преодолеть труднопроходимый участок Дуная — знаменитые Железные Ворота, где скорость течения в осенние дни достигает 16 километров в час. Положение усугублялось тем, что фарватер реки был загроможден потопленными фашистами судами и засорен минами. Моряки с помощью инженерных войск расчистили фарватер, разведали обходные пути на засоренных минами участках. Путь нашим мониторам и катерам был открыт. Железные Ворота миновали 16 бронекатеров. Они сосредоточились на подступах к Смедерово. Вскоре сюда же подошли 5 катеров-тральщиков.

Порт Смедерово, расположенный в 54 километрах ниже Белграда, являлся мощным узлом вражеской обороны, прикрывавшим столицу Югославии с юго-востока. Здесь была сосредоточена сильная группировка войск численностью до 20 тысяч человек с большим количеством полевой артиллерии. На окраинах города и в порту стояли

врытые в землю танки, на станции [445] находился бронепоезд. Гарнизон города готовился к длительной обороне.

В сложившейся обстановке важно было не только овладеть Смедерово, но и не допустить отхода отсюда крупной вражеской группировки, которая могла бы усилить гарнизон Белграда.

Командующий 57-й армией предложил командованию Дунайской флотилии высадить десант за приречным флангом обороны противника, чтобы перерезать дорогу, идущую от Смедерова к Гроцка и Белграду.

Командующий флотилией вице-адмирал С. Г. Горшков решил высадить десант в районе Смедерова в ночь на 16 октября. Одновременно командир бригады бронекатеров Герой Советского Союза капитан 2 ранга П. И. Державин высылал 1-й гвардейский дивизион капитан-лейтенанта С. И. Барботько к Белграду.

В назначенный час 6 бронекатеров с десантом, несмотря на сильный огонь вражеской артиллерии и минометов, прорвались вверх по Дунаю и высадили десант примерно в километре от Смедерова. Огонь бронекатеров помог десантникам закрепиться на берегу, а затем перехватить шоссейную дорогу, тем самым отрезав вражеским войскам пути отхода. Все попытки противника выбить десантников ни к чему не привели. После штурма города советскими войсками его гарнизон сложил оружие.

А 18—20 октября шли упорные бои уже в самом Белграде. Артиллерийскую поддержку войскам 57-й армии, 4-го гвардейского механизированного корпуса и югославским дивизиям, штурмовавшим Белград, оказывали бронекатера 1-го гвардейского дивизиона и артиллерия берегового отряда сопровождения Дунайской флотилии. Вскоре враг здесь был разбит. А силы у гитлеровцев на этом направлении были немалые — более 20 дивизий.

После освобождения Белграда и всей Югославии началась перегруппировка войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, готовившихся к Будапештской операции. Дунайская флотилия принимала в этом самое активное участие. Она производила переправу и перевозку войск. Только с 18 по 25 октября на участке Дубровица — Гроцка было переправлено на левый берег Дуная более 18 500 человек, 400 орудий и минометов 57-й армии, а неподалеку от Белграда переправлен в полном составе 4-й гвардейский механизированный корпус и [446] Первая болгарская армия; из Белграда к Нови-Саду тоже было перевезено немало войск, автомашин и грузов.

Командование флотилии получило мой приказ, в котором говорилось о создании дополнительных сил:

1-й бригады речных кораблей (командир — капитан 2 ранга П. И. Державин) в составе 3 мониторов и 35 бронекатеров; 2-й бригады речных кораблей под командой капитана 2 ранга А. Ф. Аржавкина (3 монитора, 16 бронекатеров и 16 минных катеров); бригады траления во главе с Народным Героем Югославии капитаном 2 ранга Г. Н. Охрименко (36 катеров-тральщиков).

До 12 ноября штаб флотилии находился в Измаиле, а затем перебазировался в район Турну-Северин, где оставался до ликвидации будапештской группировки противника. Флагманские командные пункты 1-й и 2-й бригад кораблей развертывались вблизи армейских, корпусных и дивизионных штабов. Бронекатера 1-й бригады сосредоточились в районе Байя. Сюда же прибыла из Бургаса 83-я отдельная Новороссийская дважды Краснознаменная, ордена Суворова 11 степени бригада морской пехоты, которую командующий фронтом оперативно подчинил командующему Дунайской флотилией.

В ночь на 1 декабря 1944 года началось наступление левого фланга 4-й

гвардейской армии. 400 десантников, преодолев противодействие противника, высадились и после трехчасового боя захватили Герьен. На захваченный участок правого берега Дуная сразу же были переправлены части 83-й отдельной бригады морской пехоты, а затем и 1-й стрелковый корпус. Вскоре сюда переправился и 31-й стрелковый корпус.

12 декабря произошла смена командующих флотилией. Новым ее командующим стал контр-адмирал Г. Н. Холостяков.

Георгия Никитича я знал еще по училищу. Не раз встречался с ним в войну на переднем крае борьбы под Новороссийском — он командовал Новороссийской военно-морской базой. Это энергичный и отважный человек. В критические моменты — а под Новороссийском их было много — он нередко брал в руки автомат и сам водил матросов в бой. Холостяков умело руководил высадкой десантов в Новороссийский порт, в Эльтиген.

Когда потребовалось назначить нового командующего флотилией, я без колебаний назвал кандидатуру [447] Холостякова. И я не ошибся — под его командованием флотилия успешно решала задачи. Об этом мне не раз приходилось слышать от маршалов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина.

В ходе Будапештской операции, которая закончилась 13 февраля 1945 года освобождением венгерской столицы и полным разгромом вражеской группировки, Дунайская флотилия выполнила ряд важных задач, оказав большую помощь нашим войскам.

Но наиболее отличилась она в своем последнем броске — в Венской операции. Под ожесточенным огнем корабли 20 марта прорвались вверх по Дунаю и высадили батальон морской пехоты неподалеку от Тат в тылу противника. Десанту пришлось нелегко. За четверо суток он отбил 18 вражеских атак, но занятые рубежи удерживал прочно, пока сюда не

подошли наши сухопутные войска.

13 апреля Вена была освобождена от фашистов. За участие в этой операции Дунайская флотилия была награждена орденом Кутузова II степени. Это не первая ее награда. За успешные действия в ходе наступательных операций на южном крыле советско-германского фронта Дунайская флотилия 11 раз отмечалась в приказах Верховного Главнокомандующего, была награждена орденами Красного Знамени, Нахимова I степени и Кутузова II степени. Более 7 тысяч моряков удостоились высоких правительственных наград.

Крымская конференция

В январе 1945 года в Ставке я узнал, что готовится встреча глав правительств антигитлеровской коалиции. Состоится она в Крыму, в Ялте.

Американская и английская делегации должны прибыть самолетами на один из флотских аэродромов. Ожидали, кроме того, прихода американских и английских кораблей, которые должны обеспечить свои делегации связью. На меня возложили ответственность за подготовку аэродрома, обеспечение самолетов, на которых прибудут высокие представители, а также за безопасность американских и британских кораблей в районах Севастополя и Ялты. В те дни Черное море было еще сильно засорено минами, которые то и дело [448] обнаруживались в бухтах. Поэтому следовало надежно протралить пути подхода кораблей и места их стоянки. Вот этим мы немедленно и занялись, узнав о созыве конференции.

Хотя опасности немецкого нападения с воздуха практически уже не было, но принять меры предосторожности считалось тоже нелишним.

Крым уже находился далеко от линии фронта. Самолеты летели с военно-

воздушных баз союзников, расположенных в Средиземном море. Я дал указание командующему авиацией ВМФ генерал-полковнику С. Ф. Жаворонкову немедленно вылететь на юг и заняться подготовкой аэродрома. Сам же задержался, чтобы вместе с работниками Главного морского штаба подготовить к конференции вопросы, связанные с флотом.

Наиболее существенным для нашего Военно-Морского Флота был вопрос о вероятном вступлении Советского Союза в войну с Японией и связанном с этим получением по ленд-лизу некоторого количества кораблей для пополнения Тихоокеанского флота. Дело в том, что американцы в самом начале 1945 года совсем еще не были уверены в победе над Японией. Поэтому они и предлагали несколько усилить наш Тихоокеанский флот, рассчитывая на вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке.

Так что еще до начала конференции в Главном морском штабе составлялись заявки на необходимое число кораблей. Теперь же этот вопрос предстояло решить окончательно.

Я приказал исподволь готовить личный состав, который мог бы быть в случае необходимости немедленно направлен в порты или бухты США, где предполагалась передача этих судов Советскому Союзу. Однако здесь еще было много неясного, и конкретные шаги можно было предпринять, лишь сообразуясь с решениями конференции.

В то же время готовились различные документы и материалы конференции. Вопросы политического характера, необходимые для этого справки "отрабатывались" в аппарате Народного комиссариата иностранных дел. Генеральный штаб занимался комплексом военных проблем и готовился к встрече с военными представителями наших союзников. [449]

Согласование в действиях вооруженных сил всех стран, борющихся против Германии, становилось к этому времени особенно необходимым.

В Севастополь я приехал за неделю до начала конференции, чтобы проверить, как выполняются указания о подготовке к встрече самолетов и кораблей союзников.

Был конец января, дул холодный северный ветер, еще лежал снег, и только в полдень солнце чуть пригревало. Побывав на аэродромах, я направился в Ялту. Как только миновали Байдарские ворота и спустились вниз, тотчас ощутили настоящую крымскую весну. Ветра как не бывало. Изрядно припекало солнце. Мы даже остановились и вышли из машин, чтобы полюбоваться голубым небом и спокойным бирюзовым морем.

В Ялте стояли теплые дни, и, помнится, приехав туда в шинелях, мы тут же сбросили их и потом все время ходили в кителях. В Ялте я уже застал первого заместителя начальника Генштаба генерал-полковника А. И. Антонова (к началу конференции он стал генералом армии). С Алексеем Иннокентиевичем были три оперативных работника и несколько связистов. За связь отвечал генерал А. А. Грызлов. Дело он поставил превосходно. Отсюда, из небольшого полуподвального помещения дворца, можно было связаться с любым фронтом и флотом.

— Мы еще не оценили современных средств связи,— сказал Грызлов.— А они открывают безграничные возможности для управления войсками. Ведь вы, например, можете отдать спешный приказ флотам из любого пункта, даже находясь на корабле или в самолете.

Нам с Антоновым не понадобилось связываться из Ялты с войсками. Эту работу выполнял аппарат в Москве. В Ялту шли лишь наиболее важные сообщения, которые могли понадобиться для доклада Верховному Главнокомандующему.

Обсудив с генерал-полковником А. И. Антоновым военные вопросы,

которые могли встать в ходе конференции, мы договорились подготовить нужные материалы для того, чтобы в случае необходимости дать информацию главе советской делегации.

Наспех отремонтированные, но неплохо обставленные дворцы уже были готовы к приему гостей. Местом совещаний и размещения американской делегации была Ливадия. В Воронцовском дворце должен был [450] разместиться английский премьер Черчилль со своим персоналом. Советская делегация, уже прибывшая в Крым, занимала вспомогательные помещения Юсуповского дворца, оставив все основные комнаты для руководства.

2 февраля в Крым специальным поездом прибыли И. В. Сталин и В. М. Молотов и сразу направились в свою резиденцию. На следующий день мы встречали британскую и американскую делегации.

3 февраля 1945 года английская и американская делегации, находившиеся на Мальте (там они вырабатывали единую линию), должны были приземлиться на аэродроме. Накануне я уже был на месте. Все выглядело строго и торжественно. Аэродром был готов к приему высоких гостей. На мачтах развевались флаги союзных держав. Недалеко от посадочной полосы стояли палатки, где можно было укрыться от резкого ветра.

Сначала точно в назначенный час в воздухе показался четырехмоторный "Си-54", на борту которого находился английский премьер У. Черчилль. Едва затихли моторы воздушного лайнера и стюардесса открыла двери кабины, как на трапе появилась подвижная, хотя уже довольно тучная фигура Черчилля. Вслед за ним шла молодая женщина в военной форме. Оказалось, это его дочь Сарра. Она сопровождала отца в этой важной исторической поездке.

Черчилль был в черном драповом пальто. На голове — фуражка с

блестящим козырьком. Он обошел строй почетного караула, очень внимательно вглядываясь в глаза советских бойцов, словно пытаюсь разгадать, что это за люди, прославившиеся на весь мир своим мужеством и непобедимостью. А через несколько минут он уже сидел в палатке и с явным удовольствием угощался русской водкой и икрой.

Глав союзных делегаций встречали В. М. Молотов, А. Я. Вышинский, наши послы в США и Англии А. А. Громыко и Ф. Т. Гусев. На аэродроме, естественно, находились послы США и Англии.

Мне предстояло встретить английского адмирала флота Э. Канингхэма и взять над ним, так сказать, шефство. Мы были знакомы заочно: в Баренцевом море наши флоты взаимодействовали, обеспечивая движение союзных конвоев в Мурманск и Архангельск. Мне много говорили о его властности, решительности, и я представлял себе адмирала высоким, сильным, пышущим здоровьем. А передо мной предстал человек уже в [451] годах, среднего роста, с воспаленными усталыми глазами. Вскоре мы убедились, что наших скромных познаний во французском языке вполне достаточно для разговора на общие темы. Мы не спеша разговаривали, укрывшись в палатке, пока не услышали оживление на летном поле. Встречать американского президента вышли все, в том числе и английский премьер. Воздушный лайнер коснулся бетонной полосы и, немного пробежав по ней, остановился. С помощью специального лифта-кабины Рузвельта спустили на землю. Два рослых солдата бережно перенесли его в "виллис". Слуга-негр заботливо укутал ему ноги. Машина медленно двинулась вдоль строя почетного караула, замершего по команде "Смирно". Запомнилось бледное лицо президента. По-видимому, длинный путь отнял у него много сил. Нам было известно, что Рузвельт очень болен. Много лет тому назад он перенес полиомиелит, с тех пор у него парализованы ноги. Несмотря на это, у него хватало

воли и энергии занимать ответственные посты. Вот уже четыре раза он переизбирался президентом. Но бледно-прозрачное лицо выдавало, что Рузвельт трудится на пределе своих физических сил (менее чем через два месяца он скончался).

Вскоре главы правительств выехали на машинах в Ялту. Мы с Канингхэмом немного задержались, чтобы встретить главнокомандующего американским флотом адмирала флота Э. Кинга. Знакомство с ним имело для меня особое значение: именно с Кингом мы должны были решить вопрос о кораблях для пополнения нашего Тихоокеанского флота. Кинг с первого же взгляда произвел впечатление старого морского волка: подтянутый, высокий, с обветренным красным лицом. Беседовать с ним было труднее, чем с Канингхэмом: я тогда совсем не понимал по-английски, а он не знал никакого другого языка. Выручил начальник личного штаба Рузвельта адмирал флота Леги, взявшийся быть нашим переводчиком. Позднее Леги напишет книгу "Я присутствовал там", в которой вспомнит о наших с ним встречах. Будучи моряком, он с интересом следил за разрешением флотских вопросов и охотно помогал нам.

И. В. Сталин был в Ялте, но гостей не встретил. Говорили, что Черчилль и Рузвельт были в какой-то степени недовольны этим. Впрочем, мы могли понять этот жест И. В. Сталина. Союзники столько лет тянули с открытием второго фронта, предоставляя нам один на [452] один сражаться с фашистской Германией в самые трудные для нас времена. К моменту Крымской конференции Советский Союз не столь уж и нуждался в помощи. Наоборот, нам пришлось оказывать помощь союзникам. Ведь незадолго до конференции застрявший в Арденнах фельдмаршал Монтгомери со своей армией попал в тяжелое положение и попросил через Черчилля помочь ему. Советское правительство, верное своему

союзническому долгу, поступило, как и подобает союзнику — не считаясь с погодой, не дожидаясь, когда "у последнего солдата будет пришта последняя пуговица", отдало приказ своим войскам, и те начали наступление. Именно в дни работы Крымской конференции части Советской Армии форсировали Одер, оттягивая на себя из Арденн немецкие дивизии.

Вереница машин мчалась через Симферополь на Алушту и далее в Ялту. "Все расстояние до Ялты надежно охранялось советскими солдатами. Отмечено, что значительное число среди них — молодые девушки", — писал впоследствии президент США. Справедливости ради следует заметить, что в охране девушек не было, но зато они отлично справлялись с обязанностями регулировщиц на перекрестках дорог. Надлежащая охрана в пути и четкая организация движения лишь подчеркивали общий хороший порядок.

Американцы разместились в бывших царских апартаментах в Ливадии. Адмирал У. Леги в своей книге "Я присутствовал там" сыронизировал над Э. Кингом, которому досталась бывшая спальня императрицы. Черчилль со своими спутниками поселился в Воронцовском дворце (граф Воронцов, говорят, построил его по проекту английского архитектора, автора Букингемского дворца в Лондоне). Советская делегация остановилась в бывшем Юсуповском дворце в Кореизе.

Мы работали рука об руку с А. И. Антоновым. У нас сосредоточивались сводки с фронтов и флотов. В цокольном этаже Юсуповского дворца был развернут своего рода филиал Генерального штаба. Там готовились предложения по руководству текущими боевыми действиями на фронтах и одновременно прорабатывались вопросы, которые поднимались на конференции.

Официальное открытие конференции и первое пленарное заседание

делегаций в полном составе состоялось 4 февраля. Главы делегаций, их помощники, [453] советники и переводчики заняли свои места за большим эллипсообразным столом в Ливадийском дворце.

Советскую делегацию возглавлял И. В. Сталин, его ближайшим помощником был В. М. Молотов. Из дипломатов на конференции присутствовали А. Я. Вышинский, А. А. Громыко, Ф. Т. Гусев и И. М. Майский. Среди военных старшим считался генерал армии А. И. Антонов. Членами делегации были маршал авиации С. А. Худяков и автор этих строк.

От США, кроме президента, присутствовали государственный секретарь Стеттиниус, адмирал флота Леги, личный друг президента и начальник его штаба, генерал Маршалл и адмирал флота Кинг. Среди политических советников президента был известный Гопкинс. Из англичан, кроме У. Черчилля, были Иден, Кадоган, фельдмаршал Брук, адмирал флота Канингхэм и другие.

Началось с любезностей. И. В. Сталин предложил Ф. Рузвельту открыть заседание, и тот ответил, что "счастлив открыть такое историческое заседание в столь восхитительном месте". Затем Рузвельт добавил, что "многое требует обсуждения, фактически вся карта Европы", и выразил убеждение в скорой и окончательной победе.

Хотя победа — все это понимали — была не за горами, на повестке дня конференции первым и самым важным вопросом стоял вопрос о том, как быстрее покончить с фашистской Германией. Фашисты продолжали отчаянно сопротивляться. Больше того. Они угрожали каким-то новым страшным оружием и действительно лихорадочно работали над новыми средствами уничтожения. Поэтому затяжка войны могла обернуться для человечества жесточайшими последствиями. Следовало спешить!

Но не только европейские дела интересовали участников конференции.

Соединенные Штаты продолжали воевать с Японией, и до победы здесь было еще далеко. Поэтому их очень занимал вопрос о вступлении Советского Союза в войну с Японией.

В тот день, как и в дальнейшем, у меня было достаточно возможностей, чтобы внимательно приглядеться к военным и морякам, представлявшим наших союзников. Более всех мое внимание почему-то привлек адмирал Леги. Он был близок к Рузвельту, когда тот занимал еще пост заместителя морского министра, и потому в первые же дни войны президент привлек его к [454] активной работе. Он выполнял сложные и щекотливые обязанности посла США во Франции при правительстве Петэна, а затем стал начальником личного штаба президента. Это был весьма трудолюбивый человек, не гнушающийся черновой работой штабного офицера; видимо, он прекрасно обеспечивал подготовку всех материалов для своего шефа. Не было случая, чтобы он не присутствовал вместе с Рузвельтом как на деловых совещаниях, так и на приемах. Меня он интересовал в предвидении разрешения "флотских" вопросов.

Наиболее маститой фигурой среди американских военных был, конечно, генерал Маршалл. Он являлся фактическим руководителем всех военных операций и сильно влиял на решения Рузвельта в этой части. Позднее, ознакомившись с материалами войны против Японии, я убедился, что генерал Маршалл действительно имел такую хватку, перед которой не выдерживали даже крупные военные авторитеты США типа генерала Маккартура или адмирала флота Кинга. Маршалл реже появлялся на совещаниях дипломатов, но зато чувствовал себя полным хозяином американской делегации на всех военных совещаниях. Адмирал флота Кинг был узким специалистом — моряком, но, как теперь известно, умел, когда нужно, настойчиво проводить свою линию в ходе самых крупных операций на Тихом океане. Именно ему американские историки

приписывают правильное решение о наступлении на Японию со стороны Тихого океана в противовес настоятельным предложениям Маккартура продвигаться на Токио вдоль береговой линии: Австралия, Новая Гвинея, Филиппины, Тайвань и, наконец, остров Кюсю. Военные представители США на последнем этапе войны явно главенствовали над англичанами как на море, так и на суше. За ними стояла сила войск и флота, сила доллара, и поэтому они занимали командные посты во всех крупных операциях. Хозяевами положения среди наших союзников американская военная делегация была и на конференции. Ее превосходство над англичанами чувствовалось весьма основательно.

Английские военные круги были представлены на Крымской конференции двумя влиятельными военными. Это прежде всего фельдмаршал Аллан Брук. Близкий к Черчиллю человек, Брук был скромен на вид и ничем не выделялся среди окружающих. Другой — адмирал флота Канингхэм — был самым [455] заслуженным моряком английского флота. Твердый принцип последовательного прохождения службы и выслуги лет по-прежнему играл первостепенное значение в Англии при выдвижении на тот или иной пост. Именно такой путь и прошел Канингхэм. Но "владычица морей" в душе уже признала, что первенство фактически перешло за океан, и вынуждена была обращаться к США то за помощью в виде 50 эсминцев, то с просьбой поставить по ленд-лизу самолеты и другую технику. Одним словом, она примирилась уже с ролью второстепенной морской державы. Вот это и чувствовалось тогда в поведении адмирала Канингхэма. Вместе с ним уходило со сцены былое величие английского флота. Американский главнокомандующий ВМС Кинг, располагая заново отстроенными кораблями, оказывал уже более значительное влияние на "историю", чем Канингхэм со своими устаревшими линкорами. Англия переживала период явного упадка

некогда мощной колониальной империи. Это понимали и на Британских островах и в США. "У нас нет ни малейшей возможности восстановить равновесие с Соединенными Штатами в отношении флота",— писал впоследствии в своих воспоминаниях У. Черчилль. "В экономическом отношении Англия была положена на лопатки, а в военном отношении в сравнении с Америкой — бессильна",— вспоминал и адмирал флота Леги. Все это ощущалось и в практических "флотских" делах в дни конференции. Так, если англичане ограничились посылкой одного транспорта с материальным обеспечением, то американцы базировали свой корабль связи "Кэтоктин", четыре тральщика — "Пиннэкл", "Имплицит", "Инессент" и "Инкредибл" и транспорт типа "Либерти" — "Уильям Блоунт".

Уже нетрудно было заметить, что две крупные и самые сильные страны — Советский Союз и США — практически вносят наибольший вклад в обеспечение победы над фашистской Германией и Японией. Черчилль, бесспорно, сыгравший большую роль в борьбе с Гитлером в 1940—1941 гг., еще старался сохранить прежнее ведущее положение, но оснований для этого было уже явно недостаточно.

Первым моим деловым разговором с адмиралом Кингом было обсуждение его просьбы перебазировать "Кэтоктин". Я высказался против этого шага, [456] ссылаясь на минную опасность. И это было действительно так. Если мы с известным риском разрешили американцам немного позднее перевести два минных тральщика ("Пиннэкл" и "Имплицит"), то для крупных кораблей, таких, как "Кэтоктин" и "Уильям Блоунт", это было слишком рискованно. Кинг не настаивал, и мы к этому вопросу больше не возвращались. Потом я узнал, что американцы организовали в Ливадии пункт связи, соединились с помощью проводов и телетайпа с "Кэтоктином", который обеспечивал сообщение американской делегации

с внешним миром.

В совещаниях, где разбирались политические проблемы, я, как правило, не участвовал, но в промежутках между пленарными заседаниями происходили совещания военных представителей. С советской стороны старшим на них был А. И. Антонов. Здесь шло более подробное ознакомление с планами операций на ближайшее будущее и разбирались вопросы более тесного взаимодействия войск союзников. От нашего командования американцы добивались ответа на вопрос, когда и каким образом мы собираемся дальше продвигаться в направлении Берлина. Их беспокоило, как бы не опоздать к захвату столицы Германии. А дело уже складывалось именно таким образом.

Американцы особенно интересовались, собираемся ли мы воевать с Японией и если да, то когда Советская Армия намерена выступить. Однако эти вопросы мы увязывали с общеполитическими проблемами, и раскрывать все карты раньше времени А. И. Антонов не хотел. Как бы в отместку за нашу "осторожность" американцы тянули с вопросом о помощи, в том числе о выделении кораблей для Тихоокеанского флота.

Так день за днем незаметно прошла неделя. Деловые совещания, встречи руководителей стран, обеды, устраиваемые то в одном дворце, то в другом... Погода выдалась удивительно теплой, и на Южном берегу Крыма уже чувствовалась весна.

Военные совещания устраивались чаще всего в Юсуповском дворце, в Кореизе, и только один раз такое совещание было организовано в Ливадии. На них происходил взаимный обмен информацией о ходе боевых операций, устанавливались линии, разграничивающие боевые порядки союзных войск, определялась координация действий авиации и вырабатывались совместные планы ведения войны на ближайшие месяцы. [457]

Я не собираюсь подробно описывать ход Крымской конференции — ей посвящено немало книг.

В полном составе делегации собирались за одним столом только на пленарных заседаниях. В другие дни военные и морские представители союзных держав работали отдельно. Они разрабатывали и согласовывали свои мнения и предложения о том, как скорее и с меньшими жертвами закончить войну на востоке и на западе. А затем эти предложения утверждались главами делегаций.

На первом пленарном заседании обстановку на советско-германском фронте изложил генерал армии А. И. Антонов. Он сообщил, что намеченное на конец января и на февраль наступление Красной Армии началось раньше запланированного срока. Причиной тому явилось неожиданное наступление немцев в Арденнах. Союзникам очень полезно было напомнить, что наступление наших армий помогло спасти от разгрома войска английского фельдмаршала Монтгомери. Алексей Иннокентиевич то и дело обращался к большой карте, разложенной на столе. Показал полосу наступления наших войск. Она протянулась более чем на 700 километров — от Немана до Карпат. Одновременно наступали войска трех фронтов — 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского.

Докладчик отметил силу удара наших армий. После прорыва вражеской обороны они продвигались за сутки в среднем на 25— 30 километров.

По сравнению с этими масштабами очень бледно прозвучал доклад американского генерала Д. Маршалла. По его словам, "германский выступ в Арденнах сейчас ликвидирован, и союзнические войска продвинулись на ранее занимаемую ими линию". Да, пока они только удерживали старые позиции, а не наступали.

От англичан выступил не фельдмаршал А. Брук, как ожидалось, а адмирал Э. Канингхэм. В его докладе явственно слышалась знакомая

нотка о трудностях борьбы с немецкими подводными лодками и мольба о помощи Британии в этой борьбе. Отметив, что немецкие лодки строятся главным образом в Данциге, адмирал закончил свое выступление словами:

— Как моряк я хочу, чтобы русские поскорее заняли Данциг.

Рузвельт спросил у Сталина, скоро ли это произойдет. Глава нашей делегации ответил, что Данциг еще [458] не находится под огнем советской артиллерии, но есть надежда, что скоро мы его займем.

Ответ И. В. Сталина особенно удовлетворил Черчилля.

Положение Данцига в дни Крымской конференции было уже безнадежным: к городу подходили наши сухопутные части, а Балтийский флот отрезал немцам единственный путь отступления — морем. В тот день мы еще не знали, что советская подводная лодка "С13" под командованием А. И. Маринеско потопила огромный немецкий лайнер "Вильгельм Густлов", а чуть позже — транспорт "Генерал Штойбен". На обоих судах оказались отступающие из Данцига немецкие войска и в их числе подводники из учебного отряда подводного плавания.

Итак, первое заседание конференции было посвящено в основном военным вопросам. Поскольку на нем выявилось единодушие трех делегаций, на пленарных заседаниях эти вопросы больше не поднимались.

Заседание длилось около двух часов. На нем была выработана повестка дня конференции и согласовано заявление, подлежащее опубликованию на следующий день. В тот же вечер президент США дал обед. Хозяйкой на нем была прибывшая в Ялту дочь американского посла в Советском Союзе Кэтлин Гарриман. Так началась Крымская конференция.

В центре внимания глав делегаций на остальных семи заседаниях были политические проблемы.

Военные руководители собирались на свои совещания. Помню, одно из них состоялось 6 февраля. Как и на других подобных совещаниях, кроме генерала А. И. Антонова и автора этих строк на нем присутствовали адмирал С. Г. Кучеров, генерал-лейтенант А. А. Грызлов и мой переводчик. — капитан 3 ранга Костринский. От США на совещании были У. Леги, Д. Маршалл, Э. Кинг, Кутер, Кук и Дин. От Англии — А. Брук, Порталл, Канингхэм, Вильсон, Исмей, Сомервилл и Арчел.

А. И. Антонов любезно предложил кресло председателя адмиралу флота У. Леги, как старшему по званию. К тому же он являлся начальником личного штаба Ф. Рузвельта. На прошедших совещаниях глав правительств военным было поручено разработать план совместных действий авиации союзников над территорией Германии. Этого требовала создававшаяся обстановка: к февралю 1945 года участились налеты союзной авиации на столицу фашистской Германии. Объекты [459] бомбардировок нашей авиации и авиации союзников находились неподалеку друг от друга. В конце января 1945 года, например, тысяча американских и английских бомбардировщиков произвела налет на Берлин. 600 истребителей прикрывали эту операцию. А поскольку наши войска приближались к немецкой столице, советская авиация, естественно, действовала в том же районе. Важно было установить разграничительную линию, чтобы избежать ошибок с их возможными тяжелыми последствиями. По этому вопросу неожиданно разгорелся горячий спор. Точки над "i" поставить не удалось. Приняли очень неопределенную, растяжимую формулировку: "Дать указания военным миссиям США и Англии в Москве держать более тесную связь с советским Генеральным штабом и чаще информировать друг друга о действиях авиации".

Возник также вопрос о базировании американской авиации у нас уже

освобожденных нашими войсками европейских аэродромах. Проблема тоже не была решена, так как чувствовалось, что у американцев политические аспекты этой проблемы превалируют над чисто военными. В совместных действиях против фашистской Германии было немало примеров согласованных действий сил союзников, что приводило к весьма успешным результатам. Мне хорошо известны операции, связанные с конвоированием судов, шедших в Архангельск и Мурманск. Английский флот обязан был обеспечить движение транспортов, надводных кораблей и авиации. Корабли нашего Северного флота действовали совместно с английскими и, за исключением отдельных неудач, обеспечивали доставку нужного для фронта военного снаряжения. Нередко можно было наблюдать, как советские и английские эсминцы стояли рядом на северных базах. Мне хорошо запомнились дружеские встречи с адмиралами, которые вели конвои. Координация боевых усилий, настоятельная необходимость которой была подчеркнута в дни Крымской конференции, на самом деле в полной мере все же не осуществлялась. Наметившиеся политические разногласия оказывали свое влияние и на согласованность военных операций. Война в Европе была уже, по сути дела, выиграна. Не имела никаких шансов на победу и Япония. Но настоящий, прочный мир при всем этом казался еще далеким. Все последующие события [460] подтвердили это. Наши союзники спешили, так как советские войска уже продвигались к Берлину, не нуждаясь в их помощи. Более того, когда победа над Германией и Японией была вне сомнений, в поведении американцев и англичан можно было заметить действия, определяемые дальним политическим прицелом, но не всегда отвечающие задачам успешной борьбы с противником. Здесь в первую очередь можно сказать о бомбежке союзной авиацией ряда городов Германии, до которых уже не

успевали добраться войска союзников и куда быстро двигались наши части. Именно тогда был разрушен Дрезден и сильно пострадали Лейпциг и Потсдам. Сюда же следует отнести и бессмысленную с военной точки зрения установку мин в портах Кореи непосредственно перед высадкой нашего десанта в августе 1945 года.

Однако в западной историографии часто делается все же неправомерный акцент на разногласия, которые возникли между союзниками в Ялте. Споры нет, разногласия действительно были, и подчас значительные. Например, в вопросах о репарациях или о будущем государственном устройстве Польши. Тем не менее общий тон конференции был проникнут взаимным согласием и стремлением к содружеству. На конференции были приняты согласованные решения по всем основным проблемам международной жизни.

В наши дни очень полезно вспомнить о принятых в Ялте решениях по германскому вопросу. "Нашей непреклонной целью,— говорилось в коммюнике о конференции,—является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира".

Этот кардинальный принцип конкретизировался в развернутой программе, где предусматривались, в частности, роспуск германских вооруженных сил, уничтожение германского генерального штаба и ликвидация всей германской промышленности, которая могла быть использована в военных целях.

Наряду с германской проблемой участники конференции обсудили важные вопросы о послевоенном устройстве мира. Они разработали принципиальные основы деятельности будущей Организации Объединенных Наций. Решили созвать 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско учредительную конференцию ООН. [461]

В Ялте была также принята известная Декларация об освобожденной Европе и обсуждены некоторые положения этой проблемы, связанные с Польшей и Югославией. Принципиально важное значение имела заключительная часть Декларации — "Единство в организации мира, как и в ведении войны". В ней выражалась "решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных наций".

Эти строки еще раз наводят на мысль, какая величайшая сила была заключена в единстве народов антифашистской коалиции! В этом мощь любого единения, направленного на гуманные цели.

К 6 февраля между главами правительств была достигнута договоренность о войне на Дальнем Востоке, и мы, военные, в конце совещания получили возможность от обсуждения западных проблем перейти к тихоокеанским. Докладывал американский адмирал флота Э. Кинг. Он начал с того, что нужно добиваться скорейшего разгрома Германии, после чего "получить подкрепления с европейского театра, занять позиции и начать решительное наступление на Японию". Американец снова подчеркнул, что крайне желательно, чтобы Советский Союз быстрее вступил в войну с Японией.

Именно на Ялтинской конференции было подписано соглашение о том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии. Об этом, правда, не сообщалось.

Делегации США и Англии не рассчитывали на быстрое окончание войны. Помню, адмирал флота Э. Кинг спросил меня о возможных сроках окончания второй мировой войны, я отшутился, что, дескать, я не Кассандра, чтобы заниматься пророчеством, тем более что в военном

деле слишком много случайностей, но думаю, что фашистская Германия сложит оружие в конце 1945 года, а Япония —несколько позднее. Кинг назвал меня неисправимым оптимистом.

События опрокинули все наши предположения. Советский народ и его армия обрели такую мощь, были полны таким стремлением к победе, что свершили, казалось бы, невозможное и уже в начале мая вынудили капитулировать фашистский рейх. [462]

Об этом нашем разговоре с адмиралом флота Э. Кингом я напомнил ему, когда мы рядом сидели на приеме в особняке У. Черчилля в Потсдаме. Кинг с улыбкой ответил, что хорошо бы всегда так ошибаться — "в другую сторону".

Что касается дальневосточной проблемы, то американский адмирал Э. Кинг на совещании 6 февраля прямо сказал, что на победу над Японией в 1945 году рассчитывать не приходится, если не будут изысканы дополнительные ресурсы. Поэтому так обрадовало союзников заверение наших руководителей в том, что через два-три месяца после окончания войны на Западе наши войска закончат подготовку к наступлению в Маньчжурии. Это обещание, как известно, было выполнено с присущей Советскому государству точностью.

Я воспользовался обсуждением дальневосточных проблем, чтобы поднять вопрос о получении от США боевых кораблей по ленд-лизу. Список нужных нам кораблей был у меня в папке, но для разговора все не находился повод. Выбрав удобный момент, я обратился к И. В. Сталину. Он ответил, что для решения этого вопроса время еще не пришло.

Конференция и связанные с нею заботы отнимали у И. В. Сталина очень много времени. Тем не менее он успевал следить за положением на фронтах, принимать решения, связанные с боевыми действиями войск. В Кореиз, в Юсуповский дворец, приезжали командующие фронтами и

армиями. Сталин беседовал с ними обычно в присутствии Антонова, у которого всегда под рукой оказывались карты с уже нанесенной обстановкой и с графическим изображением будущей операции.

За несколько часов до очередного заседания конференции Сталин собирал членов делегации, давал почти каждому определенное задание: изучить такой-то вопрос, то-то выяснить, с тем-то связаться. Чувствовалось, что он тщательно и всесторонне готовится к каждой встрече с главами союзных держав. Сталин обладал превосходной памятью и все же не полагался на нее. Еще и еще раз все проверял, просматривал документы, записи, выслушивал мнения членов делегации. Он и других учил не полагаться на память. Я помню, он как-то спросил меня:

— А почему вы не записываете?

— Я запомню.

— Все запомнить невозможно. К тому же запись [463] приучает к точности.

С тех пор я всегда имел при себе блокнот и карандаш.

Перед обсуждением вопроса о выделении американских кораблей по ленд-лизу для Тихоокеанского флота Сталин специально вызвал меня и спросил, готов ли я ответить на все вопросы, которые могут возникнуть по этому поводу за "круглым столом".

Поражало спокойствие Сталина. В самые жаркие моменты спора, когда Черчилль не мог усидеть на месте, Сталин оставался сдержанным и невозмутимым, говорил ровным голосом, как всегда взвешивая каждое слово. И выходил из спора победителем. Его железная логика сокрушала все хитросплетения оппонента.

В дни Крымской конференции Верховный Главнокомандующий обыкновенно заслушивал доклады генерала А. И. Антонова о положении

на фронтах дважды в день — утром и вечером. У меня осталось впечатление, что утренний доклад был коротким, а вечером начальник Генерального штаба более обстоятельно излагал обстановку на фронтах и получал указания на следующий день.

Я постоянно жил в Ялте, где в доме отдыха Черноморского флота работала вся моя флотская группа во главе с вице-адмиралом С. Г. Кучеровым, но к 10 часам приезжал в Кореиз, в Юсуповский дворец, чтобы доложить обстановку на флотах А. И. Антонову.

Около 11 часов А. И. Антонов заканчивал подготовку к докладу. Но Верховный иногда нарушал этот срок, если был занят делами конференции.

Вечерний доклад, если не было приемов, начинался часов в 9—10 вечера и нередко затягивался, ибо решались вопросы и не относящиеся только к руководству фронтами. Два раза я присутствовал на этих докладах. Помнится, 8 февраля А. И. Антонов пригласил меня, когда собирался доложить Сталину результаты совещания с военными представителями союзников. Стоял вопрос о согласованных действиях авиации в районе Берлина. Было решено постоянного органа для этой цели не создавать, а проводить нужные консультации в Москве.

Уже в полночь Сталин пригласил нас на ужин, как иногда он делал и в Москве. Стол был накрыт в небольшой, но красивой, хорошо отделанной деревом [464] комнате. Неожиданно И. В. Сталин проявил особый интерес к флотским вопросам. Решив текущие дела по западным фронтам, он, видимо, мысленно перенесся на Дальний Восток. Союзники (и особенно США) настаивали на скорейшем вступлении СССР в войну с Японией. Об этом шла речь на совещании глав союзных правительств. Тихоокеанский флот должен был принять участие в боевых действиях. Сталин спросил о состоянии и готовности флота. Я доложил о кораблях,

находящихся в строю, и напомнил о судах, обещанных нам союзниками.

— Я это помню,— сказал Сталин.— Сегодня поговорю с Рузвельтом.

Мне неизвестно, какой у них состоялся разговор, но на следующий день мне сказали, что вопрос в принципе согласован и мне надлежит уточнить детали с Э. Кингом. Я не упустил случая, в тот же день встретился с американским адмиралом и передал ему список кораблей, которые желательно было нам получить. Кинг обещал немедленно ответить, как только вернется в Вашингтон.

Зато мы более подробно обсудили вопрос о том, где состоится передача кораблей. Кинг назвал бухту Коулд-бей на одном из Алеутских островов. Оспаривать этот пункт у меня не было оснований. Смущало лишь то, что место это было уж больно неудобным.

Адмирал Кинг сдержал слово. Из Вашингтона он прислал телеграмму, в которой говорилось, что мы получим от Соединенных Штатов фрегаты, тральщики, охотники за подводными лодками, торпедные катера и десантные суда, в общей сложности более 250 единиц. В преддверии боевых действий на море эти суда были очень кстати. Мы немедленно скомплектовали команды и направили их в Америку.

Я тогда и понятия не имел о том, что из себя представляет бухта Коулд-бей. Только потом наши командиры и матросы образно описывали это "забытое богом" место. Но как бы там ни было, корабли были приняты, успешно доставлены во Владивосток, быстро освоены. Они участвовали в войне с Японией, а после войны, оказав нам практически весьма небольшую помощь, как принятые по ленд-лизу, были возвращены военно-морскому министерству США.

Почему нам требовалось усилить Тихоокеанский флот?

К началу Великой Отечественной войны наша [465] судостроительная промышленность еще не обеспечивала полностью потребностей быстро

растущего флота. А когда началась война, мы вынуждены были и вовсе сократить поставки кораблей на Тихий океан, так как отправляли их на воевавший Северный флот. Небольшие суда, которые мы получили весной и летом 1945 года из США, пригодились нам главным образом для высадки десантов в портах и на островах, занятых противником.

В дни Крымской конференции я несколько раз побывал в Севастополе. Кроме поручений, которые мне давались по обеспечению союзных кораблей, стоявших в Северной бухте или доставлявших небольшие грузы в Ялту, я, естественно, имел достаточно времени заниматься своими флотскими делами. Черное море и все побережье уже были очищены от противника, и только нападение с воздуха еще нельзя было полностью исключить, и поэтому средства ПВО держались в повышенной готовности.

Активные боевые действия к тому времени на юге вела только Дунайская флотилия. Переподчиненная теперь Наркомату ВМФ, она с боями продвигалась вверх по Дунаю, тесно взаимодействуя с сухопутными фронтами.

Командующий флотом адмирал Ф. С. Октябрьский после операции лежал в госпитале. Я посетил его.

— Благодатные времена настали,— пошутил Филипп Сергеевич.— Можно полежать в госпитале не только по ранению, но и по болезни. А раньше на разные болячки некогда было обращать внимание...

Мы поговорили о днях минувших и о нынешней жизни флота. Коснулись восстановления Севастополя. Вспомнили, как летом прошлого года он показывал мне единственный сравнительно уцелевший дом — городскую почту. Теперь, в феврале 1945 года, развалин, конечно, все еще было много, но кое-где уже появились жилые островки.

Больного утомлять разговорами не полагается, и мы с начальником штаба

флота вице-адмиралом Н. Е. Басистым простились с ним.

Когда вернулись в штаб. Басистый доложил о флотских делах. Докладывал он, как всегда, четко и полно.

С Н. Е. Басистым мы были знакомы давно. Я знал, что ему довелось послужить и в царском флоте. Был простым матросом, в гражданскую командовал [466] кораблями и матросскими отрядами на Волге. Наша первая встреча состоялась в стенах Военно-морской академии. Он уже кончал академический курс, когда я поступил на тот же командный факультет. Это было в 1929 году.

Весной 1937 года нас судьба свела на Пиренейском полуострове: он прибыл туда добровольцем и плавал на одном из эсминцев флота республиканской Испании. "Очень хороший русский товарищ",— говорил про него командир флотилии Висенте Рамирес. Служба на эсминцах была тяжелой, и компанеро руссо в звании капитана де корвета достойно представлял свою Родину, которая послала его "штурмовать далеко море".

Вернувшись из Испании, он служил на Черном море на крейсере "Червона Украина", и я, посетив этот корабль в 1939 году, с удовольствием провел несколько часов, беседуя с И. Е. Басистым и старыми червоноукраинцами. Ведь с этого корабля я неожиданно, буквально с мостика после похода, выехал в Москву, а затем в Испанию.

А потом началась Великая Отечественная война. Басистый командовал соединениями кораблей, участвовал почти во всех боевых операциях черноморцев и в 1944 году с эскадрой вернулся в освобожденный родной Севастополь.

Встречаются люди: совершают большие дела, а стараются остаться незаметными, не выпячивают своих заслуг. Таков был до конца дней своих адмирал Н. Е. Басистый. Мне приходилось наблюдать его в роли

командующего эскадрой, начальника штаба флота, командующего флотом, заместителя министра. Везде он работал больше всех, а говорил меньше всех. Басистый и в своей книге воспоминаний "Море и берег" выступает таким. Изображает себя скромным участником боевых походов и десантов, хотя всегда находился в центре событий и брал на себя всю ответственность за их исход.

Конечно, война — это не гладкая дорога. Бывали неудачи и у Н. Е. Басистого, но это не следует записывать ему в строку. Это адмирал, полностью отдавший свою жизнь флоту.

С начальником штаба Н. Е. Басистым и членом Военсовета флота И. И. Азаровым мы ознакомились с обстановкой на театре, а потом на катере прошли по бухтам. На кораблях шла нормальная служба.

11 февраля Крымская конференция закончила свою [467] работу. На следующий день президент Рузвельт выехал на машине в Севастополь, намереваясь провести ночь на своем корабле связи "Кэтоктин", а затем вылететь на родину.

Черчилль улетел немного позднее. Он тоже побывал в Севастополе, осмотрел сохранившееся со времен осады города в прошлом веке английское кладбище, где похоронен его родственник знаменитый Мальборо.

Я отвечал за пребывание гостей в Севастополе и их отлет с аэродрома. Поэтому, когда последний иностранный самолет и корабль покинули Крым, облегченно вздохнул. Подобного рода обязанности, на первый взгляд, казалось бы, не очень сложные, тем не менее доставляют немало хлопот.

Уже после войны мне не раз доводилось бывать в Крыму, и всякий раз, проезжая мимо Ялты, я хоть на несколько минут останавливался у Ливадийского дворца.

Много важных событий с тех пор свершилось на земле, много важных проблем решило и продолжает решать человечество. Но важнейшая из них — это сохранение мира на земле. Основная мысль заключительной части Декларации, принятой на конференции в Ялте, состоит именно в решимости союзников сохранить и усилить в мирный период единство целей и действий Объединенных наций, сделавшее возможной победу во второй мировой войне. Эти слова, как заповедь, оставлены нашим современникам участниками исторической конференции.

В Ставке

Вскоре после моего возвращения из Ялты поздно вечером мне позвонил А. Н. Поскребышев и официальным тоном, каким он имел обыкновение говорить даже с приятелями в служебное время, предложил заехать к нему, чтобы ознакомиться с "одним документом". Уточнять по телефону содержание документа — дело напрасное, и я отправился в Кремль.

Скромная раздевалка на нижнем этаже, подъем в маленьком тихоходном лифте, ковровая дорожка вдоль длинного коридора, знакомый тупичок перед дверью в приемную. Вхожу. Сразу чувствуется, что Сталина в кабинете нет: Александр Николаевич Поскребышев не [468] столь официален.

— А, моряк!— Поскребышев широко улыбается и хлопает ладонью по красной папке.— Вы сегодня именинник.

Он открывает папку и достает из нее лист плотной бумаги с хорошо знакомым штампом Государственного Комитета Обороны.

— Читайте.

Читаю. Оказывается, 2 февраля было принято постановление об изменении состава Ставки Верховного Главнокомандования. В нее вводились А. М. Василевский, А. И. Антонов и я.

Кто мог подумать, что раньше не был членом Ставки маршал А. М. Василевский, который в течение двух с половиной лет являлся начальником Генерального штаба и чья подпись стояла на документах рядом с подписью Сталина? Не был членом Ставки, оказывается, и генерал А. И. Антонов, назначенный на должность начальника Генштаба...

Официальное включение меня в состав Ставки мало что изменило в моей работе. Как нарком я и до этого бывал на совещаниях Ставки и Государственного Комитета Оборона, куда меня вызывали по флотским вопросам. Нередко я обращался в Ставку сам, когда добивался нужного флотом решения правительства или Верховного Главнокомандования. Иногда я звонил И. В. Сталину, если обстановка требовала немедленного доклада. И, несмотря на занятость, Верховный всегда находил время выслушать меня и дать исчерпывающий ответ.

В первые месяцы войны Ставка и ГКО работали в Кремле или в особняке на улице Кирова, а станцию метро "Кировская" временно использовали как убежище на случай воздушных тревог.

Не так давно мне довелось побывать в этом особняке и восстановить в памяти обстановку тех дней. В небольшом зале особняка был оборудован кабинет для И. В. Сталина, рядом с ним размещался начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников. Оперативная группа Генштаба находилась в соседнем доме и в любой момент была готова доложить о последних сообщениях с фронтов или передать фронтам приказы Ставки.

Верховный Главнокомандующий приезжал в особняк обычно вечером и, если воздушной тревоги не было, работал там далеко за полночь. Когда [469] радиорепродукторы возвещали "Граждане! Воздушная тревога", все находившиеся в особняке спускались в метро. Мне дважды довелось

наблюдать, как И. В. Сталин после объявления тревоги не спеша пересекал небольшой дворик, входил в подъезд соседнего дома, где был оборудован лифт в убежище.

В своей повседневной работе Верховный Главнокомандующий опирался прежде всего на аппарат Генерального штаба. Постоянными заместителями и фактическими помощниками Верховного были Г. К. Жуков, А. М. Василевский, Б. М. Шапошников, а в конце войны А. И. Антонов. Прежде чем принять то или иное решение или директиву, в Ставку обычно вызывались начальник Генштаба, представители Ставки, нарком ВМФ, командующий фронтом, флотом или армией. С ними обычно и советовался И. В. Сталин.

Начальник Генерального штаба маршал Шапошников являлся докладчиком и основным советником Верховного Главнокомандующего. Делал он это на основании многочисленных собранных за ночь работниками Генштаба последних сведений с фронтов, предварительного анализа событий и уже выработанных (в первом варианте) предложений. Мне не раз приходилось наблюдать, как к маршалу Шапошникову приезжали люди с докладами, проектами директив и телеграмм, и не было секретом, что перед этим большой коллектив генштабистов провел бессонную ночь.

Занятый делами армии, Борис Михайлович не имел возможности детально заниматься флотскими вопросами и поэтому всегда просил меня подготовить ту часть вопроса, которая касалась флотов, чтобы ему было легче докладывать в Ставке. Иногда эти вопросы докладывались начальником ГМШ ВМФ, но многие из них я считал обязательным докладывать лично.

Говоря о трудной работе Ставки в начале войны, хочется еще раз сказать о Борисе Михайловиче Шапошникове. Уже тяжело больной, с

кислородными подушками в своем кабинете, задыхаясь от кашля при длительных телефонных разговорах, он обеспечивал Верховного Главнокомандующего нужными сведениями с фронтов и делал свои предложения.

Александр Михайлович Василевский, являясь заместителем начальника Генерального штаба с июня 1942 года, чаще находился на фронтах, чем в Москве. По [470] складу характера, пунктуальности и знаниям штабной работы А. М. Василевский явился достойным преемником Б. М. Шапошникова на должность начальника Генштаба.

Я с удовольствием вспоминаю совместную работу с А. М. Василевским, начавшуюся еще до войны, затем в Москве и вне ее, когда приходилось на месте координировать действия флотов с фронтами.

Наша последняя встреча в годы войны была на Дальнем Востоке. Маршал Василевский руководил операциями фронтов, а на мою долю выпало помочь ему в использовании Тихоокеанского флота и Амурской флотилии.

Г. К. Жуков, А. М. Василевский, Н. Н. Воронов, С. К. Тимошенко, К. Е. Ворошилов, как представители Ставки, выполняя поручения Верховного, часто бывали на фронтах, лично делали ему доклады, проверяли на местах выполнение директив Ставки. Верховный Главнокомандующий принимал решения, как правило, лишь посоветовавшись с теми, на кого возлагалось выполнение задачи. Я не помню случая, когда бы Ставка собиралась в полном составе, но, бывая на ее совещаниях, я всегда видел там начальника Генштаба и командующих фронтами или армиями. Хорошо помню, как в трудную осень 1941 года, проводя ночи на станции метро "Кировская", я встречал там многих командармов. Недаром уже после войны генерал П. А. Курочкин напомнил мне, что наша первая встреча произошла в "зале ожидания" — в убежище на "Кировской".

Сосредоточение власти в руках одного человека, воля Сталина и его способность "выдержать характер", как мы наблюдали это в трудные дни обороны Москвы или Сталинграда, сыграли немалую роль в достижении победы.

Сам Сталин был до крайности загружен чисто военными вопросами. Однако, что меня больше всего удивляло в работе Ставки и лично Сталина, так это недооценка роли организации в деле руководства войной. Теоретически он признавал важность отработки организации всех государственных органов, но почему-то на практике мало уделял этому внимания. Надо сказать, что еще в предвоенный период Сталин не установил четкой разграничительной линии в своих функциях с наркомом Обороны и Военно-Морского Флота, руководя ими. [471]

Результатом непонятной недооценки организации со стороны Сталина хорошо известным мне был, я бы сказал, больной вопрос о многочисленных подчинениях и переподчинениях флотов сухопутным начальникам в ходе войны, его нежелание до 1944 года ясно определить, что такое оперативное подчинение. Поэтому и применялись в приказах такие выражения: "Применить к делу Черноморский флот".

Как ни парадоксально, но только в 1944 году была издана директива о том, что Нарком Военно-Морского Флота является и Главнокомандующим флотами.

Недооценка Сталиным вопросов организации усугублялась тем, что люди, готовившие директивы, не всегда считались с мнением и предложениями моряков. Недостаточно учитывая сложности таких, например, операций, как десантные, и упрощая их, они долго держали от нас в секрете намеченные операции, не давая нам, морякам, нужного времени для подготовки, а потом заставляли спешить.

Присутствие непосредственно на фронтах в качестве представителей

Ставки таких военачальников, как Г. К. Жуков и А. М. Василевский, приносило, на мой взгляд, огромную пользу. На первом этапе войны это было просто необходимо, так как требовалась непосредственная связь Ставки с фронтами и помощь знающего замысел Ставки опытного военачальника. Вот почему представителям Ставки было предоставлено право не только координировать действия фронтов, но и руководить операциями. Их роль высоко оценил И. В. Сталин. Недаром едва кто-нибудь из представителей Ставки возвращался в Москву, как Верховный уже спрашивал, когда он снова думает выехать на фронт.

В войска посылались не только представители Ставки, но и другие руководящие работники центрального аппарата.

Когда складывалась, допустим, тяжелая обстановка на каком-нибудь флоте, И. В. Сталин обыкновенно спрашивал у меня:

— Кто командует флотом?

И выпытывал подробности: что за человек, давно ли на этом флоте. А потом предлагал:

— А не послать ли туда кого-либо из ваших заместителей?

И, не дожидаясь ответа, иногда сам называл кандидатуру.

Так, в трудные для Таллинна, Одессы, Ленинграда и Севастополя дни на флоты выезжали мои заместители И. С. Исаков, И. В. Рогов, Л. М. Галлер, Г. И. Левченко, В. А. Алафузов.

А порой И. В. Сталин приказывал:

— Вам следует самому выехать туда и разобраться.— И сразу спрашивал:

— Когда выезжаете?

Только тогда считал вопрос исчерпанным.

В своей работе Ставка всецело опиралась на слаженный аппарат Генштаба. Без участия этого большого высококвалифицированного аппарата Ставка не принимала ни одного серьезного решения. В самые

трудные дни 1941 года в Ставке, как правило, можно было встретить начальника Генерального штаба вместе с ответственными оперативными работниками. Начальник Генштаба являлся и докладчиком и основным советником Верховного Главнокомандующего. На основании сведений с фронтов, анализа событий он составлял свой доклад.

Как я уже заметил, Ставка в полном составе, кажется, никогда не собиралась. И. В. Сталин предпочитал советоваться в первую очередь с теми военачальниками, которые непосредственно принимали участие в подготовке той или иной операции или на которых было возложено выполнение директивы Ставки. В войну дорога каждая минута, и часто оперативные вопросы требуют срочного решения. Проводить многолюдные совещания не было ни возможности, ни нужды.

За одним столом с военачальниками на совещаниях в Ставке или ГКО обсуждали вопросы руководители партии и правительства, наркомы различных отраслей промышленности, директора крупных заводов.

Сражалась вся страна, весь народ. Наркоматы авиационной, танковой промышленности, вооружения и боеприпасов, да и другие промышленные отрасли были своего рода трудовыми фронтами со своими командирами и бойцами.

Припоминаю послевоенные беседы с бывшими наркомками И. Ф. Тевосяном, В. А. Малышевым, А. И. Шахуриным, И. И. Носенко.

— А ведь на заводах, пожалуй, было не легче, чем на фронте,— заметил однажды В. А. Малышев.

Действительно, для любой крупной задуманной [473] Ставкой или командованием операции — наступательной или оборонительной — надо было поставить фронту самолеты, танки, корабли, боеприпасы, продовольствие, обмундирование — всего не перечислишь.

Решая одновременно военные и хозяйственные задачи, Ставка и ГКО как

бы сливались в единый государственный орган — гибкий, оперативный, быстро реагирующий на обстановку. Бывая у Верховного Главнокомандующего по вопросам оперативным, я почти всегда встречался с представителями ГКО. Они часто присутствовали при обсуждении крупных военных операций и докладывали о степени подготовки промышленности к задуманным планам. Помню, нередко сразу тут же принимались решения по оборонным наркоматам.

И. В. Сталин при решении важных вопросов имел обыкновение вызывать непосредственных исполнителей, знакомиться с их точкой зрения. Кстати, посоветовавшись с людьми, он любил принятое решение оформить тут же, в их присутствии, диктуя содержание будущего документа начальнику Генштаба или Поскребышеву.

Из военных чаще всего у Верховного бывали командующие фронтами и армиями. Но несколько раз в Ставке я видел рядовых — летчиков, танкистов, артиллеристов: Сталин допытывался, как они относятся к новым образцам оружия, поступающим на фронт.

Мне довелось много беседовать с А. М. Василевским, который, пожалуй, чаще других встречался с Верховным Главнокомандующим во время разработки и осуществления крупнейших наступательных операций наших войск.

Александр Михайлович подтверждает, что Верховный Главнокомандующий в его присутствии вызывал для рассмотрения того или иного вопроса руководителей с фронтов и из тыла. В приемной Верховного можно было встретить наркомов и директоров заводов, на которых возлагались ответственные задачи по выполнению заданий ГКО и Ставки. Сталин всегда требовал исчерпывающих сведений по любому обсуждающемуся вопросу и не упускал случая воспользоваться советом этих товарищей.

Мне, как моряку, хочется добавить, что Сталин внимательно следил и за обстановкой на флотах. Он не раз вызывал меня для уточнения флотских вопросов, когда [474] я испрашивал разрешения на проведение той или иной крупной операции на море. Часто он требовал от меня обстоятельного доклада, когда шли конвои в Мурманск и Архангельск, когда принимались в Англии и переводились в наши базы принятые в счет итальянского трофейного флота английские и американские корабли, или думал о судьбе Балтийского флота, когда в сентябре 1941 года положение в Питере было очень серьезным. Таких примеров можно привести множество.

На одной встрече с читателями меня спросили: "Верно ли, будто И. В. Сталин не любил, когда ему возражали?" Как можно было ответить коротким "да" или "нет"? Иногда Сталин действительно не терпел возражений. Но во многих случаях терпеливо выслушивал их, и люди, имевшие свою точку зрения, нередко даже нравились ему. Такого не только мое мнение. В апреле 1968 года мне довелось беседовать на эту тему с маршалом К. К. Рокоссовским. Он прямо сказал:

— Если мне удавалось обосновать свою точку зрения, Сталин всегда соглашался со мной.

Конечно, случалось, что Сталин прерывал докладчика, даже очень резко. Но это бывало, когда ему казалось, что тот плохо знает суть вопроса. Сталин любил доклады обоснованные, убедительные, продуманные.

Работал Сталин много. И в редкие минуты отдыха он не мог обойтись без дела. Иногда разговор в служебном кабинете затягивался. Он смотрел на часы:

— Пора ужинать. Прошу ко мне.

Его квартира находилась в том же здании в Кремле, где и рабочий кабинет. Сам он обычно пользовался внутренним ходом, а мы спускались

к вешалке, одевались и входили в квартиру через арку со двора.

Вспоминаю, с каким любопытством я впервые поднимался по ковровой дорожке красного цвета на второй этаж. Я и не ожидал увидеть богато обставленную большую квартиру, но все же был до крайности удивлен скромностью обстановки. Небольшая прихожая была отделана деревом. Прямо из нее — дверь в столовую. Все комнаты, расположенные вдоль одной стены, с окнами на царь-пушку и Успенский собор, видны через открытые двери столовой. В спальне — простая кровать и ничего лишнего.

Создавалось впечатление, что Сталин привык с давних пор к заведенной обстановке, к известной всем одежде (китель, шинель, фуражка) и не любил никаких [475] перемен. Так, в пору, когда он носил серый полувоенный китель с отложным воротником, я всего один раз видел его в новом кителе более темного цвета. В конце войны он сменил свой китель на маршальский мундир, который продолжал неизменно носить и став Генералиссимусом.

Небогатыми были и сервировка стола и меню. Мы усаживались, каждый сам себе клал на тарелку немудреную еду, и опять продолжались те же разговоры, что велись в служебном кабинете.

В праздник 1 Мая, в День Воздушного Флота нас приглашали на дачу. В этом случае встречи тоже носили полуофициальный характер. Обед проходил обычно на лужайке. Стол человек на 40—50 накрывался еще до приезда гостей, на него ставили холодные закуски. Рядом, на отдельном столе, в баках с закрытыми крышками стояли горячие блюда. Каждый брал свою тарелку, подходил к бакам и выбирал по своему вкусу суп, борщ или уху. Первым это обычно делал сам хозяин.

Стол и здесь не отличался излишествами даже в большие праздники. В самом начале провозглашались различные тосты, а через несколько

минут за столом снова велись деловые разговоры.

По времени обед долго не затягивался, и только однажды гости, помнится, после обеда развлекались игрой в городки и на бильярде.

Бесспорно, Сталин был гостеприимным хозяином. Деловые разговоры за столом временами сменялись шутками, рассказами о былом. Сталин умел и пошутить — остроумно, весело.

"Достойным Верховным Главнокомандующим" называет И. В. Сталина в своей книге маршал Г. К. Жуков. Примерно такого же мнения и другие военачальники. Сталин был волевым и авторитетным человеком, что очень важно для государственного деятеля. С военной точки зрения он умел правильно оценить обстановку на фронте, ухватить главное, звено, принять решение и добиться его выполнения. Нужно признать, что в ходе войны он быстро освоился с ее характером, особенностями, смело выдвигал молодых, талантливых военачальников, прислушивался к их советам, с интересом вникал в самые мельчайшие детали.

Я не берусь нарисовать обстоятельный портрет этой необычайно сложной личности. Бесспорно одно: у него были и ошибки, но нельзя отрицать великих свершений, [476] которых добилась страна под его руководством, принижать выдающуюся роль И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны. Объективная оценка деятельности И. В. Сталина, его положительных и отрицательных черт, содержится в известных документах ЦК КПСС.

Мне приходилось беседовать со многими людьми, которые встречались со Сталиным, работали вместе с ним, и я не помню ни одного человека, который не отдал бы должное его уму, знаниям, железной воле. Сталин — многогранная натура, и рассматривать только одну грань его личности, забывать другие черты его характера — это значит уходить от правды.

На пути к Берлину

Советские войска приближались к Берлину, хотя бои принимали порой чрезвычайно ожесточенный характер. Гитлер и его приближенные, чувствуя свой неизбежный крах, не жалели солдатских жизней, чтобы хотя бы на несколько дней продлить свое существование. Быстрое продвижение советских войск на Западе считали чудом. Но это было логическое завершение всех событий второй мировой войны. Побеждал самый передовой в истории человечества общественный строй, самая жизнеутверждающая социалистическая идеология. Фашистский рейх расплачивался за все злодеяния, которые он принес народам Европы.

Обстановку на приморских направлениях в ту весну определяло наступление советских войск в Восточной Пруссии и Померании. По решению Ставки войска 2-го Белорусского фронта обходным маневром в направлении на Мариенбург, а части 3-го Белорусского фронта фронтальным ударом на Кенигсберг при содействии войск 2-го Прибалтийского фронта и Балтийского флота должны были отсечь восточно-прусску группировку врага, расчлнить ее и уничтожить по частям. Одновременно предусматривался разгром данцигско-гдынской группировки противника.

Я уже рассказывал, как Черчилль на Крымской конференции допытывался у Сталина, когда советские войска захватят Данциг. В этом балтийском порту находилось тогда много недостроенных и уже готовых немецких подводных лодок. А именно подводные лодки [477] доставляли больше всего тревог британскому правительству. Черчилль признавался, что в трудный период битвы за Атлантику ничто так не беспокоило его, как угроза со стороны немецкого подводного флота. Вот почему его волновал захват Данцига.

Дни этого порта и без того были уже сочтены: до города доносились

залпы наших орудий и "катюш"; началось поспешное бегство противника. Более шести тысяч гитлеровцев, около половины которых составляли, можно сказать, цвет фашистского подводного флота, погрузились на лайнер "Вильгельм Густлов". Охранение в морс должно было обеспечить безопасность перехода лайнера от Данцига до Киля. А между тем конвой уже поджидала советская подводная лодка.

В море свирепствовал жестокий шторм. Температура держалась на минус семи градусах. Рубка лодки, антенны, перископы быстро обрастали льдом. А командир лодки и его замполит уже длительное время находились на мостике.

Скрывшись во мгле, наша лодка продолжала поиск. Прошел еще час, другой. Шторм не утихал. И вдруг обозначился силуэт очень крупного судна. Оно шло в охранении. Это и был "Вильгельм Густлов".

За час до полуночи "С-13" атаковала неприятельское судно. Несколько торпед одна за другой стремительно понеслись к цели. После сильного взрыва лайнер пошел ко дну.

Гибель "Вильгельма Густлова" всполошила фашистов. В Германии был объявлен трехдневный траур. Гитлер в ярости приказал расстрелять командира конвоя.

Потопление "Вильгельма Густлова" явилось значительным событием даже на фоне наших крупных побед в те дни.

Находившийся на борту лайнера и оставшийся в живых гитлеровский офицер Гейнц Шен в книге "Гибель "Вильгельма Густлова", изданной в ФРГ, подтверждает, что 30 января 1945 года неподалеку от Данцига "Вильгельм Густлов" был торпедирован советской подводной лодкой, в результате чего погибло более 5 тысяч человек. "Если считать этот случай катастрофой,— пишет автор,— то это несомненно была самая большая катастрофа в истории мореплавания, по сравнению с которой

даже гибель "Титаника", столкнувшегося в 1912 году с айсбергом,— ничто".

Успех лодки "С-13" был не последним. [478]

Возвращаясь на свою базу, 9 февраля 1945 года она торпедировала еще один крупный транспорт противника — "Генерал Штойбен", на борту которого находилось 3600 гитлеровских солдат и офицеров. Таким образом, за один только поход экипаж лодки под командованием капитана 3 ранга Александра Ивановича Маринеско уничтожил 8 тысяч гитлеровцев. Полноценная дивизия! Да еще какая дивизия! Отборные офицеры, первоклассные специалисты-подводники, эсэсовцы, фашистские бонзы...

Балтийский флот вместе с сухопутными войсками освобождал Балтийское побережье. После занятия нашими частями Данцига, а немного позднее Пиллау в руках гитлеровцев оставалась еще Либава — крупный порт, через который снабжалась окруженная курляндская группировка немцев. Сначала гитлеровцы присылали в Либаву пополнение, а после стали через этот порт эвакуировать войска и разнообразное военное имущество. Перед моряками Балтийского флота встала задача всеми мерами срывать эти перевозки.

Командование флота руководствовалось директивой Ставки, разработанной с участием Главного морского штаба. Впервые в ней указывалось: "Операционной зоной флота является все Балтийское море вплоть до проливов". Далее говорилось, что флоту надлежит "содействовать наступающим вдоль морского побережья войскам своей авиацией, артиллерийским огнем. Флот должен также высаживать десанты, продолжать уничтожение в Балтийском море боевых кораблей и транспортных судов противника". 3-й Белорусский фронт в это время готовился к операции по разгрому кенигсбергской группировки

гитлеровцев. Балтийскому флоту (командующий В. Ф. Трибуц, член Военного совета И. К. Смирнов и начальник штаба А. Н. Петров) предстояло принять в этой операции самое непосредственное участие. Дело было очень важным, и я счел необходимым побывать в эти дни на Балтийском флоте.

Походный штаб адмирала В. Ф. Трибуца располагался в Паланге. Этот небольшой курортный поселок западнее Либавы (Лиепая) был выбран не случайно. В этом районе проходили морские коммуникации курляндской группировки. Именно здесь, в считанных милях от берега, наши торпедные катера и подводные лодки наносили удары по конвоям противника. С неподалеку расположенных аэродромов авиация флота бомбила [479] порты, где сосредоточивались немецкие транспорты.

Командующий флотом и начальник штаба познакомили меня с обстановкой. Они правильно оценили, что самым уязвимым местом противника сейчас являются его морские коммуникации, от которых, по существу, зависела судьба окруженной курляндской группировки.

Оценили-то правильно, а сил на борьбу с конвоями противника выделили недостаточно. Положились на торпедные катера, а противник проводил свои конвои далеко от берега, где они стали почти недосыгаемы для наших катеров. Было решено шире использовать для ударов по вражеским коммуникациям флотскую авиацию. Она будет совместно с подводными лодками и торпедными катерами атаковать конвои на всем пути — от пункта отправления до места назначения. Решено было также наносить массированные удары с воздуха по порту Либавы еще во время формирования конвоев. А момент этот установить было нетрудно: даже отсюда, из Паланги, просматривалось движение судов в том районе. Мы с Трибуцем вышли на полуразрушенный длинный причал и долго наблюдали на горизонте дымы транспортов, входящих на рейд Либавы.

Хотелось немедленно бросить туда эскадрилью бомбардировщиков-торпедоносцев. Но это было пока рискованно. Либава сильно прикрывалась истребительной авиацией, и налеты малыми группами самолетов привели бы лишь к лишним потерям. Командование флота получило указание подготовить мощные авиационные удары по вражескому порту.

Мы специально обсуждали возможность использования крупных надводных кораблей на вражеских коммуникациях. Признали это нецелесообразным. Минная опасность была еще слишком большой. К тому же, чтобы прикрывать надводные корабли с воздуха на долгом пути следования к месту боевых действий, понадобилось бы много истребителей. А их лучше было направить на обеспечение действий бомбардировочной авиации в интересах фронта и при ударах по Либаве. Истребители понадобятся и для прикрытия десантов, на высадке которых настаивало командование фронта.

Вообще авиация флота действовала напряженно. Она оказывала большую помощь сухопутным войскам. Почти ежедневно группы самолетов вылетали на поиск и уничтожение транспортов в море. В результате с 13 января по 25 апреля 1945 года было потоплено в море [480] и в портах 20 транспортов и 47 других судов и кораблей, в том числе крейсер, миноносец и 7 сторожевых кораблей.

Если по числу действовавших в этом районе надводных кораблей немцы превосходили нас, то по воздушным силам Балтийский флот теперь вдвое превосходил противника. Правда, ощущался некоторый недостаток в ударной авиации. Поэтому мы обратились к начальнику Генерального штаба с просьбой усилить ВВС флота тремя дивизиями бомбардировщиков "Ту-4", "Пе2" и "Ил-4" и одной дивизией истребителей{81}.

Так как основные события с начала 1945 года развернулись в южной части Балтики, то в конце марта был создан Юго-Западный морской оборонительный район (ЮЗМОП) под командованием вице-адмирала Н. И. Виноградова. На него возлагалось содействие нашим войскам на приморских флангах, а также задача нарушения вражеских коммуникаций в Данцигской бухте.

На побережье Балтики превосходно действовала морская железнодорожная артиллерия. Она внесла ощутимый вклад в освобождение Мемеля (Клайпеды). Два железнодорожных дивизиона — 406-й майора В. С. Мясникова и 407-й подполковника Г. И. Барбакадзе — своим огнем помогали нашим войскам отражать вражеские контратаки, обстреливали фашистские корабли в порту, обеспечивали переправу наших войск на косу Куриш-Нерунг, мешали противнику эвакуировать свои части морем.

Еще под Ленинградом мы убедились, какая это сила — морские дальнобойные пушки, установленные на железнодорожных платформах. Они обладают большими возможностями маневра, лишь бы имелись железнодорожные пути. Железнодорожные батареи обладали дальностью стрельбы большей, чем орудия армейцев. Они могли быстро приближаться к линии фронта и наносить удары там, где это было всего нужнее в интересах наступающих войск. Замечу сразу же, что морские железнодорожные батареи привлекались к содействию сухопутным фронтам на всех приморских направлениях.

В дни Восточно-Прусской операции железнодорожная артиллерия использовалась особенно активно. В Прибалтику перешли 5 дивизионов и 3 отдельные батареи 1-й гвардейской железнодорожной морской артиллерийской Красносельской бригады, состоявшей из [481] 47 орудий калибром 130 и 180 миллиметров. Под Кенигсбергом, а затем в Пиллау

были развернуты 4 артиллерийских дивизиона и отдельная батарея. В их задачи входило препятствовать движению судов противника в Кенигсбергском канале, вести обстрел железнодорожного узла и порта, разрушать наиболее важные объекты и оказывать поддержку войскам при прорыве обороны противника на подступах к Кенигсбергу.

9 апреля 1945 года Кенигсберг пал. Морская артиллерия начала содействовать войскам 3-го Белорусского фронта в прорыве оборонительных укреплений на подходах к Фришгаузену и в овладении портом Пиллау. На ее счету потопленные и поврежденные суда, подавленные батареи, разрушенные опорные и штабные пункты.

В начале марта по фашистским войскам на Балтийском побережье был нанесен еще один сокрушительный удар. Войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов, осуществляя стратегический замысел Ставки, расчленили немецкую группировку армий "Висла" и в районе Кольберга вышли к морю. Чтобы выправить положение, немецко-фашистское командование предприняло попытку перебросить сюда часть войск из состава курляндской группировки. 21 марта из Либавы вышел конвой в составе 5 транспортов в охранении сторожевых кораблей и тральщиков, которые также приняли на борт войска и технику. Вражеские суда обнаружила воздушная разведка балтийцев. Тотчас вылетела ударная группа авиации. В течение двух дней наносились противнику торпедные, бомбовые и штурмовые удары. В результате были потоплены 4 транспорта и 2 сторожевых корабля.

Наша флотская авиация успешно вела борьбу на вражеских коммуникациях. С января по май 1945 года она в общей сложности потопила 158 крупных и малых судов и 29 повредила. Такие цифры называли сами гитлеровцы в журнале боевых действий группы армий "Север".

Балтийские летчики, совершавшие в первые дни войны налеты на Берлин, столь же геройски сражались и когда боевые действия приблизились к фашистской столице.

В это время я с особой тревогой просматривал сводки о потерях. Ожесточенные бои шли и на земле, и на воде, и в воздухе.

Потери наши были не столь велики, но воспринимались еще тяжелее, чем прежде. Обидно и больно терять людей, когда до победы рукой подать.

[482]

Мне доложили о гибели разведчика лейтенанта Александра Курзенкова. Их было два брата. Оба за подвиги в боях стали Героями Советского Союза. Когда об этом узнали их земляки, трудящиеся Нарофоминского района Московской области, они заявили, что подарят братьям новые самолеты. Организовали сбор денег и набрали более 2 миллионов рублей — не на 2 самолета, а, пожалуй, на две эскадрильи.

...Александр Курзенков вылетел на разведку. Далеко в море он обнаружил фашистские транспорты с войсками. Летчик тотчас сообщил на базу о конвое и его координаты, по его данным наши авиационные соединения атаковали врага. Но о результатах налета герой-комсомолец так и не узнал. На обратном пути его самолет был подбит. Радио донесло последние слова Александра Курзенкова: "Прощай, Родина!.."

Случилось это всего за несколько часов до конца войны...

Наши войска вели бои уже на улицах фашистского рейха. Берлин далеко от моря. Но и в нем сражались моряки. Бывший член Военного совета 5-й ударной армии Ф. Е. Боков после вспоминал, как удивились пехотинцы, увидя в Берлине советских моряков и их небольшие корабли.

— Откуда вы взялись?

— С Днепра! — весело отозвались матросы.

Их катера пришлились очень кстати — они помогли пехотинцам

переправиться через канал.

Моряки сказали, что они с Днепра. Правду сказали. Это был отряд катеров и полуглиссеров Днепровской военной флотилии. Напомню, что она была создана в июле 1940 года. Тогда флотилия называлась Пинской (в этом городе была ее главная база). Флотилия вместе с нашими войсками сражалась в Белоруссии и на Украине, а когда Днепр оказался во вражеском тылу, моряки взорвали свои корабли и сошли драться на сушу. Флотилия была воссоздана осенью 1943 года, когда наши войска вышли к Днепру. Часть кораблей для нее прибыла с Волги, другая поступила прямо с заводов.

Командующим флотилией назначили капитана 1 ранга В. В. Григорьева, который до этого был начальником штаба Волжской флотилии. Штаб флотилии возглавил капитан 2 ранга К. М. Балакирев, политотдел — капитан 1 ранга В. И. Семин. Флотилия подчинялась непосредственно наркому ВМФ, а оперативно — [483] командующему 1-м Белорусским фронтом.

Как только началась навигация в марте 1944 года, 1-я бригада речных кораблей (командир капитан 2 ранга С. М. Лялько) начала действовать на реках Припять и Птичь, а 2-я бригада речных кораблей (командир капитан 2 ранга В. М. Митин) развернулась на Березине, содействуя войскам 48-й и 65-й армий. Моряки огнем корабельной артиллерии поддерживали приречные фланги сухопутных войск, высаживали десанты, помогали форсировать водные преграды, участвовали в переправе войск и техники.

За успешные действия при освобождении Пинска и в Бобруйской операции Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1944 года Днепровская флотилия была награждена орденом Красного Знамени. 10 участников десантов удостоились звания Героя Советского

Союза.

К началу Берлинской операции Днепровская флотилия, совершив более чем 500-километровый нелегкий переход по рекам и каналам, перебазировалась на Одер. Ее корабли участвовали в форсировании этого водного рубежа, своим огнем прикрывали переправы.

Только за 16 апреля канлодки, бронекатера и плавбатареи 1 -и и 2-й бригад Днепровской флотилии уничтожили 17 артиллерийских и минометных батарей, 10 отдельных орудий, 27 дзотов и пулеметных точек. А когда бои разгорелись на подступах к Берлину, флотилия часть своих кораблей послала на Шпрее. Возглавили этот отряд, выделенный из 1-й Бобруйской Краснознаменной бригады речных кораблей, старший лейтенант Серегин и лейтенант Калинин. Отряд помог 9-му стрелковому корпусу, наступавшему на левом фланге 5-й армии.

Командир корпуса обратил внимание моряков на необходимость обеспечить быструю переправу подразделений первого броска. Под сильным огнем корабли с десантом устремились к вражескому берегу. Это было в ночь на 22 апреля, а на рассвете на занятый плацдарм корабли стали перебрасывать главные силы сухопутных частей. Моряки всегда были готовы помочь своим боевым друзьям. Не раз на кораблях слышалась громкая команда старшего лейтенанта Серегина:

— К горящему танку, полный вперед!

И бронекатера, ведя огонь из всех видов оружия, спешили к подбитой машине, отгоняли от нее [484] фашистов и спасали танкистов.

Когда на одном из участков создалось критическое положение, на выручку поспешили старшина А. П. Пашков и его взвод. Высадившись с кораблей, моряки ударили немцам в тыл, навязали им рукопашную. В момент жаркой схватки погиб А. П. Пашков — веселый, жизнерадостный моряк, успевший повоевать на Северном флоте, под Москвой и

Сталинградом. Товарищи закончили бой без него. Положение на этом участке было восстановлено.

Вот как оценили действия отряда полуглиссеров и катеров командир 9-го стрелкового Бранденбургского Краснознаменного корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант Рослый и начальник штаба корпуса полковник Шикин: "Группа полуглиссеров во главе с помощником начальника штаба бригады речных кораблей старшим лейтенантом М. М. Калининым во время форсирования реки Шпрее с восточного на западный берег у леса Плентер-Вальде получила задачу высадить десант на западный берег. Эта задача была выполнена под сильным огнем пулеметов, автоматов и артиллерии противника".

3-я бригада речных кораблей с 16 по 24 апреля взаимодействовала с частями 33-й армии в районе Фюрстенберга. Пришедшие с ней две роты морских пехотинцев вместе с армейцами захватили этот населенный пункт, а затем бронекатера по каналу Одер — Шпрее двинулись к Берлину.

22 апреля корабли 1-й и 2-й бригад подошли к входу в канал Альте-Одер. Оказывая содействие войскам 61й армии, бронекатера 2-й бригады 27 апреля прорвались к Шведту и приступили к переправе частей 234-й стрелковой дивизии. В тот же день прорвавшимися в канал Альте-Одер кораблями 1-й бригады был высажен в районе Хоэнциллерн десант, состоявший из трехсот человек. К исходу 27 апреля территория от Шведта до канала Хоэнциллерн была очищена от противника. 61-я армия стремительно преследовала отходившие на запад части гитлеровцев, а 1-я и 2-я бригады речных кораблей направились к Берлину по каналу.

Так и оказались моряки под стенами Берлина в дни последней битвы Великой Отечественной войны.

За успешные боевые действия на берлинском направлении

Краснознаменная Днепровская флотилия была награждена орденом Ушакова I степени. [485]

К концу апреля потеряли надежду даже самые отъявленные фашисты-фанатики. А главари метались в поисках выхода из критического положения. Выход был один — подписывать безоговорочную капитуляцию, но наследников Гитлера это не устраивало.

2 мая Дениц направил к Монтгомери группу офицеров во главе с генерал-адмиралом фон Фридебургом с предложением принять капитуляцию немецкого флота. Монтгомери принял предложение и приказал с 4 мая прекратить действия английской авиации против немецкого флота. Вместе с тем англичане не стали мешать гитлеровцам вывозить свои войска с побережья.

"Монтгомери неофициально разрешил продолжать эту эвакуацию, которая шла до 9 мая, когда вступил в силу документ о безоговорочной капитуляции. Это была самая массовая эвакуация за всю войну", — так пишет английский историк С. Э. Морисон в книге "Битва за Атлантику выиграна". В результате морем до 9 мая гитлеровцы вывезли с востока в английскую зону более 2 миллионов человек.

Разрешив эвакуацию, англичане не только нарушили союзнический долг, но и прямо поддержали, поощрили недобитые фашистские элементы в их борьбе против Советского Союза.

Дениц издал приказ о прекращении действий немецкого флота против англичан и американцев. В отношении же советского флота в радиোগрамме не было сказано ни слова, и каждый командир немецкого корабля понял, что война против русских продолжается.

Позднее стало известно, что, когда поражение Германии стало уже фактом, Черчилль готов был вооружить остатки разбитой немецкой армии и бросить ее против советских войск.. Черчилль скинул маску миролюбия

и вновь стал прежним откровенным ненавистником социализма. Черчилль стал Черчиллем. Монтгомери в данном случае был, видимо, только исполнителем воли наиболее влиятельных политических кругов Англии. Сам он едва ли осмелился бы отдать приказ о сепаратном соглашении с немецким военно-морским командованием еще до подписания безоговорочной капитуляции Германии.

Гитлеровцы, чувствуя доброжелательное к себе отношение англичан, охотно сдавались им в плен. Больше того. Они просили их высадить на остров Борнхольм [486] английский воздушный десант до появления там русских войск.

7 мая последовал приказ Деница всем кораблям и судам в Балтийском море покинуть порты и базы, которым угрожали советские войска, до нуля часов 9 мая. А за эти два дня фашистское командование должно было форсировать эвакуацию войск и населения в зону оккупации англичан; суда и плавучие средства, по каким-либо причинам не имевшие возможности перейти в западные порты, предлагалось уничтожить.

Но дело не ограничилось этим. Германский флот продолжал боевые действия против наших сил даже после подписания акта о безоговорочной капитуляции. Так, в 6.00 9 мая немецкие эсминцы открыли огонь по нашим самолетам, требовавшим возвращения кораблей в восточные порты. Точно так же 9 мая с немецких транспортов в районе острова Борнхольм были обстреляны наши торпедные катера{82}.

На заключительном этапе войны балтийцы должны были высадить десант на остров Борнхольм. Эта операция вызывалась тем, что там сосредоточилось примерно до тридцати тысяч гитлеровцев. Я сообщил начальнику Генерального штаба о необходимости овладеть островами Борнхольм и Рюген и просил выделить для этой цели две дивизии из

состава 2-го Белорусского фронта{83}.

Последующие события подтвердили целесообразность и своевременность этой операции. Оказывается, немцам было дано указание сдаться в плен лишь англичанам, как только они высадятся на остров с самолетов.

9 мая командование КБФ передало по радио гарнизонам островов требование о капитуляции. Гитлеровцы отказались сложить оружие. Тогда флотская авиация нанесла удар по местам базирования немецких войск и судов. В тот же день отряду наших катеров было приказано высадить на Борнхольм стрелковую роту, что и было сделано — в порту Ренне вышла на берег сотня наших бойцов. По сравнению с немцами их была горстка. Но враги знали: за спинами этих солдат — мощь всей нашей армии. Все это происходило — повторяю! — когда уже был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Командованию гарнизона ничего другого не оставалось, как тоже приступить к оформлению капитуляции своей группировки. Однако в те же самые минуты часть немецкого [487] гарнизона пыталась погрузиться на суда и удрать в Швецию. Мы послали наперехват торпедные катера и подводные лодки. Наши моряки, нагнав беглецов, приказывали немедленно возвращаться на Борнхольм. Фашисты на эти приказы отвечали в большинстве случаев огнем. Тогда командирам наших кораблей ничего не оставалось, как тоже пускать в ход оружие. Так что бои на Балтике продолжались и после того, как уже был подписан акт о капитуляции Германии.

Не прекращались боевые действия и на Северном флоте. Уцелевшие фашистские подводные лодки еще пытались атаковать наши конвои. Вспоминается телефонный разговор с командующим флотом А. Г. Головкин уже в середине мая 1945 года.

— Мы все еще продолжаем воевать,— докладывал он.— Вчера снова

обнаружили немецкую подводную лодку.

Ничего не подделаешь. Уже отгремел самый большой салют — из тысячи орудий — по случаю Дня Победы, а с опасностью на море по-прежнему приходилось считаться.

Победа

1 Мая 1945 года после демонстрации человек тридцать пригласили на дачу И. В. Сталина в Кунцево. Выдался на редкость теплый день. Обеденный стол накрыли на лужайке. Обед начался тостом за Победу. В близости ее теперь не было сомнения. За столом вспоминали трудное лето 1941 года, не менее напряженный 1942 год, когда были произнесены слова: "И на нашей улице будет праздник". Сейчас был канун этого праздника. После воспоминаний И. В. Сталин как-то незаметно переключил наш разговор на деловые темы. И за обеденным столом он продолжал работать: то и дело ему приносили телеграммы, на которые ему приходилось отвечать. Всегда придававший значение секретности, он на этот раз охотно делился с нами содержанием телеграмм. Запомнилась одна из них — от маршала Г. К. Жукова, доносившего из Берлина о попытках нового фашистского руководства вести мирные переговоры. Она вызвала оживленное обсуждение. Настроение у всех поднялось еще больше. Потом зашел [488] разговор о мирном строительстве, планах на будущее.

Даже праздничные обеды никогда не затягивались — через два часа уже все разъехались. Я отправился в Наркомат, чтобы заслушать последнее сообщение с флотов.

На следующий день — 2 мая — капитулировал Берлин.

Вечером 8 мая мне довелось выезжать из Кремля через Спасские ворота. Переполненная народом Красная площадь ликовала. Все ожидали

очередного салюта. Чувство безграничной радости охватило в эти минуты всех без исключения.

Поздно ночью мне позвонил А. Н. Поскребышев. Обычно скупой на разговоры даже с друзьями, он сообщил мне, что капитуляция Германии подписана. И горячо поздравил меня. Я тут же продиктовал поздравительную телеграмму военным советам флотов. Хотелось в самых теплых выражениях поделиться радостью с теми, кто все годы войны находился на переднем крае борьбы.

Несмотря на поздний час, не переставал звонить телефон. Нарком судостроительной промышленности И. И. Носенко с присущим ему жаром кричал в трубку:

— Обнимаю и крепко жму руку! Привет героям-морякам!

— Спасибо, спасибо,— волнуясь, отвечал я Ивану Исидоровичу.— От всего сердца поздравляю твоих славных корабелов. Они тоже вложили свой вклад в Победу.

9 мая повсюду царило ликование. Первыми ко мне зашли адмирал флота И. С. Исаков, начальник Главного политуправления И. В. Рогов, начальник Главного морского штаба адмирал С. Г. Кучеров. Утренний доклад об обстановке на флотах то и дело перебивали телефонные звонки. Установить обычный распорядок дня было невозможно, да и не хотелось. Докладывались только особо важные дела и подписывались исключительно спешные телеграммы. Все командующие флотами считали своим долгом позвонить мне по ВЧ и поздравить с Победой.

В кабинет заходили офицеры из управлений Наркомата: одни по делам, другие под наплывом чувств просто поздравить, поделиться радостью. Всех объединяло одно: мы одолели врага! Незабываемый день.

Победа! Она многозначна, у нее много граней. Победа была поистине всенародной. Ее ковали воины, героически сражавшиеся на фронтах,

рабочие и [489] работницы, сутками не отходившие от станков, чтобы снабжать фронт вооружением, колхозники и колхозницы, растившие урожай, ученые, инженеры, конструкторы — каждый своим трудом приближал этот долгожданный день.

Победа — это памятник тем, кто не вернулся с полей битв, защищая Москву, Ленинград, Севастополь, Одессу, Сталинград, сражаясь за каждую пядь родной земли.

Слово "победа" было у всех на устах. Оно произносилось с чувством радости и гордости за нашу Родину. И этого значения оно никогда не теряло и не утратит.

Пройдут века, а знаменательная дата 9 мая 1945 года не померкнет в памяти человечества. Она всегда будет напоминать о могуществе и непобедимости социалистического государства и служить предостережением тем, кто, забыв уроки прошлого, попытается развязать новую войну.

Меня замучили в тот день корреспонденты. Чаще всего задавали один вопрос: что больше всего запомнилось мне и что ускорило, с моей точки зрения как моряка, поражение Германии? Ответить на это коротко было трудно. Нелегко было окинуть взглядом все четыре военных года.

Мне хотелось бы рассказать журналистам о тех кораблях, которые сражались до последнего снаряда и ценой своей гибели наносили поражение врагу. И о тех кораблях, которые прошли героический путь и не потеряли ни одного человека. Были и такие.

27 июня 1942 года "Сообразительный" находился в Новороссийске. Все его кубрики были забиты боеприпасами, а поперек верхней палубы, где только возможно, лежало до 70 тонн 12-дюймовых снарядов. Эсминец готовился в очередной рейс в Севастополь. И вдруг командир получил телеграмму: возвращаясь из Севастополя, лидер "Ташкент" поврежден и

нуждается в срочной помощи. "Сообразительный" немедленно вышел в море. Он снял с поврежденного "Ташкента" около 2 тысяч человек. Но как их разместить, если все кубрики уже забиты, палубы загружены боеприпасами? Разместили! Даже в кочегарках. А среди пассажиров было около 500 тяжелораненых, много женщин, детей.

"Сообразительный" рисковал. Причем этот риск мог бы дорого обойтись кораблю, если бы не умение и отвага командира и всего экипажа. [490]

218 боевых походов совершил этот корабль под командованием капитана 2 ранга С. С. Воркова. Он без потерь провел 40 конвоев с 60 транспортами в Одессу и Севастополь. Перевез десятки тысяч человек, десятки тысяч тонн военных грузов. Выполнил 60 артиллерийских стрельб по позициям врага. Свыше 20 раз эсминец обстреливали береговые батареи противника. Трижды на него нападали торпедные катера. 267 раз его атаковала в море вражеская авиация. На корабль были сброшены сотни бомб. С первого дня и до окончания войны "Сообразительный" находился в боевом строю — и не потерял ни одного человека.

1 марта 1943 года за героизм личного состава эсминец "Сообразительный" был удостоен гвардейского флага.

Я мог бы рассказать журналистам о морских пехотинцах, насмерть стоявших под Севастополем и Ленинградом, под Москвой и Сталинградом, про десантников, высаживавшихся под убийственным огнем на вражеский берег. Рассказал бы о морских летчиках, бомбивших Берлин, о подводниках, о многих атаках катерников.

Но все это не вместились бы в строчки короткого интервью. Я просто от лица всех моряков рассказал о чувстве радости по случаю нашей победы и заверил, что Родина и впредь может положиться на отвагу моряков, их верность долгу.

...Хотя война в Европе формально закончилась, но на Северном флоте, как я уже упоминал, продолжалась борьба с немецкими подводными лодками, на Балтике немцы еще оказывали сопротивление у острова Борнхольм.

Тихоокеанский флот, находясь в повышенной готовности, делал последние приготовления для взаимодействия с 1-м Дальневосточным фронтом в ожидаемом выступлении против Японии. Войска Красной Армии спешно направлялись на Дальний Восток. Главный морской штаб в эти дни полностью переключился на планирование и подготовку боевых действий Тихоокеанского флота. Начальник ГМШ адмирал С. Г. Кучеров почти непрерывно находился на своем посту и следил за выполнением отданных распоряжений.

В середине мая 1945 года меня вызвали в Кремль. Решался вопрос о переброске войск на Дальний Восток. Докладывал начальник Генштаба А. И. Антонов. [491]

Я доложил о мероприятиях Наркомата ВМФ по усилению Тихоокеанского флота. На этом совещании было принято решение отпраздновать Победу военным парадом, как это делалось в старину.

Несколькими днями позже Главный морской штаб согласовал с Генштабом состав выделенного на Парад Победы сводного морского полка. Честь командовать им выпала вице-адмиралу Владимиру Георгиевичу Фадееву, участнику обороны Севастополя, старому моряку.

Нет нужды подробно описывать Парад Победы. У всех видевших его он навсегда остался в памяти. Невозможно забыть минуты, когда советские воины, проходя мимо Мавзолея В. И. Ленина, бросали к его подножию поверженные вражеские знамена.

И. В. Сталин, имевший привычку занимать на трибуне Мавзолея определенное место, не изменил ей и на сей раз. Обычно он редко

улыбался и мало разговаривал. Но в тот день был особенно приветлив и охотно говорил со всеми находившимися на трибуне.

Мне запомнилось еще одно торжество. В дни работы Потсдамской конференции отмечался День Военно-Морского Флота. Помню, 20 июля мне поручили издать за своей подписью приказ о его праздновании. Однако я полагал, что в победный год правильнее было бы обнародовать приказ за подписью Верховного Главнокомандующего. Подготовкой проекта приказа занялся присутствовавший в Потсдаме начальник Главного морского штаба С. Г. Кучеров. Самой сложной оказалась та его часть, в которой давалась оценка действиям моряков в годы войны. После обсуждения было решено предложить формулировку: в годы Великой Отечественной войны флот до конца выполнил свой долг перед Родиной. На следующий день я представил документ И. В. Сталину на подпись. Он перечитал его несколько раз, задержался на словах "до конца выполнил свой долг перед Родиной" и подписал без единой поправки. Приказ был издан. С флотов поступали сведения о том, с каким энтузиазмом он был воспринят.

Празднование первого после войны мирного Дня Военно-Морского Флота прошло с исключительным подъемом. Снова на кораблях подняли флаги расцвечивания, а вечером жители приморских городов любовались иллюминацией.

Коль речь зашла о Дне Военно-Морского Флота, [492] хочется хотя бы коротко напомнить его историю. Впервые мысль о празднике моряков я высказал в 1939 году во время первомайского парада на Красной площади. Помню, когда шеренги курсантов Ленинградского военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, чеканя шаг, проходили перед Мавзолеем, я сказал И. В. Сталину:

— А не мешало бы нам учредить специальный праздник военных

моряков.

Сталин взглянул на меня и ничего не ответил. Но через несколько дней мне позвонил А. А. Жданов:

— Есть указание насчет Дня Военно-морского Флота. Не теряйте времени и вносите конкретное предложение.

Собрались вчетвером: тогдашний начальник Главного морского штаба Л. М. Галлер, первый заместитель наркома И. С. Исаков, начальник Главного политического управления ВМФ И. В. Рогов и я. С чего начать? Поручили Галлеру набросать проект документа.

Через три дня собрались снова. На столе у меня уже лежал проект доклада. Суть его была такова: в целях пропаганды среди населения идеи строительства сильного морского и океанского флота просим Советское правительство учредить День Военно-морского Флота. И далее следовал перечень мероприятий, которые мы предлагали приурочить к этому празднику.

— Без споров не обойдется,— сказал Рогов.— Запаситесь кое-какими материалами.

Покопались в истории русского флота. В дореволюционной России на флоте устраивались разные торжества. Еще при Петре I зародилась традиция по случаю побед на море или на суше выстраивать корабли на Неве. "Пальбой из всех пушек" отмечались рождение наследника и коронация нового царя. Однако специального морского праздника в России никогда не было.

Вскоре после Великого Октября молодое Советское государство, заинтересованное в боеспособном Военно-Морском Флоте, стало привлекать к нему внимание трудящихся. По специальному решению ЦК РКП (б) с 15 по 22 января 1923 года в стране проводилась "Неделя Красного Флота". В эти дни состоялись многолюдные митинги и собрания,

трудовые субботники, организовывались сборы денежных средств. Мне попался в руки любопытный документ: за "Неделю Красного Флота" комсомольцы Петрограда собрали и передали балтийским морякам около 400 тысяч рублей, свыше [493] 1500 аршин сукна, 1100 пудов мыла, 500 пудов соли, 1750 пар ботинок и 1000 пар белья.

По существу, уже с тех пор, с двадцатых годов, на флотах стали обычаем морские праздники. В Октябрьскую годовщину, в Первوماй корабли выстраивались на рейдах, принимали гостей, моряки устраивали шлюпочные гонки, за которыми наблюдали десятки тысяч людей. Местные власти приморских городов организовывали массовые гулянья.

К нашей радости, никаких споров по поводу нового праздника в правительстве не возникло. Решением Совета Народных Комиссаров СССР от 23 июня 1939 года был учрежден День Военно-Морского Флота. Время проведения праздника нам было предложено определить самим. Мы выбрали конец июля, когда погода наиболее устойчивая. Даже Северный флот в это время может рассчитывать на теплый день.

К тому же флот в этот период успевает обучить новое пополнение. Таким образом, появляется возможность собраться на парад в полной готовности. Не беда, что праздник нельзя увязать с какой-нибудь знаменательной датой из героического прошлого флота,— сам день станет традиционным, поистине народным торжеством, какими стали все наши общегосударственные праздники.

На очередном докладе в Кремле я доложил, как мы представляем себе празднование Дня Военно-Морского Флота. По нашему мнению, этот день должен отмечаться на всех флотах и флотилиях как смотр достижений моряков в боевой и политической подготовке. Праздник должен сопровождаться парадами кораблей, массовыми гуляньями.

— Собственно, мы думаем целую неделю посвятить активной пропаганде

своего праздника для привлечения внимания страны к флоту,— сказал я и тут же почувствовал на себе вопросительные взгляды.

—Вы что, всю неделю собираетесь праздновать? — не без иронии заметил кто-то из присутствующих.

Я разъяснил, что эту неделю мы отводим на подготовку к первому торжеству.

И. В. Сталин, обычно ходивший около стола и только изредка останавливавшийся, чтобы подписать ту или иную бумагу, извлек из кармана брюк часы на цепочке, посмотрел на них и сказал:

— Думаю, будем считать вопрос решенным. [494] Приступайте к делу: времени у вас на подготовку не так много.

Да, нужно было спешить. Главный морской штаб, быстро отдал все необходимые указания флотам. И. В. Рогов и его подчиненные развернули соответствующую разъяснительную работу среди моряков, обратились за помощью к местным партийным и советским организациям. Привлекли к делу печать и радио.

Первый День Военно-Морского Флота пришелся на воскресенье 24 июля. За пять минут до подъема флага на кораблях сыграли "Большой сбор", команды выстроились в парадной форме. Везде она оказалась разной: на юге моряки щеголяли во всем белом, на Балтике — в белых форменках и черных брюках, а на Севере из-за холода матросы были в бушлатах.

Праздник повсюду прошел с большим подъемом. Широко он был отмечен и в Москве. В Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха имени А. М. Горького прошло торжественное собрание представителей трудящихся города и военнослужащих. В Химках, на Москве-реке был устроен водный праздник.

Вместе с военными моряками первый День Военно-морского Флота праздновали работники судостроительной промышленности, моряки

торгового флота и речники. У них было достаточно оснований считать своим делом достижения в строительстве и развитии Военно-морского Флота. Так вошел в жизнь страны новый праздник, который ежегодно отмечается всем народом.

Потсдам

В первой половине июня 1945 года начальник Генштаба генерал армии А. И. Антонов сообщил мне по телефону, что мне следует готовиться к поездке в Берлин.

14 июля еще затемно наш самолет оторвался от взлетной дорожки Центрального аэродрома и взял курс на запад. В 1936 году с этого же аэродрома я отправился в Испанию. Тогда пришлось сделать в Берлине лишь короткую остановку. Фашисты уже были полными хозяевами страны. На гражданском аэродроме молодчики в коричневых рубашках скидывали вверх руку, приветствуя друг друга.

Летели на небольшой высоте. С самолета были [495] хорошо видны наши разрушенные города и села — там прошли фашисты. Когда летели над Германией, ясно просматривались превосходные автостреды. В свое время немецкое командование планировало быстрое передвижение по ним войск для внезапных нападений на соседей. Но таковы уж превратности фортуны: по этим же автострадам советские войска шли на штурм фашистской столицы.

На огромном летном поле аэродрома Темпельгоф стояло много самолетов. В основном это были наши, советские, но, помнится, пока мы спускались по трапу, приземлилось несколько самолетов с американскими и английскими опознавательными знаками.

Нас встретили командующий Днепровской флотилией В. В. Григорьев и советский комендант Потсдама. Участие моряков в боях за Берлин было,

конечно, более чем скромным. Но все же приятно сознавать, что наши корабли и здесь повоевали.

Приезд главы советской делегации ожидался через два-три дня. У меня, таким образом, было время осмотреть Берлин. "Старые берлинцы" из Днепровской флотилии показали мне рейхстаг, на котором теперь развевалось алое Знамя Победы, Бранденбургские ворота, здание рейхсканцелярии. Проехали по широкой Унтер-ден-Линден, где попеременно с липами, на которых зеленела распутившаяся листва, стояли, а то и лежали на земле поврежденные снарядами и опаленные огнем деревья.

Командование Днепровской флотилии приготовило для приехавших на конференцию моряков особняк неподалеку от Потсдама. Как рассказывали, он принадлежал богачу Адлону, владельцу фешенебельных отелей во многих европейских столицах. Говорили, что, строя этот особняк на берегу озера, Адлоны решили поразить своих соседей всеми последними новинками строительной техники, изысканностью внутреннего убранства. Старик Адлон умер незадолго до падения Берлина, а бывшая хозяйка особняка жила где-то поблизости и, по словам моряков, зорко наблюдала, все ли содержится в порядке.

Я всего дня два прожил в этом особняке. Членов советской делегации разместили потом в Бабельсберге.

В Бабельсберге мы осмотрели дворец Цецилиенгоф, где должна была состояться конференция. Замок этот в свое время был сооружен для кронпринца. [496] Придворный архитектор построил его в стиле английских загородных дворцов. В замке 176 богато отделанных помещений. Строительство обошлось в 8 миллионов золотых марок. Перед первой мировой войной в нем поселился с семьей кронпринц Вильгельм фон Гогенцоллерн. После ноябрьской революции 1918 года

замок был национализирован, но в 1926 году снова возвращен Гогенцоллернам. Здесь они жили до марта 1945 года, а потом сбежали на Запад, прихватив с собой все ценности.

Бывая в Берлине, я вглядывался в лица немцев. Обыкновенные люди — усталые, измученные войной. Многие из них стояли в очередях у магазинов, работали на расчистке улиц. Очень вежливые, предупредительные. Мать-немка, как и все матери на земле, любовно заботилась о своих детях, рабочие ничем не отличались от наших, когда разбирали разрушенные дома. Даже временно поставленные наблюдать за порядком полисмены из немцев были в меру строгими и добродушными.

Наблюдая все это, невольно задаешься вопросом: почему же, возможно, не эти, но такие же немцы усердно выполняли преступные приказы по уничтожению невинных людей, жгли города и села, безжалостно морили голодом жителей осажденного Ленинграда?

Конечно, не только Гитлер повинен в этом. Когда фашизм взял верх в Германии, нашлось немало других "фюреров" большого и малого ранга, которые с готовностью пошли за своим кумиром, пообещавшим им мировое господство, богатство и полнейшую безнаказанность за любое преступление. И эта огромная шайка преступников сумела одурачить миллионы простых немцев, вооружить их и двинуть на порабощение соседних народов...

Главные военные преступники получили по заслугам. Вскоре после Потсдама начался Нюрнбергский процесс. Но сколько больших и малых "фюреров" спаслось от справедливой кары и пригрелось под крылышком своих западных покровителей!

Мы смотрели на немцев, но уже не чувствовали ненависти к ним. Чувствовали жалость. Сколько пришлось пережить этим обманутым

людям и как нелегко им будет твердо стать на путь новой жизни, к которой ведут теперь их подлинные друзья и руководители — немецкие коммунисты!

В Бабельсберге мы часто встречались с Антоновым, [497] прилетевшим в один день со мной. Его уже больше всего занимали дальневосточные проблемы. Он сообщил мне, что туда уехали маршалы А. М. Василевский, Р. Я. Малиновский и К. А. Мерецков. Начальник Генерального штаба интересовался состоянием и готовностью Тихоокеанского флота.

— Возможно, в ближайшие дни вам тоже придется поехать туда,— предупредил он.

К этому времени мы хорошо узнали друг друга. В победные дни весны 1945 года я особенно часто виделся с А. И. Антоновым. Он был загружен своими делами до предела, но никогда не отказывал в немедленном приеме, если я обращался к нему. Вообще это был талантливый, образованный и доступный человек, с которым очень легко работать.

16 июля мы встречали советских руководителей. За полчаса до прибытия поезда на перроне собрались Г. К. Жуков, А. И. Антонов, А. Я. Вышинский и автор этих строк.

Тщательно охраняемый вокзал был пуст. На фоне разрушенных зданий выделялся только что отремонтированный перрон. Мы сидели за небольшим столиком с телефонами, беседовали. Время от времени разговор прерывался: комендант докладывал о движении поезда.

Точно в назначенное время паровоз с несколькими вагонами подошел к платформе. Мы направились к тому вагону, в котором находился И. В. Сталин. Он вышел из вагона. Одет он был в свой обычный серый китель (хотя уже имел звание Генералиссимуса), тепло поздоровался с нами и, не задерживаясь на вокзале, сел в машину.

В Потсдам к этому времени прибыли многие участники Крымской

конференции. И. В. Сталин и В. М. Молотов представляли Советский Союз, У. Черчилль и А. Идеи — Великобританию, Г. Трумэн с государственным секретарем Д. Бирнсом — США. В советскую делегацию входили и мы с генералом А. И. Антоновым. Прибыли мои старые знакомые по Ялте — адмирал флота Леги — начальник штаба нового президента, адмиралы флота Э. Кинг — главнокомандующий военноморскими силами США — и Э. Канингхэм.

Мы часто встречались с ними в промежутках между заседаниями, беседовали, сообща радовались достигнутым успехам — победе над Германией. Наши [498] отношения оставались добрыми, по-настоящему союзническими. Разногласия, которые усилились в высших политических и дипломатических инстанциях, нас пока мало касались. С Э. Кингом мы не раз вели разговоры о предстоящих совместных действиях на Дальнем Востоке.

В Бабельсберге все выглядело торжественно. Приближался ответственный момент. Союзникам предстояло заложить фундамент послевоенного мира.

Вечером 17 июля состоялась первая встреча глав союзных делегаций. В зал старого деревянного дворца Цецилиенгоф из разных дверей одновременно вошли делегации Советского Союза, США и Англии.

Журналисты осаждали Цецилиенгоф. Никто из них не хотел упустить возможности запечатлеть это историческое событие. По словам Черчилля, журналистов было более ста восьмидесяти. Щелкали фотоаппараты, вспыхивали "блицы". Черчилль охотно позировал: газетная шумиха была ему на руку в связи с приближавшимися выборами. Но И. В. Сталин на второй день работы конференции предложил ограничить активность журналистов. Г. Трумэн поддержал его. У. Черчиллю не оставалось ничего другого, как согласиться с ними.

Было решено "журналистов впредь во дворец не пускать, и к этому вопросу больше не возвращаться". Это было закономерно: предстояло обсудить принципиально важные и сугубо секретные вопросы.

На первом заседании, по предложению И. В. Сталина, председательствовал Гарри Трумэн.

Уже с самого начала работы конференции нельзя было не заметить, какие огромные трудности предстоит преодолеть руководителям трех великих держав при решении таких политических вопросов, как проблема управления послевоенной Германией, установление новых границ, определение размеров репараций.

Послевоенные проблемы в общих чертах обсуждались и в Крыму в феврале 1945 года. Но тогда фашистская Германия еще не была окончательно разгромлена. Теперь пришел срок, как говорят, поставить все точки над "i", что и обнажило ряд разногласий как по принципиальным вопросам, так и по частным, вроде деления немецкого трофейного флота. Советским руководителям труднее всего было найти общий язык с англичанами, особенно с Черчиллем. Трумэн, как известно, тоже не отличался симпатиями к Советскому Союзу, [499] но Америка еще воевала с Японией и нуждалась в нашей помощи, поэтому с американцами договариваться было легче.

О конференции в Потсдаме уже много написано, и поэтому я остановлюсь лишь на менее известных ее сторонах.

Еще в Москве мне стало известно, что в Потсдаме будет рассматриваться вопрос о разделе трофейных немецких кораблей. Об этом мне однажды в Ставке сказал И. В. Сталин. Подробнее мы обсуждали этот вопрос с генералом А. И. Антоновым.

И. В. Сталин постоянно заботился о развитии советского флота. Это он в свое время выдвинул идею строительства большого морского и

океанского флота. Начавшиеся боевые действия вынудили свернуть начатую программу по судостроению. Но еще до окончания войны И. В. Сталин вновь стал задумываться над будущим флота. В апреле он спросил у меня, готовим ли мы, моряки, новую программу строительства судов, и велел при первой же возможности представить ему наметки программы.

— Подумайте и над тем, как мы сможем использовать трофейный немецкий флот,— сказал он тогда.

Главный морской штаб предварительно уточнил количество и местонахождение уцелевших немецких кораблей и судов. Эти данные я взял с собой в Потсдам.

Готовились мы не зря. Уже на одном из первых пленарных заседаний конференции возник вопрос о трофейном флоте. Поставил его И. В. Сталин. Помнится, как болезненно воспринял У. Черчилль даже постановку этого вопроса. Он считал, что раздел трофейного немецкого флота между союзниками на равные части вообще не правомерен. При этом он в качестве аргумента ссылался на то, что англичане во время войны понесли огромные потери на море, к тому же к моменту капитуляции большая часть немецкого флота оказалась в портах Англии и в оккупированных англичанами военно-морских портах Германии, Дании, Норвегии и Франции.

Возникла полемика. Мне никогда прежде не приходилось видеть Сталина таким рассерженным. А Черчилль даже вскочил, чуть не уронив кресло. Лицо его налилось кровью, он бросал резкие негодующие реплики. Сталин посоветовал на время отложить рассмотрение этого вопроса.

[500]

Я все носил в папке относившиеся к делу документы, но дни шли за днями, а о разделе немецкого флота будто совсем забыли. Не выдержав,

я как-то спросил, когда же вновь будет поднят этот вопрос.

— Не будем спешить, — спокойно ответил Сталин.— Надеюсь, в составе английской делегации скоро произойдет изменение. Вот тогда и возобновим разговор.

Его прозорливость и на этот раз подтвердилась. После выборов Черчилль уехал в Англию, его место занял Эттли.

Вечером 26 июля советская делегация давала ужин. Перед этим состоялись переговоры союзников с новым правительством Польши.

На переговорах я не присутствовал. На ужине рядом со мной оказался маршал К. К. Рокоссовский. Константин Константинович шепнул мне, что он только узнал, почему его неожиданно пригласили сюда.

— Меня сватают на польскую службу, — шепнул он мне.

Правда, назначение маршала Рокоссовского на пост министра обороны Польши произошло гораздо позднее — в 1949 году. Но сама мысль об этом назначении возникла и обсуждалась еще в Потсдаме.

Я был хорошо знаком с маршалом Рокоссовским, не раз встречался с ним в Ставке, на приемах. Талантливый военачальник, он пользовался огромным авторитетом в стране.

И в дни конференции наша делегация не отрывалась от жизни страны. Мы с Антоновым занимались своими повседневными делами. Находившийся вместе со мной адмирал С. Г. Кучеров с небольшой группой работников штаба следил за обстановкой на флотах и по сложившемуся правилу дважды в день докладывал мне. К этому времени наше внимание было больше всего сосредоточено на Тихоокеанском флоте, которому предстояло действовать. Помнится, несколько раз мы собирались в особняке начальника Генштаба генерала армии А. И. Антонова, обсуждая военные вопросы. Маршал Г. К. Жуков, как заместитель Верховного Главнокомандующего, однажды руководил одним

из таких совещаний.

Наконец главы держав вернулись к вопросу о трофейном флоте. Мне присутствовать при этом не довелось, я только прочитал в отчете: [501]

"Участники конференции в принципе договорились относительно мероприятий по использованию сдавшегося германского флота и торговых судов. Было решено, что три правительства назначат экспертов, которые совместно выработают детальные планы осуществления согласованных принципов".

Такая формулировка меня встревожила. Если на конференции не будет принято по этому вопросу твердое решение, дело может затянуться до бесконечности. При случае я высказал свое мнение И. В. Сталину. Он согласился со мной, и главы делегаций поручили военно-морским представителям согласовать вопрос тут же, на конференции, и немедленно представить на утверждение выработанный документ.

Вечером 31 июля состоялось совещание старших военно-морских начальников — членов делегаций. В нем участвовали адмиралы флота Э. Кинг, Э. Канингхэм и я, присутствовали дипломатические советники и флотские специалисты.

Прежде всего встал вопрос о председателе совещания. Я собирался предложить кандидатуру американского адмирала Э. Кинга, менее других заинтересованного в разделе трофеев. Однако он упредил меня и назвал мою фамилию, мотивируя это тем, что, мол, адмирал Кузнецов старше остальных по чину, поскольку он еще и морской министр.

Я понял, что в этом случае у нас будет лишний шанс на успешное решение вопроса.

— Я приму на себя почетную миссию председателя только при одном условии...— Я оглядел встрепенувшихся собеседников.— При условии, что мы не выйдем из этого помещения, пока не придем к определенному

решению.

Все заулыбались. С этим предложением пришлось всем согласиться.

Вопреки ожиданиям оба адмирала — и американец, и англичанин — на этот раз не столь рьяно возражали против раздела. Зато удивительным упорством отличался британский дипломат Робентсон. Каких только доводов он не приводил! Я еле успевал опровергать их.

Кстати, год или два спустя, как-то на приеме в Москве, в особняке МИД, Робентсон подошел ко мне и предложил тост за "умелое ведение совещания". Я с удовольствием осушил бокал: треть трофейного немецкого флота к тому времени уже находилась в наших базах. [502]

Так вот последним доводом Робентсона было:

— Ну как можно разделить на три равные части немецкие корабли, когда линкор там один, а крейсера два?

Дело, казалось, совсем зашло в тупик. Тогда я предложил разделить корабли на приблизительно равные группы, а затем, чтобы не было обидно, тянуть жребий.

Было уже далеко за полночь. Уставший Кинг заявил, что он согласен на любой вариант, лишь бы только поскорее. Канингхэм тоже не возражал. Согласился и Робентсон. Поручили экспертам составить три приблизительных списка, а сами пошли завтракать. Улучив момент, я доложил о нашем решении Сталину. Он выслушал и утвердительно кивнул:

— Приемлемо.

Оказалось, что даже приблизительно разделить немецкий флот на три части не так-то просто. Пришлось создать тройственную комиссию, в которую от Советского Союза вошел адмирал Г. И. Левченко, от США — контр-адмирал В. Пэрри и от Англии — вице-адмирал Дж. Майлс.

Вызванный в Потсдам Г. И. Левченко приступил к работе. 14 августа

комиссия в полном составе заседала в Берлине. Она по документам уточнила состав трофейного флота, какие из кораблей исправны, какие требуют ремонта, и затем разделила корабли на три приблизительно равные части. Бросили жребий. И в этом случае обид уже не было — каждому досталось то, что он вытянул.

Когда Левченко прибыл для доклада в Москву, я спросил его, как вел себя мой давний знакомый английский адмирал Майлс.

— Нормально. Даже предложил свою фуражку — из нее мы тянули свернутые в трубочку бумажки.

Союзники разделили между собой более 500 боевых кораблей, в том числе 30 подводных лодок (остальные как малопригодные решили затопить). Из вспомогательных судов признали подлежащими разделу 1339. Как видно из этих данных, игра стоила свеч, и не зря мы так горячо спорили в Потсдаме.

Не вдаваясь в подробности, хочу напомнить, что Советский Союз получил 155 боевых кораблей, в их числе крейсер, 4 эсминца, 6 миноносцев, несколько подводных лодок. Их использовали на флотах как учебные и вспомогательные суда. [503]

Раздел кораблей бывшего фашистского флота был одной из мер, направленных против возможности возрождения германского милитаризма с его реваншистскими устремлениями.

Главной задачей Потсдамской конференции было утверждение мира в Европе и выработка мер, обеспечивающих мирное сосуществование народов.

И тихоокеанцы сказали свое слово

Несмотря на памятные уроки у озера Хасан в 1938 году и на Халхин-Голе в 1939 году, милитаристское правительство Японии ждало только случая,

чтобы возобновить уже совместно с Германией военные действия против СССР.

В своих агрессивных планах японский империализм метил на захват всего советского Дальнего Востока с Сибирью, а также Камчатки (в Авачинской бухте Петропавловска японцы собирались создать главную северную базу японского флота на Тихом океане). Об этом без стеснения писала японская печать. Японские милитаристы создали у границ СССР два плацдарма: маньчжурский и курильско-сахалинский. Оккупировав Маньчжурию, японцы перебрасывают туда отборную Квантунскую армию и к осени 1941 года доводят ее численность до 750 тысяч человек. К тому же она подкрепляется еще войсками Маньчжоу-Го{84} в 180 тысяч человек и войсками монгольского князя Дэ-Вана в 12 тысяч человек. Кроме того, находящиеся в Северном Китае японские войска численностью до миллиона человек в любой момент могли быть переброшены в Маньчжурию. Непосредственно в метрополии японцы имели резерв сил в количестве 13 дивизий, которые также были готовы к переброске их в Маньчжурию или к высадке на советскую территорию.

На курильско-сахалинском плацдарме находилось 5 японских дивизий, предназначенных для наступательных действий против советского Сахалина и Камчатки. Численность японских войск у наших границ оставалась почти неизменной на протяжении всей войны.

В сентябре 1940 года в Берлине был подписан тройственный пакт между Германией, Японией и Италией, направленный против Советского Союза. [504]

Наше правительство делало все, чтобы удержать Японию на нейтральных позициях. 13 апреля 1941 года с Японией был подписан договор о нейтралитете. И. В. Сталин сам прибыл на вокзал, чтобы проводить японского министра иностранных дел И. Мацуоку, подписавшего договор.

На это обратил внимание весь мир: ни один министр иностранных дел не удостоивался еще такой чести.

Однако договор о нейтралитете не мог служить гарантией того, что Япония при благоприятных для нее условиях не выступит на стороне Германии. Вероломство японской военщины, которая фактически управляла страной, издавна было хорошо известно и по русско-японской войне и по агрессии Японии против Китая. Наконец, в памяти были свежи бои у озера Хасан и на Халхин-Голе.

2 июля 1941 года в Токио состоялась так называемая имперская конференция, подробно рассмотревшая военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке в связи с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. В принятой на конференции "Программе национальной политики" Японии указывалось: "Хотя наше отношение к германо-советской войне основывается на духе "оси" трех держав, мы в настоящее время не будем вмешиваться в нее и сохраним независимую позицию, секретно завершая в то же время военную подготовку против Советского Союза... Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему и обеспечит стабильность положения на Севере"{85}.

В соответствии с этим решением конференции японский генеральный штаб разработал план войны против СССР, зашифрованный под названием "Кантокуэн" (особые маневры Квантунской армии). Для осуществления плана, который предусматривал захват советского Дальнего Востока и значительной части Сибири, летом 1941 года была проведена мобилизация. Численность японских войск в Маньчжурии в течение двух месяцев была увеличена вдвое и к концу августа 1941 года достигла 600 тысяч человек{86}.

Только провал гитлеровского плана молниеносной войны заставил японских правителей воздержаться от прямой агрессии против СССР. [505]

Однако на протяжении всей войны Советского Союза с фашистской Германией Япония фактически нарушала договор о нейтралитете, оставаясь потенциальным союзником гитлеровского рейха. Так, уже 8 декабря 1941 года японское правительство вопреки международному праву объявило проливы Лаперуза, Сангарский и Корейский своими "морскими оборонительными зонами", поставив, таким образом, под контроль своих вооруженных сил Японское море и все выходы из него. В декабре 1941 года японцы потопили советские торговые суда "Кречет", "Свирьстрой", "Перекоп" и "Майкоп" и захватили суда "Симферополь" и "Сергей Лазо".

Когда с началом войны на Западе наши флоты на Севере, Балтике и Черном море начали первые постановки мин и приступили к развертыванию кораблей и частей, встал вопрос: а как быть с флотом на Дальнем Востоке? Готовность средств ПВО, рассредоточение кораблей и затемнение баз исключали, конечно, внезапность нападения японцев. Но при огромном преимуществе японского флота в силах было бы очень опасным опоздать с серьезными предупредительными мерами.

Обстановка на Дальнем Востоке настоятельно требовала приступить к минно-заградительным операциям. Однако я не мог отдать такой приказ без разрешения правительства: это была не только военная, но и политическая акция. Один из членов ГКО, вызвавший меня для устного доклада, с пристрастием выяснял, насколько действительно необходима постановка мин у дальневосточных берегов. Я доказывал, что она поможет флоту в защите побережья. Докладывая, я не скрывал и того, что какая-то часть мин, возможно, будет сорвана с якорей и унесена в

открытое море, а значит, появится у берегов Японии.

После моих настойчивых обращений разрешение наконец было получено.

12 июля 1941 года начались первые постановки мин в заливе Петра Великого, около Владивостока, а затем и возле других дальневосточных военно-морских баз. Корабли и суда оповестили об опасных для плавания районах. Чтобы на минные поля не зашли иностранные суда, в районе Владивостока организовали специальные корабельные дозоры.

С наступлением осенних штормов какую-то часть мин, как и следовало ожидать, сорвало с якорей. Господствующие в это время года северо-западные ветры [506] унесли мины в открытое море.

Но у командования Тихоокеанского флота стало спокойнее на душе, когда перед каждой базой появилась оборудованная минно-артиллерийская позиция. Прибрежные воды систематически просматривались с самолетов, а специально выделенные корабли уничтожали обнаруженные плавающие мины. Безопасность торговых судов на подходах к базам обеспечивали военные лоцманы.

С декабря 1941 года в связи с началом войны Японии против США, Англии и их союзников на Тихом океане обстановка на нашем Дальнем Востоке несколько разрядилась. Япония направила основные морские силы на юг.

Некоторое ослабление напряженности вблизи наших дальневосточных берегов, а главное — изменение в нашу пользу положения на советско-германском фронте позволили Тихоокеанскому флоту оказать действенную помощь фронту. Я уже писал, что тысячи тихоокеанцев в составе морских бригад приняли участие в боях под Москвой и на других сухопутных направлениях. Дальневосточники посылали другим флотам и корабли и отлично подготовленных командиров и матросов. В 1941 году не удалось усилить Северный флот переводом туда кораблей с Балтики,

поэтому решено было пополнить Северный флот кораблями с Тихого океана. В том же году с Тихого океана на пополнение Северного флота отправили шесть подводных лодок. Подводникам предстояло скрытно пересечь Тихий океан, где в поисках американских кораблей и транспортов курсировали японские лодки, спуститься к экватору, Панамским каналом пройти в Атлантику, миновать районы наиболее активных действий немецких лодок в северной части Атлантического океана, подняться выше Северного полярного круга — к 72° северной широты — и оттуда следовать в базы Северного флота. По договоренности с правительствами союзных держав нашим лодкам разрешался заход в порты Датч-Харбор на Алеутских островах, Сан-Франциско, Панаму, Галифакс в Канаде и Рейкьявик для приема топлива, продовольствия и для ремонта, если он потребуется. Лодки отправлялись попарно. 25 сентября 1942 года из Петропавловска-Камчатского вышли "Л-15", командиром которой был капитан-лейтенант В. И. Комаров, и "Л-16" под командованием капитан-лейтенанта Д. Ф. Гусарова. [507] Вслед за ними из Владивостока отправились четыре другие лодки.

11 октября, когда до Сан-Франциско оставалось 820 миль, на просторах Тихого океана вдруг раздался сильный взрыв. Над подводной лодкой "Л-16" взметнулся столб воды и дыма. Через 2—3 минуты она исчезла под водой со всем экипажем. Ее атаковала неизвестная подводная лодка. Сигнальщики другой нашей лодки, "Л-15", обнаружили 2 перископа. Артиллеристы "Л-15" выпустили по ним 5 снарядов, и перископы скрылись под водой.

Переход лодок оказался трудным. Шла война, и опасность подстерегала их в любой точке огромного пути.

Первой 24 января 1943 года пришла в Полярный подводная лодка "С-51", которой командовал капитан 3 ранга И. Ф. Кучеренко. Встретить лодку в

гавань прибыли командующий Северным флотом А. Г. Головкин, начальник отдела подводного плавания штаба контр-адмирал Н. И. Виноградов и командир бригады подводных лодок Герой Советского Союза капитан 1 ранга И. А. Колышкин.

Остальные лодки прибыли в марте — июне.

Это был первый за всю историю советского подводного флота столь долгий переход. Подводные лодки прошли через два океана — Тихий и Атлантический — и девять морей — Японское, Охотское, Берингово, Карибское, Саргассово, Северное, Гренландское, Норвежское и Баренцево. Каждая из них пробыла в море более 2200 часов и оставила за кормой 17 тысяч миль.

Отличная выучка подводников-тихоокеанцев, их стремление сразиться с фашистами помогли успешно завершить поход.

Прибывшие на Север лодки активно включились в борьбу с врагом. Их экипажи, продолжая вести боевой счет отважных подводников-североморцев, топили корабли и суда гитлеровцев. Вскоре за боевые заслуги перед Родиной подводная лодка "С-56" была удостоена звания гвардейской и награждена орденом Красного Знамени, "С-51" также стала Краснознаменной, а их бесстрашные командиры Григорий Иванович Щедрин и Иван Фомич Кучеренко получили высокое звание Героя Советского Союза. Эти и другие отличия, заслуженные тихоокеанцами в суровых арктических водах,— еще одно доказательство того, сколь действенной была помощь Тихоокеанского флота своему северному собрату. [508]

Подводные лодки того времени не идут ни в какое сравнение с современными. Но тогда мы считали их отличными.

Техника поистине развивается быстро, и темпы этого развития неимоверно ускоряются. То или иное открытие создает широкие

возможности для технического прогресса во многих смежных областях.

Мне хочется привести пример ускорения темпов развития техники, знакомой морякам из области подводного судостроения.

Прообразом подводной лодки можно считать "потаенное судно" народного умельца Ефима Никонова, которое он предложил еще в 1719 году. При первых испытаниях присутствовал Петр I. Идея заслуживала внимания, но техника не позволяла должным образом реализовать мечту. В середине XVIII века англичанин Симоне предложил подводную лодку, созданную на иных принципах, но правильная в основе своей мысль еще не могла стать реальностью. Исторически на очереди еще стояли паровые суда вместо парусных.

Во Франции, которая во времена Наполеона была сильна на суше и слаба на море, Фултон в 1800 году предложил построить подводную лодку "Наутилус" для борьбы с "владычицей морей" Британией. Такое судно было крайне необходимо. Однако попытка воплотить конструкторскую мысль в реальность оказалась безуспешной: идея далеко опередила технические возможности.

Ближе к реальности оказалась подводная лодка нашего соотечественника С. Дзевецкого, которую он испытывал в Одессе в конце 1879 года. Это было уже стальное судно, но надежность его действия под водой оказалась недостаточной. Идея плавать "потаенно" под водой временно была оставлена.

Подводные лодки были признаны годными для военных целей только в начале XX века. Окончательно в этом убедились в годы первой мировой войны. Ошеломляющие успехи подводных лодок (потопление в течение двух часов трех английских крейсеров, торпедирование русского крейсера "Паллада") дали мощный толчок развитию подводного оружия. Подводная лодка стала подлинно боевым подводным кораблем.

А через пятьдесят лет после первой мировой войны появились современные атомные подводные гиганты. Они плавают вокруг света без пополнения [509] топливом, ныряют под лед и всплывают точно на Северном полюсе...

Однако, восхищаясь темпами развития техники, я невольно уклонился от темы. Не ведя боевых действий до августа 1945 года, Тихоокеанский флот не только совершенствовал боевую выучку частей и кораблей, но и вносил значительный вклад в дело победы над фашистской Германией. Кроме того, через Владивосток все военные годы шли грузы из США. Тихоокеанцы по возможности оберегали транспорты от своих и японских мин, а временами, когда возникала опасность нападения японского флота, кое-где даже конвоировали их.

Япония медлила с выступлением против Советского Союза. Медлила, но вовсе не отказывалась от нападения. И нам приходилось быть постоянно настороже и держать на Дальнем Востоке значительные силы.

Командование Тихоокеанского флота держало флот в повышенной готовности, и Главный морской штаб внимательно следил за обстановкой на этом огромном морском театре. Вице-адмирал И. С. Юмашев не без основания беспокоился за побережье, а я постоянно напоминал ему, чтобы он не дал застигнуть себя врасплох. Мы старались передать ТОФ боевой опыт, полученный на западных морских театрах. Комфлота просил помочь ему выделением средств, но их неоткуда было взять, наоборот, мы заставили его выделить часть подводных лодок и авиации для усиления Северного флота.

Чем труднее складывалось у нас положение на западе, тем более вызывающе вели себя японцы. Это заставляло наше Верховное Главнокомандование постоянно держать на Дальнем Востоке войска соответствующей численности. Таким образом, хотя Япония медлила с

нападением на нашу страну, ее агрессивное поведение являлось косвенной помощью фашистской Германии.

К лету 1945 года военная и экономическая мощь Японии была в значительной мере ослаблена. Но ее правительство путем упорного сопротивления рассчитывало добиться заключения мира на выгодных для себя условиях. Наступательные операции американско-английских вооруженных сил на Тихом океане развивались крайне медленно. Так, например, бои за небольшой остров Окинава длились около трех месяцев, хотя [510] против восьмидесятитысячного гарнизона острова было брошено более 450 тысяч американских солдат и офицеров, 1317 кораблей и 1727 самолетов. Американцы потеряли здесь 48 025 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 34 корабля и 763 самолета, 368 американских кораблей были повреждены. Такой ход боев не предвещал скорого окончания войны. Не случайно союзники на Потсдамской конференции, как и в Ялте, настаивали на быстрейшем вступлении СССР в войну с Японией.

Точно о дне и часе нашего выступления и на Потсдамской конференции сказано не было. Но я знал, что приготовления идут полным ходом и что война на Дальнем Востоке начнется в первой половине августа.

Во время работы Потсдамской конференции начальник Генштаба А. И. Антонов на очередном совещании членов нашей делегации спросил меня о готовности Тихоокеанского флота к боевым действиям. Я ответил вопросом: к какому сроку должен быть готов флот? Алексей Иннокентиевич уклончиво ответил: сроки приближаются. Я заверил, что Тихоокеанский флот и Амурская флотилия в основном уже закончили подготовку, и мы, моряки, просим об одном: чтобы нас предупредили хотя бы за несколько дней до начала боевых действий. Мне это обещали. Подготовка к операции шла в обстановке всемерной секретности.

Переброска войск и техники проводилась скрытно. Даже многие лица высшего командного состава ехали на Дальний Восток под чужими именами.

Когда конференция подходила к концу, И. В. Сталин спросил меня, не собираюсь ли я на Дальний Восток. Я ответил, что намерен после конференции на один-два дня задержаться на Балтийском флоте.

— Медлить не следует,— заметил Верховный.

Эти слова подтвердили мою догадку, что сроки начала войны совсем близки.

Уже там, в Потсдаме, я узнал, что на меня возлагается координация действий Тихоокеанского флота и Амурской флотилии с действиями сухопутных войск.

8 августа 1945 года по радио было объявлено решение Советского правительства о вступлении в войну против Японии. Советский Союз преследовал справедливые и благородные цели: ликвидировать последний очаг агрессии и ускорить окончание второй мировой войны, изгнать японских захватчиков из Маньчжурии [511] и Кореи и тем самым оказать содействие китайскому и корейскому народам в их освободительной борьбе против империалистического рабства, вернуть нашей стране исконно русские земли — Южный Сахалин и Курильские острова.

В это время я уже летел в Читу. Моим летчиком был полярник майор А. И. Бехтинов. В Иркутске, несмотря на предостережение метеорологов о плохой погоде на трассе, он заявил: "Доберемся благополучно".! И снова блеснул своим искусством: в дождь, при низкой облачности, маневрируя между горами, он нашел нужный аэродром. Никто нас не ожидал: все считали, что в такую погоду лететь невозможно.

— Откуда вы взялись?— удивился маршал А. М. Василевский, когда я

вошел к нему на КП.

А. М. Василевский, назначенный главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, познакомил меня с обстановкой и замыслом операции.

План Ставки Верховного Главнокомандования предусматривал стремительное наступление одновременно на трех направлениях — из Приморья, из района Хабаровска и со стороны Забайкалья, с тем чтобы расчленить и уничтожить по частям Квантунскую армию.

Руководство всей кампанией было возложено на маршала А. М. Василевского. На западной границе Маньчжурии был развернут Забайкальский фронт, которым командовал маршал Р. Я. Малиновский, на северо-восточной границе — 2-й Дальневосточный фронт под командованием генерала армии М. А. Пуркаева, а на востоке, упираясь своим флангом в Японское море, сосредоточились войска 1-го Дальневосточного фронта под командованием маршала К. А. Мерецкова. Тихоокеанским флотом командовал адмирал И. С. Юмашев, Амурской флотилией — контр-адмирал Н. В. Антонов.

Советское правительство объявило войну Японии 8 августа, а в ночь на 9 августа начались боевые действия.

Наступая одновременно с трех направлений, наши войска начали продвижение. Они преодолевали труднопроходимую, сильно пересеченную высокими хребтами местность. Сражения начались по фронту, протянувшемуся на пять тысяч километров.

Сразу же в боевые действия включились наши моряки.

Тихоокеанский флот (командующий адмирал И. С. Юмашев, член Военного Совета генерал-лейтенант [512] береговой службы С. Е. Захаров, начальник штаба вице-адмирал А. С. Фролов) к тому времени имел в своем составе 2 крейсера, 1 лидер эсминцев, 12 эсминцев и

миноносцев, 78 подводных лодок, 204 торпедных катера, десантные суда, тральщики и другие корабли. ВВС Тихоокеанского флота насчитывали более 1,5 тысячи самолетов. Японский флот к августу 1945 года имел до 500 боевых кораблей. Хотя основные силы его были отвлечены на борьбу против военно-морских сил США, мы не могли забывать, что японцы имеют возможность быстро перебросить свои корабли в Японское море.

Еще до начала войны СССР с Японией были определены зоны действия морских, воздушных и сухопутных сил Советского Союза и США. Разграничительная линия между зонами проходила в 90—120 милях от материка в Японском море и в 15—25 милях от нашего побережья в Тихом океане и Беринговом море.

Тихоокеанский флот был переведен на оперативную готовность № 1 еще на рассвете 8 августа 1945 года. Торговые суда укрылись в заранее установленных пунктах, а на морских коммуникациях была введена система конвоев. К старым минным заграждениям, поставленным еще в 1941 году, пришлось добавить новые.

Флоту следовало в первые же дни войны высадить ряд десантов на Корейском полуострове. Кроме того, на флот и Северную Тихоокеанскую флотилию возлагались оборона всего морского побережья и нарушение коммуникаций противника. Ближайшими портами, через которые могли поступать грузы и войска для Квантунской армии, были Юки, Расин и Сейсин. К высадке десантов в этих портах и был подготовлен флот. По сведениям разведки, порты охраняла сильная береговая артиллерия. Наиболее укрепленным считался порт Сейсин, где находились гарнизон до 4 тысяч человек и сильная береговая оборона.

Для поддержки наших десантов были использованы дивизии пикировщиков и штурмовиков. Одновременно с воздушными налетами на

порты должны были нанести удар наши торпедные катера. Их действиями руководил командир 1-й бригады торпедных катеров капитан 2 ранга П. Ф. Кухта, а дивизионами катеров — капитаны 3 ранга К. В. Казачинский, С. П. Кострицкий и капитан-лейтенант М. Г. Малик.

Первые атаки с воздуха и с моря были смелыми и [513] удачными. Уже к 11 августа создалась благоприятная обстановка для высадки десантов в портах Юки и Расин, что и было сделано в течение двух дней, несмотря на плохую погоду. Захват этих портов позволил приступить к боям за Сейсин. Для этого потребовались более крупные силы. В десант вошли 335-я стрелковая дивизия, 13-я бригада и 355-й батальон морской пехоты Тихоокеанского флота. Командиром высадки назначили капитана 1 ранга А. Ф. Студеничникова, а десант возглавил командир бригады морской пехоты генерал-майор В. П. Трушин.

Бои за Сейсин были чрезвычайно тяжелыми. Японцы бросали в бой все новые и новые подкрепления. Первому эшелону, состоявшему из 355-го батальона морской пехоты, в течение только одной ночи (на 15 августа) пришлось отбить четырнадцать вражеских атак.

Несмотря на фанатически упорное сопротивление противника, 16 августа военно-морская база Сейсин была занята десантными частями флота и 335-й стрелковой дивизией из состава Чугуевской оперативной группы.

Мне доложили, что в этих боях отличился флагманский артиллерист сторожевых кораблей капитан 3 ранга Г. В. Терновский. Когда наши десантники в порту оказались в тяжелом положении, Терновский сформировал отряд из двадцати пяти моряков с кораблей и с ними высадился на берег.

— Это не тот ли Терновский, что служил на Черном море?— спросил я.

— Тот самый.

Я хорошо помнил Терновского еще по Новороссийску. Там он

прославился тем, что поставил "катюши" на торпедные катера. Реактивные установки на море оказались грозным оружием. С легкой руки Терновского в конце войны "катюши" появились на многих кораблях.

За свой подвиг в Сейсине Г. В. Терновский был удостоен звания Героя Советского Союза.

После освобождения Юки, Расина и Сейсина генерал-лейтенант С. И. Кабанов, назначенный командующим Южным морским оборонительным районом, получил возможность организовать оборону портов, чтобы там могли базироваться наши корабли.

В середине августа мы вместе с А. М. Василевским вылетели из Читы в Приморье. Маршал хотел лично проследить за действиями 1-го Дальневосточного [514] фронта, а мне в эти дни следовало быть ближе к штабу флота. Погода в момент вылета была сносной, но примерно на полпути от Хабаровска самолет попал в сильные грозовые облака. Молнии сверкали совсем рядом, а ливень буквально ослеплял летчиков. Все же удалось пилоту отыскать площадку, пригодную для посадки. Еле приземлились. Видимости никакой. Оказались мы на небольшом полузаброшенном аэродроме. Имевшаяся на нем рация, как и рация самолета, обладала небольшой дальностью. Чтобы связаться со штабом и с Москвой, Александру Михайловичу пришлось добираться до ближайшей железнодорожной станции. А на следующее утро небо было ясным, и мы спокойно добрались до Уссурийска. До чего же переменчива погода на Дальнем Востоке!

Вместе с А. М. Василевским мы побывали в штабе 1 го Дальневосточного фронта. Маршал К. А. Мерецков с похвалой отозвался о действиях моряков-тихоокеанцев.

На другой день я вылетел во Владивосток.

На флагманском командном пункте Тихоокеанского флота меня познакомили с подробностями боев за Сейсин и планом предстоящего крупного десанта в Гензан. Северная Тихоокеанская флотилия в это время уже приступила к борьбе за острова Курильской гряды и южной части Сахалина.

Операции шли по плану. Кое-где японцы еще оказывали упорное сопротивление. Оправдались наши заботы о том, чтобы тихоокеанцы настойчиво овладевали боевым опытом других флотов. Сейчас здесь было немало командиров, участвовавших в боях на Черном море, Балтике, на Севере. Такими были, например, генерал С. И. Кабанов, а также начальник штаба флота вице-адмирал А. С. Фролов, с которым я встречался еще в трудные дни 1942 года на Керченском полуострове. Сейчас он со знанием дела планировал десантные операции.

В общем дела шли хорошо. Победа над фашистской Германией как бы зарядила дальневосточников и тихоокеанцев на скорую победу. Моральное состояние наших войск было высоким, никакие препятствия не могли остановить их порыва.

Командующего Тихоокеанским флотом адмирала И. С. Юмашева я знал давно. На Черном море, когда я служил на крейсерах, И. С. Юмашев командовал эсминцем, а затем дивизионом миноносцев. Под его командованием мне довелось служить в 1935— 1936 годах, [515] когда он возглавлял бригаду крейсеров.

На редкость спокойный, отлично знающий свое дело моряк, Юмашев в 1937 году был назначен командующим Черноморским флотом. А в марте 1939 года, когда встал вопрос о назначении опытного моряка на Тихоокеанский флот, я без колебаний назвал именно его. Мы вместе с ним направились тогда во Владивосток. В течение недели я знакомил его с флотом. Я был спокоен: лучшего командующего трудно желать.

К началу войны с японцами И. С. Юмашев уже отлично изучил этот огромный морской театр. Сейчас он превосходно руководил боевыми действиями флота.

Владимир Александрович Андреев, возглавлявший Северную Тихоокеанскую флотилию, имел за плечами немалый боевой опыт, участвовал в обороне Одессы и Севастополя, в феодосийском десанте. Теперь он руководил действиями моряков в боях за освобождение Южного Сахалина. Наиболее трудной была десантная операция в порту Отомари. Японцы здесь сопротивлялись особенно упорно, но в конце концов вынуждены были сложить оружие.

15 августа главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке А. М. Василевский предписал командующему Тихоокеанским флотом адмиралу И. С. Юмашеву и командующему 2-м Дальневосточным фронтом генералу армии М. А. Пуркаеву провести операцию по освобождению островов северной части Курильской гряды.

Военный совет флота, оставив за собой общее руководство операцией, непосредственное осуществление ее возложил на командующего войсками Камчатского оборонительного района генерал-майора А. Р. Гнечко и командира Петропавловской военно-морской базы капитана 1 ранга Д. Г. Пономарева.

Замысел операции состоял в том, чтобы внезапной высадкой морского десанта в северо-восточной части острова Шумшу нанести главный удар в направлении военно-морской базы Катаока, овладеть островом и, используя его как плацдарм, в последующем овладеть островами Парамушир и Онекотан.

В дни, когда тихоокеанцы осуществляли эти операции, во Владивосток прилетел маршал А. М. Василевский. Он выслушал доклад командующего флотом и поторопил с завершением боевых действий. Маршал побывал

на кораблях. Александр Михайлович с присущей [516] ему теплотой беседовал с моряками. Я видел, как восторженно люди встречали этого прославленного военачальника. Мне довелось много раз иметь дело с маршалом А. М. Василевским, и я давно убедился, что это талантливый, культурный во всех отношениях человек.

Перед возвращением в Москву я побывал на Амурской флотилии. Ее 4 бригады речных кораблей и 2 бригады бронекатеров— более чем 200 вымпелов — активно участвовали в разгроме милитаристской Японии. Мне особенно понравились мониторы флотилии. Эти небольшие, но исключительно хорошо сконструированные корабли оказались самыми удачными для тесного взаимодействия с сухопутными войсками. Они заходили далеко в тыл врага, обеспечивали переправы, высаживали десанты, оказывали им огневую поддержку.

Командовал флотилией контр-адмирал Н. В. Антонов, членом Военного совета был контр-адмирал М. Г. Яковенко, начальником штаба — капитан 1 ранга А. М. Гущин. Ко времени боевых действий против Квантунской армии флотилия пополнилась новыми бронекатерами, а их экипажи и командиры уже накопили достаточный боевой опыт в сражениях на Днепре, Дунае, Волге.

Полноводный Амур запомнился мне хорошо еще в довоенные годы, когда я служил на Дальнем Востоке. В иных местах, особенно в устье в районе Николаевска, он прямо-таки напоминал море — такая неоглядная ширь.

Основные силы флотилии, доложил мне Н. В. Антонов, начали боевые действия на реке Сунгари. Оказав войскам помощь в занятии городов Цзямусы, Саньсин, флотилия двинулась на Харбин, который был взят 20 августа. А перед этим наступлением флотилия почти целую неделю обеспечивала форсирование Амура войсками 15-й и 2-й армий. Она высаживала десанты при захвате города Сахалина, переправляла войска

из Благовещенска в Сахалин. А когда Сахалин захватили, началась высадка десанта в укрепленном секторе Айхгуньцунь, где противник имел сильную оборону. Сюда по приказанию командующего 2-й армией с целью поддержки наших войск артиллерийским огнем были направлены монитор "Активный" (командир капитан-лейтенант П. Ф. Коптев), канонерская лодка "Красная звезда" (командир капитан-лейтенант А. Н. Тарасов) и отряд бронекатеров с реактивными установками (командир дивизиона капитан 3 ранга А. Я. Бакалец). Они [517] помогли войскам занять город Цикэ. В результате от противника было очищено все правое побережье верхнего и среднего Амура, что обеспечило свободное плавание наших кораблей. Тем самым были созданы плацдармы для дальнейшего наступления сухопутных частей. Словом, флотилия помогла прорывать оборону противника, овладевать городами, уничтожать совместно с войсками окруженные группировки японских войск, высаживать десанты.

Остановлюсь еще на одной операции флотилии. Оставив Тунцзян, противник отходил по дороге Тунцзян — Фуцзинь, а затем вверх по реке Сунгари. Фуцзинь был важной армейской и речной базой японцев. 11 августа мониторы "Ленин" (командир капитан-лейтенант А. К. Павлов), "Сунь Ятсен" (командир капитан 3 ранга В. Д. Корнер) и бронекатера устремились вверх по реке. На борту кораблей следовали два батальона и штурмовая рота морской пехоты. Пройдя километров 15—20, монитор "Ленин" высадил на берег один из батальонов, который начал двигаться параллельно реке прямо на Фуцзинь. Затем корабли под вражеским огнем ворвались на рейд Фуцзиня и высадили десант на причалы. В это время с севера в город вошла 171-я танковая бригада. Общими усилиями Фуцзинь был взят.

Нашим кораблям приходилось двигаться вверх по Сунгари, местами

преодолевая серьезные преграды:

сплошной поток бревен и плотов, пущенных японцами с верховьев реки, упавшие фермы взорванных железнодорожных мостов. Моряки все-таки отыскивали фарватеры и продолжали двигаться к намеченным целям. По пути была захвачена и разоружена Сунгарийская речная флотилия японцев.

В том, что в течение нескольких дней нашими войсками была разгромлена 750-тысячная Квантунская армия, есть заслуга и моряков Амурской флотилии.

Успешные действия флотилии высоко оценены правительством — 3315 ее моряков, старшин и офицеров были награждены орденами и медалями, 7 удостоены звания Героя Советского Союза. Вот их имена: контр-адмирал Н. В. Антонов, капитан 1 ранга М. Г. Воронков, капитан 3 ранга В. Д. Корнер, капитан-лейтенант И. А. Хворостьянов, капитан-лейтенант Л. Н. Пантелеев, капитан С. М. Кузнецов, старший лейтенант И. А. Сорнев и старшина 1-й статьи Н. Н. Голубков.

За отвагу экипажей мониторы "Сунь Ятсен" и "Свердлов", [518] канонерские лодки "Красная звезда" и "Пролетарий", 1-й отдельный дивизион бронекатеров, 1-й отряд бронекатеров стали гвардейскими.

Бригады флотилии получили наименования: 1-я Харбинская Краснознаменная, 2-я Амурская Краснознаменная, 3-я Уссурийская ордена Нахимова I степени и 4-я Амурская ордена Ушакова I степени.

Находясь на Дальнем Востоке, я дважды разговаривал с И. В. Сталиным по телефону. Как-то, выслушав мой доклад об обстановке на море, он шутя спросил:

— Все еще воюете?

Тогда наши части высаживались на последний остров Курильской гряды — остров Кунашир.

— На Хоккайдо высаживаться не следует,— так же шутливо предупредил .Верховный.

— Без приказа не будем,— ответил я. Через несколько дней меня снова позвали к телефону. Верховный спросил, когда я вылетаю в Москву.

— Не задерживайтесь. Надо решать вопрос о новой судостроительной программе.

В правительстве уже думали о будущем нашего Военно-Морского Флота.

После этого разговора с Москвой я побывал еще в Хабаровске, где встретился с А. М. Василевским, Р. Я. Малиновским, К. А. Мерецковым, М. А. Пуркаевым. Мы подвели итоги этой молниеносной кампании.

Рано утром я вылетел в Москву. Всю дорогу — а на "Дугласе" путь с Дальнего Востока до столицы занимал полтора суток — я сидел с карандашом в руке, прикидывал, какие нам нужно строить корабли. На память приходили еще довоенные годы и первые наброски "большого морского и океанского флота".

В годы войны мне доводилось бывать в наших крупных судостроительных центрах. С горечью смотрел на недостроенные линкоры и тяжелые крейсера, стоявшие на стапелях или у стенок заводов. Их не успели перед войной ввести в строй. Они были запланированы большой судостроительной программой, которую нам не дала реализовать война. Помню, у меня еще в тридцатых годах возникало сомнение по поводу линкоров: каким образом и куда мы будем выводить их из мелководной Балтики и закрытого Черного моря, если война начнется неожиданно? (...)

Опыт войны показал возросшую роль авиации и на сухопутном фронте и на море. Огромные линкоры [519] оказались беззащитными перед авиацией. Чтобы их прикрывать, нужны были десятки истребителей. Американские линейные корабли стали жертвой японской авиации в

Перл-Харборе. Впоследствии американцы выводили их в океан только в сопровождении авианосцев. Не имея воздушного прикрытия, фашисты были вынуждены прятать свой линкор "Тирпиц" в норвежских фьордах, пока его в конце концов не потопили своими шеститонными бомбами английские самолеты "ланкастер". Думается, роль авианосцев поняли не только США, но и англичане и немцы, но быстро соорудить такие сложные корабли в ходе войны нелегко.

У нас война с Германией носила прежде всего континентальный характер, и нам не потребовались корабли крупнее, чем крейсера. Линейные корабли действовали лишь от случая к случаю.

А вот наша флотская авиация поработала в войну много и успешно. Она часто решала успех боя и на суше и на море, нанося чувствительные удары по вражеским коммуникациям, портам, базам. Там, где было достаточно самолетов, мы с помощью авиаторов решали такие задачи, которые раньше осуществляли только с помощью кораблей.

Немало славных страниц вписали в историю нашего Военно-Морского Флота подводные лодки, особенно на Северном флоте.

Наметки новой судостроительной программы вырисовывались пока только вчерне. В Москве я посадил за работу своих ближайших помощников, и в первую очередь, конечно, начальника Главного морского штаба.

Постепенно наши мысли отлились в определенные цифры проекта судостроительной программы, главные идеи которой основывались на изучении богатейшего опыта войны.

В том же 1945 году мною был представлен десятилетний план проектирования и судостроения. В этом плане основными классами боевых кораблей были названы авианосцы (большие и малые), крейсера с 9-дюймовой артиллерией, подводные лодки, эсминцы и т. д.

Споры, проходившие в процессе обсуждения, касались в основном авианосцев, на которых я настаивал и которые не принимались к постройке. По крейсерам больших споров не было. По эсминцам шли очень горячие споры. Я категорически возражал против строительства большого числа старых эсминцев проекта № 30, [520] так как они не имели универсальной артиллерии. Очень много говорили о новых типах подводных лодок, которые нам уже были известны. Вопрос о тяжелом крейсере с 12-дюймовой артиллерией при мне даже не стоял, хотя Министерство вооружения не раз, как я помню, рекомендовало 12-дюймовую пушку.

Когда споры о новой программе находились в самом разгаре, я был снят с должности{87}. Таким образом, программа послевоенного судостроения окончательно обсуждалась и была принята без меня, вопреки моему мнению, без учета моих предложений. Строительство этих кораблей в основном также прошло в мое отсутствие (1946—1951 гг.).

Я же лично все время считал самыми крупными ошибками в послевоенном судостроении появление в строительстве тяжелого крейсера, строительство большого числа эсминцев проекта № 30, продолжение строительства старых подводных лодок проекта № 15.

По всем этим вопросам имеется большая переписка, особенно о неполноценности эсминцев проекта № 30. Я поднимал эти вопросы и после своего возвращения в 1951 году на работу в Москву на должность министра Военно-Морского Флота.

Мною были приняты все меры для скорейшего перехода на новые эсминцы, неоднократно докладывалось о необходимости строительства десантных судов и авианосцев.

В докладе № 2222 от 1 сентября 1951 года я написал, какими старыми кораблями мы обладаем, и просил принять ряд срочных мер.

Не утверждаю, что в то время я стоял на самых правильных позициях и умел предусмотреть самое новое, но утверждаю, что если бы были приняты мои предложения, то к 1952—1953 гг. мы имели бы авианосцы, подводные лодки, десантные корабли, крейсера, сильные в зенитном отношении, которые не трудно было бы переделать в ракетные, имели бы самые современные эсминцы и т. д.

Флот должен быть сбалансирован исходя из задач, стоящих перед Вооруженными Силами страны. Только это определит соотношение надводного и подводного флота, классов кораблей, типов самолетов, вооружения. Следует также учитывать, что изменилась обстановка, изменились средства вооруженной борьбы.

Все это учитывается сейчас. Наш флот строится с [521] учетом опыта минувших войн и на основе научного предвидения на будущее.

Уже в Москве я увидел в газете Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 года о награждении большой группы моряков Тихоокеанского флота, Амурской и Северной Тихоокеанской флотилий. Нашел здесь и свою фамилию. И. С. Юмашеву, Н. В. Антонову и мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

Через несколько дней М. И. Калинин вручил мне Золотую Звезду и орден Ленина. Конечно, я переживал большую радость. И вместе с тем сознавал, что это оценка не только и не столько моего труда, но прежде всего признание героизма советских моряков, заслуг всего нашего флота перед социалистической Родиной. Высокая награда обязывала работать еще больше и еще лучше.

Немеркнущая слава

Вскоре после войны мне на глаза попала книга Э. Стеттиниуса "Рузвельт и русские". Есть в ней такие строки: "Американскому народу

следует помнить, что в 1942 году он был недалек от катастрофы. Если бы Советский Союз не смог удержать свой фронт, немцы получили бы возможность захвата Великобритании. Они смогли бы также захватить Африку, и в этом случае им удалось бы создать свой плацдарм в Латинской Америке".

Так писал не кто-нибудь, а тогдашний государственный секретарь США, которому было известно истинное положение дел.

Ныне, когда от войны нас отделяют десятилетия, некоторые зарубежные историки изводят горы бумаги в бесплодных попытках умалить роль Советских Вооруженных Сил в разгроме фашизма — злейшего врага человечества. В искаженном свете выглядят в их писаниях и боевые действия советских моряков.

Одним из таких примеров может служить книга кадрового разведчика командора в отставке Р. Херрика, выпущенная военно-морским институтом США с предисловием адмирала в отставке А. Бэрка. Автор без зазрения совести заявляет, что советский Военно-Морской Флот не умел приспособить свою стратегию к [522] сочетанию стратегической обороны с тактическими наступательными действиями... В таком же духе рассуждает американский историк Гартхоф, зачеркивая все, что в свое время говорилось американскими политическими и военными деятелями в прошлом, когда роль Советских Вооруженных Сил в борьбе с врагом была очевидной, неопровержимой и когда против фактов выступать было невозможно.

На основе тщательного изучения документов — советских, английских, американских, немецких, японских — Главный морской штаб подводит итоги боевых действий наших флотов за время Великой Отечественной войны.

На самом же деле в период Великой Отечественной войны наш флот смог

не только отразить внезапное нападение врага, но и перейти к решительным действиям на всех военно-морских театрах. Действия флотов с первых же дней войны сочетались с общей стратегией Вооруженных Сил. Иначе не могло и быть. Этому учили нас, моряков, еще в предвоенный период, это было зафиксировано в наших оперативно-тактических документах и проверялось на всех больших и малых учениях.

Когда обстановка требовала, Военно-Морской Флот — корабли, авиация, береговая оборона и части морской пехоты,—тесно взаимодействуя с сухопутными войсками, оказывал фронтам посильную помощь на приморских направлениях. Все действия были подчинены задачам, поставленным Верховным Главнокомандованием.

В результате за время Великой Отечественной войны флотами было уничтожено около 1300 транспортов водоизмещением свыше 3 миллионов тонн и более 1200 боевых кораблей и вспомогательных судов противника.

Авиация флота совершила в общей сложности 384 тысячи самолетовылетов и уничтожила до 5000 вражеских самолетов. Флотами было высажено более сотни морских десантов общей численностью около 330 тысяч человек. В десантных операциях участвовало до двух тысяч боевых кораблей и несколько тысяч вспомогательных судов.

Именно активные действия наших флотов, их высокая боевая готовность сковывали военно-морские силы врага, пресекали их попытки нанести удары по советским войскам, действовавшим на побережье. Будь наши флоты хоть в какой-то мере пассивны, как хочется доказать таким историкам, как Р. Херрик или Гартхоф, [523] фашистский флот, безусловно, не упустил бы возможности воздействовать на фланги наших фронтов с моря.

Советским Военно-Морским Флотом было за годы войны перевезено через различные водные преграды около 10 миллионов человек и более 94 миллионов тонн различных грузов. Это тоже вклад моряков в выполнение общей задачи.

Родина высоко оценила подвиг советских моряков. Все наши флоты и почти все флотилии стали Краснознаменными. Сотни тысяч моряков с гордостью носят боевые награды, которыми отмечены их героизм и мужество.

Славу нашего Военно-Морского Флота свято берегут и умножают новые поколения советских военных моряков.